

УРАЛЬСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Научно-практический журнал. Учрежден федеральным государственным казенным образовательным учреждением высшего образования «Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации». Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-63039 от 10 сентября 2015 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Редакционный совет:

Председатель

Гусев А.В., к.ю.н., доцент

Члены редакционного совета:

Базаров Р.А., д.ю.н., профессор; Балакшин В.С., д.ю.н., профессор; Бозров В.М., д.ю.н., профессор; Гончаров Д.Ю., д.ю.н., доцент; Грибунов О.П., д.ю.н., профессор; Давлетов А.А., д.ю.н., профессор; Дарменов А.Д., к.ю.н., доцент; Дегтярев С.Л., д.ю.н., профессор; Карасёв А.Т., д.ю.н., профессор; Кодан С.В., д.ю.н., профессор; Майоров В.И., д.ю.н., профессор; Мансуров Г.З., д.ю.н., профессор; Осинцев Д.В., д.ю.н., профессор; Савоськин А.В., д.ю.н., доцент; Семьякин М.Н., д.ю.н., профессор; Смыкалин А.С., д.ю.н., профессор; Стельмах В.Ю., д.ю.н., доцент; Татьяна Л.Г., д.ю.н., профессор; Шабуров А.С., д.ю.н., профессор; Шнарбаев Б.К., д.ю.н., доцент

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Голубых Н.В., к.ю.н., доцент

Зам. главного редактора

Маслов В.А., к.ю.н., доцент

Члены редакционной коллегии:

Аюпова Г.Ш., к.ю.н.; Головизнин А.В., к.ю.н.; Гребенщикова И.В., к.ю.н., доцент; Дерюгин Р.А., к.ю.н., доцент; Макарова Ю.А., к.ю.н.; Казанцев А.О., к.ю.н., доцент; Климович Ю.С., к.ю.н., доцент; Кокорин Д.Л., к.ю.н., доцент; Крысанов А.В., к.ю.н., доцент; Курилов С.И., к.ю.н.; Лаппо Е.А., к.ю.н., доцент; Макеева И.С., к.ю.н., доцент; Носкова Ю.Б., к.ю.н., доцент; Орлов К.А., к.ю.н., доцент; Пересадица О.В., к.ю.н.; Сазон К.Д., к.ю.н., доцент; Спирин А.В., к.ю.н., доцент; Сергеев Д.Н., к.ю.н., доцент; Хамидуллин Р.С., к.ю.н.; Щетинина Н.В., к.ю.н., доцент; Харламова А.А., к.ю.н., доцент

Ответственный секретарь Кудоярова Г.Р.

Редактор Бебих И.Б.

Переводчик Гузикова В.В.

Научно-практический журнал «Вестник Уральского юридического института МВД России» является рецензируемым периодическим научным печатным изданием, предназначенным для опубликования результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по отрасли юридические науки, материалов научно-представительских мероприятий, рецензий на научные издания, информации о научных школах.

Издатель журнала – федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации».

Журнал выходит с 2014 года и издается ежеквартально.

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), а также представлен в свободном бесплатном доступе в полнотекстовом формате в научной электронной библиотеке.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал не предназначен для опубликования материалов, содержащих сведения, составляющие государственную, иную охраняемую законом тайну, информацию, предназначенную для служебного пользования.

Адрес редакции / издательства / типографии:

620057, Свердловская обл., Екатеринбург, ул. Корепина, 66

Тел./факс: (343) 331-70-64

Эл. почта: ural-yui@mvd.ru

Сайт: <http://www.ural-mvd.ru>

ISSN 2312-5640. Подписной индекс: E43226

Подписано в печать 27.09.2024. Формат 60x84/8

Печать офсетная. Бумага офисная

Усл. печ. л. 18,0. Уч.-изд. л. 18,0. Тираж 30 экз. Заказ № 60

Дата выхода в свет 30.09.2024. Свободная цена

BULLETIN

№ 3 (43) • 2024

OF THE URAL LAW INSTITUTE OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

The Federal Scientific and Practical Journal. The founder and publisher of the journal is the federal state public educational institution of higher education «The Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation».

Certificate of registration of mass media PI № ФС77-63039 dated September 10, 2015, Issued by the Federal Service for Supervision in the field of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

Editorial Council:

Chairperson

Gusev A.V., *cand. of law, associate professor*

Members of the Editorial Council:

Bazarov R.A., *dr. of law, professor*; Balakshin V.S., *dr. of law, professor*;
Bozrov V.M., *dr. of law, professor*; Goncharov D.YU., *dr. of law, associate professor*; Gribunov O.P., *dr. of law, professor*; Davletov A.A., *dr. of law, professor*; Darmenov A.D., *cand. of law, associate professor*;
Degtyarev S.L., *dr. of law, professor*; Karasyov A.T., *dr. of law, professor*;
Kodan S.V., *dr. of law, professor*; Majorov V.I., *dr. of law, professor*;
Mansurov G.Z., *dr. of law, professor*; Osincev D.V., *dr. of law, professor*;
Savos'kin A.V., *dr. of law, associate professor*; Semyakin M.N., *dr. of law, professor*; Smykalin A.S., *dr. of law, professor*; Stelmakh V.Yu., *dr. of law, associate professor*; Tat'yanina L.G., *dr. of law, professor*; Shaburov A.S., *dr. of law, professor*; SHnarbaev B.K., *dr. of law, associate professor*

Editorial Board:

Chief Editor

Golubih N.V., *cand. of law, associate professor*

Chief Editor Deputy

Maslov V.A., *cand. of law, associate professor*

Members of the Editorial Board:

Ayupova G.SH., *cand. of law*; Goloviznin A.V., *cand. of law*;
Grebenshchikova I.V., *cand. of law, associate professor*; Deryugin R.A., *cand. of law, associate professor*; Makarova Ju.A., *cand. of law*; Kazancev A.O., *cand. of law, associate professor*; Klimovich YU.S., *cand. of law, associate professor*; Kokorin D.L., *cand. of law, associate professor*;
Krysanov A.V., *cand. of law, associate professor*; Kurilov S.I., *cand. of law*;
Lappo E.A., *cand. of law, associate professor*; Makeeva I.S., *cand. of law, associate professor*; Noskova Yu.B., *cand. of law, associate professor*;
Orlov K.A., *cand. of law, associate professor*; Peresadina O.V., *cand. of law*;
Sazon K.D., *cand. of law, associate professor*; Sergeev D.N., *cand. of law, associate professor*; Spirin A.V., *cand. of law, associate professor*;
Khamidullin R.S. *cand. of law*; Schetinina N.V., *cand. of law, associate professor*; Kharlamova A.A., *cand. of law, associate professor*

Executive Secretary Kudoyarova G.R.

Editor Bebikh I.B.

Translator Guzikova V.V.

The Scientific and Practical Journal «Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia» is a peer-reviewed periodic scientific publication intended to publish the results of fundamental and applied scientific researches in the sphere of legal science, materials of scientific and representative activities, reviews of scientific publications, information about scientific schools.

The publisher of the journal is the federal state public educational institution of higher education «The Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia».

The journal is published since 2014 and is published quarterly.

The journal is included into the database of Russian Scientific Citation Index (RSCI) and presented in free access in full-text format in the scientific electronic library.

The journal is included into the list of periodicals recommended for publishing doctoral and PhD research results by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Education of the Russian Federation.

The journal is not intended to publish materials containing information constituting a state secret or another secret protected by law, information intended for service use.

Address of the editorial office / publishing house /
printing house: 620057, Sverdlovsk region, Ekaterinburg,
ul. Korepina, 66. Tel./Fax: (343) 331-70-64;
E-mail: ural-yui@mvd.ru Website: <http://www.ural-mvd.ru>
ISSN 2312-5640 The index E43226

Signed in the press on September 27, 2024. Format 60x84 / 8
Offset printing. Office paper. Usl. Printer. L. 18.0.
Uch.-ed. L. 18.0 Edition 30 copies. Order No. 60
Date of publication on September 30, 2024. Free price

© The Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, 2024

Содержание

Теоретико-исторические правовые науки

Емельянов А.А. Разрешение, устранение и преодоление юридических коллизий: содержание понятий и их соотношение	5
Леонов А.П. Электоральный абсентеизм в России сквозь призму истории государства и права	12
Скисский Г.А. Социальный и правовой статус чинов полиции и офицеров Отдельного корпуса жандармов в условиях Первой мировой войны: историко-правовой аспект	21

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Асанова А.А. Понятие и признаки типичного правового акта	29
Астраханцев Д.В. Проблемы унификации конституционно-правового регулирования федеральных территорий	37
Блещик А.В. Особенности правовой экспертизы антикоррупционного законодательства как циклического правового массива	41
Кожевников О.А., Матвеев Е.В. К вопросу о чрезвычайной важности качественного формирования текста нормативных актов на современном этапе развития федерального законодательства	46
Корсун К.И. Семейно-нравственные ценности как основа государственности	51
Мещерягина В.А. Проблемы «смежного» правового регулирования бесплатной юридической помощи в Российской Федерации	55

Частно-правовые (цивилистические) науки

Гусев А.В., Елфимова Е.В., Миннегалиева Л.И. Особенности привлечения и компенсации труда за пределами сверх нормальной продолжительности рабочего времени	61
---	----

Уголовно-правовые науки

Акиев А.Р. Понятие и виды противодействия раскрытию и расследованию преступлений против семьи и несовершеннолетних	66
Андроник Н.А. Взаимодействие следователя с субъектами раскрытия и расследования преступлений прошлых лет	74
Афанасьев А.Ю. Механизм доказывания преступной деятельности как «черный ящик»	80
Бравилова Е.А. О субъектах, которые могут быть предупреждены об ответственности за разглашение данных предварительного расследования	86
Быкова Е.Г. Некоторые проблемы квалификации легализации доходов, полученных в результате совершения мошенничества	92
Ващенко Б.М., Пушкарский И.И. Применение систем автоматической фиксации административных правонарушений в целях предотвращения дорожно-транспортных преступлений	99
Виноградова О.П. Отдельные элементы криминалистической характеристики преступлений против жизни и здоровья, совершаемых по мотивам политической, идеологической, религиозной, расовой ненависти или вражды	105
Гирьатович Д.В. Система признаков фальсификации доказательственной информации на электронных носителях	111
Ефарова М.Н. Юридический анализ признаков объективной стороны недоброкачественного ремонта транспортных средств и выпуска их в эксплуатацию с техническими неисправностями	117
Залескина А.Н., Карашкевич В.Т. Некоторые особенности криминалистической характеристики грабежей и разбоев	123
Зеленина О.А. К вопросу о природе специалиста в уголовном процессе	130
Иванов П.И. О незаконной миграции (понятие, сущность и содержание)	135
Кукасов М.В. Правила конструирования специальных составов преступлений	142
Олейник О.С. Криминологическая оценка деятельности некоммерческих организаций и иных общественных объединений, посягающих на права граждан (по результатам эмпирического исследования)	148
Поздеев А.В. К вопросу о дифференциации уголовной ответственности за кражу с банковского счета	154
Сысолина Н.С. Сущность и содержание системы преступной (криминальной) среды	159
Титов П.М. Идентификационная деятельность оперативно-розыскных подразделений	164
Щетинина Н.В. Некоторые проблемы уголовно-правового противодействия организации незаконной миграции	169
Яскевич А.В., Данькова Т.Н. Организационно-тактические особенности установления ущерба по делам о злоупотреблении властью или служебными полномочиями (по законодательству Республики Беларусь)	174

Contents

Theoretical and Historical Legal Sciences

<i>Emelianov A.A.</i> Resolution, elimination and overcoming of legal conflicts: the content of the terms and their relationship	5
<i>Leonov A.P.</i> Electoral absenteeism in Russia through the prism of state and law history	12
<i>Skipsky G.A.</i> The social and legal status of police officers and officers of a Separate corps of gendarmes in the conditions of the First World War: historical and legal aspect	21

Private Law (Civil Law) Sciences

<i>Asanova A.A.</i> Concept and features of a typical legal act	29
<i>Astrakhsantsev D.V.</i> Problems of unification of constitutional and legal regulation of federal territories	37
<i>Bleshchik A.V.</i> Peculiarities of legal examination of anti-corruption legislation as a cyclic normative array	41
<i>Kozhevnikov O.A., Matveev E.V.</i> On the issue of the extreme importance of the qualitative formation of the text of normative acts at the present stage of development of federal lawmaking	46
<i>Korsun K.I.</i> Family and moral values as the basis of statehood	51
<i>Meshcheryagina V.A.</i> Problems of «related» legal regulation of free legal aid in Russian Federation	55

Public Law (State Law) Sciences

<i>Gusev A.V., Elfimova E.V., Minnegalieva L.I.</i> Features of employment outside the normal working hours and compensation for it	61
---	----

Criminal Law Sciences

<i>Akiev A.R.</i> The concept and types of counteraction to discovery and investigation of crimes against the family and minors	66
<i>Andronik N.A.</i> Interaction of the investigator with the subjects of disclosure and investigation of crimes of the past years	74
<i>Afanashev A.Yu.</i> The mechanism of proving criminal activity as a «black box»	80
<i>Bravilova E.A.</i> On subjects who may be warned of liability for disclosing preliminary investigation data	86
<i>Bykova E.G.</i> Some problems of qualifying the legalization of income received as a result of fraud	92
<i>Vashchenko B.M., Pushkarsky I.I.</i> Application of automatic fixation systems of administrative offenses in order to prevent traffic crimes	99
<i>Vinogradova O.P.</i> Individual elements of the criminalistic characteristics of crimes against life and health committed on the grounds of political, ideological, religious, racial hatred or enmity	105
<i>Giryatovich D.V.</i> System of signs of falsification of evidence information on electronic media	111
<i>Efarova M.N.</i> Legal analysis of the signs of the objective side of substandard repair of vehicles and their commissioning with technical malfunctions	117
<i>Zaleskina A.N., Karashevich V.T.</i> Some features of the criminalistic characteristics of robberies and robberies	123
<i>Zelenina O.A.</i> On the question of the nature of a specialist in criminal proceedings	130
<i>Ivanov P.I.</i> On illegal migration (concept, essence and content)	135
<i>Kukasov M.V.</i> Rules for the construction of special crimes	142
<i>Oleinik O.S.</i> Criminological assessment of the activities of non-profit organizations and other public associations that infringe on the rights of citizens (based on the results of an empirical study)	148
<i>Pozdeev A.V.</i> On the issue of differentiation of criminal liability for theft from a bank account	154
<i>Sysolina N.S.</i> The essence and content of the criminal environment system	159
<i>Titov P.M.</i> Identification activities of operational search units	164
<i>Schetinina N.V.</i> Certain Issues of Criminal Law in Combating the Organization of Illegal Migration	169
<i>Yaskevich A.V., Dankova T.N.</i> Organizational and tactical features of damage determination of abuse of power or official authority (according to the legislation of the Republic of Belarus)	174

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 340.113

Разрешение, устранение и преодоление юридических коллизий: содержание понятий и их соотношение

Емельянов Антон Александрович

Луганский филиал Воронежского института МВД России, Луганск, Россия, aayemelianov@mail.ru,
<https://orcid.org/0009-0005-9933-5058>

Аннотация. В юридической науке деятельность уполномоченных лиц, направленная на противодействие феномену юридической коллизии, не имеет единого общепризнанного обозначения. Чаще всего исследователи при рассмотрении коллизионной проблематики используют такие термины, как: 1) разрешение юридических коллизий; 2) устранение юридических коллизий; 3) преодоление юридических коллизий. Для выяснения истинного содержания рассматриваемых правовых категорий необходимо установление их значения, что позволит провести их дифференциацию.

Ключевые слова: юридические коллизии, разрешение коллизий, устранение коллизий, преодоление коллизий, дифференциация понятий

Для цитирования: Емельянов А. А. Разрешение, устранение и преодоление юридических коллизий: содержание понятий и их соотношение // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 3. С. 5–11.

Original article

Resolution, elimination and overcoming of legal conflicts: the content of the terms and their relationship

Emelianov Anton A.

Lugansk branch of Voronezh Institute of the Russian MIA, Lugansk, Russia, aayemelianov@mail.ru,
<https://orcid.org/0009-0005-9933-5058>

Abstract. In legal science, the activities of authorized persons aimed at countering the phenomenon of conflict of laws do not have a single universally recognized designation. Most often, researchers use terms such as: 1) resolution of conflict of laws 2) elimination of conflict of laws; 3) overcoming of conflict of laws. To clarify the true content of the legal categories under consideration, it is necessary to establish their meaning, which will allow their differentiation.

Keywords: legal conflicts, resolution of legal conflicts, elimination of legal conflicts, overcoming of legal conflicts, differentiation of concepts

For citation: Emelianov A. A. Resolution, elimination and overcoming of legal conflicts: the content of the terms and their relationship// Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 3. Pp. 5–11.

Исследование содержания понятий, обозначающих категории «разрешение», «устранение» и «преодоление», предполагает, в первую очередь, уяснение их этимологического значения в отрыве от применения относительно коллизионной проблематики. Так, термин «разрешить» понимается в следующих значениях:

1) исследуя, найти правильный ответ; решить проблему; найдя решение чего-нибудь, разъяснить, рассудить; решить конфликт;

2) решить, найти правильный ответ; вынести решение в отношении чего-либо; рассудить.

3) исследуя, обдумывая что-либо, решить, найти правильный ответ; найти способ, приём воплощения чего-либо; найдя ответ, решение, рассеять, устранить [1].

Дефиниция «устранить» раскрывается в этимологических словарях следующим образом:

1) убрать в сторону, удалить; уничтожить, изжить;

2) удалить, изъять, исключить; изжить что-либо, ликвидировать [2].

Устранение, таким образом, означает окончательное и бесповоротное физическое изъятие каких-либо объектов, явлений, процессов и т. д.

Категория «преодолеть» разъясняется следующим образом:

1) пересилить, справиться с чем-нибудь (препятствием, преградой, трудностями);

2) осилить, одолеть, справиться с чем-либо; пересилить, перебороть, превозмочь что-либо [2].

Как видим, преодоление можно расценить в качестве действия по совладанию с какими-либо сложностями, «перешагиванию» через них, отысканию выхода из проблемных ситуаций.

Принимая во внимание вышеизложенное, можно заключить, что с этимологической точки зрения термин «разрешение» охватывает собой дефиниции «устранение» и «преодоление», направленные на решение проблемного вопроса, но, во-первых, они реализуются путем использования различных процедур, во-вторых, приводят к нетождественным последствиям. Так, если устранение полностью ликвидирует коллизию, то в случае с преодолением она остается, а правоприменитель лишь делает обоснованный выбор между «конфликтующими» нормами права.

На основании установления этимологии категорий «разрешение», «устранение» и «преодоление» становится возможным определение значения, которое им придается в юридической науке применительно к процессу противодействия юридическим коллизиям. Стоит отметить, что в научных кругах не существует единого подхода к пониманию содержания указанных выше терминов, что вызывает необходимость проведения дифференциации и уяснения точного смысла каждого из них.

Для выполнения поставленной задачи, в первую очередь, следует представить и проанализировать позиции ученых (Н. А. Власенко, Д. В. Агашев, В. В. Денисенко, З. А. Незнамова, А. А. Петров, К. К. Панько, С. Н. Болдырев, К. В. Ахметжанова, Д. С. Милинчук и др.),

которые в своих трудах разграничивают дефиниции «разрешение», «устранение» и «преодоление» коллизий.

Ряд авторов значение вышеуказанных терминов раскрывают путем непосредственного формулирования их понятий. Так, Д. В. Агашев под устранением коллизий понимает «...объективное уничтожение (ликвидация) объективного компонента коллизии посредством юридической деятельности компетентных субъектов». Преодоление коллизий он описывает как «...субъективное снятие коллизионной проблемы "здесь и сейчас" при разрешении конкретного правового вопроса» [3, с. 18]. При этом устранение и преодоление им расцениваются как формы разрешения коллизий. Именно последний термин, по его мнению, должен выступать в качестве базового, включающего в себя два предыдущих.

К. В. Ахметжанова также рассматривает разрешение коллизий как совокупность способов их устранения и преодоления. Последнее она понимает как «...выявление конкретного противоречия в том или ином нормативном правовом акте в процессе правоприменительной деятельности при разрешении конкретного дела» [4, с. 32]. Как видим, преодоление коллизии она рассматривает как процесс обнаружения. Представляется, что данный термин неполный, поскольку не содержит логического завершения, а именно, какие действия необходимо совершить помимо выявления «конфликта» норм права.

Для обозначения дефиниции «устранение коллизий» К. В. Ахметжанова использует понятие, которое сформулировано следующим образом: «Устранение коллизии в праве предполагает удаление конкретной нормы законодательными органами посредством принятия нового акта, отмены старого, внесения изменений или уточнений в действующие акты, систематизации законодательства, принятия законов по крупным тематическим блокам» [4, с. 45]. Целесообразно отметить, что идентичное понятие сформулировано исследователями в работе «Систематизация законодательства в Российской Федерации» [5, с. 34]. Стоит подчеркнуть, что в представленном термине авторами отражены конкретные действия субъекта правотворчества по ликвидации «столкновений» правовых норм.

Далее рассмотрим точку зрения А. А. Петрова, который при изучении стратегий преодоления коллизий отмечает две формы (вида) их разрешения: «...субъективное, ситуационное и одномоментное преодоление и объективное, окончательное для конкретной коллизии устранение» [6, с. 262]. Исходя из указанной формулировки, преодоление он рассматривает как оперативное реагирование уполномоченного субъекта по отысканию «выхода» из конкретной коллизионной ситуации (на это указывает термин «субъективное»). Устранение им понимается как действия, приводящие к полной ликвидации «столкновения» правовых норм применительно ко всем правоотношениям, которые данными нормами регулируются (термин «объективное» указывает на то, что

данное решение принимает субъект, не участвующий в самих правоотношениях).

Очень лаконичные, но в тоже время точные формулировки рассматриваемых в статье понятий приводит О. А. Поляков. Так, под устранением он понимает ликвидацию коллизий, а под преодолением – приемлемый выход из ситуации [7, с. 6]. По нашему мнению, в представленных дефинициях максимально четко описывается главное отличие двух разновидностей разрешения расхождений между правовыми нормами.

Ряд авторов помимо разъяснения значения терминов, рассматриваемых в рамках настоящей статьи, также описывают их конкретные способы, из которых они состоят. Так, Н. А. Власенко отмечает, что коллизии могут либо устраняться, либо преодолеваться. В этом случае устранение представляет собой окончательное разрешение «столкновения» норм права. Оно достигается одним из следующих способов:

1. Посредством осуществления правотворческой процедуры путем принятия уполномоченным органом одной из следующих мер:

а) отмена одной из коллидирующих норм права либо нормативного правового акта (далее – НПА) целиком (при этом в случае «конфликта» трех и более предписаний юридическую силу сохраняет лишь одно из них);

б) внесение изменений, дополнений либо уточнений в предмет правового регулирования коллидирующих норм;

в) упразднение всех коллидирующих положений и принятия нового [8, с. 29].

2. При помощи выработки коллизионных норм и предписаний, которые позволяют правоприменителю выбрать одну из коллидирующих норм права. Ученый считает данный способ наиболее универсальным, поскольку он «...не предполагает правотворческих действий, то есть нормотворческий механизм "отдыхает", бездействует» [9, с. 42]. В то же время сам правовед делает оговорку по поводу того, что функционирование коллизионных правил не всегда снимает расхождение между правовыми нормами. Как видим, автор относит принятие коллизионных предписаний к способу устранения коллизий, однако выделяет для него обособленное место, не включая в рамки способа правотворческого.

Ведя речь о преодолении коллизий, Н. А. Власенко пишет о существовании общепризнанных коллизионных принципов или правил, использование которых позволяет правоприменителю выбрать одну из «сталкивающихся норм». Представлены они следующим образом:

1) пространственные правила, под которыми автор понимает так называемые «привязки» («место совершения сделки», «место регистрации судна» и т. д.);

2) наделение приоритетом норм высшей юридической силы в сравнении с предписаниями меньшей юридической силы;

3) преимущество специальной (исключительной) нормы перед общей;

4) темпоральное правило – норма, регулирующая то же отношение, но принятая позднее, отменяет действие предыдущей [9, с. 43].

Таким образом, автор четко разграничивает устранение коллизий по способу их преодоления, при этом оба указанных термина охватываются понятием «разрешение коллизий». Подобной точки зрения придерживается и С. Н. Болдырев. Изучая механизм разрешения расхождений правовых норм, он отмечает, что последний состоит из правовых средств, разделенных по их:

1) ликвидации – под ней исследователь понимает фактическое устранение или удаление коллизий законодательным способом, указывая практически такой же перечень средств, который использовал Н. А. Власенко. Однако в отличие от последнего, во-первых, причисляет принятие коллизионных норм к правотворческим средствам борьбы с коллизиями, во-вторых, дополнительно отмечает в качестве такового систематизацию законодательства. Представляется, что последнее по своей правовой природе и содержанию является одним из средств устранения причин коллизионности законодательства, поэтому его включение в перечень способов устранения «конфликтов» правовых норм не является уместным;

2) преодолению – данный вид разрешения коллизий, по мнению автора, реализуется исключительно на стадии применения правовых предписаний и выражается в мотивированном выборе нормы, которая должна быть использована (из числа коллизионных) в конкретном деле. Также ученый отмечает тот факт, что преодоление коллизий, а именно сам выбор одной из норм всегда связан с усмотрением субъекта правоприменительной деятельности [10, с. 81].

Таким образом, С. Н. Болдырев также рассматривает устранение и преодоление коллизий как разновидности разрешения. При проведении дифференциации этих понятий он отмечает, что устранение выражается в полном исключении расхождения нормативных предписаний из правового поля посредством правотворческой процедуры. Она реализуется либо через ликвидацию «конфликтующих» норм (всех или оставления одной из них), либо через внесение в них соответствующих изменений, либо через принятие коллизионных норм. Преодоление же не устраняет существующую коллизию, оно лишь сводится к выбору субъектом правотворчества одной из «столкнувшихся» норм для выхода из конкретной правовой ситуации.

Применительно к рассматриваемой тематике исследования стоит отметить во многом схожие мнения З. А. Незнамовой и К. К. Панько, которые также подразделяют способы разрешения правовых коллизий на устранение и преодоление. Под первым оба автора понимают правотворческую деятельность, посредством которой происходит полная ликвидация «конфликта» нормативных предписаний. Сама коллизия, таким образом, перестает существовать как в системе законодательства, так и в правоприменительной практике.

Однако исследователи указывают различные средства реализации устранения «столкновений» норм права. Так, К. К. Панько в качестве таковых выделяет «...исключение недостатков законодательной техники, дублирования правовых предписаний и ликвидацию пробелов в законе» [11, с. 194]. Стоит отметить, что в данном случае правовед отметил не конкретные действия, а скорее общие направления деятельности, которые законодатель должен реализовывать. Кроме того, данные меры направлены не на ликвидацию уже существующих, а на предупреждение коллизий, в связи с чем их необходимо расценивать как средства борьбы с причинами «конфликтов» правовых норм.

З. А. Незнамова, в отличие от коллеги, пишет о конкретных способах устранения коллизий:

1) лишение юридической силы одной или нескольких расходящихся норм;

2) внесение изменений в одно из коллидирующих предписаний либо во все сразу, вследствие чего «конфликт» между ними будет исчерпан.

Ведя речь о преодолении коллизий, оба ученых высказывают солидарную точку зрения, понимая под ним выбор применимой нормы права из числа нескольких коллидирующих. Данный способ, по их мнению, применяется исключительно в правоприменительной практике при разрешении конкретных дел. В качестве средств его реализации ученые указывают:

1. Акты судебного толкования, принимаемые высшими судебными инстанциями¹. Исследователи отмечают, что правоположения, содержащиеся в данных актах, в современных реалиях являются одним из наиболее распространенных способов преодоления коллизий. Подобное положение дел оба автора подвергают критике, настаивая на том, что, во-первых, суды не должны перенимать на себя функции законодателя, во-вторых, коллизионные нормы, содержащиеся в актах судебного толкования, должны быть трансформированы в нормы права и, таким образом, найти свое отражение в НПА.

2. Коллизионные правила, отражающиеся в специализированных правовых нормах – коллизионных, которые устанавливают приоритет одного из «конфликтующих» предписаний перед остальными [12, с. 88].

Таким образом, З. А. Незнамова и К. К. Панько также рассматривают устранение и преодоление коллизий как разновидности их разрешения. При этом стоит отметить, что использование коллизионных норм они, в отличие от двух предыдущих специалистов, расценивают как способ преодоления, а не устранения расхождений правовых норм.

Представленная точка зрения исследователей видится автору статьи верной и обоснованной. Безусловно, процедура принятия таких норм сама по себе является правотворческой деятельностью. Однако в

данном случае законодатель, во-первых, не принимает меры реагирования по ликвидации конкретных «столкновений» правовых предписаний, а действует на опережение, устанавливая правило, которое устранил потенциально возникающие коллизии в будущем.

Во-вторых, введение в правовое поле коллизионных предписаний не ликвидирует «конфликтующие» правовые нормы, а устанавливает правило или принцип, руководствуясь которым, субъект правоприменительной деятельности выбирает верное. При этом все «конфликтующие» предписания продолжают существовать в правовом поле. Таким образом, применение коллизионных норм по своей правовой природе расценивается именно как способ преодоления юридических коллизий, но никак не устранения.

В. В. Денисенко в процессе исследования механизма разрешения коллизий правовых актов среди прочего выделил следующие его элементы:

1. Способы устранения коллизий. Стоит отметить, что к данной группе средств автор также относит:

– процесс правотворчества;

– нормативное толкование, предполагающее принятие уполномоченным субъектом правотворчества НПА, содержащего в себе нормы, которые разъясняют положения ранее принятых нормативных предписаний.

Полагаем, что последний способ может быть эффективен в тех случаях, когда коллизия возникла вследствие некорректного изложения содержания той или иной нормы, что в правоприменительной практике регулярно приводит к ее неверному пониманию и, как следствие, в неверному применению. В таких случаях субъект правотворчества исправляет свои же ошибки, допущенные при конструировании «спорных» правовых норм.

2. Способы преодоления коллизий, которые применяются в конкретном правоотношении в рамках процесса правоприменения. Они реализуются при помощи:

– внесудебных процедур, включающих в себя отмену индивидуально-правовых актов должностными лицами и государственными органами в случае их несоответствия закону, а также приостановление изданного НПА;

– судебных процедур, к которым В. В. Денисенко относит признание недействительным акта органа власти либо его неприменение, а также конституционное судопроизводство [13, с. 9–10].

Стоит отметить, что этот же автор, во-первых, придерживается наиболее распространенного подхода, отмечая, что термины «устранение коллизий» и «преодоление коллизий» не являются тождественными и в своей совокупности охватываются дефиницией «разрешение». Во-вторых, им представлен достаточно широкий перечень способов борьбы с расхождением норм права, относящихся как к их преодолению, так и к их устранению.

Д. С. Милинчук рассматривает разрешение коллизий как совокупность способов по их минимизации и

¹ Оба исследователя включают в эту категорию постановления Конституционного Суда Российской Федерации и Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

ликвидации. В соответствии со сформулированным понятием он делит способы разрешения коллизий на две группы:

1) реализуемые в процессе правотворческой деятельности (гармонизация права, сближение права и совершенствование законодательства); как видим, представленные меры, скорее, можно расценить как базовые направления деятельности, которых должны придерживаться субъекты правотворчества. При этом применение указанных способов направлено не только и не столько на устранение, сколько на предупреждение будущих юридических коллизий;

2) осуществляемые в ходе деятельности (к этой группе можно причислить только толкование, которое автор расценивает как изложенное в письменной форме научное мнение, имеющее решающее влияние при принятии решения по какому-то вопросу [14, с. 136].

Стоит отметить две особенности, характеризующие точку зрения исследователя: во-первых, наибольшее внимание при рассмотрении способов борьбы с коллизиями она уделяет не их устранению и преодолению, а ставит во главу угла их предотвращение, хотя не указывает последнее в качестве разновидности разрешения «конфликтов» правовых норм; во-вторых, в качестве основного способа разрешения коллизий опирается на такой способ, как применение коллизионных норм, но при этом не уточняет, к какой именно группе он причисляется.

С точки зрения Е. В. Меджидовой и С. П. Сальковой дефиниция «разрешение коллизий» является более широкой по своему наполнению, включая в себя три группы средств, направленных на предотвращение, преодоление и устранение расхождений между правовыми нормами [15, с. 64], проводя тем самым четкую дифференциацию рассматриваемых категорий.

В научных кругах также встречаются альтернативные точки зрения относительно содержания терминов, рассматриваемых в рамках настоящей статьи. Так, Н. И. Матузов, ведя речь о способах разрешения юридических коллизий, отмечает, что под таковым понимаются «...конкретные приемы, средства, механизмы, процедуры их устранения. В зависимости от характера коллизии применяется тот или иной метод, используется та или иная форма, избирается тот или иной путь снятия возникшего противоречия или выхода из правового тупика» [16, с. 180]. На основании изложенного понятно, что автор отождествляет разрешение и устранение расхождений между нормативными предписаниями. Стоит отметить, что аналогичную точку зрения занимает и А. В. Парфенов. Рассматривая коллизионные нормы как способ разрешения юридических коллизий, он в то же время отмечает, что они представляют собой «особую разновидность специализированных норм, принимаемых с целью устранения коллизий, которые возникают между юридическими предписаниями» [17, с. 257].

Другие ученые отождествляют преодоление и разрешение коллизий. Например, А. Я. Курбатов пишет, что «...смысл разрешения коллизий в праве сводится

к выбору одной из норм, положения которых противоречат друг другу. Разрешение коллизий в праве для выработки варианта поведения может осуществляться не только на стадии применения права (т. е., правоприменительными органами), но и на стадии реализации права (т. е., всеми субъектами права)» [18].

Некоторые авторы в своих работах используют все три термина «разрешение коллизий», «устранение коллизий» и «преодоление коллизий» в качестве синонимов. Так, В. А. Любушкин, характеризуя способы преодоления коллизий, отмечает, что «...достаточно эффективными инструментами устранения юридических коллизий на практике является установление коллизионных норм в международном частном праве, позволяющее определить право, подлежащее применению к различным общественным отношениям». Однако далее исследователь указывает на принцип толкования в пользу налогоплательщика всех неустранимых сомнений в законе, который применяется «...в налоговом законодательстве РФ с целью разрешения возникающих в правоприменительной практике коллизий» [19, с. 29–30]. Как видим, исследователь «перепрыгивает» с одного термина на другой. Данный факт свидетельствует о том, что в его понимании все дефиниции являются тождественными, поскольку используются им в качестве синонимов.

Е. М. Шайхутдинова придерживается точки зрения, в соответствии с которой дефиниции «разрешение юридических коллизий» и «преодоление юридических коллизий» являются идентичными по значению. К такому выводу можно прийти, проанализировав тезис автора о том что, с одной стороны, в судебной правоприменительной деятельности имеются существенные проблемы, возникающие при преодолении юридических коллизий в ходе рассмотрения дел, с другой – основной сложностью при разрешении коллизии представляется отсутствие четких выработанных критериев применения правил их преодоления [20, с. 589].

В. В. Чибизов полагает, что идентичными по содержанию являются дефиниции «устранение» и «преодоление», которые используются автором применительно к решению проблемы коллизии законодательства [21, с. 58]. Указанные термины автор использует поочередно, не проводя дифференциации между ними, в связи с чем напрашивается умозаключение о том, что он отождествляет категории «устранение коллизий» и «преодоление коллизий», используя их в качестве синонимов.

Таким образом, в статье были представлены и проанализированы позиции различных деятелей юридической науки, относящиеся к проблеме оценки содержания и значения таких дефиниций как «разрешение коллизий», «устранение коллизий» и «преодоление коллизий». Собранная информация позволяет автору сформулировать ряд выводов.

Принимая во внимание аргументы, представленные учеными, а также учитывая этимологическое значение понятий, рассматриваемых в настоящей статье, автор поддерживает тезис о том, что они не являются

тождественными ни по содержанию, ни по объему. Так, устранение коллизии – ее фактическое исключение из правового поля в целом (как из правоприменительной деятельности, так и из нормативно-правовой базы), выражающееся в ликвидации «столкновения» между предписаниями и осуществляется в процессе правотворчества путем:

1) внесения изменений в одну, все или часть коллидирующих норм, вследствие чего они перестают «конфликтовать»;

2) отмены всех предписаний и принятия нового либо оставления одного из них.

Также стоит отметить, что вследствие устранения коллизия прекращает свое существование в отношении неопределенного круга лиц и применительно ко всем правоотношениям, которые регулировались коллидирующими нормами.

Преодоление же коллизий реализуется в правоприменительной деятельности и предполагает отыскание наиболее быстрого способа решения коллизионной проблемы в конкретном правоотношении. «Конфликтующие» нормы при этом продолжают свое существование в правовой действительности. Преодоление сводится к применению одного из коллизионных правил, приемов или принципов, позволяющих правоприменителю выбрать одно из предписаний и «отстранить» оставшиеся от правового регулирования конкретной ситуации.

Разрешение коллизий объединяет в себе способы как их устранения, так и преодоления и, таким образом, соотносится с ними как целое и части. В связи с изложенным, рассматривать представленные понятия необходимо порознь, поскольку каждое из них обладает своей спецификой и содержанием.

Библиографический список

1. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений // AvidReaders.ru: сайт. URL: <https://avidreaders.ru/book/tolkovyy-slovar-russkogo-yazyka-1.html> (дата обращения: 20.04.2024)
2. Словарь русского языка: в 4-х т. // ФЭБ «Русская литература и фольклор»: сайт. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/16/ma338108.htm> (дата обращения: 20.04.2024).
3. Агашев Д. В. Коллизионные проблемы в праве социального обеспечения России. Томск: Том. гос. ун-т, юрид. ин-т.; Изд-во науч.-техн. лит., 2005. 269 с.
4. Ахметжанова К. В. Юридические коллизии: теория и практика: дис. ... канд. юрид. наук. Российский ун-т дружбы народов. М., 2017. 194 с.
5. Систематизация законодательства в Российской Федерации / Абрамова А. И., Мицкевич А. В., Пиголкин А. С., Пилипенко А. Н., и др.; под ред. Пиголкин А. С. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. 382 с.
6. Петров А. А. Стратегии преодоления коллизий в праве: понятие, виды, эффективность // Юридическая техника: ежегодник. Коллизии законодательных, интерпретационных, правоприменительных актов: док-

трина, практика, техника преодоления. 2017. № 11. С. 262–265.

7. Поляков, О. А. Юридические коллизии в сфере деятельности органов внутренних дел по обеспечению и защите прав граждан: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Моск. ун-т МВД РФ, 2003. 189 с.

8. Власенко Н. А. Коллизионные нормы в советском праве. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1984. 100 с.

9. Власенко Н. А. Коллизии в праве как объект современного научного познания // Юридическая техника: ежегодник. Коллизии законодательных, интерпретационных, правоприменительных актов: доктрина, практика, техника преодоления. 2017. № 11. С. 39–49.

10. Болдырев С. Н., Донской Д. Д. Юридическая техника в разрешении проблем коллизионности современного законодательства // Аграрное и земельное право. 2020. № 10. С. 80–82. DOI: 10.47643/1815-1329_2020_10_80

11. Панько К. К. Конфликты и коллизии в уголовном праве и процессе России // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2015. № 3. С. 191–196.

12. Незнамова З. А. Судебное толкование как способ преодоления коллизий уголовно-правовых норм // Российский юридический журнал. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2012. № 5 (86). С. 86–92;

13. Денисенко В. В. Коллизии правовых актов и механизм их разрешения (теоретико-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. 21 с.

14. Милинчук Д. С. Коллизии как одна из причин препятствий для создания единообразного применения норм права в России // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2018. № 3. С. 135–137.

15. Меджидова Е. В., Салькова С. П. Юридические коллизии: возможные пути преодоления // Вестник экономики, управления и права. 2021. № 4 (57). С. 62–68.

16. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2001. 245 с.

17. Парфенов А. В. Устранение коллизий в праве: работа над ошибками или вспомогательный путь к торжеству правового компромисса? // Юридическая техника: ежегодник. 2017. № 11: Коллизии законодательных, интерпретационных, правоприменительных актов: доктрина, практика, техника преодоления. С. 257–262.

18. Курбатов, А. Я. Порядок разрешения коллизий в российском праве // Корпоративный юрист. 2005. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/18592-poryadok-razresheniya-kollizij-rossijskom-prave> (дата обращения: 27.04.2024).

19. Любушкин В. А., Махмудов П. Х. Коллизии правовых норм и способы их разрешения: теоретико-правовой // Контентус. 2017. № 12 (65). С. 26–34.

20. Шайхутдинов Е. М. Проблемы преодоления юридических коллизий в рамках судебной правоохрани-

менительной деятельности // Юридическая техника. 2017. № 11. С. 598–599.

21. Чибизов В. В. Коллизии законодательства как юридическое основание правоприменительного усмотрения // НАУ. 2021. № 68-1. С. 57–58.

References

- Ozhegov, S. I. Explanatory dictionary of the Russian language: 80 000 words and phraseological expressions // AvidReaders.ru: site. URL: <https://avidreaders.ru/book/tolkovyy-slovar-russkogo-yazyka-1.html> (accessed: 20.04.2024)
- Dictionary of the Russian language: in 4 volumes. // FEB "Russian literature and folklore": site. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/16/ma338108.htm> (accessed: 20.04.2024).
- Agashev, D. V. Conflict of laws problems in the law of social security in Russia. Tomsk: Tomsk st. univ., legal inst.; Pub. house of sci. and tech. lit., 2005. 269 p.
- Akhmetzhanova K. V. Legal conflicts: theory and practice: dis. ... cand. law sciences. Peoples' Friendship University of Russia. M., 2017. 194 p.
- Systematization of legislation in the Russian Federation / Abramova A. I., Mickiewich A. V. Pigolkin A. S., Pilipenko A. N., etc.; In order. Pigolkin A. S. SPb.: Legal. Central Press, 2003. 382 p.
- Petrov A. A. Strategies for overcoming conflicts in law: concept, types, effectiveness // Legal technique: yearbook. 2017. № 11: Conflicts of legislative, interpretative, and law enforcement acts: doctrine, practice, and coping techniques. Pp. 262–265.
- Polyakov O. A. Legal conflicts in the sphere of activity of internal affairs bodies to ensure and protect the rights of citizens: dis. ... cand. law sciences. M.: The Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2003. 189 p.
- Vlasenko N. A. Conflict of laws rules in Soviet law. Irkutsk.: Pub. house of Irkutsk univ., 1984. 100 p.
- Vlasenko N. A. Conflicts in law as an object of modern scientific knowledge // Legal technique: yearbook. 2017. № 11: Conflicts of legislative, interpretative, and law enforcement acts: doctrine, practice, and coping techniques. 2017. Pp. 39–49.
- Boldyrev S. N., Donskoi D. D. Legal technique in solving the problems of conflict of laws of modern legislation // Agrarian and land law. 2020. № 10. Pp. 80–82. DOI: 10.47643/1815-1329_2020_10_80
- Panko K. K. Conflicts and collisions in criminal law and the process of Russia // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law. Право. 2015. № 3. Pp. 191–196.
- Neznamova Z. A. Judicial interpretation as a way to overcome conflicts of criminal law norms // Russian Law Journal. Yekaterinburg: Pub. house UrSLU, 2012. № 5 (86). Pp. 86–92.
- Denisenko V. V. Conflicts of legal acts and the mechanism of their resolution (theoretical and legal aspect): abstract. dis. ... cand. law sciences. SPb, 2004. 21 p.
- Milinchuk D. S. Conflicts as one of the reasons for the obstacles to the creation of uniform application of the norms of law in Russia // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. 2018. № 3. Pp. 135–137.
- Medzhidova E. V., Salkova S. P. Legal conflicts: possible ways to overcome // Bulletin of Economics, Management and Law. 2021. № 4 (57). Pp. 62–68.
- Theory of State and law: a course of lectures / edited by N. I. Matuzov, A. V. Malko. 2nd ed., reprint. and add. M.: Jurist, 2001. 245 p.
- Parfenov A. V. Elimination of conflicts in law: work on mistakes or an auxiliary path to the triumph of legal compromise? // Legal technique: yearbook. 2017. № 11: Conflicts of legislative, interpretative, and law enforcement acts: doctrine, practice, and overcoming techniques. Pp. 257–262.
- Kurbatov A. Ya. The procedure for resolving conflicts in Russian law // Corporate lawyer. 2005. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/18592-poryadok-razresheniya-kollizij-rossijskom-prave> (date of access: 04/27/2024).
- Lyubushkin V. A., Makhmudov P. H. Conflicts of law and ways to resolve them: theoretical and legal aspect // Kontentus. 2017. № 12 (65). Pp. 26–34.
- Shaikhutdinov E. M. Problems of overcoming legal conflicts within the judicial law enforcement activities // Legal technique. 2017. № 11. Pp. 598–599.
- Chibizov V. V. Collisies legislate as legal basis law enforcement discretion // NAU. 2021. № 68-1. Pp. 57–58.

Статья поступила в редакцию 14.05.2024; одобрена после рецензирования 28.05.2024; принята к публикации 18.09.2024

The article was submitted 14.05.2024; approved after reviewing 28.05.2024; accepted for publication 18.09.2024

Электоральный абсентеизм в России сквозь призму истории государства и права

Леонов Александр Петрович

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, leo05alex@yandex.ru

Аннотация. Автором проведен историко-правовой анализ феномена электорального абсентеизма в России. Автор исследует эволюцию форм абсентеизма в разные периоды российской истории: от «вынужденного» абсентеизма в период Российской Империи к «скрытому» абсентеизму в советский период и многообразие его форм в современной России. Особое внимание уделяется изучению влияния избирательного законодательства, политической культуры и социально-экономических факторов на уровень политического участия граждан. Автор выделяет четыре типа абсентеизма и рассматривает их правовые основания.

Ключевые слова: электоральный абсентеизм, избирательная система, правовая культура, политическое участие, вынужденный абсентеизм, скрытый абсентеизм, политическая культура

Для цитирования: Леонов А. П. Электоральный абсентеизм в России сквозь призму истории государства и права // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 3. С. 12–20.

Original article

Electoral absenteeism in Russia through the prism of state and law history

Leonov Alexander P.

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, leo05alex@yandex.ru

Abstract. The author conducted a historical and legal analysis of the phenomenon of electoral absenteeism in Russia. The author explores the evolution of forms of absenteeism in different periods of Russian history: from «forced» absenteeism during the Russian Empire to «hidden» absenteeism during the Soviet period and the variety of its forms in modern Russia. Special attention is paid to the study of the influence of electoral legislation, political culture and socio-economic factors on the level of political participation of citizens. The author identifies four types of absenteeism and examines their legal grounds.

Keywords: electoral absenteeism, electoral system, legal culture, political participation, forced absenteeism, hidden absenteeism, political culture

For citation: Leonov A. P. Electoral absenteeism in Russia through the prism of state and law history // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 3. Pp. 12–20.

В современной отечественной юридической науке сложилась парадоксальная ситуация, заключающаяся в том, что феномен электорального абсентеизма, несмотря на его очевидную значимость для понимания процессов государственного строительства и развития правовых институтов, остается на периферии внимания специалистов в области теории и истории государства и права. Традиционно данное явление рассматривается преимущественно в рамках политологии и социологии, тогда как в юридических научных кругах внимание этому явлению уделяют в подавляющем большинстве случаев лишь пред-

ставители науки, изучающие конституционное и избирательное право. Между тем такое ограниченное восприятие проблематики абсентеизма, по нашему мнению, является серьезным упущением, связанным с недостаточным пониманием всей глубины и многогранности данного феномена.

Электоральный абсентеизм, представляющий собой сложное и многоаспектное социально-политическое явление, характеризующееся неучастием избирателей в голосовании на выборах в органы публичной власти [1], напрямую связан с такими фун-

даментальными для юриспруденции понятиями как правосознание, правовая культура, политическое участие, политические права, избирательная система и демократический режим. Более того, абсентеизм имеет глубокие исторические корни, и его проявления в разные эпохи напрямую зависели от особенностей государственного устройства и правовой системы.

Именно поэтому исследование электорального абсентеизма с позиций науки теории и истории государства и права представляется, по нашему мнению, не только возможным, но и необходимым для разработки комплексного понимания этого явления и формирования эффективных мер по его преодолению. Мы уверены, теоретико-правовой и историко-правовой анализ абсентеизма способны существенно обогатить понимание взаимосвязи между государственными институтами, правовой системой и политическим поведением граждан, что является важным для развития современной юридической науки и практики государственного управления.

Актуальность исследования электорального абсентеизма с точки зрения науки теории государства и права обусловлена тем, что этот феномен представляет собой серьезную угрозу для функционирования демократических институтов, подрывая сами основы народного суверенитета и представительной власти. Совершенно очевидным представляется тот факт, что в условиях демократического государства, где граждане наделены правом участия в управлении делами государства, высокий уровень электорального абсентеизма свидетельствует о глубоком разрыве между конституционными принципами и реальной политической практикой.

Подобная ситуация не может и не должна оставлять исследователей равнодушными. Более того, она ставит перед ними ряд важнейших вопросов, ответить на которые представляется возможным только с позиций науки теории и истории государства и права: каковы исторические корни электорального абсентеизма в России; как соотносятся правовые механизмы обеспечения электоральной активности граждан с реальной практикой; какие факторы способствуют сохранению высокого уровня электорального абсентеизма в современной России? От того, насколько правильными, объективными и обоснованными будут ответы на эти вопросы, по нашему мнению, напрямую зависит успешность решения проблемы электорального абсентеизма российских граждан и укрепление демократических институтов в стране.

К сожалению, рамки небольшой научной статьи не позволяют нам провести полноценный анализ обозначенной проблемы и рассмотреть ее и с теоретико-правовой, и с историко-правовой сторон. Поэтому в рамках настоящей статьи, чтобы понять причины и особенности электорального абсентеизма в современной России, мы ограничимся только историко-правовым анализом этого феномена в имперский и советский периоды и его проявлениями в истории российского государства.

В период российской империи, вплоть до начала XX века, политическое вообще и электоральное в частности участие граждан в жизни государства было крайне ограниченным. Безусловно, институт выборов в России существовал и до XX века, достаточно вспомнить выборы на Земские соборы или же выборы старост в крестьянских общинах, целовальников, сотских, а также формирование земских собраний с 60-х годов XIX века, которое тоже осуществлялось путем выборов. Однако здесь необходимо сделать немаловажное, на наш взгляд, уточнение о том, что все эти формы, исключая выборы на Земские соборы, носили преимущественно локальный характер и касались в основном вопросов местного самоуправления. И даже Земские соборы, являвшиеся сословно-представительными органами и созывавшиеся царем для решения важнейших государственных вопросов, таких как принятие законов, объявление войны или заключение мира, введение новых налогов и т. д., во-первых, не были постоянно действующим органом государственной власти и созывались нерегулярно, а лишь по мере необходимости, а во-вторых, их формирование только частично осуществлялось через крайне недемократичные, ограниченные множеством цензов – имущественным, гендерным, возрастным и т. д. – выборы. Таким образом, избирались лишь представители дворянства и горожан, да и то под контролем местной администрации. Представители же, например, Боярской думы и Освященного собора входили в состав Земского собора автоматически, без каких-либо выборов. В тех редчайших случаях, когда к участию в Земских соборах приглашались представители черносошного крестьянства, они не избирались, а назначались местной администрацией. По большому счету можно констатировать, что выборы на Земские соборы были даже не выборами в современном понимании этого термина, а скорее своеобразным отбором представителей разных сословий для участия в совещательном органе при царе.

Таким образом, ни одна из существовавших в России до начала XX века форм выборов не может, по нашему мнению, свидетельствовать о предоставлении не то что всему населению, но даже какой-либо значительной его части возможности полноценно участвовать в политической жизни страны. Отсутствие в стране представительных органов власти, избираемых населением, сосредоточение политической власти в руках императора и его окружения, а также сословное деление общества – все это создавало предпосылки для формирования электорального абсентеизма. Политическое участие было прерогативой узкого круга лиц, принадлежавших к правящей элите, тогда как народ был отстранен от участия в управлении государством и его роль сводилась к беспрекословному подчинению власти монарха. Эта ситуация усугублялась отсутствием развитой системы образования и ограниченным доступом к информации для большей части населения, что препятствовало формированию политического сознания и гражданской культуры.

Таким образом, говорить об электоральном абсентеизме, по крайней мере в его классическом понимании, применительно к дореформенной России, по нашему мнению, достаточно сложно, так как традиционно это понятие трактуется как сознательный отказ от голосования при наличии у граждан соответствующего права. В российской империи это право, как мы отметили, у подавляющего большинства населения просто отсутствовало, оно было фактически отстранено от участия в политической жизни страны, причем не в результате собственного выбора, а в силу государственного устройства. Такое положение дел требует более широкого взгляда на понятие «абсентеизм», и мы предлагаем рассматривать его в данном контексте как «вынужденный абсентеизм».

Мы осознаем, что столь смелый отход от традиционного понятия электорального абсентеизма и введение в научный оборот нового термина может вызвать неприятие у части научного сообщества. Однако считаем необходимым расширить это понятие, принимая во внимание исторический контекст и различая формальное право и реальную возможность его реализации. В дореформенной России, где, как мы уже отмечали, политическая система базировалась на принципах самодержавия и сословного деления, большинство населения было не только формально лишено права голоса, но и фактически отстранено от политических процессов. Безусловно, в таких условиях говорить о сознательном отказе от участия в выборах не приходится. Однако предлагаемый нами термин «вынужденный абсентеизм» позволяет учесть эту историческую специфику и отразить системные ограничения, обусловленные политическим режимом, а не индивидуальный выбор граждан. Считаем, что данный термин не противоречит классическому пониманию абсентеизма, а дополняет его, позволяя анализировать политическое неучастие в более широком историческом и политическом контексте и более точно оценить степень демократичности политической системы. Игнорирование этого аспекта, на наш взгляд, приведет к неполному и искаженному представлению о реальном уровне политического участия граждан в жизни общества и к невозможности выявления факторов, препятствующих реализации ими своих политических прав.

Введение института парламентаризма в 1905 г. стало важным шагом на пути демократизации политической системы России. Манифест императора Николая II «Об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября 1905 г.¹, принятый под давлением революционных событий, провозгласил создание Государственной Думы – законодательного представительного органа, избираемого населением империи. Это событие открывало новые возможности для политического участия населения, которое впервые в истории страны получило право избирать своих представителей в орган законодательной вла-

сти. Однако важно отметить, что введение парламентаризма в России проходило в условиях сохранения самодержавия, что создавало определенные противоречия в политической системе страны. С одной стороны, появление выборного представительного органа создавало предпосылки для развития политического участия населения, с другой – сохранение широких полномочий императора и отсутствие реального разделения властей ограничивали возможности влияния Думы на политические процессы в стране. Кроме того, избирательное законодательство того периода, закрепленное в «Положении о выборах в Государственную Думу» от 6 августа 1905 г.², а также в последующих нормативных актах, было далеко от демократических стандартов. Многоступенчатые выборы, высокий имущественный ценз, ограничение избирательных прав женщин, представителей национальных меньшинств, а также ряда других категорий граждан – все это существенно сужало круг лиц, имевших право участвовать в выборах в Государственную Думу. Эти ограничения были обусловлены стремлением властей сохранить контроль над политическими процессами и не допустить радикальных изменений в существующей системе власти. Такой подход к организации избирательного процесса создавал ситуацию, когда формальное наличие выборного органа не обеспечивало реального представительства интересов широких слоев населения.

Такая система обеспечивала преобладание в Думе представителей консервативных сил и ограничивала возможности для выражения интересов широких слоев населения. В результате в Думе были представлены интересы лишь небольшой части населения империи, тогда как остальные были полностью отстранены от участия в выборах в силу законодательных ограничений. Те же, кто формально обладал правом голоса, зачастую игнорировали выборы, не веря в их эффективность, справедливо считая, что реальная власть в стране принадлежит императору и его окружению, и чувствуя, что их участие в выборах не имеет реального значения.

Подобная ситуация, по нашему мнению, провоцировала вполне определенную реакцию общества на соответствующие правовые регламентации в виде несогласия с ними, их отторжения, что вместе с практикой государственного управления, характерной для имперской России, могло способствовать формированию электорального абсентеизма [2]. Как отмечает А. В. Костылев, «распространенный характер и формы приобретал абсентеизм даже в эпоху политического пробуждения масс, каковым был период становления российского парламентаризма начала XX в. В выборах в Государственную думу не только сегодня, но и тогда не участвовало от 30 до 70 % всех избирателей» [3].

Таким образом, введение института парламентаризма в 1905 г., несмотря на свою прогрессивность, не смогло преодолеть тенденции абсентеизма в Россий-

¹ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собр. 3-е. Т. XXV. Отд. 1. № 26803.

² ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. XXV. Отд. 1. № 26662.

ской империи. Напротив, несовершенство избирательного законодательства вкупе с низким уровнем политической культуры населения лишь укоренили это явление. Возможность реально участвовать в политической жизни страны получила крайне ограниченная часть населения, в то время как миллионы подданных российского императора оставались лишенными этого права. Возник своеобразный парадокс, заключающийся в том, что формально в стране существовал выборный орган государственной власти, но реальные механизмы политического участия для большинства населения империи отсутствовали.

Однако было бы несправедливо утверждать, что формированию и укоренению традиций электорального абсентеизма в России того времени способствовало только несовершенство избирательной системы. Безусловно, это был очень важный, но не единственный фактор. Не менее важными факторами, по нашему мнению, являются крайне низкий уровень политической культуры в российской империи, социальная структура государства, отсутствие развитой системы образования, а также различные социально-экономические факторы. Стоит отметить, что все перечисленные нами проблемы в той или иной мере были характерны для большинства государств того периода, однако это не отменяет их роли в формировании феномена электорального абсентеизма в России.

Говоря о политической культуре в российской империи, следует отметить, что она характеризовалась низкой гражданской активностью и недостаточной осведомленностью подданных российского императора о происходящих в стране политических процессах. Большинство населения было отчуждено от политики, люди не интересовались политическими событиями и не участвовали в общественной жизни. Эта ситуация, по нашему мнению, была обусловлена целым комплексом таких факторов, как низкий уровень образования, отсутствие свободы слова и собраний, а также традиционно патерналистская роль государства, которое воспринималось как единственный источник власти в государстве и гарант стабильности. В такой атмосфере политический абсентеизм вообще и электоральный в частности становились не просто нормой, а своеобразным рефлексом, закрепленным в общественном сознании. Безусловно, можно вспомнить уже упоминавшийся нами императорский Манифест от 17 октября 1905 г., который «даровал» подданным императора политические права, в том числе свободу слова, собраний, союзов и печати. Однако мы неспроста указали слово «даровал» в кавычках, ибо буквальная интерпретация этого термина по отношению к российской империи, по нашему мнению, является несколько упрощенной и не отражающей сложности политической ситуации того времени. Важно понимать, что даже после публикации Манифеста «дарованные» в нем права и свободы были значительно ограничены на практике. В частности за декларированием свобод последовали много-

численные законы и подзаконные акты, которые существенно ограничивали их реализацию. Вводилась цензура, запрещались определенные виды публикаций, преследовались неугодные власти издания. Свобода собраний также была ограничена многочисленными правилами и запретами. Власти могли разгонять митинги и демонстрации, а их организаторы подвергались преследованиям. Несмотря на декларированные свободы, в стране продолжали действовать карательные органы, которые подавляли любые проявления инакомыслия. Политические противники режима подвергались арестам, ссылкам и другим репрессиям. В такой атмосфере реальные гражданские свободы были крайне ограничены. Кроме того, важно учитывать общий политический контекст того времени. Россия оставалась самодержавной монархией, где реальная власть принадлежала императору. Таким образом, декларирование гражданских свобод было скорее вынужденной уступкой со стороны власти, чем реальным стремлением к демократизации общества.

Безусловно, важную роль в формировании феномена электорального абсентеизма играла отмеченная ранее социальная структура империи с ее резким делением на сословия, препятствовавшим формированию общенационального гражданского самосознания. Различные социальные группы имели разные возможности и мотивации для политического участия: высшие слои активно участвовали в политической жизни, в то время как большинство населения было отстранено от нее.

Культивации пассивного и аполитичного общества, по нашему мнению, способствовало также отсутствие развитой системы образования и ограничение доступа к информации, усугубляемые преследованием инакомыслия. Население империи в подавляющем большинстве не обладало достаточными знаниями о своих правах и обязанностях, не понимало механизмов власти и не видело возможностей для влияния на политические процессы. Власть же, в свою очередь, целенаправленно поддерживала эту политическую пассивность. Стоит отметить, что система образования в имперской России была направлена не на развитие критического мышления, а на воспитание послушных подданных российского императора.

Социально-экономические факторы также вносили свой вклад в формирование электорального абсентеизма. Бедность и безграмотность значительной части населения, безусловно, не способствовали развитию политической активности. Тяжелые условия труда, низкий уровень жизни и отсутствие социальных гарантий отвлекали людей от политики, заставляя их заботиться не о политических проблемах, а о повседневных бытовых. Как справедливо отмечает А. В. Костылев, «часто имел место самый настоящий пассивный абсентеизм, т. е. их безразличие к своим гражданским правам. Одних рабочих больше интересовали свои личные бытовые проблемы, другие боялись выступить против социал-демократических ак-

тивистов, третьи просто были рады свободному дню, когда не надо идти на работу (в день выборов предприятия не работали)» [3]. В таких условиях политическое участие для большинства населения, причем зачастую даже для той его части, которая формально обладала избирательными правами, превращалось в недостижимую роскошь.

Таким образом, электоральный абсентеизм в Российской Империи был порожден сплетением факторов: несовершенное избирательное законодательство, низкий уровень политической культуры и сложные социально-экономические условия. Эти факторы, взаимодействуя и усиливая друг друга, создавали благоприятную почву для распространения электорального абсентеизма. По мнению некоторых исследователей «своеобразный, не всеми признаваемый "принудительный абсентеизм" лежал в основе принятого в 1905–1906 гг. сословно-представительного многостепенного принципа голосования» [3]. Об этом же говорит и Ю. И. Бушенева, отмечая, что «как только в общественной жизни появилась выборность, так одновременно с ней возник и нормативно-правовой (принудительный) абсентеизм» [4]. Мы, в целом, согласны с таким выводом, однако отметим, что это несколько однобокий подход, учитывающий только проблему законодательного изъятия из нормативных правовых актов того периода активного избирательного права для значительной части населения империи. Однако вторую проблему, а именно вынужденный отказ от осуществления своих прав в силу обозначенных нами дополнительных факторов теми, кто их все-таки имел, этот подход не учитывает. По нашему мнению, можно говорить о том, что в российской империи сформировалась особая принудительно-вынужденная форма электорального абсентеизма. Это значит, что рассматриваемый феномен был не столько сознательным выбором населения, сколько следствием системных особенностей политического и социального устройства российской империи.

Анализ политического участия и абсентеизма в СССР сразу провоцирует вопрос: можно ли в принципе говорить о наличии абсентеизма в СССР, если явка на выборы в стране доходила до фантастических значений, вплотную приближавшихся к стопроцентному показателю? Тем более, что социалисты вообще считали абсентеизм важнейшим врагом революции [5]. Безусловно, такие высокие показатели стали появляться не сразу, а ближе к концу 1920-х годов, тогда как на начальном этапе советский абсентеизм мало отличался по своим масштабам от имперского и тоже имел очень внушительные показатели, достигая 65 % и более [6], но факт остается фактом. Для ответа на этот вопрос, по нашему мнению, необходимо, во-первых, учесть специфику этого периода, во-вторых, проанализировать как советское законодательство о выборах, так и практику его применения, а также рассмотреть особенности советской демократии в

период до первых относительно свободных выборов в 1989 году и после них.

Советский период истории России с точки зрения изучения феномена электорального абсентеизма является крайне интересным и специфичным. Более семидесяти лет советской истории с ее идеологией марксизма-ленинизма и принципами демократического централизма фактически исключали возможность реальной политической конкуренции и свободного волеизъявления граждан. Это противоречит основным принципам демократического государства, где выборы являются действенным механизмом выражения воли народа. Советская политическая система, построенная на принципе руководящей и направляющей роли КПСС, монополизировала политическую власть и контролировала все сферы общественной жизни, исключая возможность легального существования и политической борьбы для других партий и движений.

Несмотря на декларируемую приверженность принципам народной демократии и представление СССР как государства, где власть принадлежит народу, а выборы являются инструментом народного волеизъявления, советская политическая система была далека от демократических стандартов. Однопартийная система, идеологический контроль, отсутствие реальной политической конкуренции – все это создавало условия, в которых выборы превращались в пустую формальность [7], не способную обеспечить подлинное представительство интересов граждан в органах власти.

Советская Конституция 1918 г.¹, первая в истории России писаная конституция, провозглашала всеобщее избирательное право для граждан РСФСР. Однако она также устанавливала ряд ограничений избирательных прав, которые фактически лишали значительную часть населения возможности участвовать в выборах. В частности, эта конституция лишала избирательных прав лиц, использующих наемный труд с целью извлечения прибыли, лиц, живущих на нетрудовой доход, частных торговцев, духовенство, бывших служащих полиции и жандармерии, а также членов царской семьи (ст. 65). Данные ограничения, по нашему мнению, были направлены на то, чтобы исключить из политического процесса те социальные группы, которые советская власть считала своими классовыми врагами. Кроме того, Конституция 1918 г. не предусматривала тайного голосования, что делало выборы еще более контролируруемыми со стороны власти и фактически исключало возможность свободного волеизъявления граждан.

Принятая после образования Советского Союза Конституция СССР 1924 года² не содержала норм, регламентирующих избирательную систему. Это объясняется тем, что основной фокус данного документа была направлен на вопросы формирования союзного государства и разделения полномочий между

¹ Известия ВЦИК. 1918. № 151.

² Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1923. № 150.

центром и республиками. Вопросы же избирательного права оставались в ведении республик, а значит, ограничения, установленные Конституцией 1918 года, продолжали действовать.

Конституция СССР 1936 г.¹, известная как «Сталинская», впервые провозгласила всеобщее, равное и прямое избирательное право при тайном голосовании (ст. 134). На первый взгляд, это может показаться значительным прогрессом в развитии советской демократии. Однако не следует забывать, что на практике выборы в СССР проводились в рамках однопартийной системы и под жестким контролем КПСС. Как отметил в своем докладе «Подготовка партийных организаций к выборам в Верховный Совет СССР по новой избирательной системе и соответствующая перестройка партийно-политической работы» секретарь ЦК А. А. Жданов (в дальнейшем эта мысль была закреплена в резолюции Пленума ЦК ВКП(б)) «введение новой Конституции Союза ССР означает поворот в политической жизни страны. Существо этого поворота заключается в проведении дальнейшей демократизации избирательной системы... Чтобы встретить этот поворот во всеоружии, партия должна встать во главе этого поворота и обеспечить полностью свою руководящую роль в предстоящих выборах высших органов страны» [8]. Кандидаты выдвигались от партии и подконтрольных ей общественных организаций. Реальная альтернатива этим кандидатам отсутствовала, а результаты выборов были заранее известны. Безусловно, власти СССР отрицали подобные утверждения, однако их мотивировка не выдерживала критики. Так, например, первый заместитель председателя Комиссии партийного контроля при ЦК Я. А. Яковлев в докладе на 4 сессии ЦИК СССР 7 июля 1937 года дал ответ немецкой газете «Фелькишер Беобахтер», на страницах которой утверждалось, что правом выдвижения кандидатов наделяются только коммунистическая партия и подчиненные ей организации, что ставит под сомнение альтернативность этих выборов, где он апеллировал к ст. 56 и 57 проекта Избирательного закона, которые «предоставляют право выставления кандидатов не только коммунистическим партийным организациям, но и профессиональным союзам, кооперативам, организациям молодежи, культурным обществам, и другим организациям, зарегистрированным в установленном порядке» [9]. Комментируя этот ответ В. И. Бакулин совершенно справедливо, по нашему мнению, отметил, что «аргументация Яковлева, надо сказать, выглядела недостаточно убедительной по той причине, что он обходил вопрос о фактической подконтрольности всех общественных объединений партийным комитетам, а также то обстоятельство, что любое из них не имело шансов законно зарегистрироваться, будучи нелояльным по отношению к действующей власти. Варианты отказа могли быть различными» [10]. Мы полностью разделяем это мнение и считаем, что советская власть, несмотря на декларируемую приверженность

народной демократии, фактически не была заинтересована в реальном волеизъявлении граждан. Более того, советская пропаганда активно формировала образ советского человека – политически активного, сознательного и преданного идеалам коммунизма гражданина, с энтузиазмом участвующего в выборах и поддерживающего политику партии. Этот образ служил своеобразным идеологическим прикрытием отсутствия реального политического выбора.

Для обеспечения высокой явки использовались различные методы, включая административное давление и пропаганду. Граждане были обязаны участвовать в выборах, а неявка могла рассматриваться как проявление политической нелояльности. Как отмечает по этому поводу М. С. Саламатова, «начиная с кампании 1926/1927 гг., и особенно в кампанию 1928/29 гг. стали проявляться негативные тенденции жесткой заорганизованности выборных собраний, принудительности участия на выборах для пролетарских слоев населения, красноармейцев и служащих. Случаи неучастия в выборах стали подаваться как результат антисоветской агитации, чьих-то подрывных действий. В последствии это станет нормой для избирательных кампаний 1930-х гг.» [6]. Это означало, что граждане, не разделявшие идеологию КПСС или недовольные политикой партии, были вынуждены участвовать в выборах под страхом негативных последствий. В результате явка достигала фантастических значений. Как отмечают А. А. Макарец и Э. С. Юсубов, говоря о выборах в Верховный Совет 1937 года, «в целом по СССР в выборах Верховного Совета приняло участие 96,8 % от общего числа избирателей. При этом за кандидатов в Совет Союза было подано в среднем 98,6, а в Совет Национальностей – 97,8 % голосов» [11]. Однако эти показатели вызывают обоснованные сомнения в их достоверности, поскольку они были достигнуты в условиях отсутствия реальной политической конкуренции и применения административного давления.

Таким образом, проведенный нами анализ позволяет сделать вывод о том, что абсентеизм в СССР, так же как и в имперской России, нельзя рассматривать в его классическом понимании. Он представлял собой своеобразный феномен, обусловленный спецификой советской политической системы и требующий отдельного исследования. Абсентеизм в СССР действительно был, но, как и в период царской России, он был фактически создан самим государством, его политической и правовой системой. Формально граждане массово участвовали в выборах, о чем свидетельствуют фантастические проценты явки, но в действительности они были оторваны от реального политического участия в жизни страны. Именно поэтому, по нашему мнению, абсентеизм в СССР требует особого осмысления и не может быть отождествлен с абсентеизмом в его традиционном понимании.

В этой связи представляется целесообразным провести краткий лингвистический анализ самого слова «абсентеизм». Данный термин происходит от

¹ Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. № 283.

латинского «absentia», что означает «отсутствие». Мы уже отмечали, что в общепринятом понимании абсентеизм – это осознанное уклонение избирателей от участия в выборах, то есть ситуация, когда граждане имеют право голоса, но по тем или иным причинам его не реализуют. При этом предполагается наличие у них реального выбора между различными политическими альтернативами, а также свобода волеизъявления при осуществлении этого выбора. Однако в контексте советской политической системы это понятие, по нашему мнению, приобретает несколько иной смысл.

Абсентеизм в СССР – это не столько осознанное уклонение от выборов, сколько отсутствие реальной возможности влиять на политические процессы через институт выборов. Он был обусловлен спецификой советской политической системы, которая исключала реальную политическую конкуренцию и свободное волеизъявление граждан. Формально граждане СССР имели право участвовать в выборах, но реальная возможность влиять на политические процессы через институт выборов у них отсутствовала. Это было связано с тем, что, как мы отмечали выше, советская избирательная система была построена таким образом, что результаты выборов были заранее известны, а реальная политическая конкуренция была исключена. Выборы в СССР не предоставляли гражданам реальной возможности выбора между различными политическими альтернативами и не гарантировали свободу волеизъявления при осуществлении этого выбора.

Подобная трактовка абсентеизма, выходящая за рамки его классического определения как сознательного неучастия в выборах при наличии права голоса, вероятно, может вызвать неприятие у части научного сообщества. Однако мы уверены, что именно такой подход позволяет адекватно отразить специфику советской политической системы. Формальное наличие всеобщего избирательного права в СССР не отменяло того факта, что реальной возможности влиять на политические процессы через институт выборов у граждан не было. Это обуславливалось следующими взаимосвязанными факторами: однопартийная система и монополия КПСС на власть, отсутствие реальной политической конкуренции и альтернативных кандидатов, жесткий контроль результатов выборов со стороны партийного аппарата, а также атмосфера страха и репрессий, по крайней мере до середины XX века, которая подавляла любые проявления инакомыслия. В таких условиях участие в выборах становилось чистой формальностью, а высокая явка достигалась за счет административного давления и пропаганды. Именно поэтому мы считаем обоснованным использование термина «скрытый абсентеизм» для описания этого явления. Он позволяет более точно отразить реальную степень политического участия и электоральной активности граждан в СССР и избежать искажений, связанных с фокусировкой исключительно на формальных показателях явки.

Ситуация начала меняться в конце 1980-х гг. в период перестройки. В 1989 г. в Советском Союзе были проведены первые относительно свободные выборы народных депутатов СССР. Они характеризовались наличием реальной политической конкуренции, хотя КПСС все еще сохраняла значительное влияние. В результате этих выборов в состав Съезда народных депутатов СССР прошли представители различных политических сил, в том числе и оппозиционных. Явка на этих выборах была значительно ниже, чем на предыдущих, и составила 89,8 %. Это свидетельствует о том, что в условиях политической либерализации абсентеизм в СССР начал проявляться более явно, приобретая черты, соответствующие его классическому пониманию. «Скрытый» абсентеизм, характерный для советской системы, начал трансформироваться в более открытые формы политического неучастия, обусловленные такими внутренними факторами, как разочарование в политических институтах и недоверие к власти.

Выборы 1989 года стали важной вехой в политической истории СССР, продемонстрировав возможность проведения альтернативных выборов и участия в политической жизни представителей различных политических взглядов. Однако они также выявили ряд существенных проблем. С одной стороны, многие граждане с энтузиазмом восприняли возможность реального участия в политической жизни страны. С другой – часть населения, привыкшая к формальному характеру советских выборов, проявила политическую пассивность. Это свидетельствует о сложности процесса формирования демократической политической культуры и о том, что переход к демократии не гарантирует автоматического повышения политической активности граждан, требуя наличия не только формальных институтов, но и определенного уровня гражданского самосознания и политической культуры, формирование которых представляется длительным и сложным процессом.

Распад СССР привел к коренным изменениям в политической системе России. В стране была установлена многопартийная система, а выборы стали реальным механизмом народного волеизъявления. Конституция Российской Федерации 1993 г.¹ закрепила принципы демократического правового государства, провозгласив народ единственным источником власти и гарантировав гражданам широкий спектр политических прав и свобод. Статья 32 Конституции РФ предоставляет гражданам право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей, право избирать и быть избранными в органы государственной власти и местного самоуправления, а также участвовать в референдуме. Эти конституционные положения создали правовую основу развития демократических институтов и активного политического участия граждан.

Однако проблема электорального абсентеизма в современной России сохраняется и требует глубоко-

¹ Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. № 283.

го анализа с позиций истории государства и права.

Говоря о современной России, следует отметить определенное снижение остроты проблемы электорального абсентеизма по сравнению с более ранними периодами истории нашей страны. Фиксируемый рост явки избирателей на выборах различных уровней, подтверждаемый официальными данными, свидетельствует о прогрессе в развитии политической культуры в России.

Этому способствует целый комплекс факторов. В первую очередь следует отметить влияние информационных кампаний, проводимых как органами власти, так и независимыми организациями. Безусловно, они играют важную роль в повышении информированности граждан о ходе и значении выборов. Не менее важным фактором считаем высокий уровень активности политических партий и общественных организаций в части организации митингов и встреч с кандидатами, проведения дебатов, распространения агитационных материалов и т. д. Нельзя не отметить роль средств массовой информации, которые также вносят существенный вклад в формирование электорального поведения граждан, предоставляя информацию о кандидатах и их программах, организуя дискуссии и дебаты, проводя аналитические передачи. Взаимодействие всех этих факторов ожидаемо ведет к повышению уровня политической культуры граждан России и создает благоприятные условия для роста электоральной активности, повышения не только количественной, но и качественной ее составляющей, поскольку народ, заранее ознакомленный с программами партий и кандидатов, получает возможность голосовать осознанно, четко понимая, чего он может ожидать от своего кандидата.

Однако говорить о полном преодолении проблемы электорального абсентеизма в современной России все-таки не приходится. И мы не имеем в виду так называемый «объективный» абсентеизм, когда граждане не принимают участия в выборах в силу тех или иных объективных причин – болезнь, служебная занятость, командировка и т. д., тем более, что продвигаемая в последнее время практика многодневных выборов, возможность избирателя открепиться от своего избирательного участка и прикрепиться к другому, а также введение такой формы, как электронное голосование постепенно сводят эту проблему к минимуму. Мы говорим о проблеме «субъективного» абсентеизма, когда граждане не принимают участия в выборах в силу тех или иных субъективных причин. Эта проблема, к сожалению, для современной России все еще остается достаточно актуальной. При этом нужно понимать, что ее преодоление является долгосрочным процессом, требующим не только законодательных изменений, но и формирования более активной гражданской позиции, основанной на осознанном и ответственном подходе к участию в политической жизни страны и активном взаимодействии государства и общества.

Таким образом, эволюция форм электорального абсентеизма в России отражает динамику политической культуры и правосознания общества. От «принудительно-вынужденного» абсентеизма имперского периода через «скрытый» абсентеизм советской эпохи к многообразию форм абсентеизма в современной России – эта траектория демонстрирует как преемственность некоторых черт политической культуры, так и значительные трансформации в характере взаимоотношений между государством и обществом.

Проведенный нами историко-правовой анализ электорального абсентеизма в России позволяет обоснованно выделить четыре типа данного явления. Из них два – активный и пассивный – традиционно выделяются в рамках классической дихотомии, а еще два – принудительно-вынужденный и скрытый – были выделены нами в результате проведенного анализа. Каждая из этих форм имеет собственное внутреннее содержание, собственные предпосылки и собственные формы выражения.

Подводя итоги исследованию, отметим, что проблема электорального абсентеизма в современной России имеет глубокие исторические корни и требует комплексного исследования в рамках самостоятельной научной статьи.

Библиографический список

1. Тетерятников Н. Ю. К уточнению определения абсентеизма // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 4 (53). С. 174–178.
2. Ткач А. С. Феномен абсентеизма в дореволюционной России // Вестник Костромского государственного университета. 2019. Т. 25. № 4. С. 199–203.
3. Костылев А. В. Абсентеизм на выборах в Государственную думу Российской империи // Таврические чтения 2015. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: сборник научных статей Международной научной конференции / Под ред. А. Б. Николаева. Ч. 1. СПб.: ООО «ЭлекСис», 2016. С. 107–116.
4. Бушенева Ю. И. Абсентеизм как фактор избирательного процесса в современной России: дисс. ... канд. полит. наук. СПб., 2007. 180 с.
5. Протасов Л. Г. Проблема абсентеизма на выборах Всероссийского Учредительного собрания (1917 г.) // Pro Nunc. Современные политические процессы. 2006. Т. 4. № 1. С. 25–35.
6. Саламатова М. С. Абсентеизм в контексте советских избирательных кампаний 1920-х гг. // Вестник НГУЭУ. 2013. № 2. С. 215–224.
7. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 103. Д. 637. Л. 111.
8. Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года (часть 1). URL: <https://archive.org/details/19371993No7/page/22/mode/2up> (дата обращения: 25.08.2024).
9. Правда, 8 июля 1937 года, № 186 (7152). URL: <https://marxism-leninism.info> (дата обращения: 25.08.2024).

10. Бакулин В. И. Подготовка к первым выборам в Верховный Совет СССР и проблема их альтернативности (год 1937-й) // Вестник гуманитарного образования. 2019. № 2(14). С. 28–36.

11. Макарецев А. А. Выборы в Верховный Совет СССР 1937 года как этап формирования отечественного избирательного права и процесса // Гражданин. Выборы. Власть. 2018. № 4. С. 48–61.

Статья поступила в редакцию 14.05.2024; одобрена после рецензирования 28.05.2024; принята к публикации 18.09.2024

The article was submitted 14.05.2024; approved after reviewing 28.05.2024; accepted for publication 18.09.2024

References

1. Teteryatnikov N. Yu. On clarifying the definition of absenteeism // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 4 (53). Pp. 174–178.

2. Tkach A. S. The phenomenon of absenteeism in pre-revolutionary Russia // Bulletin of Kostroma State University. 2019. Vol. 25. № 4. Pp. 199–203.

3. Kostylev A. V. Absenteeism in the elections to the State Duma of the Russian Empire // Tauride Readings 2015. Actual problems of parliamentarism: history and modernity: International Scientific Conference. Collection of scientific articles / Edited by A. B. Nikolaev. Volume Part 1. SPb: Limited Liability Company "ElexSys", 2016. Pp. 107–116.

4. Busheneva Yu. I. Absenteeism as a factor in the electoral process in modern Russia: diss. ... cand. of political sciences. SPb, 2007. 180 p.

5. Protasov L. G. The problem of absenteeism in the elections of the All-Russian Constituent Assembly (1917) // Pro Nunc. Modern political processes. 2006. Vol. 4. № 1. Pp. 25–35.

6. Salamatova M. S. Absenteeism in the context of Soviet election campaigns of the 1920s // Bulletin of NSUEM. 2013. № 2. Pp. 215–224.

7. GARF. F. 1235. Op. 103. D. 637. L. 111.

8. Materials of the February-March plenum of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) of 1937 (part 1). URL: <https://archive.org/details/19371993No7/page/22/mode/2up> (accessed: 25.08.2024)

9. Pravda, July 8. 1937. № 186 (7152). URL: <https://marxism-leninism.info> (accessed: 25.08.2024).

10. Bakulin V. I. Preparation for the first elections to the Supreme Soviet of the USSR and the problem of their alternativeness (year 1937) // Bulletin of Humanitarian Education. 2019. № 2 (14). Pp. 28–36.

11. Makartsev A. A. Elections to the Supreme Soviet of the USSR in 1937 as a stage in the formation of domestic electoral law and process // Citizen. Elections. Power. 2018. № 4. Pp. 48–61.

Информация об авторе

Леонов Александр Петрович – кандидат юридических наук

Information about the author

Leonov Alexander P. – Candidate of Law

Социальный и правовой статус чинов полиции и офицеров Отдельного корпуса жандармов в условиях Первой мировой войны: историко-правовой аспект

Скипский Георгий Александрович

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, skipsky.georgy@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена историко-правовому исследованию деятельности полиции и жандармов Российской империи в период первой мировой войны. Главное внимание уделено расширению круга служебных обязанностей полицейских чинов и офицеров жандармерии в связи с переходом на режим военного времени. Также подчеркивается проблема координации деятельности полиции и жандармов в губерниях, прилегающих к линии фронта, и выявляется механизм изменения правового статуса полицейских чинов в ходе эвакуации в 1914–1915 гг. Отдельно исследованы вопросы кадрового пополнения полиции Российской империи в годы Первой мировой войны и снижения социального престижа службы в ней.

Ключевые слова: военная контрразведка, агентура вражеской разведки, режим чрезвычайной охраны, дезертирство, перебежчик, эвакуация, беженцы, «сухой закон»

Для цитирования: Скипский Г. А. Социальный и правовой статус чинов полиции и офицеров Отдельного корпуса жандармов в условиях Первой мировой войны: историко-правовой аспект // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 3. С. 21–28.

Original article

The social and legal status of police officers and officers of a Separate corps of gendarmes in the conditions of the First World War: historical and legal aspect

Skipsky George A.

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, skipsky.georgy@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the historical and legal study of the activities of the police and gendarmes of the Russian Empire during the First World War. The main attention is paid to expanding the range of duties of police officers and gendarmerie officers in connection with the transition to a wartime regime. The problem of coordinating the activities of the police and gendarmes in the provinces adjacent to the front line is also highlighted, and the mechanism of changing the legal status of police officers during the evacuation in 1914–1915 is revealed. Separately, the issues of personnel replenishment of the police of the Russian Empire during the First World War and the decline in the social prestige of service in it are investigated.

Keywords: military counterintelligence, enemy intelligence agents, emergency protection regime, desertion, defector, evacuation, refugees, prohibition

For citation: Skipsky G. A. The social and legal status of police officers and officers of a Separate corps of gendarmes in the conditions of the First World War: historical and legal aspect // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 3. Pp. 21–28.

Первая мировая война началась 19 июля (1 августа по новому стилю) 1914 года. В результате начала боевых действий русской императорской армии против Германской империи и Австро-Венгрии на территориях Привислинского (бывшее Царство

Польское) и Прибалтийского краев было введено военное положение. Поэтому все вопросы поддержания общественного порядка на этих территориях

были переданы в ведение военного командования Северо-Западного фронта, действовавшего против немецких войск в Восточной Пруссии, а также военного командования Юго-Западного фронта, действовавшего против австро-венгерских войск в Галиции.

Соответственно, и полиция, и жандармерия на данных территориях перешли в полное подчинение военного командования. Безусловно, при этом максимальные полномочия получили органы военной контрразведки. В связи с тем, что объем ее работы значительно увеличился, офицерский состав стал доукомплектовываться за счет откомандированных служащих из губернских жандармских управлений всей территории Российской империи.

На территории остальных губерний Российской империи был введен режим чрезвычайной охраны, в рамках которого все полномочия в тыловых районах были сосредоточены в руках генерал-губернаторов. Соответственно, на этих территориях главную роль в поддержании общественной безопасности стали играть губернские жандармские управления, в их подчинении оставались местные полицейские управы.

Военное положение, установленное в прифронтовых губерниях, давало генерал-губернатору наибольший объем административных, полицейских и судебных прав. Он в целях обеспечения общественной и государственной безопасности получил полномочия, позволяющие в административном порядке устанавливать уголовную ответственность в виде тюремного заключения сроком на три месяца или денежного штрафа до 3 тысяч рублей за нарушение режима усиленной охраны [1, с. 14].

В прифронтовых губерниях полицейские чины и жандармские офицеры получили право задерживать любых лиц, в отношении которых могли возникнуть всего лишь подозрения в шпионской или революционной деятельности. При этом в нарушение прежнего довоенного уголовного имперского законодательства обыск мог быть проведен и по месту жительства подозреваемых, причем без предварительного согласования с прокуратурой [2]. Наибольшую активность в арестах подозреваемых в шпионаже проявляли армейские офицеры войсковой контрразведки, многие из которых были недостаточно компетентны в вопросах проведения предварительного дознания и следствия. Например, 16 августа 1915 года недалеко от артиллерийских складов в городе Смоленске по подозрению в шпионаже была задержана семья Степановых – беженцев из Риги. Жительница смоленского пригорода (Лестровка) Мария Александровна Титова сообщила, что ей показалось, будто супруг Степанов говорит по-немецки, а его жена что-то записывает в книжку. При поддержке бдительных смоленских обывателей супругов Степановых доставили к приставу 3-й полицейской части. Затем в доме по Тихвинскому переулку, где остановились Степановы, жандармским ротмистром Доброхотовым был проведен обыск, но кроме паспортов, семейных фотографий, писем и памятной книжки ничего найдено не было [3].

Следует отметить, что ужесточение мер борьбы со шпионажем в губерниях, где было объявлено военное положение, существенно подорвало позиции агентуры австро-венгерской и германской разведки, созданной еще до начала Первой мировой войны. Качество ее работы к 1915 году значительно снизилось. Для ускоренного рекрутирования новых агентов противник был вынужден привлекать преступников, дезертиров и перебежчиков, которые проходили краткую подготовку в специальных разведывательных школах (обучение продолжалось 2–3 недели). После чего выпускники выдвигались по особым маршрутам, как правило, разработанным еще до войны контрабандистами, проникали в российский тыл под видом беженцев с целью выяснения мест расположения частей русской армии, численности ее гарнизонов и маршрутов их выдвижения.

Агентура австрийской и германской разведки в основном выступала в роли актеров, парикмахеров, мясников, столяров, фабричных рабочих, контрабандистов, альфонсов и воров. В числе агентов были выявлены женщины-проститутки, мальчики в возрасте 12–14 лет, добровольцы-воспитанники военных училищ и пленные солдаты русской армии. Последние посылались в разведку под видом бежавших из плена [3].

На этом фоне полицейским чинам и офицерам жандармского корпуса крайне сложно было отличить агента вражеской разведки от обычного подданного Российской империи. Ситуация в стране в начале войны осложнялась волной доносов, когда осуществлялись недобросовестные попытки свести счеты друг с другом, тем более, что среди подданных Российской империи был немало лиц немецкого происхождения, а также выходцев из Германии, переселившихся в Россию в предыдущий исторический период.

Многие жандармы, назначенные на руководство контрразведывательными отделениями, не желая идти на конфликт с непосредственным военным начальством, были вынуждены превышать служебные полномочия. Немалую роль сыграли и коррупционные схемы. Все это существенно увеличивало число арестов, но при этом сохранялась определенная самостоятельность губернских жандармских управлений, которые противостояли противозаконным действиям своих коллег из военной контрразведки [4, с. 25].

Лишь к 1916 году офицеры Отдельного корпуса жандармов и войсковой контрразведкой стали работать в тандеме, позволяющем постепенно снизить остроту ведомственного противостояния.

На полицейские управы и охранные отделения полиции по всей территории Российской империи были возложены дополнительные объемы работы. Полиция стала заниматься вопросами организации эвакуации из районов, подвергавшихся угрозе захвата вражескими войсками, а также вопросами депортации из прифронтовой полосы определенных категорий населения, подозреваемых в шпионской деятельности. Усилилась работа по выявлению дезертиров, агентов

германской, австро-венгерской и турецкой разведки. В рамках данной деятельности начались мероприятия по частичной национализации собственности подданных Германской империи и Австро-Венгрии, над которыми было усилено гласное и негласное наблюдение.

В 1915 году в Департаменте полиции было создано новое 8-е отделение, которое стало заниматься вопросами ликвидации землевладения лиц германского происхождения и заподозренных в шпионаже в пользу Германской империи. Кроме того, оно ведало вопросами хозяйственного освоения Севера [5, с. 21].

В связи с началом всеобщей мобилизации полиция привлекалась к решению проблем размещения, питания, транспортировки новобранцев. Одновременно власти организовали ввоз на территорию Российской империи неквалифицированных иностранных рабочих из Персии (Ирана) и Китая, которых необходимо было поставить на учет, разместить, а также установить над ними контроль.

Расширение полномочий полиции и жандармов в связи с началом войны базировалось на Положении о подготовительном к войне периоде, принятом еще 17 февраля 1913 года, на основании которого аппаратом Департамента полиции были направлены поручения о необходимости взятия под охрану и обслуживание всех казенных учреждений гражданского ведомства, а также указания о принятии мер к недопущению забастовок и причинения ущерба имуществу заводов, производящих предметы военного назначения [6, с. 26].

Для организации эвакуации населения, государственного имущества и архивов с началом войны при Департаменте полиции для проведения данных мероприятий был создан специальный совет, обеспечивающий контроль ликвидации промышленных предприятий, принадлежавших иностранцам, государства которых вели военные действия против Российской империи. При этом вместе с отступавшими русскими войсками последними подведомственную территорию оставляли полицейские чины. Они в течение всего периода эвакуации продолжали оставаться в полном распоряжении военного командования и привлекались к организации тылового обеспечения в прифронтовой полосе, конвоированию военнопленных, поиску дезертиров и решению других задач. Лишь после полного завершения эвакуации их переводили в другие места для дальнейшего продолжения прохождения службы [5, с. 22].

Для обеспечения эвакуации также широко применялись конвойные команды, которые должны были заниматься, в том числе, и эвакуацией тюрем. В 1914 году было эвакуировано 28 тюрем, а в 1915 году, в связи отступлением русской армии вглубь страны, – еще 58 [5, с. 24].

Всего в течение 1914–1915 гг. в тыл были также перемещены 151 943 иностранных гражданина, подлежащих призыву на военную службу [5, с. 23]. Для выдворения за пределы Российской империи подданных Германской империи и Австро-Венгрии (а по-

сле 29 октября 1914 года Османской империи) привлекались конвойные команды. Следует отметить, что данная процедура проводилась за счет самих иностранцев.

Конвоирование военнопленных германской и австро-венгерской армии осуществлялось первоначально в пешем порядке, а затем они следовали железнодорожным транспортом в Вятскую, Вологодскую, Пермскую, Томскую, Нижегородскую, Самарскую и Оренбургскую губернии. Часть военнопленных отправлялась в Туркестанскую область. Как правило, полицией приобретались им билеты на поезд в вагоны III класса [7, с. 67]. В пути следования к границам иностранцев на каждой станции проверяли унтер-офицеры жандармских железнодорожных команд.

На обратном пути конвойные команды сопровождали по железной дороге на фронт военные грузы. Железнодорожные жандармские команды также занимались вопросами перевозки беженцев, в том числе решали проблемы с их размещением и питанием на остановках. В связи с резким увеличением объемов и количества воинских перевозок по железной дороге любая коммерческая деятельность на ней была приостановлена [5, с. 24]. На жандармов также возлагались обязанности по обеспечению контроля за своевременным снабжением беженцев продуктами питания и охране продовольственных складов при железнодорожных станциях [8, л. 4].

Следует отметить, что железнодорожная жандармерия также занималась вопросами борьбы с дезертирством, причем, не только на пути следования эшелонов на фронт, но и в случаях бегства солдат из санитарных поездов, шедших в глубокий тыл.

В период Первой мировой войны происходит становление элементов ведомственной полицейской охраны на селе, которая стала формироваться за счет частных пожертвований помещиков, нуждавшихся в обеспечении безопасности своих владений на фоне обострения социально-политической обстановки. Данный шаг по пополнению рядов конной сельской стражи был вызван тем, что многие из стражников состояли в запасе, а с началом войны были мобилизованы на фронт. Соответственно, в сельской полиции оставались только представители старшего возраста, т. е. лица, достигшие 43 лет. Данные сельские стражники вводились в штатное расписание, но денежное жалование получали не из казенных средств, а от частных лиц. Руководство Департамента полиции считало это временной мерой, но в условиях постоянных мобилизаций она стала постоянной [9].

В целях совершенствования деятельности полиции, в том числе повышения качества ее взаимодействия с другими государственными органами, особенно военными властями, в структуре Департамента было создано 9-е делопроизводство, в ведение которого были переданы политический сыск, поиск и задержание дезертиров, охрана государственной границы, охрана Императорской семьи и самого Императора [10, с. 105]. В 8-м делопроизводстве были

сосредоточены все сведения о совершенных общеуголовных преступлениях (кражи, грабежи, разбои).

Следует отметить, что во время Первой мировой войны происходила явная дезорганизация деятельности полиции, обусловленная процессами «министерской чехарды», инициируемой фаворитом правящей династии Григорием Распутиным. Эти процессы еще более усилились после того, как император Николай II в августе 1915 года убыл из Петрограда в Могилев, где возложил на себя (будучи совершенно не компетентным в военном деле) должность Верховного главнокомандующего русской императорской армией.

Интересно отметить, что Департамент полиции в годы Первой мировой войны возглавляли достаточно квалифицированные с профессиональной точки зрения руководители. Но при этом его деятельность часто была парализована указаниями со стороны таких министров МВД, как А. Н. Хвостов, Б. В. Штюрмер, А. Д. Протопопов, которые проявляли полное непонимание своих функциональных обязанностей и оказывались некомпетентными в той сфере деятельности, которой они руководили [11, с. 151].

Вопреки «министерской чехарде» усилиями Департамента полиции проводился плановый переход деятельности правоохранительной системы Российской империи на режим военного времени.

С 1 января 1915 года продолжились процессы реорганизации уголовного сыска. В целях его дальнейшей централизации (а процессы реформирования уголовного сыска были инициированы еще П. А. Столыпиным в 1907 году) еженедельно стали издаваться «Сыскные ведомости», позволяющие оперативно обмениваться информацией на всей территории Российской империи. Кроме того, оперативно-розыскная деятельность стала проводиться по линейному принципу, что позволяло организовать взаимодействие работников уголовного сыска, служащих железнодорожной и речной полиции, охранных отделений, конвойных команд, а также войсковой контрразведки и офицеров Отдельного корпуса жандармов в губерниях, где было объявлено военное положение.

В период Первой мировой войны численность Отдельного корпуса жандармов, несмотря на значительный рост объемов работы, увеличилась незначительно. Если в 1913 году она составляла 13 642 человека (офицеры, унтер-офицеры и рядовой состав), то к октябрю 1916 года при многократно выросшей нагрузке на каждого военнотруженика насчитывалось только 14 667 человек.

Следует отметить, что количество губернских жандармских управлений к 1917 году составляло 75, а жандармских полицейских управлений на железной дороге – до 33 [12, с. 131].

Таким образом, штатная численность личного состава каждого губернского жандармского управления и жандармско-полицейского железнодорожного управления была незначительной по сравнению с огромными потоками беженцев, иностранных рабочих, новобранцев, военнопленных, которые должны

были находиться под контролем Отдельного корпуса жандармов.

В годы Первой мировой войны размеры денежного жалования полицейских чинов оставались без изменения, несмотря на рост цен и инфляцию. Кроме того, часть полицейских стали уходить со службы и устраиваться на работу на оборонные предприятия, где зарплата была существенно выше, чем жалование городского или сельского стражника. Также рабочие оборонных предприятий имели бронь и не подлежали мобилизации. В результате штатная численность полиции в эти годы стала снижаться.

Невысокий престиж службы в полиции был и до начала Первой мировой войны, а после 1914 года он стал еще ниже. Например, несмотря на столичный статус и самые высокие должностные оклады в Российской империи в петербургской полиции в 1912 году оставались вакантными 447 должностей городского, в январе 1914 года их стало уже 935, а на начало 1915 года некомплект составил 1024 городских [13, с. 495].

На фоне роста текучести кадров снижался и уровень служебной дисциплины полицейских чинов. Их халатное и непрофессиональное отношение к своим служебным обязанностям во многом было обусловлено чрезмерным увеличением объема работы, а не только низким размером денежного довольствия. Таким образом, одной из основных причин роста преступности в Российской империи в период Первой мировой войны стала высокая текучка кадров в полиции.

В феврале 1916 г. новый градоначальник города Москвы генерал-майор В. Н. Шебеко при вступлении в должность заявил общественности, что рост преступности, прежде всего краж и разбоев, происходит в основном «по вине полицейских чинов, особенно из числа нижних, квалификации которых недостаточно для должного выполнения своих служебных обязанностей» [13, с. 495]. Он вслед за журналистами поднял проблему безразличного отношения полицейских к своим служебным обязанностям. Но при этом, новый градоначальник не задавался вопросом об истинных причинах снижения мотивации к службе у своих подчиненных, стремясь заигрывать перед либерально настроенной московской прессой.

В частности, московскую полицию журналисты винили и в том, что она недостаточно эффективно следила за соблюдением «сухого закона», введенного Положением от 13 октября 1914 года «О торговле и потреблении крепких напитков» [14, с. 83]. Интересно отметить, что сама Московская городская дума вслед за инициативой коллег из Петрограда в октябре 1914 года активно выступала за максимальное ограничение продажи спиртных напитков.

Интересно отметить, что никто из либеральной оппозиции тогда не задавался вопросом, почему на третий год войны императорский указ практически не соблюдается во второй столице. По привычке во всем продолжали обвинять только полицейских, хотя основную выгоду от контрабанды спиртных напитков

получали коммерсанты, чьи представители и заседали в московской городской думе.

Так называемый «сухой закон» был утвержден Указом «О продлении воспрещения продажи спирта, вина и водочных изделий для местного потребления в Империи до окончания военного времени» императора Николая II сразу после начала Первой мировой войны [15].

В течение последней недели августа 1914 года в Российской империи прошла волна винных погромов. В 35 губернских и уездных городах в европейской части страны были разгромлены 230 питейных заведений, причем полиция была вынуждена стрелять по участникам бесчинств, но в силу своей малочисленности остановить их не могла. После этого Пермский губернатор М. А. Лозина-Лозинский, например, лично обратился к императору с просьбой об организации продажи алкогольных напитков хотя бы на 2 часа в день, мотивируя это угрозой новых кровавых столкновений [15].

Интересно отметить, что правительство Российской империи весьма оригинально отреагировало на эти реальные угрозы общественной и государственной безопасности. В частности, властями было разрешено торговать алкогольными напитками в ресторанах I класса, а также в аристократических клубах, куда доступ представителям социальных низов по умолчанию был воспрещен [15]. Такое противоречивое решение по ограничению продажи спиртной продукции неизбежно могло привести к новой волне «пьяных» погромов.

Угроза роста числа массовых беспорядков вынудила власти пойти на уступки, 10 октября 1914 года они предложили органам местного самоуправления на свое усмотрение устанавливать правила торговли спиртными напитками.

Первоначально запрет на продажу алкоголя поддерживали городские думы Петрограда и Москвы, но в целом по стране «сухой закон» официально действовал только в 22 % губернских центров и в 50 % уездных городов. В остальных городах Российской империи была легализована продажа пива и вина крепостью не более 16 % содержания спирта [15].

В прифронтовой полосе разрешена была продажа водки для солдат и офицеров, что не противоречило приказу Военного министра от 22 мая 1914 года № 309 «О мерах против потребления спиртных напитков в армии», который в частности предполагал, что офицеры имеют право употреблять спиртное при приеме завтрака, обеда и ужина [15].

В определенных случаях для приобретения спиртных напитков требовалось разрешение губернского правления, а в уездах – решение исправника. Допускалось также потребление алкоголя в медицинских целях, но при наличии справки за подписью врача и с печатью медицинского учреждения. Данная уступка была регламентирована указом Николая II от 8 марта 1916 года.

Полиции предписывалось выявлять и ликвидировать места незаконного изготовления и продажи

алкоголя. Например, в городе Екатеринбурге в ресторане «Россия» в июле 1915 года полиция выявила факт подпольной продажи самопальной водки. При обыске в гостинице при этом ресторане все спиртное было изъято и передано в воинские лазареты для раненых, а владелец ресторана был оштрафован [16, Л. 9].

Отметим, что нижние полицейские чины как непосредственные исполнители находились в самом невыгодном положении. Они должны были, помимо своих непосредственных (указанных в законах) обязанностей, выполнять все, в том числе выходящее за рамки закона, указания начальства и при этом не вызывать агрессии у населения.

Во избежание провокации массовых беспорядков, связанных с недовольством населения относительно принятого «сухого закона», губернатор Пермской губернии действительный статский советник М. А. Лозина-Лозинский предписал полицейским чинам воздерживаться от проведения повальных обысков в целях выявления алкогольных напитков и применять их в единичных случаях. Он предлагал «...арестование (так написано в документе – авт.) виновных в спаивании населения как общее правило не было рекомендовано в моем циркуляре и может иметь место лишь при чрезвычайных обстоятельствах, когда неприятие быстрых и решительных мер угрожает общественному порядку и спокойствию» [16, Л. 55–55об.].

Более того, пермский губернатор предупреждал уездных начальников полиции, что «за всякие бесчинства и беспорядки, учиненные пьяной толпой, будет увольнять со службы всех чинов полиции, не сумевших предупредить эти бесчинства и беспорядки путем своевременного изъятия охмеляющих напитков» [16, Л. 55–55об.].

Принятие «сухого закона» привело к резкому росту самогоноварения крестьянами и массовому употреблению денатуратов в городах Российской империи. Более того, в стране стало распространяться употребление кокаина и других наркотических средств, которые поступали из Великобритании, США, а также из Персии и Китая. Причем, если петроградская и московская богема и аристократия стала считать употребление кокаина, поступавшего из США и Великобритании, правилом «хорошего тона», то более грубые и дешевые наркотики из опия-сырца, привозимые иностранными рабочими из Персии и Китая, распространялись среди рабочих, мелких служащих в иных губернских и уездных центрах [15].

Все эти обстоятельства в существенной степени способствовали росту преступности и падению воинской дисциплины. Например, в 1915 году в городе Барнауле пьяная многотысячная толпа новобранцев взяла штурмом винный склад, а затем целый день устраивала погромы в городе. На подавление массовых беспорядков были брошены воинские части. В результате стрельбы на поражение убито 112 новобранцев [15].

В ночь с 28 на 29 мая 1915 года аналогичные события происходили в Москве – пьяный погром был

учинен на фоне роста антинемецких настроений. В состоянии алкогольного опьянения москвичи громили лавки и магазины, конторы и аптеки, на вывесках которых были написаны немецкие фамилии их владельцев. В эту ночь толпа разграбила винные склады Шустера, а затем стала врывать в частные квартиры российских немцев и убивать их. Только днем 29 мая 1915 года московская полиция и гарнизонные войска смогли усмирить погромщиков [15].

Просчеты министра финансов Барка, инициировавшего принятие «сухого закона» в 1914 под предлогом повышения производительности труда и экономии государственных средств для нужд войны, привели к тому, что в стране резко выросли цены на продукты питания, поскольку зерно, картофель, свекла, сахар стали массово использоваться крестьянами для производства самогона. Поступления же в казну финансовых средств наоборот сократились, поскольку до начала Первой мировой войны бюджет пополнялся от продажи акцизов на производство алкогольной продукции суммой до 1 млрд рублей золотом из запланированных 3 558 261 499. Следует отметить, что по инициативе министра финансов Барка значительная часть золотого запаса Российской империи в целях оплаты военных поставок была переведена в банки Великобритании. При этом союзники всячески срывали выполнение своих обязательств: к 1917 году ими было реализовано не более 15 % от всего объема заказанной военной продукции [15]. Сам Барк заблаговременно после Февральской революции выехал из страны именно в Великобританию, где получил рыцарский титул. Возникает вопрос – почему этот чиновник не был привлечен к уголовной ответственности за колоссальный экономический ущерб (еще и в условиях военного времени)?

В результате проведения министром финансов данной антиалкогольной кампании курс рубля значительно снизился, что привело к выведению из оборота золотых монет, а покупательная способность российского рубля упала на 30 %. Зато золотой запас Великобритании существенно укрепился за счет Российской империи.

В условиях начавшегося финансово-экономического кризиса правительство было вынуждено существенно урезать все расходы, кроме средств, необходимых на потребности действующей армии. На военные нужды было выделено более 849 млн (23,74 % всего государственного бюджета), на содержание полиции отводилось всего 1,69 %, на суды – 1,56 %, на обеспечение Отдельного корпуса жандармов – 0,22 % [15].

Следует уточнить, что помимо прямых дотаций из государственного бюджета жандармы получали денежное довольствие из фондов военного министерства. А если учесть, что их численность кратно уступала численности полиции Российской империи, то финансирование последней по сравнению с жандармерией было меньше примерно в 1,5–2 раза.

С большим запозданием, только 23 октября 1916 года, Николай II утвердил Положение об усилении

полиции в 50-ти губерниях Российской империи и об улучшении служебного и материального положения полицейских чинов [17], которое предусматривало увеличение штатной численности полиции, а также увеличение размеров денежного довольствия сотрудников. Этим же актом устанавливались соответствующие образовательные цензы в целях улучшения качественного состава занимаемых полицейских должностей, а также был принят порядок приема на службу женщин [7].

Следует отметить, что к концу 1916 года покупательная способность российского рубля по сравнению с 1914 годом снизилась на 40 %. Поэтому повышение денежного жалования полицейским чинам фактически не компенсировало даже размеров инфляции, а зарплаты рабочих на оборонных заводах по-прежнему продолжали оставаться выше, чем оклады нижних полицейских чинов.

Особо уполномоченный по Екатеринбургскому и Верхотурскому уездам жандармский ротмистр Фортвенглер, докладывая Пермскому губернатору о положении чинов полиции, указывал: при проверке постов и расквартированных в городе полицейских выявлено, что «люди настолько обносились, что их убогий вид производит удручающее впечатление, особенно пешие стражники» [16, Д. 3 Л. 7].

В рапорте Екатеринбургского полицмейстера Ключникова отмечалось бедственное материальное положение стражей порядка и их семей. В частности, еще в 1913 году в Пермской губернии по его сообщениям снизились расходы на содержание и обеспечение полиции города Екатеринбурга до 10 %.

Далее полицмейстер Ключников сообщал, что «... стражник заходит ко мне в калошах. На замечание отвечает: "И рад бы снять, да подметки на сапогах отвалились"». Он же указывал, что «вследствие маленького жалованья нижние полицейские не могут привести свою форму в надлежащий вид и ходят на службу в лохмотьях» [16, Д. 2 Л. 124–124об.].

Между тем на фоне приближающихся революционных событий полицмейстер Ключников неоднократно предупреждал губернское руководство, что находящиеся в бедственном положении полицейские в случае беспорядков не смогут и, самое главное, не захотят быть защитой и опорой существующего режима. В марте 1916 года, т. е. еще за год до Февральской революции, он писал: «Чтобы стражник оправдал возложенные на него надежды, необходимо его одеть и накормить. Полуголодные люди едва ли за нами пойдут» [16, Д. 3 Л. 5–5об.]. Также на случай беспорядков и волнений он остерегал, что «некому будет принимать меры на подавление смуты в самом начале; полуголодные стражники не пойдут с нами, а если они верные долгу и будут подчиняться приказаниям, то делать это будут очень неохотно». Кроме этого, екатеринбургский полицмейстер Ключников докладывал о «дурном» настроении солдат Екатеринбургского гарнизона, которые «...открыто говорят, что усмирять не пойдут и в своих братьев стрелять не будут» [16, Д. 3 Л. 5–5об.].

Исторический опыт деятельности полиции и жандармов Российской империи в условиях Первой мировой войны показывает, что действия правоохранительных органов в режиме военного времени должны основываться на строгом соблюдении принципа единоначалия. В условиях войны совершенно недопустимы местничество и межведомственные конфликты между органами внутренних дел и органами государственной безопасности.

Кроме того, актуальной до сих пор остается проблема повышения престижа службы в полиции и укрепления ее социально-правового статуса, предполагающего временные ограничения прав граждан, обусловленные сложной военно-политической ситуацией в стране.

Отдельного историко-правового исследования требует проведение сравнительного анализа принципов комплектования полиции и Отдельного корпуса жандармов, а также последующее выявление положительного и негативного опыта, реализованного в условиях первого глобального вооруженного конфликта, в который наша страна вступила 110 лет назад.

Список источников

1. Шныров А. Е. Особенности правоохранительной системы Российской империи в период Первой мировой войны // Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы юриспруденции». Выпуск III. 2016.
2. Инструкция Прокурора Московской Судебной Палаты г. Степанова от 15 октября 1909 года, вступившая в силу с 1 января 1910 года. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_v19_rc_1873559.
3. Виноградова О. В. Смоленское губернское жандармское управление в годы Первой мировой войны. URL: <https://m.ok.ru/smolturizm67/topic>.
4. Хутарев-Гарнишевский В. В. Отдельный корпус жандармов и Департамент полиции МВД: органы политического сыска накануне и в годы Первой мировой войны (1913–1917 гг.). Москва. 2012. 27 с.
5. Касьянов А. В., Удадьцов А. А., Новопавловская Е. Е. Организация работы полиции Российской империи в годы Первой мировой войны // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 3 (83). С. 20–27.
6. Особые журналы Совета Министров Российской империи, 1909–1917 гг., 1917 год. Москва: Росспэн, 2009.
7. Министерство внутренних дел. 1902–2002: исторический очерк. Москва: Объединенная редакция МВД России, 2004.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 59. Оп. 1. Д. 310.
9. Собрание узаконений (СУ) за 1-ое полугодие 1914 г. Петроград, 1914. № 1351.
10. Рыбников В. В., Алексушин Г. В. История правоохранительных органов Отечества. Москва: Щит, 2007.
11. Борисов А. В. Руководители карательных органов дореволюционной России. Вып. I. Москва, 1979.

12. Перегудова З. И. Политический сыск России (1880–1917). 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Росспэн, 2013.

13. Вестник полиции. 1915. № 16.

14. Борисов А. В. Полиция и милиция России в общественном мнении (начало XVIII века – октябрь 1917 г.): историко-социологическое исследование: монография. Москва: Академия управления МВД России, 2010.

15. Неоднозначный сухой закон 1914 года. URL: <https://inance.ru/2016/08/suhoy-zakon-1914>.

16. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 181. Оп. 1. Д. 2, Д. 3.

17. Об усилении полиции в 50 губерниях Империи и об улучшении служебного и материального положения полицейских чинов // СУ. 30 октября 1916 г. Отд. I. Ст. 2426. Особый журнал совета министров. 7 октября 1916 г.

References

1. Shnyrov A. E. Features of the law enforcement system of the Russian Empire during the First World War // Collection of scientific papers on the results of the international scientific and practical conference "Topical issues of jurisprudence. Issue III. 2016.
2. Instruction of the Prosecutor of the Moscow Judicial Chamber G. Stepanov dated October 15, 1909, which entered into force on January 1, 1910. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_v19_rc_1873559.
3. Vinogradova O. V. Smolensk provincial gendarmerie department during the First World War. URL: <https://m.ok.ru/smolturizm67/topic>.
4. Khutarev-Garnishevsky V. V. A separate corps of gendarmes and the Police Department of the Ministry of Internal Affairs: bodies of political investigation on the eve and during the First World War (1913–1917). Moscow. 2012. 27 p.
5. Kasyanov A. V., Udaltsov A. A., Novopavlovskaya E. E. Organization of the work of the police of the Russian Empire during the First World War // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 3 (83). Pp. 20–27.
6. Special journals of the Council of Ministers of the Russian Empire, 1909–1917, 1917. Moscow: RossSpan, 2009.
7. The Ministry of Internal Affairs. 1902–2002: historical essay. Moscow: United Editorial Office of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2004.
8. State Archive of the Russian Federation (GARF). F. 59. Op. 1. D. 310.
9. Collection of legalizations (SU) for the 1st half of 1914. Petrograd, 1914. № 1351.
10. Rybnikov V. V., Aleksushin G. V. History of law enforcement agencies of the Fatherland. Moscow: Shield, 2007.
11. Borisov A. V. Heads of punitive bodies of pre-revolutionary Russia. Issue I. Moscow, 1979.
12. Peregudova Z. I. Political investigation of Russia (1880–1917). 2nd ed., revised and additional. Moscow: RossSpan, 2013.

13. Bulletin of the police. 1915. № 16.

14. Borisov A. V. The police and militia of Russia in public opinion (the beginning of the XVIII century – October 1917): historical and sociological research: monograph. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2010.

15. Ambiguous prohibition of 1914. URL: <https://inance.ru/2016/08/suhoy-zakon-1914>.

16. The State Archive of the Sverdlovsk region (GASO). F. 181. Op. 1. D. 2, D. 3.

17. On strengthening the police in 50 provinces of the Empire and on improving the official and financial situation of police officers // SU. October 30, 1916, Ed. I. St. 2426. A special journal of the Council of Ministers. October 7, 1916

Информация об авторе

Скипский Георгий Александрович – кандидат исторических наук, доцент

Information about the author

Skipskiy Georgiy A. – Candidate of historical Sciences, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 01.08.2024; одобрена после рецензирования 20.08.2024; принята к публикации 18.09.2024

The article was submitted 01.08.2024; approved after reviewing 20.08.2024; accepted for publication 18.09.2024

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья
УДК 342

Понятие и признаки типичного правового акта

Асанова Анастасия Александровна
Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, nastyaasanova2015@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются признаки типичного правового акта. Приводятся различные дискуссионные позиции авторов по определению категорий «типичный» правовой акт и «нетипичный» правовой акт. Рассмотрена аргументация отнесения правового акта к категории «типичный».

Ключевые слова: правовой акт, типичный правовой акт, нетипичный правовой акт, смешанный правовой акт, закон, законодательство.

Для цитирования: Асанова А. А. Понятие и признаки типичного правового акта // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 3. С. 29–36.

Original article

Concept and features of a typical legal act

Asanova Anastasia A.
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia,
nastyaasanova2015@mail.ru

Abstract. The article analyzes the features of a typical legal act. Various controversial positions of the authors on the definition of the category of «typical» legal acts are given and «atypical» legal acts are given. The argumentation for classifying a legal act as «typical» is considered.

Keywords: legal act, typical legal act, atypical legal act, mixed legal act, law, legislation.

For citation: Asanova A. A. Concept and features of a typical legal act// Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 3. Pp. 29–36.

На сегодняшний день в юридической науке остается открытой дискуссия, связанная с определением дефиниции «правовой акт». Всестороннее исследование данной правовой категории берет свое начало в первой половине XX века. Отечественными учеными, внесшими существенный вклад в развитие теоретико-правовой характеристики правового акта, являются Алексеев С. С., Васильев Р. Ф., Гайворонская Я. В., Голунский С. А., Малько А. В., Тихомиров Ю. А. и др. В 2000–2010 гг. на данную тему было защищено значительное количество диссертационных исследований. При этом, несмотря на наличие существенного количества научных изысканий, в рассматриваемой сфере

остаются неразрешенными отдельные проблемные вопросы.

На законодательном уровне дефиниция «правовой акт» так и не нашла своего закрепления.

Конституция Российской Федерации (далее – Конституция РФ) закрепляет порядок издания и опубликования федеральных законов, федеральных конституционных законов (ст. 15, 104–108), виды правовых актов, которые могут издавать федеральные органы государственной власти (ст. 90, 102, 103, 105, 115). Понятие «правовой акт» упоминается в Основном за-

коне нашей страны: «законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции РФ», а далее по тексту используются понятия «закон», «федеральный закон», «федеральный конституционный закон», «нормативный правовой акт».

В 1996 году Комитетом Государственной Думы по конституционному законодательству и государственному строительству был разработан и представлен Государственной Думе Российской Федерации проект Федерального закона «О нормативно-правовых актах Российской Федерации», который так и не был принят¹. Как отмечает Антонова Л. И., в данный проект не были включены диспозитивные, дозволительные, управомочивающие нормы, а также нормативные правовые акты органов местного самоуправления, которые причислялись к законодательству субъектов Российской Федерации [1]. Проект был отклонен ввиду того, что многие его положения утратили свою актуальность и значение, а определенные положения не соответствовали действующему на тот момент законодательству, кроме того, он нуждался в юридико-технической доработке [2].

Таким образом, в условиях отсутствия одного всеобъемлющего правового акта данный вопрос в Российской Федерации регламентируется большим количеством отдельных, узконаправленных правовых актов (например, федеральный закон «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания»²; регламент Государственной Думы Российской Федерации³; регламент Совета Федерации Российской Федерации⁴ и др.).

В отдельных странах ближнего зарубежья уже имеется опыт функционирования законов о правовых актах или о нормативно-правовых актах. Например, в Республике Беларусь с 2018 года действует закон о нормативно-правовых актах⁵; в Республике

Казахстан принят закон «О правовых актах»⁶; в Азербайджанской Республике действует Конституционный Закон «О нормативных правовых актах»⁷.

При этом в отдельных субъектах Российской Федерации имеется практика принятия законов субъектов Российской Федерации «О правовых актах» или «О нормативно-правовых актах» (например, в Свердловской⁸, Челябинской⁹, Тюменской¹⁰ областях и др.).

В связи с тем, что на законодательном уровне не установлены единые требования к порядку издания правовых актов, в практике федеральных органов государственной власти стали появляться правовые акты с нехарактерными признаками, чертами, свойствами, функциями, которые в правовой науке стали именоваться как «нетипичные», «атипичные», «квази-правотворческие», «экзотические» [3; 4; 5; 6]. В связи с этим для упорядоченного функционирования отечественной системы права научный интерес представляет необходимость определения критериев типичности правового акта.

Если изучением природы правовых актов занималось значительное количество ученых, то характеристике типичных правовых актов посвятили свои труды ограниченная группа (в частности Ижокин Р. А., Кивленов Т. В.) [3; 4].

Кивленов Т. В. отмечает, что типичный правовой акт – «это документально оформленная в установленном порядке совокупность юридических предписаний, выражающая волю субъекта (субъектов) права, направленная на регулирование общественных отношений и влекущая определенные юридические и иные социальные последствия» [4].

Типичным согласно толковому словарю Ожегова С. И. является:

1. Обладающий особенностями, свойственными какому-нибудь типу (в 1 знач.), характерный.
2. Самый настоящий со всеми признаками чего-нибудь [7].

Другие источники содержат еще ряд подобных признаков:

1. Воплощающий в себе характерные особенности какого-либо типа предметов, лиц, явлений.

¹ Проект Федерального закона от 26 декабря 2014 г. «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» URL: <https://mobileonline.garant.ru> (дата обращения: 21.05.2024).

² Федеральный закон от 14 июня 1994 г. № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального собрания». URL: <https://mobileonline.garant.ru> (дата обращения: 28.05.2024).

³ Постановление Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации от 22 января 1988 г. № 2134-II ГД «О регламенте Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации». URL: <https://mobileonline.garant.ru> (дата обращения: 28.05.2024).

⁴ Постановление Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации от 30 января 2002 г. № 33-СФ «О регламенте Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации». URL: <https://mobileonline.garant.ru> (дата обращения: 28.05.2024).

⁵ Закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 № 130-З «О нормативных правовых актах» URL: <https://mobileonline.garant.ru> (дата обращения: 21.05.2024).

⁶ Закон Республики Казахстан от 06 апреля 2016 № 480-V «О правовых актах». URL: <https://mobileonline.garant.ru> (дата обращения: 21.05.2024).

⁷ Конституционный Закон Азербайджанской Республики от 21 декабря 2010 года № 21-IVKQ «О нормативных правовых актах». URL: <https://mobileonline.garant.ru> (дата обращения: 21.05.2024).

⁸ Закон Свердловской области от 10 марта 1999 года № 4-ОЗ «О правовых актах в Свердловской области». URL: <https://mobileonline.garant.ru/> (дата обращения: 21.05.2024).

⁹ Закон Челябинской области от 11 февраля 2004 года № 216-30 «О нормативных правовых актах в Челябинской области». URL: <https://mobileonline.garant.ru/> (дата обращения: 21.05.2024).

¹⁰ Закон Тюменской области от 07 марта 2003 года № 121 «О порядке подготовки, принятия и действия правовых актов Тюменской области». URL: <https://mobileonline.garant.ru/> (дата обращения: 21.05.2024).

2. Часто встречающийся, характерный, обычный, естественный для кого-либо, чего-либо.

3. Сочетающий индивидуальные, своеобразные черты с признаками и свойствами, характерными для ряда лиц, явлений [8].

Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что типичный правовой акт должен обладать характерными, естественными, свойственными признаками, чертами, свойствами, функциями.

В этой связи считаем необходимым начать анализ характерных признаков типичного правового с тезиса Алексеева С. С. о том, что категория «правовой акт» – многозначное понятие:

- действие (поведение) – юридический факт, влекущий последствия;

- результат правомерного поведения – юридически значимый элемент правовой системы (юридическая норма, индивидуальное предписание, акт автономного регулирования), вошедший в правовую систему благодаря деятельности;

- юридический документ – словесно-документальное оформление воли, закрепляющее правомерное поведение или его результат [9].

Отметим, что в рамках настоящего исследования правовой акт рассматривается только как юридический документ.

Характеризуя признаки типичности правового акта, хотелось бы обратиться, в частности, к выделяемым Ижокиным Р. А. [3]:

1. Типичный правовой акт носит волевой характер.

2. Содержание типичного правового акта составляют юридические предписания.

3. Внешние предписания выражены и непосредственно закреплены в соответствующих единицах (пунктах, статьях, абзацах, параграфах, частях и т.п.) текста юридического документа.

4. Закрепляет результаты той или иной юридической практики и служит внешней формой выражения и бытия юридических предписаний.

5. Принимается и реализуется в строго определенной, процедурно-процессуальной форме.

6. Издаются строго установленными законодательством субъектами права, которые принимают их лишь по вопросам, входящим непосредственно в их компетенцию.

7. Носят властный, обязательный для адресатов характер.

8. Выступают в качестве регуляторов общественных отношений.

9. Обязательность типичных правовых актов обеспечивается различными мерами: материальными и духовными, принудительными и поощрительными, организационными и иными, в том числе и средствами государственного воздействия.

10. В правовых актах отражается не только воля государства, но и соответствующие интересы людей, их коллективов и организаций [3].

Представляется целесообразным анализ наиболее дискуссионных признаков, которые вызывают

споры в научной среде, практической деятельности федеральных органов государственной власти и требуют более детального рассмотрения.

Волевой характер типичного правового акта. Интерес воли в праве, определение критериев воли, психологическая составляющая данного феномена была актуальна еще в Античные времена. Аристотель интерпретировал волю как «единственный вид стремления, зарождающийся в разумной части души и являющийся "синтезом" разума и стремления» [10].

Чтобы более конкретно раскрыть значение волевого характера в правовом акте, хотелось бы обратиться к вопросу, связанному с отождествлением и разграничением таких категорий как «источник» и «форма» права.

Кашанина Т. В. под источником права понимает «волю субъектов правотворчества, каковой может быть: воля человечества (права человека, принципы права); воля народа (референдумы); воля государства (законодательные нормы); воля коллектива (корпоративные нормы); воля отдельных индивидов, организаций (договорные нормы)» [11]. Формы права понимаются автором как резервуары, в которых содержатся юридические нормы: правовой обычай, религиозные нормы, юридический прецедент, деловой обычай, правосознание, нормативный акт, юридическая доктрина, судебная практика, моральные воззрения, договор [12].

Источниками права, по мнению Ершова В. В., являются факторы (начала), а под формой – внешнее выражение этих начал [12].

Спирин М. Ю. отмечает, что форма права – это «средство закрепления и документального выражения юридических норм, содержащих в себе уже выраженную (отраженную) волю субъекта правотворческой деятельности, выступающего как источник права» [13].

Если опираться на точку зрения вышеуказанных авторов, то правовой акт как юридический документ – это форма права, которая закрепляет волю субъекта правотворчества. Правовой акт является одним из источников права, направленный на выражение воли различных субъектов для регулирования общественных отношений. Форма права – «емкость», в которой закреплена воля. В нашем случае это юридический документ.

Волевой характер выражается не только путем издания, фиксации нормы в правовом акте (юридическом документе), но и путем реализации различных действий [14]. Даже если рассматривать правовой акт, только как форму права – юридический документ, признак волевой составляющей будет обязательным, более того, без данного признака правовой акт, в принципе, не сможет быть издан и реализован. В этой связи волевой характер является безусловным признаком типичности правового акта.

Причем при издании правового акта как юридического документа воля законодателя согласно ст. 3 Конституции РФ должна, в том числе, выражать интересы народа, то есть должна быть легитимной.

Не всегда данная ситуация качественно реализуется на практике. Бывают случаи, когда воля законодателя существенно отличается от воли народа. В качестве примера может выступить возникший резонанс в обществе по поводу повышения пенсионного возраста¹.

Ученые, исследовавшие категорию «правовой акт», также закрепляют вышеуказанную позицию в своих дефинициях.

Васильев Р. Ф. под правовым актом понимает «волеизъявление управомоченного субъекта права, регулирующее общественные отношения путем установления (изменения, отмены, изменения сферы действия) правовых норм, а также установления (изменения, прекращения) конкретных правоотношений, результаты которых в виде велений, обращений и т.п. в установленных законом случаях фиксируются в документальной форме» [15].

Шопина О. В. правовой акт характеризует как «выражающее волю субъекта права и оформленное в установленном порядке решение, призванное достигать социально-позитивные цели (регулировать общественные отношения) и влекущие определенные юридические последствия» [16].

Джура В. В. также отмечает, что правовой акт – это «изданный в установленном порядке официальный документ, который выражает волю органов государственной власти, содержит предписания нормативного и индивидуального характера, обладает юридической силой и порождает определенные правовые последствия» [17].

Спорным данный вопрос становится только в связи с тем, что часть ученых определяют правовой акт только через его форму, не закрепляя в определении волевою составляющую.

Например, Тихомиров Ю. А., Котелевская И. В. под правовым актом понимают «письменный документ, принятый управомоченным субъектом права (государственным органом, местным самоуправлением, институтами прямой демократии), имеющий официальный характер и обязательную силу, выражающий властные веления и направленный на регулирование общественных отношений» [18].

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что волевой характер правового акта является обязательным признаком типичного правового акта, так как только путем выражения воли субъект правотворчества может документально или путем действий выразить волю народа или государственную волю.

Второй признак, вызывающий интерес – содержание типичного правового акта составляют юридические предписания.

Федеральными органами государственной власти издаются нормативные правовые акты, индиви-

дуальные правовые акты, акты толкования права и иные. В зависимости от вида, по общей теории права, конкретный вид правового акта содержит соответствующее юридическое предписание: нормативный правовой акт – правотворческое; индивидуальный правовой акт – правоприменительное; акт толкования права – интерпретационное.

В юридической науке правовые акты, соединившие в себе несколько видов юридических предписаний, получили название смешанные [4]. Подавляющее большинство примеров таких актов составляют ведомственные приказы, которые помимо нормативных предписаний закрепляют индивидуальное, выраженное письменно указание лица, на которого возложен контроль исполнения приказа.

При этом важно отметить, что ряд авторов относят смешанные правовые акты к нетипичным. Отдельные ученые, в частности Арзамасов Ю. Г., напротив, отмечают, что издание вышеуказанных актов является «типичным явлением, а не исключением из правил» [19].

Таким образом, можно отметить, что типичный правовой акт содержит точное юридическое предписание. Однако остается дискуссионным вопрос, связанный с тем, является ли при этом правовой акт типичным или нетипичным в зависимости от количества предписаний, закрепленных в нем.

Представляется, что конкретный вид правового акта (нормативный правовой акт, акт применения права и т. д.) должен содержать соответствующее юридическое предписание. При этом остается открытым вопрос отнесения смешанных правовых актов к нетипичным в связи с широчайшей практикой принятия данной категории актов федеральными органами государственной власти.

Далее хотелось бы обратить внимание на то, что обязательность признака, в соответствии с которым внешние предписания типичного правового акта должны быть выражены и непосредственно закреплены в соответствующих единицах (пунктах, статьях, абзацах, параграфах, частях и т. п.) текста юридического документа, вряд ли можно подвергнуть сомнению. Считаем возможным дать некоторые пояснения. Типичный правовой акт как юридический документ должен быть выражен в тексте с применением соответствующих правил.

На уровне федеральных органов исполнительной власти действует Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации»². Данный правовой акт закрепляет виды правовых актов, которые могут издаваться федеральными органами исполнительной власти, их содержание, порядок принятия, но не регламентирует порядок юридико-технического оформления.

¹ Федеральный закон от 3 октября 2018 г. № 350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий». URL: <https://mobileonline.garant.ru/> (дата обращения: 21.05.2024).

² Постановление Правительства от 13 августа 1997 г. № 1009 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации». URL: <https://mobileonline.garant.ru/> (дата обращения: 21.05.2024).

Вышеуказанным постановлением установлено, что Министерству юстиции Российской Федерации необходимо разработать методические указания по юридико-техническому оформлению нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти¹. Данные рекомендации нацелены на единообразное и качественное издание нормативных правовых актов федеральными органами исполнительной власти.

Издание правовых актов по данному вопросу подтверждает важность и необходимость закрепления вышеуказанного признака как одного из ключевых при принятии типичного правового акта.

Так же хотелось бы добавить, что федеральные органы исполнительной власти издают и собственные ведомственные нормативные правовые акты, направленные на регулирование данного вопроса. Так, в МВД России действуют правила подготовки нормативных правовых актов в центральном аппарате, а также правила подготовки правовых актов в территориальных органах, утвержденные соответствующими приказами².

Таким образом, соблюдение юридической техники, установленной соответствующими правовыми актами, является важнейшим признаком типичного правового акта, что необходимо для подготовки и действия качественных и единообразных правовых актов, принятых федеральными органами государственной власти.

Далее хотелось бы отметить, что иногда вновь принятый правовой акт является импульсом для формирования новой юридической практики.

Примером может послужить введение на законодательном уровне статуса «самозанятый». В связи с этим стала формироваться юридическая практика, связанная с реализацией физическими лицами своей деятельности в этом положении. Следовательно, правовой акт повлек формирование юридической практики, а не наоборот.

Противоположное положение представляет ситуация, касающаяся деятельности блогеров, которая распространилась в связи с активным развитием информационных технологий и цифровизацией общества. Федеральный закон № 93-ФЗ закрепил обязан-

ность блогеров хранить в течение шести месяцев информацию (изображения, тексты и т. д.), которую они распространяют и при необходимости предоставлять ее в уполномоченные органы [20].

Таким образом, правовой акт может издаваться как на фоне реализации существующей юридической практики, так и быть источником ее возникновения.

Кроме того, важно отметить, что субъектами издания типичных правовых актов могут являться и судебные органы, соответственно, приговор – пример правового акта, непосредственно закрепляющего юридическую практику.

Резюмируя, можно сказать, что предложенный признак имеет двойственное значение и требует иного наименования. Предлагаем следующую формулировку рассматриваемого признака: «Типичный правовой акт принимается на основе сложившейся юридической практики либо для ее формирования в результате регулирования новых общественных отношений. Типичный правовой акт закрепляет текст юридической практики в соответствующей форме».

Типичные правовые акты издаются строго установленными законодательством субъектами права, которые принимают их лишь по вопросам, входящим непосредственно в их компетенцию. Данный признак также требует некоторых пояснений.

Хотелось бы отметить, что ст. 11 Конституции РФ закрепляет, что государственную власть в Российской Федерации осуществляют Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание (Совет Федерации и Государственная Дума), Правительство Российской Федерации, суды Российской Федерации.

Так же согласно ст. 90, 102, 103, 115 Конституции РФ Президент Российской Федерации издает указы и распоряжения, Совет Федерации Российской Федерации и Государственная Дума Российской Федерации – постановления, Правительство Российской Федерации – постановления и распоряжения.

В научной литературе вышеуказанный признак подчеркивается многими исследователями, которые либо расширяют, либо значительно сужают круг субъектов издания правовых актов. Алексеев С. С. о субъектах говорит как о государстве и отдельных лицах [9]. Салаватова Ю. С. отмечает, что такая трактовка «необоснованно сужает круг субъектов права, совершающих правовые акты» [20]. Строкова О. Г., поддерживая позицию Ижокина Р. А., указывает, что субъект должен быть уполномочен на издание правового акта [21]. Аналогичной точки зрения придерживается Тихомиров Ю. А., который помимо государственных органов и органов местного самоуправления выделяет институт прямой демократии, не указывая при этом на должностных лиц как на отдельные субъекты издания правового акта [18]. Наиболее ограниченный круг субъектов приводит Джуря В. В., включая в него только органы государственной власти [17]. Напротив, наиболее широко данную категорию понимает Шопина О. В., относя к ней субъект права в целом, то есть лицо способное иметь права и нести юридические обязанности [16].

¹ Приказ Минюста России от 31 августа 2023 г. № 222 «Об утверждении Методических указаний по юридико-техническому оформлению нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти». URL: <https://mobileonline.garant.ru> (дата обращения: 21.05.2024).

² Приказ МВД России от 26.12.2018 № 880 «Об утверждении Правил подготовки правовых актов в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации». URL: <https://mobileonline.garant.ru> (дата обращения: 21.05.2024); Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 97-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей». URL: <https://mobileonline.garant.ru> (дата обращения: 21.05.2024).

Исследуя вышеуказанные точки зрения, следует отметить, что субъект должен быть уполномочен на издание правового акта либо обладать компетенцией. Им могут являться как органы государственной власти, так органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления и должностные лица.

Нельзя не отнести к субъектам народ, который также может выступать инициатором издания правового акта, путем участия в референдуме, результаты которого фиксируются в соответствующем протоколе¹. В том числе, если для реализации результата референдума, требуется издание нормативного правового акта, федеральный орган государственной власти, в компетенцию которого входит данный вопрос, обязан подготовить его, тем самым реализуется волевой характер народа в тексте правового акта.

Характеристика типичности, которая заключается в том, что правовые акты отражают не только волю государства, но и соответствующее интересы людей, их коллективов и организаций, по нашему мнению, не может претендовать на роль отдельного признака, ведь волевой характер, как признак типичного правового акта в полной мере раскрывает данный аспект [3].

Помимо вышеуказанных признаков типичности правовых актов, считаем возможным выделить еще несколько характерных черт.

В научной литературе имеет место позиция, согласно которой правовой акт может содержать как правомерные, так и противоречащие закону положения. Малько А. В. и Исаков Н. В. отмечают, что существует большое количество правовых актов, которые противоречат Конституции РФ и нормам права. По их мнению, «результаты и правомерных, и противоправных действий "включаются" в правовую реальность вследствие разной правотворческой, индивидуально-правовой или автономной деятельности субъектов» [22].

За 2023 год в Конституционный Суд РФ поступило более 12 тысяч обращений, вынесено 60 постановлений, из которых 27 имеют несоответствие нормам Конституции РФ [23].

Из указанного следует, что в правовой среде действительно существуют правовые акты, противоречащие Конституции РФ, которые действуют и порождают новые общественные отношения, а ряд правовых актов так и остается латентными.

Гайворонская Я. В. отмечает, что употребление термина «правовой» некорректно применять к «нелегальным» актам [24]. Автор не отрицает наличия в правовой действительности неправомερных документов, но считает, что для таких актов нужно ввести соответствующее понятие, например, «юридический значимый акт».

¹ Федеральный конституционный закон от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации». URL: <https://mobileonline.garant.ru> (дата обращения: 21.05.2024).

Салаватова Ю. С. по этому поводу высказывает несколько позиций [20]. Во-первых, допустимость включения в правовые акты и правомерные и противоправные действия, в связи с тем, что они регулируются правовыми нормами. Во-вторых, спорность отождествления понятий «правовой» и «правомерный». В-третьих, введение нового понятия («юридический значимый акт») усложнит правопонимание.

Мы не можем отрицать, что правовые акты, включающие в себя нормы, противоречащие Конституции РФ и иным законам, не существуют в правовой реальности, они имеют место быть. При этом важнейшей задачей развития современного правотворческого процесса должна стать типизация для федеральных органов государственной власти издания правовых актов. В этой связи считаем целесообразным дополнение теоретической модели типичного правового акта следующим признаком: типичный правовой акт не должен противоречить действующему законодательству и Конституции РФ.

Еще одним аспектом, привлекающим внимание ученых в исследуемой сфере, является то, что правовые акты должны регулировать общественные отношения согласно иерархии, закрепляющей юридическую силу конкретного правового акта.

Как показывает практика, в связи с необходимостью быстрого реагирования на экстренные ситуации в правовой реальности могут возникать случаи, при которых правовой акт меньшей юридической силы становится основным рычагом регулирования общественных отношений. Такие акты Домченко А. С. называет «экзотическими» [6].

Например, Архипова Е. Ю. отмечает превалирование в правовом регулировании во время распространения коронавирусной инфекции подзаконных нормативных актов, которые в тот период издавались в четырнадцать раз чаще законов [25].

С иной точки зрения рассматривает влияние иерархии правовых актов Минченков Е. Н., который приводит в качестве примера Указ Президента РФ от 23 апреля 2021 г. № 242, устанавливающий нерабочие оплачиваемые майские дни 2021 года [26]. В Трудовом кодексе РФ понятие «нерабочий оплачиваемый день» отсутствует. Следовательно, работодателям для расчета аванса и заработной платы приходилось обращаться к нормативно-правовому акту, обладающему меньшей юридической силой – Указу Президента РФ.

При всей сложности обстоятельств, которые являлись основанием изменения так называемого «указного законодательства», эту ситуацию нельзя считать реализованной в рамках установленных правил.

Исходя из анализа установленных признаков, мы приходим к выводу, что правовые акты можно рассматривать в трех плоскостях: правомерность, совершенство, типичность.

Принцип правомерности заключается в соответствии издаваемых правовых актов Конституции РФ и иным законам.

Принцип совершенства подразумевает качественное использование субъектом издания правового

акта правил юридической техники, необходимой для принятия юридического документа, не обладающего определенными дефектами.

Принцип типичности состоит в том, что правовой акт обладает характерными свойствами, признаками, функциями, чертами, явлениями. В то же время в науке типичность рассматривается и как постоянное явление.

Типичный правовой акт – это такой акт, который должен обладать характерными признаками, чертами, свойствами, функциями.

На основании исследования признаков типичного правового акта и различных точек зрения ученых можно предположить, что типичный правовой акт – это внешнее выражение воли, зафиксированное в установленной законом документальной форме, изданное уполномоченным субъектом права, обладающее юридической силой, характерными признаками, чертами, свойствами, функциями, направленное на регулирование общественных отношений.

Библиографический список

1. Антонова Л. И. К обсуждению проекта Федерального закона «О нормативно-правовых актах в Российской Федерации» // Управленческое консультирование. 2015. № 5. С. 8–17.
2. Заключение по проекту федерального закона № 96700088-2 от 23 апреля 2004 г. «О нормативных правовых актах Российской Федерации». URL: <https://mobileonline.garant.ru>.
3. Ижокин Р. А. Нетипичные правовые акты в регулировании личных отношений: автореф. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2008.
4. Кивленок Т. В. Смешанные правовые акты как вид атипичных правовых актов // Проблемы экономики и юридической практики. 2009. С. 260–263.
5. Иванов Р. Л. Квазиправотворческие акты и отношения в российской правовой системе // Вестник Омского университета. 2011. № 2 (27). С. 7–20.
6. Домченко А. С. К вопросам о «нетипичных» административных актах // Вестник Уральского финансово-юридического института. 2015. № 1. С. 11–17.
7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд. М., 1997. 944 с.
8. Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999; (электронная версия): Фундаментальная электронная библиотека.
9. Алексеев А. А. Общая теория права. 2-е изд. М.: Проспект, 2009. 427 с.
10. Лазарева О. В. Понятие и структура воли: правовой аспект // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 4 (129). С. 38–49.
11. Кашанина Т. В. Эволюция форм права // LexRussica. 2011. № 1. С. 34–53.
12. Ершов В. В. Источники и формы российского права // Российское правосудие. 2009. № 6. С. 4–15.

13. Никитушев Г. И. Форма и структура административных актов // Учен. тр. Свердловского юрид. ин-та. 1972. № 20. С. 92.

14. Ваньков А. В., Сумачев А. В. Правовой акт: понятие и общая характеристика // Вестник Уральского финансово-юридического института. 2018. № 3 (13). С. 3–6.

15. Васильев Р. Ф. О понятии правового акта // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 1998. № 5. С. 24–25.

16. Шопина О. В. Система правовых актов в современной России: проблемы теории: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002.

17. Джуря В. В. Правовые акты органов судебной власти: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2009.

18. Тихомиров Ю. А., Котелевская И. В. Правовые акты: учебно-практическое и справочное пособие. М.: Юринформцентр. 1999. 381 с.

19. Арзамасов Ю. Г. Юридические конструкции смешанных ведомственных правовых актов // Юридическая техника: ежегодник. 2013. № 7. С. 107–111.

20. Салаватова Ю. С. Правовые акты: некоторые теоретические вопросы // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2011. № 1. С. 112–122.

21. Строкова О. Г. Приказ как особая разновидность правовых актов (вопросы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007.

22. Исаков Н. В., Малько А. В., Шопина О. В. Правовые акты: общетеоретический объект исследований // Правоведение. 2002. № 3. С. 17.

23. Конституционный Суд российской Федерации. URL: <https://www.ksrf.ru>.

24. Гайворонская Я. В. Проблемы теории правовых актов // Правоведение. 2008. № 4. С. 223.

25. Архипова Е. Ю. Развитие российского законодательства в условиях COVID-19 // Вестник Поволжского института управления. 2021. № 2. С. 65–69.

26. Минченков Е. Н. Понятие и сущность нетипичного правотворчества: теоретико-правовой анализ // Ленинградский юридический журнал. 2021. № 2 (64). С. 53–64.

References

1. Antonova L. I. On the discussion of the draft Federal Law "On Regulatory Legal Acts in the Russian Federation" // Management Consulting. 2015. № 5. P. 8–17.
2. Conclusion on the draft federal law № 96700088-2 of April 23, 2004 "On regulatory legal acts of the Russian Federation". URL: <https://mobileonline.garant.ru>.
3. Izhokin R. A. Atypical Legal Acts in Regulating Personal Relations: author's abstract ... candidate of legal sciences. Vladimir, 2008.
4. Kivlenok T. V. Mixed legal acts as a type of atypical legal acts // Problems of Economics and Legal Practice. 2009. P. 260–263.
5. Ivanov R. L. Quasi-legislative acts and relations in the Russian legal system // Bulletin of Omsk University. 2011. № 2 (27). P. 7–20.

6. Domchenko A. S. On the issues of "atypical" administrative acts // Bulletin of the Ural Financial and Law Institute. 2015. № 1. P. 11–17.

7. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions. 4th ed. M., 1997. 944 p.

8. Dictionary of the Russian language: In 4 volumes / RAS, Institute of Linguistic Studies; Ed. by A. P. Evgenyeva. 4th ed., reprinted. M.: Russian language; Polygraphresources, 1999; (electronic version): Fundamental Electronic Library.

9. Alekseev A. A. General Theory of Law. 2nd ed. M.: Prospect, 2009. 427 p.

10. Lazareva O. V. Concept and structure of will: legal aspect // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2019. № 4 (129). P. 38–49.

11. Kashanina T. V. Evolution of forms of law // Lex Russica. 2011. № 1. P. 34–53.

12. Ershov V. V. Sources and forms of Russian law // Russian justice. 2009. № 6. P. 4–15.

12. Nikitushev G. I. Form and structure of administrative acts // Academic. t. of the Sverdlovsk Law Institute. 1972. № 20. P. 92.

14. Vankov A. V., Sumachev A. V. Legal act: concept and general characteristics // Bulletin of the Ural Financial and Law Institute. 2018. № 3 (13). P. 3–6.

15. Vasiliev R. F. On the Concept of a Legal Act // Bulletin of Moscow University. Series 11: Law. 1998. № 5. P. 24–25.

16. Shopina O. V. The System of Legal Acts in Modern Russia: Theoretical Problems: Dis. ... Cand. Sciences (Law). Saratov, 2002.

17. Dzhura V. V. Legal Acts of the Judicial Authorities: Dis. ... Cand. Sciences (Law). Irkutsk, 2009.

18. Tikhomirov Yu. A., Kotelevskaya I. V. Legal acts: educational, practical and reference manual. M.: Yurinformcenter. 1999. 381 p.

19. Arzamasov Yu. G. Legal constructions of mixed departmental legal acts // Legal technique: yearbook. 2013. № 7. Pp. 107–111.

20. Salavatova Y. S. Legal acts: some theoretical issues // Bulletin of the Moscow University. Episode 11: Law. 2011. № 1. Pp. 112–122.

21. Strokova O. G. The order as a special kind of legal acts (issues of theory and practice): dis. ... cand. Jurid. sciences. Saratov, 2007.

22. Isakov N. V., Malko A. V., Shopina O. V. Legal acts: a general theoretical object of research // Jurisprudence. 2002. № 3. P. 17.

23. The Constitutional Court of the Russian Federation. URL: <https://www.ksrf.ru>.

24. Gaivoronskaya Ya. V. Problems of the theory of legal acts // Pravovedenie. 2008. № 4. Pp. 223.

25. Arkhipova E. Y. Development of Russian legislation in the context of COVID-19 // Bulletin of the Volga Region Institute of Management. 2021. № 2. Pp. 65–69.

26. Minchenkov E. N. The concept and essence of atypical lawmaking: theoretical and legal analysis // Leningrad Law Journal. 2021. № 2 (64). Pp. 53–64.

Статья поступила в редакцию 01.08.2024; одобрена после рецензирования 20.08.2024; принята к публикации 18.09.2024

The article was submitted 01.08.2024; approved after reviewing 20.08.2024; accepted for publication 18.09.2024

Проблемы унификации конституционно-правового регулирования федеральных территорий

Астраханцев Даниил Владимирович
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия, 63077@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7367-233X>

Аннотация. В связи с установлением в конституционном правопорядке Российской Федерации возможности учреждения федеральных территорий, в отечественной юридической доктрине существует несколько подходов к нормативно-правовому регулированию правового статуса федеральной территории. В статье обоснован вывод о соответствии избранного законодателем пути нормативно-правового регулирования анализируемого института целям его создания и специфики территориальных образований с особым статусом, предложены направления по совершенствованию законодательства о федеральных территориях.

Ключевые слова: федерализм, федеральные территории, конституционно-правовое регулирование, федеральное законодательство

Для цитирования: Астраханцев Д. В. Проблемы унификации конституционно-правового регулирования федеральных территорий // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 3. С. 37–40.

Original article

Problems of unification of constitutional and legal regulation of federal territories

Astrakhansev Daniil V.
Krasnoyarsk state agrarian university, Krasnoyarsk, Russia, 63077@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7367-233X>

Abstract. In connection with the establishment in the constitutional legal order of the Russian Federation the possibility of establishing federal territories, in the domestic legal doctrine there are several approaches to the normative-legal regulation of the legal status of the federal territory. The article substantiates the conclusion about the conformity of the path of normative-legal regulation of the analyzed institution chosen by the legislator to the purposes of its establishment and the specifics of territorial entities with a special status, suggests directions for improving the legislation on federal territories.

Keywords: federalism, federal territories, constitutional and legal regulation, federal legislation

For citation: Astrakhansev D.V. Problems of unification of constitutional and legal regulation of federal territories // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 3. Pp. 37–40.

Совершенствование системы федерализма выступает в качестве основополагающего направления социально-политических преобразований, происходящих в российском государстве. Важность преодоления существующих законодательных и практических противоречий, связанных с федеративным устройством Российской Федерации, обуславливается высокой общественной значимостью.

Принятие в 2020 г. поправок в Конституцию Российской Федерации обусловило возросшую актуальность непрекращавшихся дискуссий относительно перспектив современного российского федерализма.

В отечественном конституционном правопорядке нашел свое отражение институт федеральных территорий, являвшийся предметом активных обсуждений в среде представителей юридической науки, занимающихся исследованием федеративного устройства российского государства.

Согласно соответствующим конституционно-правовым положениям федеральные территории в Российской Федерации создаются путем принятия федерального закона. В указанном федеральном законе

также закрепляются механизмы и порядок организации публичной власти учреждаемой федеральной территории.

В связи с введением в российское законодательство анализируемых новелл, отечественной доктриной предлагается несколько подходов относительно того, в соответствии с каким нормативным правовым актом должно осуществляться регулирование учреждения и функционирования федеральных территорий.

Так, О. А. Ежукова полагает, что конституционно-правовые положения, установленные в ч. 1 ст. 67 Основного закона, следует толковать буквально: по логике законодателя создание федеральных территорий урегулировано одним федеральным законом [1].

В то же время Т. Я. Хабриевой и А. А. Клишасом указывалось на то, что учреждение федеральных территорий представляется возможным следующими способами:

- посредством обращения к специальному нормативно-правовому регулированию — принятию такого федерального закона, который бы устанавливал правовой статус отдельно взятой федеральной территории;

- введением в действие федерального закона, закрепляющего общеобязательные принципы, в соответствии с которым будет происходить учреждение федеральных территорий;

- принятием федерального закона, являющегося единым для всех федеральных территорий [2].

Правовой статус первой в Российской Федерации федеральной территории «Сириус» закреплен Федеральным законом от 22 декабря 2020 г. № 437-ФЗ «О федеральной территории "Сириус"» (далее – Закон № 437-ФЗ). Нормативные положения данного закона распространяются только на федеральную территорию «Сириус», следовательно, он не может считаться универсальным применительно к нормативно-правовому регулированию правового статуса других федеральных территорий.

Федеральная территория «Сириус» по состоянию на сегодняшний день является единственной территорией, наделенной соответствующим статусом. На текущий момент отсутствует нормативно-правовое закрепление понятия «федеральная территория», а также федерального закона, содержащего в себе общие правовые нормы, посвященные анализируемому правовому институту, что породило широкую дискуссию в научных кругах.

Например, некоторые исследователи исходят из необходимости двойственного определения федеральной территории, рассматривая ее в качестве «специфического политического образования» [3] и «географического объекта» [4].

Вместе с тем следует согласиться с точкой зрения С. А. Авакьяна, указывавшего на то, что основным критерием определения федеральной территории является ее нахождение под прямым управлением федерального центра (либо соответствующих орга-

нов государственной власти федерации, либо должностными лицами, которые наделяются такими полномочиями) [5].

Соответственно, федеральные территории следует понимать как территориальные образования, наделенные общегосударственным стратегическим значением, управление которыми осуществляется федеральным центром напрямую.

При этом отметим, что сформулированное понятие федеральной территории следует рассматривать в его политическом значении, поскольку необходимость расширительного толкования конституционно-правовых положений, посвященных институту федеральных территорий, отсутствует.

Сложившаяся в настоящее время нормотворческая практика позволяет утверждать, что при дальнейшем создании федеральных территорий законодатель сохранит приверженность подходу, заключающемуся в принятии отдельных федеральных законов, устанавливающих правовой статус учреждаемой в соответствии с его положениями федеральной территории.

Указанный подход, в частности, проиллюстрирован позицией П. В. Крашенинникова в 2020 г., сообщившего, что какой-либо единый акт приниматься не будет [6].

В доктрине отмечается, что избранный законодателем путь по принятию отдельных федеральных законов, которыми осуществляется учреждение федеральных территорий, имеет ряд недостатков. Наиболее существенным из них является возможное усугубление проблем, касающихся организации системы публичной власти на территориях, наделенных соответствующим правовым статусом.

В качестве способа решения указанных противоречий исследователями высказывались идеи о принятии федерального конституционного закона с целью урегулирования правового статуса федеральных территорий [7].

Схожей точки зрения относительно необходимости принятия единого законодательного акта в отношении установления общих принципов по учреждению федеральных территорий также придерживался Н. Л. Пешин [8].

В свою очередь, В. В. Комарова исходит из того, что принятие единого федерального закона о федеральных территориях, способствовало бы формированию общего правового механизма по установлению единообразных критериев необходимости наделения той или иной территории соответствующим особым статусом [9].

Полагаем, что в рассматриваемой ситуации обращение отечественного законодателя к соответствующему подходу относительно легального закрепления порядка создания федеральных территорий и их правового статуса следует признать мотивированным.

Как отмечалось ранее А. А. Клишасом, в конституционном правопорядке Российской Федерации существуют территории с особым статусом, что обуславливает необходимость установления специаль-

ного нормативно-правового регулирования организации управления соответствующими территориями [10].

Среди таких территорий – озеро Байкал, Арктическая зона, особо охраняемые природные территории, Кавказские минеральные воды, а также закрытые административно-территориальные образования.

В зависимости от специфики каждой из перечисленных территорий гипотетическое учреждение в их пределах федеральной территории носило бы разные цели. Так, например, в качестве аргументов в пользу наделения соответствующим правовым статусом территории озера Байкал и Кавказских минеральных вод можно привести способствование соразмерного обеспечения требований по защите и охране окружающей среды их общегосударственной важности.

Следовательно, принятие отдельного федерального закона, которым будет предусмотрено специальное нормативно-правовое регулирование правового статуса создаваемой в соответствии с ним федеральной территории, сделает возможным учесть особенности, присущие каждой из федеральных территорий.

Полагаем, что, исходя из опыта принятия и введения в действие положений Закона 437-ФЗ, имеет принципиальную важность в гипотетических федеральных законах, которыми произойдет учреждение на территории Российской Федерации последующих федеральных территорий, отразить нормативные положения, включающие в себя:

- понятие федеральной территории (в формулировке следует учитывать ее специфические особенности);
- цели, на достижение которых, направлено создание федеральной территории;
- границы федеральной территории: порядок их установления, а также изменения;
- механизм по упразднению федеральной территории и основания его применения;
- полномочия органов публичной власти и местного самоуправления;
- в случае если учреждаемая федеральная территория является ненаселенной – отдельному отражению подлежат специфика управления такими территориями;
- переходные положения.

Поскольку создание федеральной территории выражается как единичное решение, принимаемое федеральным законодателем относительно конкретной территории того или иного субъекта Российской Федерации, исходя из ее особенностей, принятие отдельных федеральных законов, устанавливающих правовой статус и особый порядок организации публичной власти в ее пределах, является наиболее оптимальной формой нормативно-правового регулирования.

Практическое значение соответствующего подхода заключается в возможности осуществлять правовое регулирование территориями, наделенными

соответствующим особым правовым статусом, учитывая правовую природу и цели их учреждения.

Библиографический список

1. Ежукова О. А. Территории с особым публично-правовым статусом как фактор федеративной политики России // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 3. С. 36–45.
2. Хабриева Т. Я., Клишас А. А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. 240 с.
3. Дзидзоев Р. М. Вопросы федеративного устройства в обновленной Конституции России // Юридические исследования. 2020. № 7. С. 29–41.
4. Дементьев А. Н. Федеральная территория «Сириус», город «Иннополис» – административно-территориальные и муниципальные единицы, географические объекты? // Гражданин и право. 2021. № 3. С. 77–86.
5. Авакьян С. А. Конституционное право. Энциклопедический словарь // Наука. Искусство. Величие. URL: <http://law.niv.ru/doc/dictionary/constitutional-law/fc/slovar-212.htm#zag-1255> (дата обращения: 04.02.2024).
6. Крашенинников сообщил, что разрабатывать единый закон о федеральных территориях не будут. URL: <https://www.pnp.ru/politics/krashennnikov-soobshhil-chto-razrabatyvat-edinyy-zakon-o-federalnykh-territoriyakh-ne-budut.html> (дата обращения: 27.01.2024).
7. Стариков С. С. К вопросу о конституционно-правовом статусе органов публичной власти федеральных территорий // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 3. С. 21–25.
8. Пешин Н. Л. Территориальная организация публичной власти в границах федеральных территорий // Конституционное и муниципальное право. Конституционное и муниципальное право. 2021. № 7. С. 35–40.
9. Комарова В. В. Территориальные пределы публичной власти и особые статусы территорий // Общественное и право. 2020. № 6. С. 22–26.
10. Инициатива о «федеральной территории» заслуживает особого внимания // URL: <https://www.pnp.ru/politics/iniciativa-o-federalnoy-territorii-zasluzhivaet-osobogo-vnimaniya.html> (дата обращения: 04.02.2024).

References

1. Ezhukova O. A. Territories with a special public-law status as a factor in the federal policy of Russia // Constitutional and municipal law. 2021. No. 3. P. 36–45.
2. Khabrieva T. Ya., Klishas A. A. Thematic commentary on the Law of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020 No. 1-FKZ "On improving the regulation of certain issues of the organization

and functioning of public authority". Moscow: Norma: INFRA-M, 2020. 240 p.

3. Dzidzoev R. M. Issues of federal structure in the updated Constitution of Russia // Legal studies. 2020. No. 7. P. 29-41.

4. Dementyev A. N. Federal territory "Sirius", the city of "Innopolis" - administrative-territorial and municipal units, geographical objects? // Citizen and Law. 2021. No. 3. Pp. 77-86.

5. Avakyan S. A. Constitutional law. Encyclopedic dictionary // Science. Art. Greatness. URL: <http://law.niv.ru/doc/dictionary/constitutional-law/fc/slovar-212.htm#zag-1255> (date of access: 02/04/2024).

6. Krashennnikov said that they will not develop a single law on federal territories. URL: <https://www.pnp.ru/politics/krashennnikov-soobshhil-chto-razrabatyvat-edinyy-zakon-o-federalnykh-territoriyakh-ne-budut.html> (date accessed: 27.01.2024).

7. Starikov S. S. On the issue of the constitutional and legal status of public authorities of federal territories // Constitutional and municipal law. 2023. No. 3. Pp. 21-25.

8. Peshin N. L. Territorial organization of public authority within the boundaries of federal territories // Constitutional and municipal law. Constitutional and municipal law. 2021. No. 7. Pp. 35-40.

9. Komarova V. V. Territorial limits of public authority and special statuses of territories // Education and Law. 2020. No. 6. P. 22-26.

10. The "federal territory" initiative deserves special attention // URL: <https://www.pnp.ru/politics/iniciativa-o-federalnoy-territorii-zasluzhivaet-osobogo-vnimaniya.html> (date accessed: 04.02.2024).

Статья поступила в редакцию 11.06.2024; одобрена после рецензирования 25.06.2024; принята к публикации 18.09.2024

The article was submitted 11.06.2024; approved after reviewing 25.06.2024; accepted for publication 18.09.2024

Особенности правовой экспертизы антикоррупционного законодательства как циклического правового массива

Блещик Александр Владимирович
Аппарат Губернатора Свердловской области и Правительства Свердловской области;
Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург,
Россия, bleszczyk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9166-4432>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей правовой экспертизы правовых актов, относящихся к антикоррупционному законодательству. В силу особой значимости этого законодательства и самой деятельности по противодействию коррупции, перед органами публичной власти стоит задача обеспечить высокое качество правовых актов в этой сфере. Универсальным способом повышения качества правовых актов является правовая экспертиза правовых актов и их проектов. Автором предлагается при определении подходов к правовой экспертизе исходить из того, что антикоррупционное законодательство относится к так называемым «циклическим правовым массивам» – нетипичным образованиям, природа которых в настоящее время активно изучается юридической наукой. Структурные и содержательные особенности циклических правовых массивов, исторические закономерности их формирования и развития предопределяют набор особых приемов правовой экспертизы нормативных актов, относящихся к таким массивам. В настоящей статье предпринята попытка обзорно показать некоторые из таких приемов, проиллюстрировать их применение на конкретных примерах.

Ключевые слова: правовая экспертиза правовых актов, методика проведения правовой экспертизы, антикоррупционное законодательство, циклические правовые массивы, структура права, дефекты законодательства

Для цитирования: Блещик А. В. Особенности правовой экспертизы антикоррупционного законодательства как циклического правового массива // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 3. С. 41–45.

Original article

Peculiarities of legal examination of anti-corruption legislation as a cyclic normative array

Bleshchik Aleksandr V.
The Office of the Governor of Sverdlovsk region and the Government Sverdlovsk region;
Urals State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia, bleszczyk@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-9166-4432>

Abstract. This article is devoted to the consideration of the examination of anti-corruption legislation features. Due to the social and political significance of this legislation and the anti-corruption activities public authorities are faced with the task to ensure the high quality of legal acts in this sphere. A universal remedy to improve the quality of legal acts is the legal examination of the acts and their drafts. The author proposes to treat the anti-corruption legislation as the so-called «cyclic normative array» or special atypical formation, whose nature a lot of modern legal research are devoted to. The structural and substantive features of cyclic normative arrays, the historical patterns of their formation and development predetermine a set of special techniques for the legal examination of normative acts related to such arrays. This article attempts to provide an overview of some of these techniques and illustrate their application with certain examples.

Keywords: legal examination of legal acts, legal examination methodology, anti-corruption legislation, cyclic normative arrays, structure of law, legislative defects

For citation: Bleshchik A. V. Peculiarities of legal examination of anti-corruption legislation as a cyclic normative array // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 3. Pp. 41–45.

Правовая экспертиза – один из наиболее распространенных и применяемых в современной нормотворческой практике России способов контроля за состоянием национального законодательства¹ и оценки его качества. Правовая экспертиза нормативных правовых актов проводится государственными и муниципальными органами, научными организациями, структурами общественного контроля и т. д. Вместе с тем почти все субъекты этой деятельности пользуются довольно высокой степенью свободы выбора средств и методов правовой экспертизы, что обуславливает возможность поиска новых подходов к ее проведению как в отношении всего массива нормативных правовых актов в целом, так и в отношении отдельных видов законодательства.

По существу, единственной формализованной методикой проведения правовой экспертизы на фоне почти полного отсутствия ее правовой регламентации² являются методические рекомендации по проведению правовой экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, утвержденные приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 31 мая 2012 г. № 87³. При этом, конечно, сфера применения указанных рекомендаций очень ограничена, формально их можно применять только при изучении правовых актов регионального уровня. Фактически же заложенный в них подход с легкостью экстраполируется и на другие категории правовых актов.

Согласно рассматриваемому документу цели, задачи и предмет правового регулирования правового

акта рекомендуется проанализировать на соответствие основам конституционного строя Российской Федерации, проверить соблюдение основных прав и свобод человека и гражданина, а также рассмотреть правовой акт с точки зрения соответствия его разграничению предметов ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, установленному Конституцией Российской Федерации (ст. 71, 72, 73 и 76) и федеральными законами. В соответствии с п. 13 методических рекомендаций при изучении состояния правового регулирования в соответствующей сфере выявляется место рассматриваемого правового акта среди других правовых актов, действующих в указанной сфере, и их соотношение.

Основу предлагаемой базовой методики правовой экспертизы нормативных правовых актов, как видно, составляет подход, который может быть условно назван иерархическим. В качестве основной экспертной процедуры этот подход предусматривает проверку правовых актов (их проектов) на соответствие вышестоящим правовым актам. В рамках иерархического подхода к правовой экспертизе основным (а по сути, единственным) критерием качества правового акта является его непротиворечие (соответствие)⁴ вышестоящим по юридической силе правовым актам. При этом понятно, что оценить качество правового акта можно по гораздо большему набору параметров, затрагивающих не только формально-юридические, а и социальные аспекты правового регулирования.

Предметом настоящей статьи, впрочем, является правовая экспертиза не нормативных правовых актов вообще, но только тех из них, которые относятся к законодательству в сфере противодействия коррупции. Мы попытаемся выработать отдельные практические рекомендации в сфере их правовой экспертизы, исходя из специфики этого динамично развивающегося законодательства и последних разработок отечественных исследователей в области структуры права.

Антикоррупционное законодательство обладает рядом структурных и генетических особенностей, которые позволяют относить его к так называемым нетипичным (циклическим) правовым массивам – особым образованиям в структуре права, которые «вторгаются в действующие элементы права и детерминируют их содержание и направления развития,

¹ В этом случае следует понимать законодательство предельно широко, как совокупность всех нормативных правовых актов как на федеральном и региональном, так и на муниципальном уровне.

² Здесь необходимо заметить, что полноценной и весьма качественно методически оснащенной является методика проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов. В Российской Федерации принят специальный Федеральный закон от 17 июля 2009 года № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», а также направленное на его реализацию постановление Правительства Российской Федерации от 26.02.2010 № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», утвердившее в том числе методику проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов. При этом формально антикоррупционная экспертиза является самостоятельным видом правовых экспертиз и ее исключительная регламентация только подчеркивает игнорирование законодателем вопросов порядка и методики иных видов правовых экспертиз.

³ Бюллетень Минюста РФ. 2013. № 1.

⁴ Понятия «непротиворечие» и «соответствие» и их смысловое наполнение в контексте правовой экспертизы и оценки качества нормативных правовых актов могут стать предметом самостоятельного разговора, в рамках которого можно акцентировать внимание, например, на так называемом «опережающем регулировании», когда прямое и строгое соответствие не может быть выявлено и когда отсутствие такового формально не является нормативным дефектом.

имеют высокую государственную и общественную значимость» [1, с. 14–15]. Как отмечает Т. Я. Хабриева, «в развитии эти правовые массивы не проявляют тенденции к обособлению, подобно отраслям или институтам права, а, наоборот, демонстрируют способность проникать в большинство элементов системы права, взаимодействовать с ними, определять их содержание, функционирование, а также векторы и темпы преобразований» [2, с. 9].

Каково практическое значение этого нового подхода к пониманию природы антикоррупционного законодательства? Думается, что видение особенностей циклических правовых массивов, закономерностей их генезиса и функционирования позволяет как юристам-теоретикам, так и практикующим юристам (в том числе осуществляющим деятельность в области нормотворчества, правовой экспертизы правовых актов, мониторинга законодательства и правоприменения) избирать верные решения, касающиеся стратегии и тактики упорядочения и систематизации юридических норм, образующих эти элементы системы права. Понимание природы таких правовых массивов в конечном счете позволяет обуздывать стихийный процесс правообразования, контролировать его и по возможности рационализировать.

Специфика циклических правовых массивов предопределяет и особенности проведения правовой экспертизы правовых актов (и их проектов) в сфере противодействия коррупции. Заострим внимание на этих особенностях. Речь идет, во-первых, об особой государственной и общественной значимости антикоррупционного законодательства, производной от значимости самой деятельности по противодействию коррупции.

Во-вторых, мы говорим о специфической структуре антикоррупционного законодательства, причем как о внутреннем его строении, так и о моделях взаимодействия его с традиционными отраслями права (встраивания в систему традиционных отраслей), такими как конституционное право, административное право (право государственной гражданской и муниципальной службы¹), трудовое право, финансовое право и даже гражданское право.

В-третьих, при проведении экспертизы мы обращаем внимание на особенности формирования и развития законодательства о противодействии коррупции, его динамический аспект, тенденции в его систематизации и упорядочивании.

Наконец, в-четвертых, нас интересуют особенности субъектного состава отношений, регулируемых нормами антикоррупционного законодательства, ко-

торые влияют в том числе на выбор средств и методов правовой экспертизы.

Далее рассмотрим методические приемы, которые могут быть использованы при проведении правовой экспертизы правовых актов и их проектов в сфере противодействия коррупции.

1. Для начала, даже не касаясь вопросов структуры и тенденций развития антикоррупционного законодательства, скажем о том, как особая его социальная и политическая значимость влияет на правовую экспертизу.

Как отмечали еще на излете первого десятилетия XXI в. Е. Н. Трикоз и А. М. Цирин, вопросы противодействия коррупции приобретают... все большую значимость. Коррупция является опасным социально-негативным явлением, представляющим угрозу институтам государства и стабильности общественной жизни [3, с. 159]. Строго говоря, порождаемые коррупцией искажения правопорядка отрицательно влияют на восприятие гражданами (адресатами правовых норм) роли правового регулирования. Можно сказать, что коррупция закономерно снижает доверие граждан к праву².

Это значит, что при проведении правовой экспертизы эксперт должен знать, каким правовым ценностям может быть нанесен ущерб в случае неадекватного ответа государства на коррупционные риски. Важную роль в правовой экспертизе играет оценка общественного восприятия коррупции и мер, направленных на ее профилактику и борьбу с ней. В связи с этим эксперту следует представлять себе последствия введения нового правового регулирования и оценивать потенциальную реакцию его адресатов. Эксперт, в частности, должен ответить на вопрос: не повлечет ли введение новых антикоррупционных ограничений падение интереса граждан к участию во взаимодействии с органами государственной власти?

С одной стороны, очевидно, что, как пишет С. А. Агамагомедова, «проблема снижения административных барьеров тесно связана с антикоррупционным вектором развития государственного управления» [4, с. 20], но с другой – зачастую внедрение новых антикоррупционных стандартов, предполагающих более сложную регламентацию административных процедур, снижает привлекательность тех или иных государственных услуг. Например, сложное законодательство о предоставлении субсидий за счет средств бюджетов бюджетной системы частным субъектам, активно применяющее антикоррупционные

¹ Право государственной гражданской и муниципальной службы или по-другому «служебное право» традиционно принято считать подотраслью административного права (см., например: Старилов Ю. Н. Профессиональное «чиновничество» и служебное право в России: была ли реформа государственной службы и основательны ли сомнения в существовании служебного права? // Административное право и процесс. 2014. № 7. С. 8–25).

² А. А. Костюков, в частности, полагает, что «коррупция становится все более реальной угрозой безопасности государства и его граждан, в том числе и как фактор дискредитации законодательства – основного инструмента регулирования общественной жизни, – а также разрушает правовые и демократические институты и отрицательно влияет на судебную и правоохранительную деятельность» (См.: Костюков А. А. О некоторых проблемах развития государственного управления в Российской Федерации и путях их решения // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 6. С. 47).

механизмы, связанные с конкурсными отборами, дополнительными обязательствами получателей субсидий, дополнительной отчетностью и финансовым контролем, само становится избыточно сложным для восприятия и реализации, что снижает интерес потенциальных получателей государственной финансовой поддержки.

Например, С. С. Кустов, исследуя административные процедуры предоставления государственной и муниципальной поддержки в сфере сельского хозяйства, приходит к выводу, что сложное подзаконное регулирование не позволяет эффективно профилировать коррупционные риски. По его мнению, позволит уменьшить процент административного усмотрения, обеспечит большую прозрачность в действиях участников правоотношений, снизит зависимость от подзаконного регулирования только регламентация ряда вопросов на законодательном уровне [5, с. 41].

Реализация антикоррупционных стандартов и нормативно опосредованная профилактика коррупционных рисков, таким образом, не должна уводить законодателя в крайность избыточного регулирования. И препятствовать этому должна именно правовая экспертиза.

2. Правовая экспертиза правовых актов в сфере противодействия коррупции должна в силу структурных особенностей антикоррупционного законодательства быть «многомерной». Это связано с тем, что, как мы отмечали выше, законодательство в сфере противодействия коррупции существует внутри других, давно сформировавшихся институтов и отраслей. Многомерность экспертизы предполагает обязательное соотнесение изучаемых положений правовых актов с системой как антикоррупционного, так и собственно отраслевого законодательства. Эта задача может оказаться гораздо более сложной, чем представляется на первый взгляд, поскольку в различных отраслях права зачастую действует своя (отраслевая) логика, что исключает возможность применения единообразного подхода к оценке юридических норм этих отраслей в рамках правовой экспертизы. Не секрет, что даже одни и те же понятия в рамках различных отраслей права могут интерпретироваться по-разному, чего стоит хотя бы непреодолимая многозначность такого базового юридического понятия, как «должностное лицо».

Важно также отметить, что, поскольку антикоррупционное законодательство как циклический правовой массив (в отличие от традиционных отраслей законодательства) развивается не вертикально иерархически (то есть от общих положений к частным, от законов к подзаконным актам), а горизонтально (через включение специальных антикоррупционных норм в действующие правовые акты одного уровня, например, в федеральные законы), проверка положений правовых актов (их проектов) должна осуществляться на соответствие нормам Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии

коррупции»¹, а на региональном уровне – например, на соответствие нормам закона Свердловской области от 20 февраля 2009 г. № 2-ОЗ «О противодействии коррупции в Свердловской области» (далее – Закон № 2-ОЗ)².

В качестве простейшей иллюстрации дефекта, которого можно было бы избежать, своевременно проведя многомерную правовую экспертизу, можно привести коллизию норм двух законов Свердловской области, существовавшую до 2023 г. В соответствии с ч. 1 п. 3 ст. 12-1 Закона 2-ОЗк числу лиц, замещающих государственные должности, в отношении которых Губернатор Свердловской области был уполномочен устанавливать порядок проведения проверки достоверности и полноты сведений о доходах, относились лица, замещающие государственные должности Свердловской области Законодательном Собрании Свердловской области. Вместе с тем соответствующий порядок был определен в п. 4 ст. 10 закона Свердловской области от 20 февраля 2006 г. № 5-ОЗ «О статусе и депутатской деятельности депутатов Законодательного Собрания Свердловской области»³.

3. Правовая экспертиза проектов правовых актов в сфере противодействия коррупции должна учитывать особенности формирования и развития антикоррупционного законодательства. Следует сказать, что рассматриваемый нормативный массив растет в основном по двум причинам: 1) установление новых обязанностей, ограничений, запретов и механизмов контроля за реализацией антикоррупционных норм; 2) распространение обязанностей, ограничений и запретов на новые категории лиц. Исходя из этого, правовая экспертиза должна быть направлена в том числе на проверку соблюдения принципа равенства статуса должностных лиц, обеспечение единства подхода к его регулированию.

Формирование антикоррупционного законодательства – интенсивный процесс. Зачастую он приобретает стихийный и бессистемный характер потому, что на решение конкретной сиюминутной задачи, стоящей перед разработчиком и экспертом, дается слишком мало времени. Это вредит системности правотворчества. В связи с этим при проведении правовой экспертизы новых правовых актов в этой сфере эксперт должен уметь формулировать магистральную логику развития антикоррупционного законодательства и следовать ей в профессиональной деятельности, опираясь на международные стандарты и практику имплементации норм международного права в национальной правовой системе, владеть представлениями о концепциях развития национального законодательства, иметь четкие представления о стратегических документах, существующих в рамках отрасли, таких как, например, национальный план противодействия коррупции, знать историю развития антикоррупционного законодательства России и

¹ СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

² Областная газета. 2009. № 51–52.

³ Областная газета. 2006. № 50–51.

конкретного субъекта Российской Федерации (если мы говорим о региональном и муниципальном нормотворчестве).

Отдельно необходимо отметить, что ключевую роль в обеспечении системности правотворчества и правового регулирования играет систематизация законодательства в сфере противодействия коррупции, которая позволяет критически подойти к оценке действующих правовых актов с точки зрения практики их применения, выявить существующие дефекты, устранить их, избавиться от внутренних противоречий и дублирований правовых норм.

4. На проведение правовой экспертизы влияет особенность субъектного состава отношений, регулируемых законодательством о противодействии коррупции. Как указывалось ранее, при реализации антикоррупционных норм должен быть обеспечен системный и единый подход в рамках одной категории должностных лиц, а значит, в фокусе правовой экспертизы должны оказаться положения правового акта, допускающие неравенство и избирательность правового регулирования.

Кроме того, нужно иметь в виду, что субъектом правотворчества зачастую может оказаться лицо, которому прямо или косвенно адресованы антикоррупционные нормы. В связи с этим эксперт должен обращать особое внимание на ситуации, при которых должностные лица, определяющие правила поведения, оказывались бы в привилегированном положении: имели, например, возможность организационно влиять на проводимые в отношении них проверочные мероприятия, выводились бы из-под общего регулирования и т. п.

В качестве замечания общего характера, которое можно было бы отнести на счет правовой экспертизы не только антикоррупционного законодательства, скажем о том, что обязательным этапом проведения правовой экспертизы проекта правового акта, с нашей точки зрения, должно быть моделирование правовой коммуникации в рамках проектируемого правового регулирования. В частности, без моделирования невозможно дать оценку правовым и фактическим последствиям принятия регулятивных решений и для государства – регулирующего субъекта, и для гражданина (должностного лица или организации) – адресата правовой нормы. Моделирование необходимо и в связи со сложностью и многоаспектностью коммуникации субъектов антикоррупционной деятельности, их особым правовым статусом, важностью этих отношений для здорового развития политических и правовых институтов.

Правовая экспертиза требует совершенствования подходов, обновления методологического инструментария, повышения профессионализма экспертов и формирования у них новых компетенций. Это растянутая во времени работа, которая будет происходить на фоне эволюции научных взглядов на противодействие коррупции и антикоррупционное законодательство.

Библиографический список

1. Черногор Н. Н., Залоило М. В. Метаморфозы права и вызовы юридической науке в условиях пандемии коронавируса // Журнал российского права. 2020. № 7. С. 5–26.
2. Хабриева Т. Я. Циклические нормативные массивы в праве // Журнал российского права. 2019. № 12. С. 5–18.
3. Трикоз Е. Н., Цирин А. М. Правовые меры противодействия коррупции // Журнал российского права. 2007. № 9. С. 159–169.
4. Агагомедова С. А. Таможенный контроль товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, и административные барьеры // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2016. № 9. С. 13–20.
5. Кустов С. С. Административные процедуры предоставления государственной и муниципальной поддержки в сфере сельского хозяйства в условиях трансформации публичного управления в России // Административное право и процесс. 2024. № 3. С. 37–42.

References

1. Chernogor N. N., Zaloilo M. V. Metamorphoses of Law and Challenges to Legal Science in the Context of the Coronavirus Pandemic // Journal of Russian Law. 2020. No. 7. Pp. 5–26.
2. Khabrieva T. Ya. Cyclic Normative Arrays in Law // Journal of Russian Law. 2019. No. 12. Pp. 5–18.
3. Trikoz E. N., Tsirin A. M. Legal Measures to Combat Corruption // Journal of Russian Law. 2007. No. 9. Pp. 159–169.
4. Agagomedova S. A. Customs Control of Goods Containing Intellectual Property and Administrative Barriers // Intellectual Property. Industrial Property. 2016. No. 9. Pp. 13–20.
5. Kustov S. S. Administrative procedures for providing state and municipal support in the field of agriculture in the context of the transformation of public administration in Russia // Administrative law and process. 2024. No. 3. P. 37–42.

Информация об авторе

Блещик Александр Владимирович – кандидат юридических наук

Information about the author

Bleshchik Aleksandr V. – Candidate of Law

Статья поступила в редакцию 27.05.2024; одобрена после рецензирования 30.08.2024; принята к публикации 18.09.2024

The article was submitted 27.05.2024; approved after reviewing 30.08.2024; accepted for publication 18.09.2024

К вопросу о чрезвычайной важности качественного формирования текста нормативных актов на современном этапе развития федерального законотворчества

Кожевников Олег Александрович¹, Матвеев Евгений Викторович²

¹Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева,

Уральский государственный экономический университет, jktu1976@yandex.ru

²Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева

Аннотация. Формирование по-настоящему полноценной, эффективной и стабильной системы правотворческой деятельности в Российской Федерации является одной из важнейших целей современной российской государственности. В настоящее время, в условиях многочисленных угроз, крайней степени динамизма общественных отношений, нарастает тенденция резкой активизации правотворческого процесса, сопровождающейся очевидным отсутствием стабильности текстов нормативных актов, низким их качеством, отсутствием должной согласованности между сложившейся правоприменительной практикой и принимаемыми законодателями нормами права. В таких условиях резко возрастает недоверие общества к принимаемым органами власти решениям, что сопровождается увеличением числа судебных споров с органами власти, формированием порой разных подходов к судебному толкованию однотипных ситуаций, и не может в конечном итоге не сказываться на уровне осознания правоприменителями важности соблюдения режима законности при применении норм законодательных и иных актов. В рамках настоящей статьи авторами на основе статистических данных, отдельных примеров судебной практики, позиций Конституционного суда РФ вновь поднимается вопрос о необходимости соблюдения надлежащего качества правотворчества, прежде всего законотворчества, поскольку не всегда увеличение количества принимаемых правовых актов является свидетельством их качества и гарантированности правового характера нашего государства, в котором на уровне Конституции РФ провозглашено верховенство прав и свобод человека как фундаментальная основа построения современного правового демократического российского государства.

Ключевые слова: правотворческая деятельность, законотворчество, Конституционный суд РФ, судебная практика, местное самоуправление

Для цитирования: Кожевников О.А., Матвеев Е.В. К вопросу о чрезвычайной важности качественного формирования текста нормативных актов на современном этапе развития федерального законотворчества // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 3. С. 46–50.

Original article

On the issue of the extreme importance of the qualitative formation of the text of normative acts at the present stage of development of federal lawmaking

Kozhevnikov Oleg A.¹, Matveev Evgeny V.²

¹Ural State Law University named after V. F. Yakovlev; Ural State University of Economics,

jktu1976@yandex.ru

²Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

Abstract. The formation of a truly full-fledged, effective and stable system of law-making activities in the Russian Federation is one of the most important goals of modern Russian statehood. Currently, in the face of numerous threats and an extreme degree of dynamism of public relations, there is a growing tendency for a sharp intensification of the law-making process, accompanied by an obvious lack of stability of the texts of normative acts, their low quality, lack

of proper consistency between the established law enforcement practice and the norms of law adopted by legislators. In such conditions, society's «distrust» of decisions taken by authorities increases sharply, which is accompanied by an increase in the number of court disputes with authorities, the formation of sometimes different approaches to judicial interpretation of similar situations, and of course, cannot ultimately affect the level of awareness by law enforcement officers of the importance of observing the rule of law when applying the norms of legislative and other acts. Within the framework of this article, the authors, based on statistical data, individual examples of judicial practice, and the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, once again raise the question of the need to comply with the proper quality of lawmaking, primarily lawmaking, since not always an increase in the number of legal acts adopted is evidence of their quality and the guarantee of the legal character of our state, in which, at the level of the Constitution of the Russian Federation, the supremacy of human rights and freedoms is proclaimed as the fundamental basis for building a modern legal democratic Russian state.

Keywords: law-making activity, lawmaking, Constitutional Court of the Russian Federation, judicial practice, local government

For citation: Kozhevnikov O. A., Matveev E. V. On the issue of the extreme importance of the qualitative formation of the text of normative acts at the present stage of development of federal lawmaking // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 3. Pp. 46–50.

Вопросы качества правотворческой деятельности на всех уровнях публичной власти длительное время являются предметом многочисленных исследований и дискуссий [1; 2; 3]. Однако в последние несколько лет проблематика качества правотворческой деятельности, в особенности законотворчества, приобрела новые границы актуальности. Этому способствуют возникшие многочисленные предпосылки трансформации устоявшихся за последние десятилетия в РФ правоотношений (пандемия коронавируса, изменения в Конституцию РФ, санкционная политика недружественных государств, проведение специальной военной операции на территории Украины и др.), приведшие к чрезвычайному динамизму органов правотворчества, не всегда обеспеченному качественной подготовкой, экспертизой, рассмотрением и принятием проектов правовых актов.

В качестве примера возросшей активности федерального законодателя можно привести некоторые статистические данные. Так, Государственной Думой Российской Федерации за период с 1996 по 2000 г. было принято чуть больше 210 законов; с 2001 по 2005 г. – 220; с 2006 по 2010 г. – около 360; с 2010 по 2016 г. – 450; с 2016 по 2020 г. – почти 540. Таким образом, за период работы Государственной Думы с 1994 по 2020 г. депутатами было принято 9030 законов, причем почти три четверти из них (6610 – 73,2 %) – это законы, которыми вносятся изменения и дополнения к принятым законодательным актам [1]. Однако вышеуказанные достижения еще больше «раззадорили» федерального законодателя, и уже в 2022 году Государственная Дума РФ приняла 653 закона [4], а в 2023 году этот показатель возрос до 964 [5].

Таким образом, современное развитие форм правотворческой деятельности происходит чуть ли не в геометрической прогрессии, что неизбежно подталкивает исследователей к вопросу качества, выявлению системных противоречий и поиску путей совершенствования механизмов нормотворческого процесса органов публичной власти всех уровней.

Поскольку один из авторов настоящей статьи до-

статочно давно занимается вопросами правового регулирования местного самоуправления в РФ, то проблематику качества федерального законодательства хотелось бы рассмотреть в фокусе данного института публичной власти. За прошедшие 30 с лишним лет развития новейшей истории России именно местному самоуправлению выпала участь быть постоянным объектом законодательных экспериментов и последующей правоприменительной практики.

Первым ярким примером являются попытки федерального законодателя закрепить содержательное понятие местного самоуправления. В новейшей истории было четыре¹. Каждая из них во многом была не только проявлением революционного подхода в законодательном определении категории «местное самоуправление», но и попыткой без какого-либо тщательного экспертного анализа положительных и негативных моментов предшествующего нормативного регулирования, практики применения положений российского законодательства сформировать новые подходы к реализации конституционных положений о местном самоуправлении.

Отсутствие у федеральных властей устойчивого долговременного нормативно установленного понимания понятия местного самоуправления очень четко проявляется до сих пор в многочисленных попытках депутатов Государственной Думы РФ осуществлять корректировку отдельных аспектов организации и реализации местного самоуправления через внесение изменений в базовый Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

¹ Статья 1 Закона РФ от 6 июля 1991 г. № 1550-1 «О местном самоуправлении в Российской Федерации»; Ст. 2 Федерального закона от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»; Ст. 1 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»; Ст. 1 законопроекта № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти».

Федерации». Так, с 2003 года по настоящее время в названный нормативно-правовой акт было внесено почти 200 изменений, то есть в среднем по 10 изменений в год. В связи с оценкой такой «законотворческой катастрофы» нельзя не вспомнить слова известного государствоведа, судьи Конституционного суда РФ в отставке М. И. Клеандрова, который в одной из своих работ еще в 2006 году отмечал, что, «развиваясь прежним курсом и на основе прежней законотворческой методологии, мы в перспективе будем иметь еще большее число законодательных актов, все меньше согласованных между собой» [6, с. 418]. И как результат такой неумной активности законодателей, законодательство о местном самоуправлении можно сравнить с «заплаточно-поправочным законодательством», о котором в свое время писал А. Н. Станкин [7, с. 18].

О чрезмерном динамизме с очевидным ущербом качеству законотворческой деятельности говорит и анализ многочисленной судебной практики. Ярким примером в данном случае может служить и практика Конституционного суда РФ. Так, в 2022 году Конституционным судом РФ было вынесено 59 постановлений. Обращение именно к данному виду решений обусловлено тем обстоятельством, что постановления являются видом итогового решения, которое Конституционный суд РФ выносит после рассмотрения обращения по существу сформулированного в нем вопроса. В 27 постановлениях из 59 был выявлен новый конституционно-правовой смысл нормы, отличный от сформировавшегося в правоприменительной практике, а в 26 постановлениях норма была признана не соответствующей Конституции РФ [8]. В 2023 году Конституционный суд РФ принял 60 постановлений. В 27 решениях суд установил несоответствие оспариваемых норм Конституции, а в 33 выявил новый конституционный смысл оспариваемых норм¹.

Полагаем, что подобная статистика совершенно «не красит» законотворческие, да и правоприменительные органы и еще раз подчеркивает остроту вопроса о качестве правотворческой, в том числе и законотворческой, деятельности современного этапа развития российской государственности.

Однако еще более показательной ситуация с проблематикой качества современного законотворчества видится сквозь призму судопроизводства, когда суды общей и арбитражной юрисдикции, осуществляя правосудие по заявлениям и жалобам граждан и организаций, ежедневно сталкиваются с коллизионными положениями российского законодательства. И здесь в качестве яркого примера вновь хотелось бы вернуться к законодательству о местном самоуправлении.

Федеральным законом от 1 июля 2021 г. № 255-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об общих принципах организации и деятельности кон-

трольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований" и отдельные законодательные акты Российской Федерации» к лицам, замещающим муниципальную должность, были отнесены председатель, заместитель председателя, аудитор контрольно-счетного органа муниципального образования. Таким образом, перечисленные лица перешли из категории муниципальных служащих в иную категорию должностных лиц с совершенно иным порядком формирования и статусными характеристиками.

На первых взгляд, ничего особенного не произошло, тем более что согласно тексту Пояснительной записки Комитета Государственной Думы по контролю и Регламенту к вышеупомянутому закону, когда он еще рассматривался как законопроект, положения данного акта должны были способствовать укреплению независимого внешнего государственного и муниципального финансового контроля и повышению эффективности контроля за использованием субъектами Российской Федерации и муниципальными образованиями бюджетных средств и иных ресурсов.

Однако на практике отдельные положения закона вызвали серьезные затруднения у судебных инстанций. Так, 16 августа 2022 года судебной коллегией по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции по делу № 88-15966/2022 было вынесено решение, в котором отмечалось, что «суды первой и апелляционной инстанций пришли к правильному выводу о том, что с учетом внесения изменений в действующее законодательство Федеральным законом от 1 июля 2021 г. № 255-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований" и отдельные законодательные акты Российской Федерации» имелись правовые основания для увольнения по пункту 13 части 1 статьи 83 Трудового кодекса Российской Федерации (Прекращение трудового договора по обстоятельствам, не зависящим от воли сторон). Поскольку должность председателя контрольно-ревизионной комиссии стала муниципальной должностью, а не должностью муниципальной службы, были повышены квалификационные требования, изменен статус должности, с 30 сентября 2021 г. правовых оснований для продолжения трудовых отношений в названной должности не имелось».

Схожая позиция была высказана и в решении судебной коллегии по гражданским делам Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 24 ноября 2022 года по делу № 88-8551/2022, в котором суд подтвердил возможность прекращения трудовых отношений в связи с внесением изменений в действующее законодательство указанным Федеральным законом от 1 июля 2021 г. № 255-ФЗ в порядке, установленном пунктом 13 части 1 статьи 83 Трудового кодекса Российской Федерации.

В то же время определением судебной коллегии по гражданским делам Седьмого кассационного суда

¹ URL: <https://www.law.ru/news/37785-konstitutsionnyy-sud-podvel-itogi-raboty-v-2023-godu?ysclid=lt3wuckbfd886797541> (дата обращения: 29.02.2024).

общей юрисдикции от 24 октября 2023 г. (мотивированное определение в полном объеме составлено 31 октября 2023 г.) по делу № 88-18466/2023 изложена совершенно противоположная позиция, заключающаяся в том, что положения Федерального закона от 1 июля 2021 г. № 255-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований" и отдельные законодательные акты Российской Федерации» не предусматривают досрочное прекращение полномочий председателей контрольно-счетных органов муниципальных образований, ранее назначенных на должности муниципальной службы, в определенный срок после вступления в силу Федерального закона от 1 июля 2021 г. № 255-ФЗ, а также возможность их перевода на муниципальные должности; новые нормативные положения распространяются для вновь назначенных на муниципальные должности председателей контрольно-счетных органов в установленном порядке.

В связи с этим трудовые отношения с муниципальными служащими, замещавшими должности председателя, заместителя председателя и аудиторов контрольно-счетных органов муниципальных образований, могут быть расторгнуты до истечения установленного трудовым договором срока только по основаниям, предусмотренным Трудовым кодексом Российской Федерации и Федеральным законом от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации». Следовательно, вступление в силу вышеупомянутого федерального закона само по себе не является основанием для прекращения трудового договора на основании пункта 13 части 1 статьи 83 Трудового кодекса Российской Федерации.

Особую «пикантность» представленной ситуации придает тот факт, что суды различных кассационных инстанций при обосновании своих решений использовали взаимоисключающие разъяснения органов государственной власти (письмо первого заместителя министра труда и социальной защиты Российской Федерации от 27 августа 2021 г. № 26-7/10/П-6439 и разъяснения Комитета Государственной Думы по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления от 29 сентября 2021 г., размещенные на его официальном сайте).

В сложившейся ситуации полагаем уместным обратить внимание на изложенную еще до перечисляемых событий позицию Конституционного суда РФ¹ о том, что «в случаях, когда толкование нормы права официальными актами государственных, в том

числе судебных, органов не устраняет – вследствие фактической легализации правоприменительной практикой различных вариантов ее интерпретации – неясность правового регулирования, при решении вопроса о том, какой из этих вариантов предпочтителен для определения прав и обязанностей участников соответствующих правоотношений, необходимо руководствоваться конституционными принципами равенства и справедливости, а также требованиями формальной определенности правовых норм, с тем чтобы избежать отступления от универсальных начал законодательного регулирования и правоприменения, вытекающих из статей 1 (часть 1), 18, 19 (части 1 и 2), 46 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации».

Однако в тех случаях, когда единая судебная практика не сформирована, Конституционный суд РФ полагает, что наиболее корректным, если не единственно возможным, способом выявления реального содержания и значения установленного законодателем правового регулирования является законодательное уточнение нормативных положений, неясность (неоднозначность) которых не преодолена средствами юридического толкования, создает серьезные препятствия для полноценного обеспечения равенства перед законом и судом в процессе их применения.

Таким образом, в очередной раз федеральный орган конституционного судопроизводства обращается к необходимости качественного подхода законодателя к реализации своей правотворческой функции, поскольку даже в условиях наличия конституционных гарантий права на судебную защиту они не могут в полной мере обеспечить наличие единства правоприменения при некачественном формировании текста правовых актов, что способствует формированию неоднозначности, неясности и противоречивости регулирования, а значит, открывает перед правоприменителем возможности неограниченного усмотрения, ослабляющего гарантии конституционных прав и свобод, нарушение принципов равенства и верховенства закона.

Конечно, в рамках одной статьи и даже более серьезного по объему исследования невозможно привести все примеры «дефектного» правотворчества, прежде всего федерального уровня законодательства, однако такая цель и не ставилась авторами. Задача представленного материала – еще раз обратить внимание на наличие весьма тревожной тенденции увлеченности федеральных властей, прежде всего законодателей, принятием все большего количества законов, в которых не в полной мере соблюдаются принципы определенности, ясности, непротиворечивости при формировании текстов правовых актов и изменений к ним.

Сложившиеся негативные прецеденты итогов законодательства порой невозможно преодолеть даже в судебном порядке, что существенным образом подрывает авторитет Конституции РФ, не только провозглашающей Российскую Федерацию правовым

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 30 марта 2018 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 43 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой некоммерческого партнерства «Спортивно-охотничий клуб «Румелко-Спортинг»». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_294620/?ysclid=lt6nt7fwi282095029 (дата обращения: 29.02.2024).

государством, а права и свободы человека – высшей ценностью, но и закрепляющей обязанность государства в лице его компетентных органов признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина.

Библиографический список

1. Винокуров В. А. Проблемы избыточного законодательства в современной России // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27. № 4. С. 175–176.
2. Румянцев М. Б. Качество правотворчества: проблемы и перспективы совершенствования // Социально-политические науки. 2016. № 1.
3. Черногор Н. Н., Залоило М. В. Актуальные проблемы правотворчества: учебное пособие. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2018. 144 с.
4. Замахина Т. Рекордные 653 закона: Госдума подвела итоги работы в 2022 году. URL: <https://rg.ru/2022/12/23/pravo-pisanie.html?ysclid=lt3t94wrnm175768893>
5. Николаев П. Почти 700 законов. Как Госдума изменила жизнь россиян в 2023 году. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2023/12/15/18014989.shtml?ysclid=lt3t8kwrnd336761321&updated>
6. Клеандров М. И. Экономическое правосудие в России: прошлое, настоящее, будущее. М.: Волтерс Клувер, 2006.
7. Станкин А. Н. О некоторых проблемах реализации принципа приоритета Федерального закона в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 6.
8. Дудко И. А., Кряжкова О. Н. Постановления, вынесенные Конституционным Судом России в 2022 году: краткие обзоры. URL: <https://op.raj.ru/elektronnye-izdaniya/1140-ks-2022>

References

1. Vinokurov V. A. Problems of excessive lawmaking in modern Russia // Bulletin of Kostroma State University. 2021. vol. 27. No. 4. pp. 175–176.
2. Rumyantsev M. B. The quality of lawmaking: problems and prospects for improvement // Socio-political sciences. 2016. No. 1.
3. Chernogor N. N., Zaloilo M. V. Actual problems of law-making: textbook M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 2018. 144 p.
4. Zamakhina T. Record 653 laws: The State Duma summed up the work in 2022. URL: <https://rg.ru/2022/12/23/pravo-pisanie.html?ysclid=lt3t94wrnm175768893>
5. Nikolaev P. Almost 700 laws. How the State Duma changed the lives of Russians in 2023. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2023/12/15/18014989.shtml?ysclid=lt3t8kwrnd336761321&updated>
6. Kleandrov M. I. Economic justice in Russia: past, present, future. M.: Walters Kluwer, 2006.

7. Stankin A. N. On some problems of implementing the principle of priority of Federal law in the Russian Federation // Constitutional and municipal law. 2007. No. 6.

8. Dudko I. A., Kryazhkova O. N. Rulings rendered by the Constitutional Court of Russia in 2022: brief reviews. URL: <https://op.raj.ru/elektronnye-izdaniya/1140-ks-2022>

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Информация об авторах

Кожевников Олег Александрович – доктор юридических наук, профессор

Матвеев Евгений Викторович – кандидат экономических наук

Information about authors

Kozhevnikov Oleg A. – Doctor of Law, Professor

Matveev Evgeny V. – Candidate of Economic Sciences

Статья поступила в редакцию 29.02.2024; одобрена после рецензирования 14.03.2024; принята к публикации 21.05.2024

The article was submitted 29.02.2024; approved after reviewing 14.03.2024; accepted for publication 21.05.2024

Статья поступила в редакцию 17.06.2024; одобрена после рецензирования 01.07.2024; принята к публикации 18.09.2024

The article was submitted 17.06.2024; approved after reviewing 01.07.2024; accepted for publication 18.09.2024

Семейно-нравственные ценности как основа государственности

Корсун Ксения Ивановна

Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия,

korsunksenia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4160-7338>

Аннотация. Мировой демографический кризис коснулся практически всех государств мира, и Россия не стала исключением. Резкое снижение численности населения подрывает основы государственности и ведет к нивелированию государственных устоев. Одной из основных причин демографического кризиса в России является обнищание семейно-нравственных ценностей и утрата статусности большой семьи. Современное общество, воспитанное на свободной западной культуре, не желает создавать семьи, рожать больше трех детей, отдавая предпочтение карьере и свободным отношениям. В статье автор последовательно анализирует причины становления демографического кризиса в России, дает оценку современным мерам государственного содействия, оказываемым российским семьям, предлагает новые варианты социальной поддержки.

Ключевые слова: традиционные семейно-нравственные ценности, семья, демография, демографический кризис, российские ценности, многополярный мир.

Для цитирования: Корсун К. И. Семейно-нравственные ценности как основа государственности // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 3. С. 51–54.

Original article

Family and moral values as the basis of statehood

Korsun Ksenia I.

Ural State University of Economics Yekaterinburg, Russia, korsunksenia@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-4160-7338>

Abstract. The global demographic crisis has affected almost all countries of the world, and Russia is no exception. A sharp decline in the population undermines the foundations of statehood and leads to the leveling of state foundations. One of the main causes of the demographic crisis in Russia is the impoverishment of family and moral values and the loss of the status of a large family. Modern society, brought up on a free Western culture, does not want to create families, give birth to more than three children, preferring them to a career and free relationships. In the article, the author consistently analyzes the causes of the demographic crisis in Russia, evaluates modern measures of state assistance provided to the Russian family, and offers new options for social support.

Keywords: traditional family and moral values; family; demography; demographic crisis; Russian values; multipolar world

For citation: Korsun K. I. Family and moral values as the basis of statehood // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 3. Pp. 51–54.

Начало XX века было ознаменовано стремительным развитием всех сфер жизни общества. Технический прогресс, позволивший миллионам людей заменить человеческий труд на машины, способствовал развитию и правового поля. Именно в прошлом столетии разрабатываются и применяются международные правовые акты в сфере прав и свобод человека. Во многом этот процесс ускорили две мировые войны, обнажившие отсутствие уважения к чести и достоинству личности, признания ее прав и интересов.

Сегодня общепризнанным международным идеалом в сфере прав и свобод человека является Всеобщая декларация прав человека, принятая в 1948 году генеральной Ассамблеей Организации Объединенных наций. Этот правовой акт закрепил тридцать основных прав и свобод, принадлежащих каждому человеку с момента его рождения, без какой бы то ни

было дискриминации. Середина 60-х годов прошлого столетия подкрепила международно-правовые устои принятием двух пактов: «О гражданских и политических правах» (1966 год) и «Об экономических, социальных и культурных правах» (1966 год). Подобное признание и юридическое закрепление прав и свобод человека позволило создать прочное международно-правовое поле и сформировать длительные конструктивные партнерские отношения между странами-участниками.

Распад СССР и последующий крах российской экономики обнаружили и недобросовестность вчерашних партнеров, в первую очередь Соединенных Штатов Америки, в плане навязывания России западных устоев и создания новых международных правил, учитывающих интересы только одного государства. И здесь, к сожалению, нужно признать, это успешно удалось: то, что Россия воспринимала как дружественный знак помощи, на деле обернулось вмешательством во внутренние вопросы государства. Через тридцать лет плоды такого вмешательства отчетливо видны в российском обществе.

Современное общество – это общество стремительного развития технологий, переоценки ценностей и мировых кризисов – экономического, экологического, семейно-нравственного. Причем, если экономические кризисы имели место в различные исторические периоды, то вот экологический и семейно-нравственный являются не закономерными, а рукотворными.

Упомянутая выше Всеобщая декларация прав человека в качестве естественной и основной ячейки общества признает семью (ч. 3 ст. 16). Не вызывает сомнений, что сильное, развитое и демократическое общество невозможно без сохранения, развития и государственной поддержки семейных ценностей. Человек – существо не только биологическое, но и духовное, душевное, социальное, и если выжить он может самостоятельно, то вот для того, чтобы получить и отдать любовь, понимание, уважение нужен социум, первой и основной ячейкой которого является семья.

Однако современный многополярный мир бросил вызов заложенным природой и веками поддерживаемым семейно-нравственным ценностям посредством достаточно рациональных, на первый взгляд, идей. Так, признание и пропаганда толерантности как нравственной ценности привели к двум противоположным явлениям. С одной стороны, отмечается терпимое (в рамках закона) и доброжелательное отношение к любой инаковости – расовой, национальной, религиозной, с другой – процветает нравственное и моральное раскрепощение. Как следствие, отмечается одобрение случайных связей, навязывание под эгидой нормальности смены пола (причем в раннем возрасте), нетрадиционных сексуальных отношений и взращивание целого поколения *childfree* (англ. – свободные от детей). Российскими социологами верно подмечено, что в современном обществе «мощными темпами осуществляется процесс культивирования

безответственного сожительства и частых разводов» [1, с. 162]. Перечисленные последствия так называемой обратной стороны толерантности разрушают институт семьи и ведут к маргинализации общества. Получается, что толерантность, вышедшая из-под контроля, может обернуться кризисом не только семьи, но и государственности.

И здесь может возникнуть вопрос: толерантное отношение – это плохо или хорошо? По нашему мнению, любая толерантность в обществе пагубно сказывается на его развитии, приводит к перегибу в сторону терпимого отношения ко всякого рода девиациям и отклонениям, которые в последствии будут навязываться не только как возможные, но и необходимые. Наглядные примеры демонстрирует сегодня так называемый «коллективный Запад», пытающийся переделать природу человека под лозунгом современного цивилизованного общества. В этой связи полагаем, что необходимо развивать не толерантность, а уважение к иному мнению, иным традициям, иным нациям, народностям и религиям, не допуская при этом насилия над природой и психикой человека, не разрушая, а наоборот, создавая благоприятные условия для создания семей и укрепления нравственных ценностей.

Тем не менее обнищание семейно-нравственных ценностей в современной России налицо. И официальная статистика это только подтверждает: количество зарегистрированных браков за последние три года составило в 2021 году – 923 550, в 2022 году – 1 053 756, в 2023 году – 945 995; количество зарегистрированных разводов в 2021 году было 644 209, в 2022 году – 682 850, в 2023 году – 683 796 [2]. Как видим, более половины браков разрушаются и, хотя государство с 2007 года вводит меры государственной поддержки материнства, отцовства, детства и семьи, они до сих пор не достаточны для того, чтобы сломить демографический кризис в России. К сожалению, свободные отношения без обязательств остаются в приоритете, особенно среди молодых людей. Учеными обозначено новое течение для изучения – анти-семейная идеология, «... указывающая путь к отказу от нежелательного, психологически и финансово затратного родительства» [3, с. 86].

Вот уже несколько лет Россия активно отстаивает свои традиционные российские ценности, не позволяя иным мировым агломерациям навязывать свои интересы. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» является ключевым правовым актом, защищающим российских граждан от морально-нравственного разложения. Согласно ему «к традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над мате-

риальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России»¹.

Как видим, крепкая семья – это одна из важнейших традиционных российских ценностей, а значит и приоритетное направление развития нашей государственности. В России 2024 год объявлен годом семьи², в связи с чем государством разработаны и приняты определенные меры. Так, Национальный проект «Демография» [4] содержит инициативные проекты, направленные на укрепление российских семей:

1) помощь семьям, предусматривающая финансовую поддержку как в виде материнского капитала, выплачиваемого при рождении ребенка, так и в виде ежемесячных выплат на детей; кроме того, пары, страдающие бесплодием, в соответствии с данным проектом, смогут бесплатно по полису обязательного медицинского страхования воспользоваться технологиями в области экстракорпорального оплодотворения;

2) содействие занятости населения, ориентированное на переобучение родителей на востребованные профессии, прохождение ими независимой оценки своей квалификации и устройство маленьких детей в ясли. Как отмечается в паспорте Национального проекта, зачастую женщины не спешат рожать из-за страха прерывания работы на несколько лет и дальнейшей невостребованности среди работодателей. Ясли для малышей могут помочь родителям избежать выбора: работа или дети.

Следующим немаловажным правовым актом, нацеленным на поддержку и укрепление семейных ценностей, является Указ Президента от 23 января 2024 г. № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей», который устанавливает следующие гарантии: финансовые выплаты на детей, помощь в устройстве детей в детские дошкольные и школьные учреждения, помощь в трудоустройстве родителей, организация лечения и отдыха детей и т. д. Реализация большого объема мер социальной поддержки многодетным семьям согласно данному указу возложена на субъекты Российской Федерации.

Также в рамках Года семьи предусмотрены меры, направленные на улучшение жилищных условий: льготное ипотечное кредитование для молодых и многодетных семей и субсидии на оплату ЖКУ, а также иные меры социальной поддержки; возможность заключения малоимущими семьями контракта с органами соцзащиты в случаях, если родители находятся в поисках работы или открывают собственное дело

и находятся в трудных жизненных обстоятельствах; бесплатное повышение квалификации женщинам, находящимся в декретном отпуске; а также различные региональные социальные льготы [5].

Немаловажной является поддержка государством семей призывников и лиц, проходящих военную службу по контракту [6]. Для них предусмотрены дополнительные выплаты, льготы, отдельные квоты в образовательные организации и др.

И это только основные меры социальной поддержки семей, реализуемые в настоящее время в России. В качестве инициатив считаем возможным предложить:

полное погашение ипотечного кредита государством за рождение четвертого ребенка;

ежемесячные выплаты не ниже прожиточного минимума на каждого ребенка до 18 лет;

поддержка работодателями родителей путем создания корпоративных яслей для малышей;

возможность выплаты материнского капитала от работодателя с заключением трудового контракта с родителями на определенный срок.

Однако помимо мер социальной поддержки семьям важно позаботиться и о морально-нравственном воспитании подрастающего поколения. Ведь пока мы воспитываем детей на западных мультфильмах, фильмах, пропагандируем западную культуру в средствах массовой информации, вряд ли можно рассчитывать на укоренение семейно-нравственных ценностей среди российской молодежи, а значит, все перечисленные выше меры, реализуемые сегодня, так и останутся «затыканием дыр» демографического кризиса. Сегодня как никогда важно не только воспитание молодого поколения, но и планомерное перевоспитание старшего, основанное на принципах ценности семьи и человечности. Как справедливо отмечает А. А. Серебрякова «там, где с детства сформированы согласие в семье и дружба, где младшие уважают и ценят мнение и заслуги старших, но и старшие слышат аргументированную позицию младших, мы можем говорить о крепости устоев и подлинном присутствии семейных ценностей» [7, с. 158]. Уверены, что этого возможно достичь общими усилиями государства и общества.

В этой связи необходимо рассмотреть вопрос открытости информационного пространства и воспитания «умного пользователя интернета». Родительский контроль в сети Интернет не всегда бывает действенным, и дети довольно легко посещают контент «18+», что способствует растлению малолетних и самым негативным образом сказывается на их морально-нравственном воспитании. Для «лечения» демографического кризиса государству необходимо обеспечить не только финансовую поддержку семьи, но и оградить ее от негативного информационного вмешательства. В правовом поле это потребует внесения изменений в Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

¹ Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 22.08.2024).

² Указ Президента РФ от 22 ноября 2023 г. № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи». URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 22.08.2024).

В завершение еще раз отметим, что укрепление традиционных семейно-нравственных ценностей способствует укреплению общества в целом. Россия уже начала серьезную и действенную работу по поддержке своего населения. Однако семья, будучи малой социальной группой, требует большого внимания и разносторонних мер социальной поддержки со стороны государства, создания новых предпосылок статусности ее образа, что поможет преодолеть демографический кризис и укрепит основы государственности в России.

Библиографический список

1. Очеретко Е. А., МIRONCHUKOVSKAYA В. В. Правовое и этическое понимание семьи в мультикультурном пространстве России как основа укрепления семейных ценностей // Вопросы российского и международного права. 2022. № 10-1. Т. 12. С. 161–168.
2. Единая межведомственная информационно-статистическая система «Государственная статистика». – URL: <https://www.fedstat.ru> (дата обращения 22.08.2024).
3. Ильин А. Н. Культура потребления как фактор трансформации семейных ценностей // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2019. № 1 (37). Т. 2. С. 83–91.
4. Официальный интернет-портал Национального проекта «Демография». URL: <https://национальные-проекты.рф/projects> (дата обращения 22.08.2024).
5. Официальный интернет портал консультационного центра ДОМ.РФ. URL: <https://спроси.дом.рф> (дата обращения 22.08.2024).
6. Дела семейные: все меры поддержки для родителей с детьми. URL: <https://национальныепроекты.рф> (дата обращения 22.08.2024).
7. Серебрякова А. А. Семейные ценности как часть традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Вестник Тверского государственного университета. Серия: право. 2024. № 2 (78). С. 155–160.

References

1. Ocheretko E. A., Mironchukovskaya V. V. Legal and ethical understanding of the family in the multicultural space of Russia as a basis for strengthening family values // Issues of Russian and international law. 2022. № 10-1. Vol. 12. Pp. 161–168.
2. Unified interdepartmental information and statistical system "State Statistics". URL: <https://www.fedstat.ru>. (accessed 08/22/2024).
3. Ilyin A. N. Consumer culture as a factor in the transformation of family values // Scientific notes of Komsomolsk-on-Amur State Technical University. 2019. № 1 (37). Vol. 2. Pp. 83–91.
4. The official Internet portal of the National Project "Demography". URL: <https://национальныепроекты.RF> (accessed 08/22/2024).
5. The official Internet portal of the DOM.RF consulting center. URL: <https://спроси.dom.rf>. (accessed 08/22/2024).

6. Family matters: all support measures for parents with children. URL: <https://национальныепроекты. Russian Federation.> (accessed 08/22/2024).

7. Serebryakova A. A. Family values as part of traditional Russian spiritual and moral values // Bulletin of Tver State University. Series: law. 2024. № 2 (78). Pp. 155–160.

Статья поступила в редакцию 14.05.2024; одобрена после рецензирования 28.05.2024; принята к публикации 18.09.2024

The article was submitted 14.05.2024; approved after reviewing 28.05.2024; accepted for publication 18.09.2024

Проблемы «смежного» правового регулирования бесплатной юридической помощи в Российской Федерации

Мещерягина Вероника Александровна
Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия,
metssheryagina@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются коллизии и пробелы правового регулирования бесплатной юридической помощи в Российской Федерации, связанные с несовершенством действующего ее разделения по принципу субъектного состава на государственную и негосударственную системы. Автором делается ряд выводов о необходимости переработки положений Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», в частности отражение в нем этапов оказания бесплатной юридической помощи в устной и письменной формах с учетом уже существующих видов волеизъявлений граждан, а также включения в процесс оказания бесплатной юридической помощи процедуры информирования граждан, что будет способствовать снижению нагрузки на органы власти и органы местного самоуправления, обусловленной законодательством об обращениях граждан.

Ключевые слова: бесплатная юридическая помощь, юридическая помощь, информирование, консультирование, обращения граждан

Для цитирования: Мещерягина В. А. Проблемы «смежного» правового регулирования бесплатной юридической помощи в Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 3. С. 55–60.

Original article

Problems of «related» legal regulation of free legal aid in Russian Federation

Meshcheryagina Veronika A.
Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia, metssheryagina@yandex.ru

Abstract. The article examines the conflicts and gaps in the legal regulation of free legal aid in the Russian Federation related to the imperfection of its current division on the principle of subject composition into state and non-state systems. The author draws a number of conclusions about the need to revise the provisions of the Federal Law of November 21, 2011. No. 324-FZ «On Free Legal Aid in the Russian Federation», in particular, it reflects the stages of providing free legal aid in oral and written forms, taking into account the already existing types of expressions of will of citizens, as well as the inclusion of a procedure for informing citizens in the process of providing free legal aid, which will help reduce the burden on authorities and authorities local self-government, conditioned by the legislation on citizens' appeals.

Keywords: free legal aid, legal assistance, informing, consulting, citizens' appeals

For citation: Meshcheryagina V. A. Problems of «related» legal regulation of free legal aid in Russian Federation// Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 3. Pp. 55–60.

До настоящего времени механизм оказания бесплатной юридической помощи в Российской Федерации не подвергался углубленному научному изучению. Чаще доктринальные исследования посвящались элементам системы оказания такой помощи, под которыми подразумевались ее субъекты [1, с. 25; 2, с. 24; 3, с. 65], что нельзя считать достаточным.

Думается, что причина подобного сужения элементов системы оказания бесплатной юридической помощи (фактически – сведение к одному элементу), связана со смысловым дроблением категории «юридическая помощь» на уровне двух частей ст. 48 Кон-

ституции РФ¹. Так, в ч. 1 закрепляется право каждого на получение квалифицированной юридической помощи, а в установленных законом случаях – на получение юридической помощи на безвозмездной основе.

Вместе с тем ч. 2 ст. 48 Конституции РФ делает крен на уголовно-правовые и уголовно-процессуальные отношения, отдельно провозглашая право каждого, кто подвергся задержанию или заключению под стражу (обеспечительные меры) или имеет уголовно-процессуальный статус обвиняемого в совершении преступления, на возможность пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения.

Несмотря на происходящие концептуальные реформы правовой системы, вызванные динамичным развитием общественных отношений и технологий, безусловно, влияющих на современную модель оказания бесплатной юридической помощи в России, более чем за десять лет с момента вступления в юридическую силу Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»² (далее Федеральный закон № 324-ФЗ) не претерпел фундаментальных изменений. Он имеет 14 редакций, вносящих лишь точечные правки. Видится, что законодательное разделение системы бесплатной юридической помощи на государственную и негосударственную устарело.

С развитием цифровых технологий сервисного государства механизм реализации права на бесплатную юридическую помощь в широком понимании обрел сложную совокупность элементов: субъекты, объекты, права, обязанности и ответственность; формы и виды оказания; процесс оказания (этапов); правовые гарантии (защита и обеспечение рассматриваемого права); субъективное право на получение бесплатной юридической помощи.

Процесс оказания бесплатной юридической помощи предстает динамической стороной воплощения конституционной нормы и состоит из нескольких этапов. Именно процедура оказания такой помощи наглядно демонстрирует несостоятельность существующего разделения системы на государственную и негосударственную, что проявляется на самой первой стадии – стадии волеизъявления лица о необходимости получения им юридической помощи бесплатно.

Поскольку базовый федеральный закон не содержит определения термина «бесплатная юридическая помощь», а раскрывает его через виды соответствующей деятельности, которые регулируются различными нормативными правовыми актами (правовое консультирование в устной и письменной форме; составление заявлений, жалоб, ходатайств и других

документов правового характера; представление интересов гражданина в судах), возникает неизбежное смешение схожих правовых отношений и даже субъективных прав.

Нагляднее всего это проявляется на первом этапе оказания бесплатной юридической помощи – на этапе волеизъявления гражданина, которое за неимением собственного регулирования в Федеральном законе № 324-ФЗ (нет сроков оказания, стадий, особенностей предоставления отдельных видов юридической помощи и т. д.) обеспечивается правом на обращение.

Однако не следует отождествлять два самостоятельных субъективных права. Так, субъективное право на обращение – это юридически закрепленная и обеспеченная судебными и внесудебными средствами защиты возможность управомоченного лица или группы лиц направить свое волеизъявление в законодательно установленной форме в рамках конституционного правоотношения с органами власти и организациями, осуществляющими публично-значимые функции.

Субъективное право на получение бесплатной юридической помощи связано с обладанием иным благом, а именно возможностью получения содействия в реализации и защите своих прав и законных интересов. Поэтому, нельзя согласиться с позицией В. В. Гошуляка, определяющего конституционное право на получение квалифицированной юридической помощи как право на обращение к адвокату, нотариусу, иному юристу органов публичной власти за получением консультации либо за защитой нарушенных прав, а также за закреплением субъективных прав с целью предупреждения возможного их нарушения в будущем [4, с. 24].

Порядок обращения за бесплатной юридической помощью не урегулирован Федеральным законом № 324-ФЗ, однако предполагается исходя из того, что без волеизъявления лица ему невозможно оказать бесплатную юридическую помощь.

Законодатель использует любопытную формулировку в ч. 1 ст. 16 Федерального закона № 324-ФЗ, которая хоть и не отождествляет право на бесплатную юридическую помощь (ст. 48 Конституции РФ) и право на обращение (ст. 33 Конституции РФ), но распространяет законодательство о рассмотрении обращений граждан на случаи оказания гражданам бесплатной юридической помощи в виде правового консультирования в устной и письменной форме федеральными и региональными органами исполнительной власти и подведомственными им учреждениями.

В этом контексте есть ряд вопросов. Во-первых, среди законодательно установленных видов обращений нет «правового консультирования в устной и письменной форме», а закрепляется следующая триада: жалоба, предложение или заявление. Думается, что при обращении за правовым консультированием гражданин должен составить именно заявление, так как только эта форма связана с просьбой о содействии в реализации конституционных прав и свобод обращающегося лица или конституционных прав и

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

² Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

свобод других лиц. Жалоба применяется только, когда состоялся юридический факт нарушения прав и свобод заявителя, и требуется восстановление или защита его нарушенных прав – ст. 4 Федерального закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»¹ (далее – Федеральный закон № 59-ФЗ). Возможно, именно по этой причине О. В.Чумакова, например, предлагает внедрить в законодательство специальный вид обращения – «обращение за юридической помощью» [1, с. 79].

Во-вторых, на заявление о предоставлении правовой помощи распространяются все требования и процедуры, предусмотренные Федеральным законом № 59-ФЗ. В частности, это требования к обязательным реквизитам обращения, без которых оно не будет принято к рассмотрению: данные об адресате, информация о порядке обратной связи с заявителем, суть обращения, личная подпись и дата (ч. 1 ст. 7). Стоит обратить внимание, что Федеральный закон № 324-ФЗ предполагает предоставление бесплатной юридической помощи определенной категории граждан, перечень которых закреплен в ст. 20, при этом Федеральный закон № 59-ФЗ не обязывает гражданина подтверждать его статус при направлении письменного обращения. В такой ситуации требование должностного лица, например, предъявить справку об установлении инвалидности будет прямо противоречить Федеральному закону № 59-ФЗ.

Схожая ситуация характерна и для личного приема, так как согласно ч. 2 ст. 13 Федерального закона № 59-ФЗ в этом случае гражданин обязан предъявить документ, удостоверяющий его личность.

В-третьих, есть уточняющие подзаконные акты органов исполнительной власти, которые закрепляют коллизионные положения. Например, в Постановлении Правительства РФ от 28 июля 2005 г. № 452 «О Типовом регламенте внутренней организации федеральных органов исполнительной власти», указано: «Разъяснение законодательства Российской Федерации, практики его применения, а также толкование норм, терминов и понятий осуществляются федеральными органами исполнительной власти по обращениям граждан в случаях, если на них возложена соответствующая обязанность или если это необходимо для обоснования решения, принятого по обращению гражданина»².

В-четвертых, если в процессе консультирования в письменной и устной форме происходит нарушение норм Федерального закона № 59-ФЗ, будет ли привлекаться субъект, предоставляющий бесплатную юридическую помощь, к административной ответ-

ственности в рамках ст. 5.59. КоАП РФ³. Очевидно, что да. Но почему тогда юридические гарантии обеспечения права на надлежащее рассмотрение заявления о предоставлении бесплатной юридической помощи, выраженные в виде санкции, распространяются только на органы исполнительной власти и подведомственные им организации? В Федеральном законе № 324-ФЗ вообще ничего не сказано про ответственность за ненадлежащее предоставление юридической помощи. За исключением ч. 9 ст. 24, где указано, что «ответственность за возможные неблагоприятные последствия оказания гражданину юридической помощи негосударственным центром бесплатной юридической помощи несут лица, оказавшие такую помощь, негосударственный центр бесплатной юридической помощи и (или) учредители такого центра в порядке, установленном законодательством Российской Федерации».

Отсутствие должного уровня регламентации стадий, форм и видов оказания бесплатной юридической помощи в Федеральном законе № 324-ФЗ приводит и иным к правовым коллизиям. Например, отсутствие ключевого определения «консультация» вынуждает правоприменителя обращаться к нормам иных законов, где этот термин раскрыт.

Продолжительное время понятие «консультирование» вообще не находило отражения в российском законодательстве, однако в условиях возрастающего уровня взаимодействия общества и органов власти порядок консультирования впервые был регламентирован в 2020 году посредством вступления в силу Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»⁴, где в ст. 50 закреплено, что консультирование – это разъяснения по вопросам, связанным с организацией и осуществлением государственного контроля (надзора) и муниципального контроля.

Можно ли считать это определение подходящим для отношений в сфере оказания бесплатной юридической помощи? Исходя из законодательного уточнения «консультирование осуществляется без взимания платы», можно ответить утвердительно. Используя указанный термин по аналогии, можно заключить, что в расширительном понимании консультирование (в рамках оказания юридической помощи) – это разъяснение лицу, обратившемуся за бесплатной юридической помощью, порядка реализации и защиты его прав и законных интересов на безвозмездной основе.

На практике возникает другой немаловажный вопрос: позволяет ли включение в предмет правового регулирования Федерального закона № 324-ФЗ организационно-правовых основ деятельности по право-

¹ Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Парламентская газета, № 70–71. 11 мая 2006 г.

² Постановление Правительства Российской Федерации от 28 июля 2005 г. № 452 «О Типовом регламенте внутренней организации федеральных органов исполнительной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации от 1 августа 2005 г. № 31. Ст. 3233.

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Парламентская газета. № 2-5. 5 января 2002 г.

⁴ Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Российская газета. № 171. 5 августа 2020 г.

вому информированию и правовому просвещению населения отнести их к видам бесплатной юридической помощи (консультированию) или нет? Сомнения возникают в связи с технико-юридическим (похоже, и смысловым) отнесением видов бесплатной юридической помощи от деятельности по правовому информированию и правовому посвящению населения в разные статьи данного федерального закона.

Думается, что оказание бесплатной юридической помощи (консультирование) и правовое информирование (просвещение) – действительно разные правовые явления (исходя из инициативной направленности субъектов).

Как уже было указано выше: предоставление бесплатной юридической помощи невозможно без волеизъявления гражданина, в случае с правовым информированием данные правоотношения могут возникать не только на основании волеизъявления гражданина (письменного согласия), но и на основании предписания закона. Например, информирование участников референдума возложено на органы публичной власти, комиссии референдума, организации, осуществляющие выпуск средств массовой информации, физические и юридические лица (ст. 55 Федерального конституционного закона от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации»)¹.

Информирование активно применяется в судебном процессе. Установлены правила извещения участников процесса посредством размещения информации о ходе движения дела на сайте арбитражного суда и на портале «Мой арбитр». Более того, на участников возложена обязанность самостоятельно отслеживать информацию о движении дела, а с судов снята обязанность по информированию участников о последующих после получения ими первого судебного акта по делу процессуальных действиях [5, с. 38].

Еще одной интересной особенностью информирования граждан является возможность реализации этого права вне правоотношения. Например, обращение к адвокату за юридической консультацией является бесплатной юридической помощью, а использование гражданином методических материалов с формулами по грамотному расчету налогов, размещенных на сайте ФНС (<https://www.nalog.gov.ru>) с пошаговыми разъяснениями относится к информированию или просвещению?

Не совсем ясно, каков объем правового информирования (просвещения), поскольку в ст. 28 Федерального закона № 324-ФЗ указано, что к этой деятельности относится размещение информации в местах, доступных для граждан, в средствах массовой информации, в сети Интернет. С учетом того, что уже существует институт доступа граждан к информации о деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления, регулируемый Фе-

деральным законом от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» (далее – Федеральный закон № 8-ФЗ), где в ст. 6 и 13 практически полностью дублируются способы и виды предоставляемой информации².

Разницу отследить можно лишь в субъектном составе. Требование об оказании правового информирования в рамках бесплатной юридической помощи распространяется не только на органы государственной власти и органы местного самоуправления, но и на государственные юридические бюро. Также перечень размещаемой информации в рамках правового информирования несколько шире: помимо дублирующих положений Федерального закона № 8-ФЗ к нему относится предоставление информации о порядке совершения гражданами юридически значимых действий и типичные юридические ошибки при совершении таких действий, равно как и содержание, пределы осуществления, способы реализации и защиты гарантированных законодательством Российской Федерации прав, свобод и законных интересов граждан.

Минусом Федерального закона № 324-ФЗ является то, что не предусмотрено размещение в сети Интернет консультаций по наиболее распространенным обращениям граждан и отсылка их к этой информации. Такая законодательная возможность существенно разгрузила бы субъектов оказания бесплатной юридической помощи. Более того, данное положение введено уже в деятельность контрольно-надзорных органов. Так, в соответствии с ч. 9 ст. 50 Федерального закона № 248-ФЗ консультирование по однотипным обращениям допускается посредством размещения на официальном сайте контрольного (надзорного) органа в сети Интернет в форме письменного разъяснения, подписанного уполномоченным должностным лицом данного органа.

Требуется устранять пробелы, касающиеся форм, видов, системы правового информирования в рамках Федерального закона № 324-ФЗ, тем более, что сегодня Министерством юстиции Российской Федерации создаются предпосылки для интеграции в единое цифровое пространство всех участников государственной и негосударственной систем оказания бесплатной юридической помощи, что способствовало бы формированию единой системы информирования о бесплатной юридической помощи через портал «Госуслуги».

В качестве ориентира, например, можно использовать норму ст. 5.2 Федерального закона от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» (далее – Федеральный закон № 178-ФЗ), где указаны следующие способы информирования о мерах социальной защиты: с использованием единого портала государственных и муниципальных услуг; с

¹ Федеральный конституционный закон от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» // Российская газета от 30 июня 2004 г. № 137-д.

² Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // Российская газета. № 25. 13 февраля 2009 г.

использованием выделенного телефонного номера; при личном посещении¹.

Также необходимо установить административную ответственность органов власти за нарушение порядка информирования об оказании бесплатной юридической помощи, так как действующие нормы регламентируют иные случаи: ст. 6.30. КоАП РФ – невыполнение обязанностей об информировании граждан о получении медицинской помощи; ст. 20.2.3. КоАП РФ – невыполнение обязанностей по информированию граждан, органа публичной власти о принятии организатором публичного мероприятия решения об отказе от проведения публичного мероприятия либо подача уведомления о проведении публичного мероприятия без цели его проведения² и др.

В условиях отсутствия правовой регламентации стадий процесса оказания бесплатной юридической помощи с точки зрения развития правовой базы и существующих информационных продуктов представляется более эффективным выстроить этот процесс

путем включения в него правового информирования в качестве первой ступени (информация на сайтах органов власти, консультации по наиболее простым вопросам интернет-ботами и т. д.), что позволило бы и удовлетворить законный интерес заявителя и снизило бы нагрузку, связанную с рассмотрением «классических» обращений, на органы власти и организации. Сделать это возможно путем включения в Федеральный закон № 324-ФЗ положения о том, что гражданин обращается к официальным информационным ресурсам, содержащим юридические разъяснения для граждан. В случаях, когда гражданину требуется дополнительная юридическая помощь, он обращается уже за устной или письменной консультацией.

Кроме того, необходимо переработать положения Федерального закона № 324-ФЗ, отразив в нем этапы оказания бесплатной юридической помощи в устной и письменной форме, с учетом уже существующих видов волеизъявлений граждан (см. Таблицу). В противном случае часть общественных отношений.

Сравнительный анализ бесплатной юридической помощи со схожими видами волеизъявлений граждан

Вид	Форма волеизъявления	Основной источник правовой регламентации	Результат волеизъявления	Юридические последствия ненадлежащего предоставления
Обращение гражданина	Устная, Письменная (в т.ч. электронный документ)	Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»	Мотивированный и полный ответ (итоговое решение органа власти)	Ст. 5.59 Нарушение порядка рассмотрения обращений граждан
Предоставление государственной (муниципальной) услуги	Письменная (в т.ч. электронный документ)	Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»	Услуга	Ст. 5.63 Нарушение законодательства об организации предоставления государственных и муниципальных услуг
Консультирование	Устная, Письменная (размещение типовых консультаций в сети Интернет)	Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» ст. 50	Информация (ответ)	–
Бесплатная юридическая помощь	Устная, письменная	Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»	1) консультирование; 2) составление жалоб, заявлений и иных документов юридического характера; 3) мотивированный и полный ответ (итоговое решение органа исполнительной власти); для иных субъектов конкретный результат не обозначен	–

¹ Федеральный закон от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» // Российская газета от 23 июля 1999 г. № 142.

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Парламентская газета. № 2-5. 5 января 2002 г.

<i>Вид</i>	<i>Форма волеизъявления</i>	<i>Основной источник правовой регламентации</i>	<i>Результат волеизъявления</i>	<i>Юридические последствия ненадлежащего предоставления</i>
Информирование (правовое просвещение)	Письменная, в сети Интернет, СМИ, либо доводить до граждан иным способом	Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»	Информация (общедоступные сведения юридического характера)	–
Доступ к информации (запрос, размещение информации в сети Интернет)	В устной форме, в виде документированной информации, в том числе в виде электронного документа	Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»	1) ответ на запрос; 2) размещение информации	Ст. 13.27 Нарушение требований к организации доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления и ее размещению в сети Интернет; ст. 13.28 Нарушение порядка предоставления информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления

Библиографический список

1. Чумакова О. В. Деятельность органов исполнительной власти по обеспечению граждан бесплатной юридической помощью: дис. ... док. юрид. наук. Нижний Новгород, 2020.
2. Керефов И. Р. Бесплатная юридическая помощь осужденным: правовое регулирование, практика реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2012. 24 с.
3. Мельниченко Р. Г. Конституционное право на юридическую помощь: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2001.
4. Гошуляк В. В. Прокуратура, адвокатура, нотариат в конституционном праве России: монография. М.: Альфа-М, 2005. 346с.
5. Стрельцова Е. Г., Самсонова М. В. Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве: монография. М.: Инфотропик, 2022. 346 с.

References

1. Chumakova O. V. Activities of executive authorities to provide citizens with free legal aid: spec. "Administrative law; administrative process". dis. ... dr. Jurid. sciences'. Nizhny Novgorod. 2020.
2. Kerefov I. R. Free legal assistance to convicts: legal regulation, implementation practice: abstract of the dissertation ... cand. Jurid. Ryazan, 2012. 24 p.
3. Melnichenko R. G. The constitutional right to legal aid: dis. ... cand. Jurid. Volgograd, 2001.
4. Goshulyak V. V. Prosecutor's office, bar, notary office in the constitutional law of Russia: monograph. M.: Alfa-M, 2005. 346 p.
5. Streltsova E. G., Samsonova M. V. Digital technologies in civil and administrative proceedings: monograph. M.: Infotropik, 2022. 346 p.

Информация об авторе

Мещерягина Вероника Александровна – кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

Meshcheryagina Veronika A. – Candidate of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 01.07.2024; одобрена после рецензирования 15.07.2024; принята к публикации 18.09.2024

The article was submitted 01.07.2024; approved after reviewing 15.07.2024; accepted for publication 18.09.2024

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Научная статья
УДК 331

Особенности привлечения к труду за пределами нормальной продолжительности рабочего времени и компенсация за него

Гусев Андрей Владимирович¹

Елфимова Елена Владимировна²

Миннегалиева Лариса Ильинична³

¹ Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия,

^{2,3} Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия

¹ gusev.1983.av@mail.ru

² Elfimovaav@mail.ru

³ larissa5@mail.ru

Аннотация. В статье раскрываются особенности привлечения работников к сверхурочной работе и ненормированному рабочему дню, приводятся нюансы компенсации за указанные переработки. Также отмечается необходимость заключения договора гражданско-правового характера в случае служебного изобретения работника, созданного им в связи с выполнением трудовых обязанностей или служебного задания работодателя, в том числе за пределами нормальной продолжительности рабочего времени.

Ключевые слова: сверхурочная работа, ненормированный рабочий день, переработки, служебное изобретение

Для цитирования: Гусев А. В., Елфимова Е. В., Миннегалиева Л. И. Особенности привлечения к труду за пределами нормальной продолжительности рабочего времени и компенсация за него // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 3. С. 61–65.

Original article

Features of employment outside the normal working hours and compensation for it

Gusev Andrey V.¹

Elfimova Elena V.²

Minnegalieva Larisa I.³

¹ Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia,

^{2,3} Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia

¹ gusev.1983.av@mail.ru

² Elfimovaav@mail.ru

³ larissa5@mail.ru

Abstract. The article reveals the specifics of attracting employees to overtime and irregular working hours, and provides nuances of compensation for this overtime. It is also noted that it is necessary to conclude a civil law contract in the case of an employee's official invention created by him in connection with the performance of work duties or an employer's official assignment, including outside the normal working hours.

Keywords: overtime, irregular working hours, overwork, office invention

For citation: Gusev A. V., Elfimova E. V., Minnegalieva L. I. Features of employment outside the normal working hours and compensation for it // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 3. Pp. 61–65.

В современном мире участились случаи привлечения работников к исполнению своих должностных обязанностей за пределами нормальной продолжительности рабочего времени (свыше 40 часов в неделю).

Согласно опросу, проведенному СК «Росгосстрах жизнь» и hh.ru, свыше 73 % трудоустроенных россиян работают сверх нормы. В частности, об этом заявили 76 % офисных сотрудников и 71 % работающих на дому. Результаты опроса hh.ru показали, что 16 % респондентов задерживаются на работе каждый день, 43 % – несколько раз в неделю, 19 % – не чаще одного раза в неделю и только 8 % – никогда не задерживались в офисе дольше, чем следовало. В то же время в 58 % случаев сотрудники остаются дополнительно на 1–2 часа, 29 % проводят в офисе менее часа после окончания рабочего дня [1]. Таким образом, систематические переработки стали настоящим бедствием для современной России.

Большая часть трудоспособного населения в свободное от работы время по своему желанию вряд ли предпочтет находиться на рабочем месте больше заявленного в законодательстве максимума, так как считает, что более целесообразно направить силы на собственные интересы [2, с. 35]. В экономической теории труд рассматривается как антиблаго, издержка, которая необходима для производства товаров и услуг [3, с. 125].

Любое привлечение работников сверх нормы должно быть обоснованно. Так, в соответствии с Трудовым кодексом РФ (далее – ТК РФ) переработки могут осуществляться в рамках сверхурочной работы (далее – СР) либо ненормированного рабочего дня (далее – НРД). Основания привлечения к указанным видам работ четко регламентированы ст. 99 и 101 ТК РФ.

Особая специфика НРД заключается в отсутствии ограничений, касающихся длительности рабочего дня [4, с. 247]. Главное – включение должности работника в перечень должностей работников с НРД, утверждаемым коллективным договором или иным локальным актом организации с учетом мнения представительного органа. Согласие лица на работу в рамках НРД не требуется. Достаточно прописать в трудовом договоре возможность эпизодического привлечения как до начала рабочего дня, так и после. Важно понимать, что систематическим (более трех дней в неделю) и планируемым такое привлечение быть не может, поэтому не допускается ведения

графиков такой работы. Трудовая функция в период переработки должна оставаться прежней в соответствии с трудовым договором и должностной инструкцией работника. За работу в рамках НРД работнику ежегодно предоставляется дополнительный отпуск от 3 рабочих дней, которые работодателем могут увеличиваться локальным актом с учетом категорий занимаемых должностей, но, как правило, количество дней максимально достигает 7 (крайне редко 10) в год. Как верно отмечает В. С. Васильев, при НРД «не устанавливается зависимость компенсационного механизма от количества привлечения за пределами установленной продолжительности рабочего времени» [5], то есть даже если такого привлечения в течение года не было, дополнительный отпуск обязаны предоставить. Денежная компенсация при переработке в рамках НРД не предусмотрена. Однако в случае увольнения работника ему надлежит выплатить компенсацию за все неиспользованные отпуска, в том числе за дополнительные, накопившиеся в период его работы в данной компании. На практике могут возникать проблемы, если привлечения к ненормированному труду по факту не было. Подобные иски достаточно часто заканчиваются проигрышем¹. Однако имеются решения, вынесенные в пользу работника².

Выходные и нерабочие праздничные дни, а также ночное время (с 22.00 до 6.00) относятся к НРД, следовательно, привлечение работников к труду в этот период с учетом требований ст. 99 ТК РФ о СР должно быть обосновано приказом работодателя. При этом оплате в выходной день подлежат все часы переработки. К такому выводу пришли специалисты Роструда в письме от 4 июля 2023 г. № ПГ/13499-6-1 [8], рассмотрев ситуацию работника, отработавшего в субботу 10,5 часов, но получившего вознаграждение только за стандартный восьмичасовой день. Вместе с тем постановление Конституционного суда Российской Федерации от 28 июня 2018 г. № 26-П со ссылкой на ст. 153 ТК РФ утверждает, что дополнительная

¹ Апелляционные определения Московского городского суда от 16.11.2016 по делу № 33-42030/2016, Свердловского областного суда от 25.10.2017 № 33-18915/2017. URL: <https://www.consultant.ru>.

² Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 01.02.2016 № 07АП-12378/2015 по делу № А45-15265/2015; апелляционное определение Санкт-Петербургского горсуда от 15.03.2017 № 33-5312/2017. URL: <https://www.consultant.ru>.

оплата полагается всем работникам, которые состоят в трудовых отношениях с работодателем и привлекаются к работе в выходные либо праздничные дни¹.

Помимо этого на практике зачастую работодатель прикрывает понятием НРД привлечение работника к СР в выходной день или ночью. В случае подобных злоупотреблений лицо вправе обратиться в суд [6, с. 93], который при наличии признаков СР признает переработку незаконной и вынесет решение о ее дополнительно оплате. Аналогичная позиция высказана в письме Рострудинспекции².

Работа ночью биологически не предназначена для активной деятельности и приводит к физиологической и психоэмоциональной нагрузке на организм работника, требует повышенных трудозатрат и может создавать угрозу причинения вреда здоровью работника [7]. Так, например, Международная организация труда выделяет НРД в качестве одной из основных причин сердечно-сосудистых заболеваний [8]. В связи с чем работодатель должен осознавать степень ответственности в случае необоснованного привлечения к работе за пределами нормальной продолжительности рабочего времени и платить справедливое вознаграждение за труд работникам своей компании в целях компенсации переработок.

К СР работник привлекается на основании приказа работодателя с указанием обоснования согласно ст. 99 ТК РФ. Желание самого работника остаться после окончания рабочего дня и доделать то, что не успел, не может быть названо СР.

Продолжительность СР не должна превышать 4 часов в течение 2 дней подряд и 120 часов в год. Фиксация переработок осуществляется в таблице учета рабочего времени.

Также ТК РФ предусмотрены ограничения в отношении некоторых категорий работников, которые категорически не могут быть привлечены к СР и тех, кто только с письменного согласия может быть к ней допущен. Согласие работника, как правило, подтверждается его ознакомлением с приказом работодателя о привлечении и наличием подписи. Если работник не был ознакомлен с приказом о СР, то его увольнение за прогул в случае неявки по общему правилу недопустимо [9, с. 88].

Оплата первых двух часов СР составляет не менее полуторакратного размера, а последующих часов ночного времени – не менее двукратного размера. При этом работник вправе потребовать компенсацию в виде предоставления дополнительного времени (дней) отдыха соразмерно отработанному сверх-

урочно. Повышенная оплата за работу в выходные, праздничные дни и в ночное время в полной мере согласуется с целевым назначением данной гарантии, а также с конституционными началами равенства, справедливости, уважения человека труда и самого труда. Такой подход учитывает разумные ожидания работника на справедливое вознаграждение без какой бы то ни было дискриминации [10].

Часть 1 ст. 152 ТК РФ до 1 сентября 2024 г. допускала оплату сверхурочной работы исходя лишь из одной составляющей части зарплаты работника – из тарифной ставки или оклада (должностного оклада), без начисления компенсационных и стимулирующих выплат. Расчет производился путем деления установленного работнику оклада на среднемесячное количество рабочих часов в зависимости от установленной продолжительности рабочей недели в часах. При этом среднемесячное количество рабочих часов рассчитывалось путем деления годовой нормы рабочего времени в часах на 12. Это находит свое подтверждение и в судебной практике³.

Однако ч. 1 ст. 152 ТК РФ постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2023 г. № 35-П⁴ признана не соответствующей Конституции РФ, поскольку нарушает принцип равенства и справедливости, а также отраслевой принцип обеспечения права каждого работника на справедливую заработную плату, гарантирующую достойное существование человека и его семьи. В связи с чем Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин подписал закон⁵ о внесении поправок в ст. 152 ТК РФ, в результате чего с 1 сентября 2024 г. в расчет оплаты СР в обязательном порядке входят премии и другие выплаты. При этом необходимости в пересмотре работодателями условий коллективного договора и иных локальных актов нет.

Таким образом, долгожданные поправки, касающиеся повышения размера оплаты за СР, обеспечат адекватную компенсацию увеличенных трудозатрат, понесенных работником, а также выступят справедливым вознаграждением за труд в условиях, отклоняющихся от нормальных.

В рамках заявленной темы хотелось бы остановиться на вопросе защиты прав авторов на служебное изобретение, которое они создали в связи с выполнением своих трудовых обязанностей или служебного задания работодателя, в том числе за пределами нор-

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 июня 2018 г. № 26-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 153 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д.В. Апухтина, К.К. Багирова и других». URL: <https://www.consultant.ru>.

² Письмо Роструда от 7 июня 2008 г. № 1316-6-1 «О порядке привлечения работников, которым установлен ненормированный рабочий день, к работе в их выходные и нерабочие праздничные дни»

³ Решение Верховного Суда Российской Федерации от 21 июня 2007 г. № ГКПИ07-516. URL: <https://www.consultant.ru>.

⁴ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2023 г. № 35-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 152 Трудового кодекса Российской Федерации и абзаца второго Постановления Правительства Российской Федерации «О минимальном размере повышения оплаты труда за работу в ночное время» в связи с жалобой гражданина С. А. Иванченко». URL: <https://www.consultant.ru>.

⁵ Федеральный закон от 22 апреля 2024 г. № 91-ФЗ «О внесении изменения в статью 152 Трудового кодекса Российской Федерации». URL: <https://www.consultant.ru>.

мальной продолжительности рабочего времени. По нашему мнению, такое вознаграждение имеет гражданско-правовую природу и не может быть включено в заработную плату, а также не может быть названо СР и не может относиться к НРД. Если работодатель и работник не заключили гражданско-правовой договор о выплате вознаграждения за служебное изобретение, то суд будет применять ставки, порядок и сроки его выплаты по правилам, установленным Постановлением Правительства Российской Федерации (п. 5 ст. 1246 ГК РФ) [11, с. 118].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о необходимости соблюдения работодателями не только трудового, но и гражданского законодательства о вознаграждении за служебное изобретение. При этом необходимо уведомлять работников, которые являются авторами служебного изобретения о наличии у них такого права.

Обозначенные в настоящей статье положения позволяют заключить, что режим НРД является более выгодным для работодателя и менее комфортным для работника. Несмотря на наличие дополнительного отпуска за НРД от 3 рабочих дней, СР видится более привлекательной для работника в случае служебной необходимости переработки, в связи с наличием более четкого порядка и оснований привлечения работников, а также учета труда и вознаграждения. При этом работодатель обязан уведомить работников о возможности заключения с ними договора гражданско-правового характера и получения соответствующего вознаграждения в случае служебного изобретения, которое они создали в связи с выполнением своих трудовых обязанностей или служебного задания работодателя, в том числе за пределами нормальной продолжительности рабочего времени.

Библиографический список

1. Больше не значит лучше. Чем опасны трудовголизм и переработки? // ТАСС: гос. федер. информац. агентство. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6248689> (дата обращения: 22.07.2024).
2. Бабенкова В. Р., Ларина Е. А. Привлечение работника к сверхурочным работам: проблемы правового регулирования // Концепция развития общества в условиях новой правовой реальности: сборник материалов Международной научно-практической конференции, Курск, 10 апреля 2023 года. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2023. С. 35–38.
3. Адамчук В. В., Ромашов О. В., Сорокина М. Е. Экономика и социология труда: учебник. М.: ЮНИТИ, 2000. 407 с.
4. Кряжевских К. А., Дорофеева Д. А. Ненормированный рабочий день: положительные и негативные аспекты для субъектов трудовых отношений // Вопросы российской юстиции. 2023. № 23. С. 245–250.
5. Васильев В. С. Некоторые вопросы применения ненормированного рабочего дня // МНИЖ. 2015. № 7–3 (38).

6. Миннегалиева Л. И. Коллизии судебной защиты экономических прав // Научный Альманах ассоциации France-Kazakhstan. 2023. № 6. С. 93–97.
7. Новиков Н. Н. Состояние охраны труда в РФ. Проблемы и пути решения // НиКа. 2005. № 1.
8. Калмыкова Ю. Н. Бесконечный рабочий день // Руководитель бюджетной организации. 2011. № 7.
9. Елфимова Е. В. Увольнение по отрицательным основаниям // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2018. № 1(79). С. 88–93.
10. Унжакова Е. А., Бельдина О. Г. Дискриминация в сфере трудовых отношений // Human Progress. 2016. Т. 2. № 3. С. 29.
11. Свалова Н. А. Нарушение права автора служебного изобретения на вознаграждение как угроза экономической безопасности // Экономико-правовые проблемы обеспечения экономической безопасности: Материалы VI Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 30 марта 2023 года. Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, 2023. С. 118–123.

References

1. More is not better. What are the dangers of workaholicism and overtime? // TASS: state federal information agency. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6248689> (date of access: 22.07.2024).
2. Babenkova V. R., Larina E. A. Involving employees in overtime work: problems of legal regulation // The concept of the development of society in the context of the new legal reality: collection of materials from the International scientific and practical conference, Kursk, April 10, 2023. Kursk: South-West State University, 2023. pp. 35–38.
3. Adamchuk V. V., Romashkov O. V., Sorokina M. E. Economics and sociology of labor: textbook. Moscow: UNITY, 2000. 407 p.
4. Kryazhevskikh K. A., Dorofteeva D. A. Irregular working hours: positive and negative aspects for subjects of labor relations // Questions of Russian Justice. 2023. No. 23. Pp. 245–250.
5. Vasiliev V. S. Some issues of the application of irregular working hours // MNIZH. 2015. No. 7–3 (38).
6. Minnegaliev L. I. Collisions of judicial protection of economic rights // Scientific Almanac of the France-Kazakhstan Association. 2023. No. 6. Pp. 93–97.
7. Novikov N. N. The state of labor protection in the Russian Federation. Problems and solutions // NiKa. 2005. No. 1.
8. Kalmykova Yu. N. Endless working day // Head of a budgetary organization. 2011. No. 7.
9. Elfimova E. V. Dismissal on negative grounds // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 1(79). P. 88–93.
10. Unzhakova E. A., Bel'dina O. G. Discrimination in labor relations // Human Progress. 2016. Vol. 2. No. 3. P. 29.
11. Svalova N. A. Violation of the right of the author of an official invention to remuneration as a threat to economic security // Economic and legal problems

of ensuring economic security: Materials of the VI International scientific and practical conference, Yekaterinburg, March 30, 2023. Yekaterinburg: Ural State University of Economics, 2023. P. 118–123.

Информация об авторах

Гусев Андрей Владимирович – кандидат юридических наук, доцент

Елфимова Елена Владимировна – кандидат юридических наук, доцент

Миннегалиева Лариса Ильинична – кандидат юридических наук

Information about the authors

Gusev Andrey V. – Candidate of Law, Associate Professor

Elfimova Elena V. – Candidate of Law, Associate Professor

Minnegalieva Larisa I. – Candidate of Law

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

All authors made an equivalent contribution to the publication. The authors declare no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 01.08.2024; одобрена после рецензирования 20.08.2024; принята к публикации 18.09.2024

The article was submitted 01.08.2024; approved after reviewing 20.08.2024; accepted for publication 18.09.2024

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.98

Понятие и виды противодействия раскрытию и расследованию преступлений против семьи и несовершеннолетних

Акиев Арби Русланович

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия, melhi530@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-6540-9606>

Аннотация. Автором поднимается проблема отсутствия в криминалистической науке единого подхода к понятию, признакам, структуре, формам и способам противодействия работе правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений. С учетом группы рассматриваемых преступлений и на основании проведенного исследования предложено авторское понятие «противодействия раскрытию и расследованию преступлений против семьи и несовершеннолетних», систематизированы виды такого противодействия, а также предложена их авторская классификация по различным основаниям.

Ключевые слова: противодействие уголовному преследованию, противодействие расследованию, воспрепятствование расследованию, противодействие раскрытию и расследованию преступлений, понятие противодействия расследованию, виды противодействия расследованию, преступления против семьи и несовершеннолетних

Для цитирования: Акиев А. Р. Понятие и виды противодействия раскрытию и расследованию преступлений против семьи и несовершеннолетних // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 3. С. 66–73.

Original article

The concept and types of counteraction to discovery and investigation of crimes against the family and minors

Akiev Arbi R.

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia,
melhi530@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6540-9606>

Abstract. The author raises the problem of the lack of a unified approach in forensic science to the concept, signs, structure, forms and methods of countering the work of law enforcement agencies in the detection and investigation of crimes. Taking into account the group of crimes under consideration, and based on the conducted research, the author's concept of «countering the disclosure and investigation of crimes against the family and minors» is proposed, the types of such counteraction are systematized, and their author's classification on various grounds is proposed.

Keywords: counteraction to criminal prosecution, counteraction to investigation, obstruction of investigation, counteraction to disclosure and investigation of crimes, the concept of counteraction to investigation, types of counteraction to investigation, crimes against family and minors

For citation: Akiev A. R. The concept and types of counteraction to discovery and investigation of crimes against the family and minors// Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 3. Pp. 66–73.

Криминалистическое обеспечение эффективности и результативности раскрытия и расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних, помимо прочего, предполагает разработку и совершенствование криминалистических средств и методов своевременного выявления и преодоления противодействия достижению его целей и задач со стороны преступников или иных заинтересованных лиц.

Несмотря на то, что вопросы криминалистического познания противодействия раскрытию и расследованию преступлений остаются объектом активных научных исследований на протяжении нескольких десятилетий, до настоящего момента в криминалистике окончательно не сформирован единый теоретический подход к пониманию этого явления, определению его признаков и структуры, описанию его форм, способов, приемов. Также очевидно, что имеются криминалистически значимые особенности противодействия раскрытию и расследованию различных групп и видов преступлений. Противодействие раскрытию и расследованию преступлений против семьи и несовершеннолетних не является исключением и обладает существенной криминалистической спецификой, требующей изучения и описания.

Необходимо отметить и постоянное криминальное развитие, появление новых способов и приемов противодействия раскрытию и расследованию преступлений против семьи и несовершеннолетних, что обуславливает потребность совершенствования криминалистических средств и методов его выявления и преодоления субъектами правоохранительной деятельности.

Учитывая изложенное, представляется актуальным изучение криминалистических особенностей рассматриваемого противодействия, определение его основных видов, форм, способов, приемов и субъектов осуществления.

Анализируя многочисленные научные подходы к содержательному и терминологическому определению явлений и процессов, связанных с противодействием работе органов предварительного следствия и дознания, а также проведенные в современной криминалистической литературе обобщения взглядов и концепций, формировавшихся на различных этапах развития учения о противодействии расследованию, [1; 2; 3], можно сделать вывод об основных дискуссионных теоретических положениях этого учения:

- терминологическое определение и признаки рассматриваемых явлений и процессов;
- временной период реализации способов и приемов противодействия расследованию, соотношение таких действий (бездействия) с преступной и посткриминальной деятельностью преступников и иных лиц, а также деятельностью органов предварительного следствия и дознания;
- виды, формы, структура и механизм рассматриваемого противодействия;
- круг субъектов, осуществляющих такое противодействие, и иных вовлеченных в него лиц.

Уточнение указанных вопросов имеет принципиальное значение для правильного определения содержания и элементов, других криминалистических особенностей осуществления противодействия раскрытию и расследованию преступлений против семьи и несовершеннолетних.

В современной криминалистической литературе предложены различные термины, так или иначе определяющие рассматриваемое явление. Распространенными и во многом синонимичными терминами выступают «противодействие раскрытию и расследованию преступлений» [4; 5; 6; 7], «противодействие расследованию преступлений» [8; 9; 10; 11], «противодействие предварительному расследованию» [12; 13].

Реже встречаются и отстаиваются отдельными авторами термины «противодействие уголовному преследованию» [14; 15], «противодействие установлению истины» [16, с. 526], «криминальное противодействие» [17, с. 69], «воспрепятствование расследованию» [18], «воздействие на доказательственную информацию» [19] и некоторые другие. Не преследуя цель детального анализа каждого из приведенных терминов, можно отметить, что, по сути, в указанных случаях авторы ведут речь об отдельных разновидностях или сторонах рассматриваемого противодействия.

Как следствие, использованный в настоящей работе термин «противодействие раскрытию и расследованию преступлений» видится наиболее полно и всесторонне обозначающим рассматриваемые явления и процессы. Кроме того, он во многом позволяет решить вопрос терминологического охвата периода совершения действий (бездействия), так или иначе преследующих цель противодействия предстоящему или осуществляемому расследованию преступлений против семьи и несовершеннолетних, установлению лиц, причастных к его совершению.

Представляется, что независимо от момента осуществления рассматриваемого противодействия его цели – не допустить или существенно затруднить достижение задач предстоящего или проводимого предварительного расследования, установление и привлечение к уголовной ответственности лиц, его совершивших. Как следствие, определенные способы и приемы, направленные на сокрытие самого факта совершения преступления против семьи или несовершеннолетних, воспрепятствование началу и проведению доследственной проверки по заявлениям и сообщениям о преступлениях, последующего предварительного расследования должны охватываться общим понятием противодействия раскрытию и расследованию таких деяний. Очевидно, что такие действия (бездействия) со стороны преступников и других лиц могут осуществляться до выявления признаков преступления правоохранительными органами, поступления информации о них, а в некоторых случаях быть заранее спланированными и выступать элементом механизма рассматриваемой преступной деятельности.

Сделанный вывод подтверждают и примеры из следственно-судебной практики. Так, на Кубани мать

осуждена за сокрытие изнасилования, совершенного в отношении ее 14-летней дочери. Женщина, достоверно зная о совершенном преступлении, не только не обратилась в правоохранительные органы, но и постирала одежду девочки, тем самым уничтожила следовую картину, дала противозачаточную таблетку, чтобы она не забеременела, а также запретила сообщать данную информацию кому-либо¹.

Изложенное также обуславливает дискуссионность мнений ряда авторов о разноплановой природе понятий «сокрытие преступления», реализуемое в процессе или после совершения преступления, и «противодействие его расследованию», осуществляемое уже после возбуждения уголовного дела (начала процессуальной деятельности) [20, с. 18]. Как справедливо отмечено О. П. Грибуновым и И. М. Комаровым, сокрытие преступлений, в том числе их отдельных видов, должно рассматриваться как форма противодействия расследованию [21]. Иными словами, противодействие раскрытию и расследованию преступлений против семьи и несовершеннолетних и сокрытие такой преступной деятельности соотносятся как общее с частным.

Несмотря на присутствующие расхождения в теоретических подходах к пониманию противодействия раскрытию и расследованию преступлений, применительно к деяниям против семьи и несовершеннолетних такое противодействие представляется наиболее правильным охарактеризовать как умышленное и преимущественно противоправное. Как верно отметили А. Ю. Головин и С. А. Цурбанов, субъект противодействия (преступник или иное лицо) осознает, что его действия (бездействие) влекут за собой различные негативные последствия для достижения задач расследования, желает или допускает их наступление [22, с. 45]. При этом действия, входящие в структуру рассматриваемого противодействия, хоть и имеют различную правовую природу, в основе своей преследуют противоправные цели поведения, могут содержать признаки других преступлений или иных правонарушений.

Изложенное позволяет рассматривать противодействие раскрытию и расследованию преступлений против семьи и несовершеннолетних как умышленную и преимущественно противоправную деятельность (поведение) преступников и иных вовлеченных в него лиц, осуществляемую в целях не допустить либо существенно затруднить достижение задач предстоящего или проводимого предварительного расследования, установление и привлечение к уголовной ответственности лиц, его совершивших.

Необходимо отметить, что в криминалистической литературе присутствуют позиции, отражающие от-

дельные особенности раскрытия и расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних. Так, С. А. Куемжиева, определяя такое противодействие, как субъективный фактор, влияющий на формирование следственной ситуации по уголовным делам рассматриваемой категории, отмечает в числе субъектов, осуществляющих противодействие расследованию, лиц из числа членов семьи, руководства и сотрудников образовательных, учебно-воспитательных, медицинских и других учреждений, оказывающих активное противодействие расследованию либо в силу корпоративных и иных интересов принимающих попытки скрыть известные им факты или уклониться от дачи показаний [23, с. 253]. Здесь стоит отметить, что круг форм, способов и приемов противодействия раскрытию и расследованию преступлений против семьи и несовершеннолетних более широк.

А. С. Колесова, характеризуя особенности противодействия расследованию насильственных преступлений в семье, полагает, что такое противодействие «осуществляется, в основном, в виде незаконного воздействия (психического или физического) на потерпевших и свидетелей, воздействие на материальные носители информации характерно только по тяжким и особо тяжким насильственным преступлениям в семье» [24, с. 205]. Думается, что автор также существенно сужает круг форм, способов и приемов рассматриваемого противодействия даже применительно к раскрытию и расследованию только насильственных преступлений в семье.

В этой связи необходимо проанализировать противодействие раскрытию и расследованию преступлений против семьи и несовершеннолетних с различных системных позиций.

Видится возможным провести следующую систематизацию криминалистически значимых видов противодействия раскрытию и расследованию преступлений против семьи и несовершеннолетних и оснований их классификации.

1. По характеру связи субъекта противодействия с семьей (членами семьи) такое противодействие может быть осуществлено:

- членом или членами семьи (по отношению к жертве) либо по их инициативе;
- посторонними лицами, находящимися в различных некриминальных связях и отношениях с семьей (членами семьи), такими как соседи, друзья семьи, педагогические работники, сотрудники органов опеки и попечительства, подразделений органов внутренних дел по делам несовершеннолетних, тренеры и другие сотрудники спортивных организаций, медицинские работники и т. п.;
- посторонними лицами, не имеющими таких связей.

Следует подчеркнуть, что семья с криминалистических позиций должна рассматриваться в широком смысле как объединение лиц, находящихся между собой в различных родственных, правовых, религиозных, национальных, традиционных или иных отноше-

¹ Жительница Красноармейского района осуждена за укрывательство преступлений в отношении несовершеннолетней дочери. URL: <https://kubnews.ru/proisshествiya/2022/05/18/na-kuban-mat-god-skryvala-iznasilovanie-14-letney-docheri-i-poluchila-shtraf-v-50-tysyach/?ysclid=lxjtjrxw5a399489008> (дата обращения: 01.07.2024).

ниях, признаваемых или оцениваемых государством и обществом как семейные, в том числе применительно к отдельным регионам Российской Федерации. Это, помимо прочего, необходимо для установления мотивов, способов и приемов негативного посткриминального поведения членов семьи, в том числе на различных стадиях досудебного производства по уголовным делам [25].

2. По характеру воздействия на доказательственную и иную криминалистически значимую информацию:

- противодействие, непосредственно препятствующее сборанию, исследованию и использованию доказательственной и иной криминалистически значимой информации о преступлении (преступной деятельности более высокого уровня) и лицах, его совершивших. К этой группе в первую очередь относятся различные способы сокрытия следов преступления (идеальных, материальных, цифровых) и их носителей;

- противодействие, опосредованно влияющее на сбор и исследование доказательственной и иной криминалистически значимой информации о преступлении (преступной деятельности более высокого уровня) и лицах, его совершивших. Именно к этой группе относится разного рода воздействие, оказываемое на потерпевших, свидетелей (в том числе потенциальных), других участников предварительного расследования в целях заставить или побудить их утаить, фальсифицировать или сокрыть иным образом факт криминального деяния, доказательственную или иную криминалистически значимую информацию об обстоятельствах преступления и / или лицах, его совершивших. Принципиальным отличием от противодействия первой группы в данном случае является то, что осуществляющий воздействие субъект непосредственно не осуществляет сокрытие следов преступления (их носителей), а лишь побуждает или заставляет других лиц совершить такие действия;

- противодействие, создающее препятствия раскрытию и расследованию преступлений против семьи и несовершеннолетних иным образом. Подобное противодействие обычно не связано с процессом собирания или исследования криминалистически значимой информации и представляет собой другое поведение, умышленно затрудняющее решение задач предварительного расследования. Это, например, попытки скрыться от органов предварительного следствия и дознания, затянуть сроки предварительного расследования, случаи умышленного злоупотребления процессуальными правами со стороны защиты, попытки дискредитации потерпевших (в том числе в сфере семейных отношений), свидетелей, экспертов, лиц, производящих предварительное расследование, создание негативного «общественного резонанса» вокруг хода и результатов расследования, разглашение тайны следствия, симуляция болезни и различных психических состояний и некоторые другие действия.

- многоцелевое противодействие, включающее в себя разные действия (бездействие), относящиеся к перечисленным выше видам.

Примером противодействия сбору доказательственной информации о совершенном против несовершеннолетнего преступлении, а также о лицах, его совершивших, является следственная ситуация, сложившаяся при расследовании насильственных действий сексуального характера в отношении 9-летней девочки, совершенное сожителем матери малолетней. В рамках расследования уголовного дела совокупностью собранных доказательств было установлено, что мать ребенка, находящаяся в материальной зависимости от своего сожителя, неоднократно давала заведомо ложные показания об обстоятельствах совершенного преступления и отрицала сам факт совершения сожителем преступления в отношении ее дочери. Кроме того, принуждала своего ребенка к лжесвидетельствованию¹.

3. С учетом результатов теоретико-криминалистических исследований, представленных в научной литературе [26], по форме противодействие раскрытию и расследованию преступлений против семьи и несовершеннолетних может быть дифференцировано следующим образом:

- сокрытие преступления, представляющее собой систему способов и приемов уничтожения, утаивания, фальсификации маскировки или инсценировки следов преступления, иной криминалистически значимой информации и / или ее носителей. Указанные способы и приемы обладают определенной спецификой, связанной с семейным статусом преступника и / или жертвы преступления, нежеланием разглашения информации о совершенном преступлении и его характере. В случаях когда по характеру преступления или иным причинам факт происшедшего скрыть (утаить в семье) невозможно, указанное сокрытие может быть направлено на отдельные обстоятельства происшедшего, лиц, совершивших деяния, либо его последствия. Например, объяснение наличия телесных повреждений травмами, несчастными случаями, исчезновение членов семьи, в том числе детей, – заведомо ложными заявлениями о выезде на отдых, пропаже их без вести или похищении, другими некриминальными событиями либо действиями других, включая вымышленных, лиц. Также преступники и связанные с ними лица могут фальсифицировать и инсценировать обстоятельства происшедшего в подтверждение собственной версии, следовать определенной линии поведения на посткриминальном этапе. Пример тому расследование уголовного дела по факту убийства в Омской области 35-летней женщины, ее 10-летней дочери-инвалида и 38-летнего

¹ Женщина обвиняется в лжесвидетельстве при даче показаний о совершении преступления против половой неприкосновенности ее дочери. URL: <https://news.rambler.ru/crime/50179087-zhenschina-obvinyatsya-v-lzhesvidetelstve-pri-dache-pokazaniy-o-sovshenii-prestupleniya-protiv-polovoy-neprikosnovennosti-ee-docheri> (дата обращения: 01.07.2024).

сожителя. В результате проведенных следственных действий и оперативных мероприятий была установлена причастность к преступлению 14-летней дочери погибшей женщины и ее 17-летнего друга. Мотивом убийства матери и ее сожителя послужили их возражения против близких отношений между подростками. 10-летняя младшая сестра, страдающая заболеванием опорно-двигательного аппарата, была убита старшей сестрой и ее поделщиком из-за нежелания ухаживать за инвалидом. В целях сокрытия своего участия в подготовке и совершении убийства членов семьи преступница, взяв с собой 6-летнего брата, постучалась к соседям, сообщив, что в дом ворвался незнакомый мужчина, который убил родителей, а также предоставила органам расследования для составления субъективного портрета преступника заведомо ложные сведения о его внешности¹;

– воздействие на жертву (потерпевшего), свидетелей, следователя, дознавателя, оперативного сотрудника, эксперта, специалиста, других сотрудников правоохранительных органов, лиц, содействующих правосудию (например, понятых, переводчиков), сотрудников государственных и муниципальных органов, учреждений и организаций, а также других лиц, способных своим поведением создать различные препятствия для решения задач выявления, раскрытия и расследования преступлений. В числе способов и приемов такого противодействия уговоры, подкуп, шантаж, угрозы физического насилия, уничтожения или пропажи имущества, в том числе сопровождающиеся демонстрацией серьезности намерений. Опять же отметим, что во многих случаях рассматриваемое воздействие достигает своих целей именно вследствие наличия семейных отношений, а касательно несовершеннолетних еще и в связи с особенностями психики малолетних лиц или подростков. Примером противоправного (преступного) воздействия не только на потерпевшего, но и на членов его семьи является ход расследования изнасилования малолетнего (10 лет) тремя старшеклассниками (15–17 лет), совершенное в январе 2023 г. в Республике Тыва. Так, с целью принуждения к отказу от защиты своих прав и оказания психологического воздействия на потерпевшего и его законных представителей, в отношении членов семьи малолетнего высказывались угрозы физической расправы, был совершен поджог имущества, осуществлялось уголовное преследование, распространялась дискредитирующая информация через социальные сети².

– уклонение от участия в расследовании преступлений против семьи и несовершеннолетних объ-

единяет разные по своей природе действия (бездействие), состоящие в неявке по вызовам лица, производящего предварительное расследование, смене места жительства (постоянного пребывания), без уведомления органов расследования переезд в другие регионы или государства, изменение персональных данных, нарушение избранных мер пресечения, симуляция болезней, затрудняющих участие в расследовании, и ряд других;

– срыв производства следственных и других процессуальных действий по уголовным делам рассматриваемой категории. Здесь необходимо отметить, что, выделяя подобное поведение в качестве самостоятельной формы противодействия раскрытию и расследованию преступлений против семьи и несовершеннолетних, следует согласиться с представленным в криминалистической литературе мнением о его умышленном характере и направленности «на создание существенных препятствий для начала, проведения и (или) завершения таких действий в установленном уголовно-процессуальным законом порядке, сводящих к минимуму их доказательственный эффект либо создающих условия признания недопустимыми в последующем доказательств, полученных в ходе таких следственных действий» [27, с. 55];

– убийство (покушение на убийство) жертв, очевидцев в целях сокрытия преступления против семьи и несовершеннолетних. Эта форма, по сути, представляет собой более тяжкое преступление, совершаемое с целью противодействия установлению лица, совершившего другое, подчас менее тяжкое преступное деяние. К сожалению, такие деяния, особенно совершаемые в отношении несовершеннолетних, не редкость. Примером тому недавнее убийство 16-летней школьницы в Екатеринбурге. Как было установлено в ходе расследования, на убийство подростка преступника побудило опасение, что она сможет его опознать и сообщить в правоохранительные органы о факте нападения с целью изнасилования³.

4. По временному критерию противодействие раскрытию и расследованию преступлений против семьи и несовершеннолетних можно дифференцировать на систематическое и разовое. Систематическое противодействие, в отличие от разового, осуществляется многократно, преимущественно одними и теми же субъектами в рамках общего противоправного замысла на воспрепятствование выявлению фактов преступных действий, последующей работе органов предварительного расследования. В содержание такого противодействия могут входить как схожие, так и различные по своей природе способы и приемы. В их числе, например, систематически оказываемое психологическое воздействие одних членов семьи на других в целях заставить их отказаться от обращения в правоохранительные органы или последующего сотрудничества со следствием. Одним из многочис-

¹ В Омской области задержаны подозреваемые в убийстве трех человек // Официальный сайт Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Омской области. URL: <https://omsk.sledcom.ru/news/item/1649710> (дата обращения: 01.07.2024).

² В Тыве трое старшеклассников изнасиловали 10-летнего мальчика вся история дела. URL: <https://msk1.ru/text/world/2024/06/04/73658126> (дата обращения: 01.07.2024).

³ В Екатеринбурге будут судить велосипедиста, обвиняемого в убийстве школьницы. URL: <https://www.ural.kp.ru/daily/27598/4949827/?ysclid=lxkxf5jxzf546724095> (дата обращения: 01.07.2024).

ленных примеров такого воздействия является факт домашнего насилия в отношении жительницы Красноярска, которая в течение пяти лет подвергалась систематическим избиениям из-за подозрений супруга в изменах. При этом обращаться в правоохранительные органы с целью защиты своей жизни и здоровья она боялась из-за высказываемых угроз¹.

5. По технологичности противодействие раскрытию и расследованию преступлений против семьи и несовершеннолетних может быть разделено на осуществляемое без использования высоких технологий и предполагающее их применение. Высокотехнологичные способы и приемы рассматриваемого противодействия предполагают активное использование современной компьютерной техники, цифровых и телекоммуникационных технологий общения и передачи информации. Примером тому являются использование преступниками подложных IP-адресов, VPN технологий, позволяющих скрыть сведения интернет-пользователя, либо создание в социальных сетях учетных профилей с недействительными персональными данными². Ситуация также усугубляется появлением новых способов и видов преступных посягательств против семьи и несовершеннолетних, совершенных в сети Интернет. Например, житель Оренбурга, используя в социальной сети электронную страницу с вымышленными персональными данными, систематически совершал преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних³.

Систематизация противодействия раскрытию и расследованию преступлений против семьи и несовершеннолетних может быть проведена и по некоторым другим криминалистически значимым основаниям, в том числе с учетом особенностей совершения и расследования отдельных видов преступлений против семьи и несовершеннолетних.

Подводя итог изложенному, представляется возможным сделать следующие выводы.

1. Термин «противодействие раскрытию и расследованию преступлений» видится наиболее полно и всестороннее обозначающим рассматриваемые явления и процессы в связи с преступной деятельностью, посягающей на семью и несовершеннолетних.

¹ Красноярка пожаловалась на жестокие избиения экс-супругом. URL: <https://trk7.ru/news/167211.html?ysclid=lx12o0tje660355612> (дата обращения: 01.07.2024).

² Завершено расследование уголовного дела о преступлениях против половой неприкосновенности малолетних, совершенных посредством социальной сети. Официальный сайт Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Оренбургской области. URL: <https://oren.sledcom.ru/news/item/1646616> (дата обращения: 01.07.2024).

³ Завершено расследование уголовного дела о преступлениях против половой неприкосновенности малолетних, совершенных посредством социальной сети // Официальный сайт Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Оренбургской области. URL: <https://oren.sledcom.ru/news/item/1646616> (дата обращения: 01.07.2024).

2. Противодействие раскрытию и расследованию преступлений против семьи и несовершеннолетних представляет собой умышленную и преимущественно противоправную деятельность (поведение) преступников и иных вовлеченных в него лиц, осуществляемую в целях не допустить либо существенно затруднить достижение задач предстоящего или проводимого предварительного расследования, установление и привлечение к уголовной ответственности лиц, его совершивших.

3. Систематизацию (классификацию) противодействия раскрытию и расследованию преступлений против семьи и несовершеннолетних целесообразно проводить по различным криминалистически значимым основаниям, в числе которых особое место занимают: характер связи субъекта противодействия с семьей (членами семьи); характер воздействия на доказательственную и иную криминалистически значимую информацию; формы противодействия; временной критерий; технологичность такого противодействия.

4. Приведенная классификация противодействия раскрытию и расследованию преступлений против семьи и несовершеннолетних может быть положена в основу дальнейшей разработки и совершенствования средств и методов преодоления рассматриваемого противодействия как элемента криминалистического обеспечения работы органов следствия и дознания.

5. Прикладной аспект предложенной систематизации выражается в возможности ее практического использования для выявления, уяснения сущности и вида оказываемого противодействия работе правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений против семьи и несовершеннолетних, выбора наиболее подходящих под установленный вид противодействия криминалистических средств и методов его преодоления, а также в процессе обучения криминалистике и сопутствующим специальным дисциплинам.

Библиографический список

1. Варданян А. В. Противодействие предварительному расследованию: в продолжение научной дискуссии // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 1. С. 137–145.
2. Головина Е. В. Противодействие предварительному расследованию и судебному разбирательству по уголовным делам: развитие понятия // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 1. С. 21–35.
3. Тишутина И. В. Частная криминалистическая теория преодоления противодействия расследованию: современное состояние и перспективы развития // Развитие учения о противодействии расследованию и мерах по его преодолению в условиях цифровой трансформации. Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции. М.: Академия управления МВД РФ, 2021. С. 60–69.

4. Волинский А. Ф., Лавров В. П. Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений (проблемы теории и практики) // Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры по его нейтрализации: материалы научно-практической конференции. (29-30 октября 1996 г., г. Руза). М., 1997.
5. Рахматуллин Р. Р. Концепция противодействия раскрытию и расследованию преступлений и мер по его нейтрализации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 13. № 2 (48). С. 131–136.
6. Кашапов Р. М. К вопросу о понятии и видах противодействия раскрытию и расследованию преступлений // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 4 (53). С. 49–54.
7. Ялышев С. А., Веренич И. В. Вопросы противодействия раскрытию и расследованию преступлений: постановка проблемы // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 2. С. 95–100.
8. Белкин Р. С. Противодействие расследованию и пути его преодоления // Криминалистика; под ред. А. Ф. Волинского. М., 1999.
9. Головин А. Ю., Грибунов О. П., Бибииков А. А. Криминалистические методы преодоления противодействия расследованию транспортных преступлений. Иркутск: ВСИ МВД РФ, 2015. 164 с.
10. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению: учебник для вузов; под ред. Б. Я. Гаврилова и В. П. Лаврова. М., 2017.
11. Тишутина И. В. Противодействие расследованию организованной преступной деятельности: теория и практика выявления и преодоления. М.: Юрлитинформ, 2012. 352 с.
12. Карагодин В. Н. Основы криминалистического учения о преодолении противодействия предварительному расследованию: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1992. 46 с.
13. Головина Е. В. Противодействие предварительному расследованию должностных преступлений и криминалистические особенности его преодоления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2019.
14. Бабаева Э. У. Проблемы теории и практики преодоления противодействия уголовному преследованию. М.: Юрлитинформ, 2006.
15. Гармаев Ю. П., Ким Д. В. Криминологические и криминалистические проблемы преодоления противодействия уголовному преследованию // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 3. С. 461–470.
16. Арипов Т. Э. О противодействии установлению истины // Теория и практика использования специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений. В 2-х ч. Ч. 1. М.: Академия управления МВД РФ, 2009. С. 524–527.
17. Шевченко В. М. Психолого-правовая характеристика криминального противодействия расследованию групповых преступлений // Международный журнал психологии и педагогики в служебной деятельности. 2016. № 3-3. С. 67–87.
18. Подольный Н. А. Формы воспрепятствования расследованию со стороны молодежных преступных группировок // Вестник Мордовского университета. Юридические науки. 2009. Т. 19. № 4. С. 125–128.
19. Трухачев В. В. Преступное воздействие на доказательственную информацию: правовые и криминалистические средства предупреждения, выявления и нейтрализации. Воронеж: ВГУ, 2000.
20. Дубровин С. В., Глушков А. И., Бушинская М. Г. и др. Характеристики противодействия расследованию преступлений и их сокрытия: учебное пособие. М., 2010. 68 с.
21. Грибунов О. П., Комаров И. М. Противодействие расследованию в форме сокрытия преступлений против собственности на железнодорожном транспорте // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 2 (25). С. 192–202.
22. Головин А. Ю., Цурбанов С. А. Установление факта и обстоятельств обороны от общественно опасного посягательства. М.: Юрлитинформ, 2022. 208 с.
23. Куюмжиева С. А. Концептуальные основы групповой методики расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних: дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2020. 496 с.
24. Колесова А. С. Криминалистические методы и средства преодоления противодействия расследованию насильственных преступлений в семье // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2017. № 3 (17). С. 203–206.
25. Акиев А. Р. Семья как объект криминалистического исследования // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2023. № 3. С. 37–44.
26. Головин А. Ю., Цурбанов С. А. Противодействие предварительному расследованию: некоторые вопросы системных исследований // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 1 (88). С. 137–149.
27. Головин А. Ю., Головина Е. В. Срыв производства следственных и других процессуальных действий в структуре противодействия расследованию // Совершенствование законодательной и правоприменительной практики в сфере уголовно-правовых наук в современных условиях: дискуссионные вопросы. Тула: ТулГУ, 2022. С. 49–55.

References

1. Vardanyan A. V. Countering the preliminary investigation: in continuation of the scientific discussion // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 1. Pp. 137–145.
2. Golovina E. V. Counteraction to preliminary investigation and trial in criminal cases: the development of the concept // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 1. Pp. 21–35.
3. Tishutina I. V. Private criminalistic theory of overcoming counteraction to investigation: current state

and prospects of development // The development of the doctrine of countering the investigation and measures to overcome it in the context of digital transformation. Collection of scientific articles based on the materials of the international scientific and practical conference. M.: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2021. Pp. 60–69.

4. Volynsky A. F., Lavrov V. P. Organized counteraction to the disclosure and investigation of crimes (problems of theory and practice) // Organized counteraction to the disclosure and investigation of crimes and measures to neutralize it: materials of a scientific and practical conference. (October 29–30, 1996, Ruza). M., 1997.

5. Rakhmatullin R. R. The concept of countering the disclosure and investigation of crimes and measures to neutralize it // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. T. 13. № 2 (48). Pp. 131–136.

6. Kashapov R. M. On the question of the concept and types of counteraction to the disclosure and investigation of crimes // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 4 (53). Pp. 49–54.

7. Yalyshev S. A. Verenich I. V. Issues of countering the disclosure and investigation of crimes: setting the problem // Legal Bulletin of the Samara University. 2020. Vol. 6. No. 2. Pp. 95–100.

8. Belkin R. S. Counteraction to investigation and ways to overcome it // Criminalistics; ed. by A. F. Volynsky. M., 1999.

9. Golovin A. Yu., Gribunov O. P., Bibikov A. A. Criminalistic methods of overcoming counteraction to the investigation of transport crimes. Irkutsk: VSI of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2015 164 p.

10. Countering the investigation of crimes and measures to overcome it: a textbook for universities; edited by B. Ya. Gavrilov and V. P. Lavrov. M., 2017.

11. Tishutina I. V. Countering the investigation of organized criminal activity: theory and practice of detection and overcoming. M.: Yurлитinform, 2012. 352 p.

12. Karagodin V. N. Fundamentals of criminalistic teaching on overcoming opposition to preliminary investigation: dis. ... dr. jurid. sciences. Yekaterinburg, 1992. 46 p.

13. Golovina E. V. Counteraction to the preliminary investigation of official crimes and criminalistic features of its overcoming: abstract of the dissertation of the Candidate of Legal Sciences. Rostov-on-Don, 2019.

14. Babaeva E. U. Problems of theory and practice of overcoming counteraction to criminal prosecution. M.: Yurлитinform, 2006.

15. Garmaev Yu. P., Kim D. V. Criminological and criminalistic problems of overcoming counteraction to criminal prosecution // All-Russian Journal of Criminology. 2020. Vol. 14. No. 3. Pp. 461–470.

16. Aripov T. E. On countering the establishment of the truth // Theory and practice of using special knowledge in the detection and investigation of crimes. In 2 hours 1. M.: Academy of Management of the Ministry of Internal

Affairs of the Russian Federation, 2009. Pp. 524–527.

17. Shevchenko V. M. Psychological and legal characteristics of criminal counteraction to the investigation of group crimes // International Journal of Psychology and Pedagogy in Professional Activity. 2016. No. 3–3. Pp. 67–87.

18. Podolny N. A. Forms of obstruction of investigation by youth criminal groups // Bulletin of the Mordovian University. Legal sciences. 2009. Vol. 19. No. 4. Pp. 125–128.

19. Trukhachev V. V. Criminal impact on evidentiary information: legal and criminalistic means of prevention, detection and neutralization. Voronezh: VSU, 2000.

20. Dubrovin S. V., Glushkov A. I., Bushinskaya M. G., etc. Characteristics of countering the investigation of crimes and their concealment: a textbook. M., 2010. 68 p.

21. Gribunov O. P., Komarov I. M. Counteraction to investigation in the form of concealment of crimes against property on railway transport // Library of criminalist. Scientific journal. 2016. № 2 (25). Pp. 192–202.

22. Golovin A. Yu., Tsurbanov S. A. Establishing the fact and circumstances of defense against socially dangerous encroachment. M.: Yurлитinform, 2022. 208 p.

23. Kuemzhieva S. A. Conceptual foundations of a group methodology for investigating crimes against the family and minors: dis. ... dr. of law. sciences. Krasnodar, 2020. 496 p.

24. Kolesova A. S. Criminalistic methods and means of overcoming counteraction to the investigation of violent crimes in the family // Investigation of crimes: problems and ways to solve them. 2017. № 3 (17). Pp. 203–206.

25. Akiev A. R. Family as an object of forensic research // Proceedings of Tula State University. Economic and legal sciences. 2023. No. 3. Pp. 37–44.

26. Golovin A. Yu., Tsurbanov S. A. Counteraction to the preliminary investigation: some issues of systemic research // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 1 (88). Pp. 137–149.

27. Golovin A. Yu., Golovina E. V. Disruption of the production of investigative and other procedural actions in the structure of counteraction to the investigation // Improvement of legislative and law enforcement practice in the field of criminal law sciences in modern conditions: controversial issues. Tula: TULSU, 2022. Pp. 49–55.

Информация об авторе

Акиев Арби Русланович – кандидат юридических наук

Information about author

Akiev Arbi R. – Candidate of Law

Статья поступила в редакцию 16.07.2024; одобрена после рецензирования 09.09.2024; принята к публикации 18.09.2024

The article was submitted 16.07.2024; approved after reviewing 09.09.2024; accepted for publication 18.09.2024

Взаимодействие следователя с субъектами раскрытия и расследования преступлений прошлых лет

Андроник Наталья Ауреловна

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, Natali376@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются формы взаимодействия следователя с органом дознания при раскрытии и расследовании преступлений прошлых лет и их значение. Исследуется структура следственно-оперативных групп, способствующая повышению эффективности совместной деятельности всех ее участников. Анализируя теоретические и практические аспекты, автор делает вывод о необходимости налаженного и согласованного взаимодействия, сочетания процессуальных и организационных форм для раскрытия преступлений прошлых лет и получения доказательств в ходе их расследования.

Ключевые слова: взаимодействие, раскрытие, расследование, следователь, следственно-оперативная группа

Для цитирования: Андроник Н. А. Взаимодействие следователя с субъектами раскрытия и расследования преступлений прошлых лет // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 3. С. 74–79.

Original article

Interaction of the investigator with the subjects of disclosure and investigation of crimes of the past years

Andronik Natalia A.

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, Natali 376@mail.ru

Abstract. The article examines the forms of interaction between the investigator and the body of inquiry in the disclosure and investigation of crimes of previous years and their significance. The structure of investigative and operational groups is being investigated, which contributes to improving the effectiveness of joint activities of all its participants. Analyzing the theoretical and practical aspects, the author concludes that there is a need for well-established and coordinated interaction, a combination of procedural and organizational forms for solving crimes of previous years and obtaining evidence during their investigation.

Keywords: interaction, disclosure, investigation, investigator, investigative task force

For citation: Andronik N. A. Interaction of the investigator with the subjects of disclosure and investigation of crimes of the past years// Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 3. Pp. 74–79.

Организация раскрытия и расследования преступлений во многом обусловлена взаимодействием следователя с органом дознания. Успех зависит от того, насколько данная деятельность согласована и грамотно спланирована.

Этимология слова «взаимодействие» заключается в обоюдной, касающейся обеих сторон взаимовыгодной деятельности, осуществляемой с помощью взаимной поддержки [1]. В юридической литературе существуют различные мнения относительно данного понятия. Е. П. Ищенко определяет взаимодействие как «совместную согласованную деятельность следователя с сотрудниками органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, для решения

задач по расследованию преступлений, осуществляемую в формах, предусмотренных законом, подзаконными нормативными актами или выработанных практикой» [2].

А. И. Бастрыкин, исследуя различные аспекты раскрытия и расследования преступлений прошлых лет, справедливо отмечает, что «вопросы организации взаимодействия субъектов по уголовным делам о преступлениях прошлых лет и по так называемым живым уголовным делам будут различаться» [3]. В связи с этим следователь не вправе давать поручения о производстве следственных действий по при-

остановленному уголовному делу до возобновления предварительного следствия в установленном законом порядке. Следовательно необходимо организовать взаимодействие субъектов таким образом, чтобы их совместная деятельность была направлена на раскрытие преступления. В ходе расследования уголовных дел прошлых лет это возможно при максимальном использовании потенциальных возможностей каждого субъекта и умелом сочетании средств, методов и приемов, которыми они располагают.

Анализ приведенных определений позволяет сделать следующий вывод: деятельность субъектов предварительного расследования и органа дознания должна быть согласованной и решать общую задачу – предупреждение, раскрытие и расследование преступлений. В большинстве случаев следователь взаимодействует:

- а) с оперуполномоченными уголовного розыска и участковыми уполномоченными полиции;
- б) экспертами;
- в) специалистами;
- г) государственными и муниципальными органами, медицинскими учреждениями;
- д) средствами массовой информации и общественностью.

Одним из основополагающих принципов взаимодействия является взаимный обмен полученной информации и принятие совместных решений. Кроме того, важным аспектом является восполнение пробелов в информационных и тактических результатах деятельности участников расследования.

Взаимодействие субъектов раскрытия и расследования преступлений осуществляется в процессуальной и непроцессуальной (организационной) формах.

Процессуальная форма взаимодействия законодательно регламентирована УПК РФ. Эти отношения уже потенциально установлены законом, и следователь, направляя письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий, производстве отдельных следственных действий, исполнении других заданий, лишь актуализирует и конкретизирует организационные отношения, одновременно реализуя управленческие отношения. Таким образом, нормативно-правовую основу субъектов взаимодействия составляет уголовно-процессуальное законодательство, в частности п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ позволяет следователю давать письменные поручения органу дознания о проведении оперативно-розыскных мероприятий. Согласно ч. 1 ст. 210 УПК РФ следователь вправе поручить розыск подозреваемого, обвиняемого органам дознания, если место нахождения данного лица неизвестно. На практике, если уголовное дело возбуждается по материалам оперативно-розыскной деятельности, а следователь постоянно и интенсивно взаимодействует с сотрудниками органа дознания, то он нередко ограничивается устными поручениями, но это не меняет характера существующих между ними организационных и управленческих отношений.

Итак, взаимодействие в процессуальной форме осуществляется в соответствии со ст. 21, 38, 152, 157, 167 и др. УПК РФ¹. В Федеральном законе от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (ч. 3 ст. 7)² закреплено, что одним из оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий является поручение следователя по уголовным делам и материалам, находящимся в его производстве.

Непроцессуальная (организационная) форма взаимодействия направлена на создание стройной системы организации раскрытия и расследования преступлений. Одной из них является совместное планирование расследования, эффективность которого зависит от соблюдения принципов планирования. Работа по приостановленному уголовному делу должна осуществляться непрерывно. Совместное выдвижение обоснованных прогностических версий позволяет принять меры к установлению лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, или к установлению места сбыта похищенного имущества и т. п. Следователь осуществляет организационные мероприятия без производства следственных действий, а именно: беседует с ранее допрошенными лицами, выявляет обстоятельства и возможность возобновления предварительного следствия; обменивается информацией с органом дознания; анализирует полученную информацию, выдвигая на ее основе новые розыскные версии и проводя их проверку (опять же без проведения следственных действий).

Организационно-управленческое взаимодействие с экспертами осуществляется путем вынесения следователем постановления о назначении экспертизы (ч. 1 ст. 197 УПК РФ) и оценки заключения эксперта (ст. 207 УПК РФ). Данная форма взаимодействия реализуется при постановке вопросов для экспертного исследования, в ходе ознакомления следователя с заключением эксперта и получения разъяснений по поводу действий эксперта и его консультаций (ст. 57, 195, 197, 199, 207 УПК РФ). Специалисты привлекаются к участию в процессуальных действиях для помощи в обнаружении, закреплении, изъятии предметов и документов, применении технических средств, исследовании материалов уголовного дела, подготовке вопросов к эксперту (ст. 58, 168 УПК РФ).

В ст. 10 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» установлено, что полиция при осуществлении своей деятельности обязана взаимодействовать с другими правоохранительными органами³.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // URL: <http://www.consultant.ru>.

² Федеральный закон Российской Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // URL: <http://www.consultant.ru>.

³ Федеральный закон Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // URL: <http://www.consultant.ru>.

Для раскрытия преступлений прошлых лет огромное значение имеет взаимодействие правоохранительных органов с Федеральной службой исполнения наказания (далее – ФСИН). В соответствии с Указом Президента РФ от 13 октября 2004 г. № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказания» ФСИН России осуществляет свою деятельность во взаимодействии с другими федеральными органами исполнительной власти, при этом организует проводимую учреждениями уголовно-исполнительной системы оперативно-розыскную деятельность в соответствии с законодательством Российской Федерации¹. О. П. Грибунов, И. А. Кравцова обоснованно утверждают: чтобы такое взаимодействие было эффективным, оно должно осуществляться путем решения различных задач, в том числе в процессе проверки выдвигаемых наиболее обоснованных версий. Например, такой преступник, совершивший преступление, которое осталось нераскрытым, отбывает наказание за иное преступление [4].

Кроме вышеуказанных обоснованно выделить следующую версию: лицо совершившее преступление, находится в следственном изоляторе, но имеются основания подозревать, что ранее им был совершен ряд аналогичных преступлений. Так, К. на территории Орджоникидзевского района г. Екатеринбурга совершил кражу из помещения. За совершенное преступление в отношении К. была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. По решению суда местом содержания под стражей определено СИЗО № 1. В результате активного взаимодействия оперуполномоченных уголовного розыска и Федеральной службой исполнения наказания раскрыто более 70 эпизодов преступлений, совершенных К. на территории Орджоникидзевского района².

Основной формой упорядочения организационно-управленческой деятельности в процессе расследования является создание следственно-оперативной группы, в ходе работы которой в дальнейшем устанавливаются управленческие отношения между руководителем группы и входящими в ее состав следователями и сотрудниками органа дознания.

Известны следующие виды взаимодействия членов следственно-оперативных групп: организационно-управленческое и тактическое. В ч. 2 ст. 163 УПК РФ определен организационно-управленческий вид взаимодействия в двух вариантах: между следователями (первый вариант) или между следователями и оперативными сотрудниками органов дознания (второй вариант).

Образование следственно-оперативных групп, как правило, обусловлено сложностью дела, трудоемкостью его расследования и необходимостью обеспечения продолжительного взаимодействия. При

определении персонального состава следственно-оперативных групп должны учитываться, в том числе, и психологические факторы организации взаимодействия [5].

Руководитель коллектива (следственной группы) обязан:

- ставить реально выполнимые задачи;
 - при необходимости пополнять ресурсы (человеческие, технические, информационные);
 - в случае изменения ситуации немедленно ставить перед исполнителями новую обеспечивающую успех задачу;
 - контролировать выполнение задачи и, если нужно, корректировать процесс ее реализации;
 - контролировать эффективность взаимодействия между участниками следственной группы.
- Члены следственной группы обязаны:
- выполнять поставленные задачи;
 - проявлять разумную инициативу при выполнении задания;
 - информировать руководителя о промежуточных и конечных результатах своей деятельности.

Следственно-оперативная группа обычно имеет одну из двух приведенных ниже структур. Первый тип структуры имеет двухуровневый характер: первый уровень – руководитель группы, второй уровень – следователи в составе группы. Второй тип структуры (трехуровневый): первый уровень – руководитель следственной группы; второй уровень – руководители следственных подгрупп; третий уровень – следователи, входящие в состав каждой из следственных подгрупп. Такую структуру целесообразно создавать, когда расследуемое уголовное дело сопряжено с большим объемом работы: множество эпизодов преступной деятельности, обвиняемых, подозреваемых, свидетелей; необходимость производства значительного количества сложных экспертиз и другие трудности. Однако часто оперативная работа по делам рассматриваемой категории осуществляется эпизодически и не требует постоянной розыскной деятельности, направленной на раскрытие новых эпизодов преступлений или розыск обвиняемых (подозреваемых).

По возбужденному уголовному делу могут быть выявлены другие преступные эпизоды, однако лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено, в связи с этим необходимы постоянное оперативно-информационное поисковое обеспечение и оперативная поддержка деятельности следователей. В зависимости от сложности дела и объема следственной и оперативно-розыскной работы эта структура следственных групп, в состав которых входят и оперуполномоченные уголовного розыска, может быть двухуровневой или трехуровневой.

В общей теории управления подчеркивается, что деятельность любой организации (коллектива, группы) будет тем эффективнее, чем больше ее структура соответствует выполняемым функциям. Организационные решения следователя отвечают на вопро-

¹ Указ Президента РФ от 13 октября 2004 г. № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказания» // URL: <http://www.consultant.ru>.

² Уголовное дело по обвинению Колесникова С. В. // Архив Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбурга.

сы: «Какую организационную структуру необходимо создать для достижения цели (выполнения задач) расследования?», «Как оптимально распределить функции участников расследования?» и т. п. Следует помнить о том, что процесс оптимизации неупорядоченной организационно-управленческой ситуации заключается в принятии следователем (руководителем следственной группы) эффективных организационных и управленческих решений и их четкой целенаправленной реализации. При этом деятельность следователя должна состоять в устранении недостатков в организации расследования, преодолении трудностей управленческого характера. Важная составляющая следственной деятельности – организационная структура, т. е. относительно устойчивая схема взаимоотношений и связей между ее элементами. Для того чтобы эффективно выполнять свои функции, организационная структура должна обладать оперативностью – способностью быстро и адекватно реагировать на изменение ситуации. Например, если в ходе расследования устанавливаются новые эпизоды преступлений или новые подозреваемые, т. е. существенно возрастают объем и сложность работы, следователь должен своевременно поставить перед руководством вопрос об увеличении состава следственной группы или же о ее создании, если она не была создана.

Еще одна значимая составляющая характеристики организационной структуры – показатель ее централизации, т. е. качество связи между руководителем и исполнителями. Централизация обеспечивает согласованность распоряжений руководителя и их исполнение членами организационной структуры. В то же время чрезмерная централизация сковывает инициативу исполнителей, особенно если расследование проходит в сложной следственной ситуации. После определения состава участников следующим необходимым условием оптимизации неупорядоченной организационно-управленческой ситуации является планирование процесса расследования в целом, его отдельных этапов, следственных действий, тактических операций и комбинаций. Планирование позволяет предотвратить возникновение такого негативного фактора, как неупорядоченность различных следственных ситуаций.

Динамическая структура процесса планирования состоит из нескольких последовательных этапов: определение целей; выделение общевersionных и внеversionных вопросов и обстоятельств. Первые имеют отношение к проверке нескольких версий, а вторые, хотя и не являются логическими следствиями какой-либо версии, подлежат обязательному установлению. К ним относятся, например, уточнение возраста обвиняемых или потерпевших, их вменяемости; решение о проведении подворно-поквартирного обхода; определение и учет средств и других ресурсов, находящихся в распоряжении следователя; определение наиболее оптимальных сроков планируемых следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий; определение исполнителей и сроков вы-

полнения намеченных действий и мероприятий.

Следует отметить, что существует мнение о нецелесообразности включения в план перечня выдвигаемых следственных версий. В частности такая позиция высказана Р. С. Белкиным [6], обосновывающим ее тем, что следственные версии – основа планирования, планы расследования составляются для проверки версий, но включать их в структуру планирования нецелесообразно, поскольку они носят в основном ретросказательный характер, а планирование – это стандартный процесс прогнозирования. Представляется, что данный вопрос достаточно дискуссионный, и выбор включения или невключения следственных версий в состав конкретного плана может определяться самим субъектом планирования. Однако при этом следует учитывать тот факт, что в результате производства предварительного расследования без внимания не должна остаться ни одна из возможных версий, выдвигаемых на всех его этапах [7].

Успешная управленческая деятельность во многом зависит от качества прямой (командной) и обратной (осведомительной) связи. Прямая связь – задания руководителя, их уточнение и корректировка, а также контроль их выполнения подчиненными. Обратная связь – отчетная информация о выполнении заданий, просьбы об информационной поддержке, поддержке ресурсами и рекомендациями, предложения об изменении задачи или способа ее реализации.

Важным показателем организационной структуры является ее количественный состав (объем). В зависимости от конкретных задач численность группы может быть разной. Анализ следственной практики свидетельствует, что чаще всего группа состоит из 3–7 человек. Однако по некоторым наиболее серьезным делам Следственного комитета Российской Федерации или его структурных подразделений в субъектах и федеральных округах она может включать десятки сотрудников следственных подразделений и органов дознания. Создание эффективно действующей организационной структуры не цель, а средство достижения целей расследования. Чем более оптимальна организационная структура процесса расследования, тем эффективнее результаты деятельности. Однако организационная структура – это лишь одна составляющая следственной и оперативно-розыскной деятельности, не меньшее значение здесь имеет управленческая деятельность. Эти две стороны, неразрывно связанные друг с другом, обеспечивают успешное расследование преступлений.

Однако стоит выделить некоторые проблемы, возникающие в процессе взаимодействия участников уголовного судопроизводства при раскрытии и расследовании преступлений прошлых лет. Нераскрытие уголовных дел обусловлено разобщенностью действий органов следствия и дознания, слабыми и непродуктивными формами взаимодействия, недостаточной профессиональной подготовкой сотрудников, а в ряде случаев и притуплением чувства ответственности за порученное дело. Проиллюстрируем сказанное следующим примером: 23 марта 2022 г. в

период с 02.00 до 03.00 часов неизвестные лица проникли в магазин «Бристоль», расположенный в Верх-Исетском административном районе г. Екатеринбурга, откуда тайно похитили имущество. По данному факту возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного п. «а», «б» ч. 2. ст. 158 УК РФ. 23 мая 2022 г. предварительное следствие приостановлено на основании п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ¹. Анализируя причины приостановления предварительного следствия, можно сделать вывод о том, что взаимодействие следователя с органом дознания осуществлялось не в полном объеме: следователем несвоевременно направлено письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий; кроме того, рапорт оперуполномоченного о проведении оперативно-розыскных мероприятий носил формальный характер и не в полной мере отвечал на поручение.

При совместной работе особое значение имеет морально-психологическая совместимость субъектов раскрытия и расследования преступлений, отсутствие конфликтов между ними. В этом случае они быстро находят общий язык и понимают друг друга с полуслова, откровенно в дружелюбной форме высказывают взаимные претензии в связи с допущенными ошибками, намечают согласованные мероприятия.

Напротив, негативное влияние на результативность взаимодействия оказывает такой фактор, как морально-психологическая несовместимость партнеров, которая может выражаться в несовпадении привычек, вкусов, привязанностей и т. п. Как показывает практика, на начальной стадии взаимодействия незнакомые друг с другом субъекты чаще все сразу не осознают причину взаимной антипатии и неприязни, неосмысленно относятся к истокам психологического дискомфорта. В дальнейшем эта неопределенность снимается, а антипатия нередко перерастает в конфликт, что отрицательно сказывается в дальнейшем на результативности взаимодействия.

Как правило, к негативным факторам относятся:

- скоротечные конфликты;
- постановка неконкретных задач;
- различия в профессиональном уровне;
- пренебрежительная форма общения;
- различная психологическая подготовка субъектов.

Участникам взаимодействия во избежание конфликтных ситуаций, необходимо понимать, что главная задача – это раскрытие и расследование преступлений, соответственно, необходимо исключать личные неприязненные отношения, оказывающие негативное влияние на служебную деятельность. Кроме того, благоприятно влияют на взаимодействие такие качества, как коммуникабельность, доброжелательность, ответственность, принципиальность.

Исследуя проблему раскрытия и расследования преступлений прошлых лет, следует отметить, что

современные потребности следственной практики в разработке эффективных научно-практических рекомендаций по расследованию данных преступлений обуславливают необходимость ее дальнейшего совершенствования

Эффективное взаимодействие следователя с другими участниками уголовного судопроизводства, различными организациями, учреждениями является важнейшей составляющей процесса оптимизации организационно-управленческих ситуаций. Раскрыть преступления прошлых лет только процессуальным путем не всегда возможно, для успешного расследования таких уголовных дел необходимо четко налаженное и согласованное взаимодействие, сочетание его процессуальных и организационных форм. Состояние правопорядка на сегодняшний день диктует необходимость повышения эффективности координации деятельности правоохранительных органов, в частности предварительного следствия и органа дознания

Библиографический список

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка: около 57000 слов / под. ред. Н. Ю. Шведовой. 15-е изд., стереотип. М.: Рус. Яз., 1984. 797 с.
2. Криминалистика: учебник для бакалавров / отв. ред. Е. П. Ищенко. М.: Проспект, 2022. 368 с.
3. Расследование преступлений прошлых лет: науч.-практ. пособие / под ред. д-ра. юрид. наук А. И. Бастрыкина. М.: Юрлитинформ, 2021. 184 с.
4. Грибунов О. П. Кравцова И. А. Особенности взаимодействия между субъектами правоохранительной деятельности при расследовании нераскрытых преступлений прошлых лет, совершенных на транспорте // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2019. № 1-2. С. 12–19.
5. Бобраков И. А. Воздействие преступников на свидетелей и потерпевших и криминалистические меры его преодоления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. 41 с.
6. Белкин Р. С. Курс советской криминалистики: Том 2. М., 1977–1979. 313 с.
7. Драпкин Л. Я., Кокорин Д. Л., Пяткова И. Г. Следственные ситуации: роль и значение в раскрытии и расследовании преступлений: учебное пособие. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2018. 80 с.

References

1. Ozhegov S. I. Dictionary of the Russian language: about 57,000 words / edited by N. Yu. Shvedova. 15th ed., stereotype. Moscow: Rus. Language, 1984. 797 p.
2. Forensic Science: textbook for bachelors / edited by E. P. Ishchenko. Moscow: Prospect, 2022. 368 p.
3. Investigation of crimes of past years: scientific and practical manual / edited by Dr. of Law A. I. Bastykin. Moscow: Yurлитinform, 2021. 184 p.
4. Gribunov O. P. Kravtsova I. A. Features of interaction between law enforcement agencies in the investigation

¹ Материалы уголовного дела № 118016501016643 // Архив СО по РПТО ОП № 9 УМВД России по г. Екатеринбург.

of unsolved crimes of past years committed in transport
// Bulletin of the Tula State University. Economic and
legal sciences. 2019. No. 1-2. P. 12-19.

5. Bobrakov I. A. The impact of criminals on witnesses
and victims and forensic measures to overcome it:
author's abstract. diss. ... candidate of legal sciences.
Moscow, 1997. 41 p.

6. Belkin R. S. Course of Soviet forensic science:
Volume 2. Moscow, 1977-1979. 313 p.

7. Drapkin L. Ya., Kokorin D. L., Pyatkova I. G.
Investigative situations: role and significance in solving
and investigating crimes: a tutorial. Yekaterinburg: Ural
Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
2018. 80 p.

Информация об авторе

Андроник Наталья Ауреловна – кандидат юриди-
ческих наук

Information about author

Andronik Natalia A. – Candidate of Law

Статья поступила в редакцию 03.07.2024; одобре-
на после рецензирования 12.09.2024; принята к пу-
бликации 18.09.2024

The article was submitted 03.07.2024; approved
after reviewing 12.09.2024; accepted for publication
18.09.2024

Научная статья
УДК 343.98

Механизм доказывания преступной деятельности как «черный ящик»

Афанасьев Алексей Юрьевич
Нижегородская академия МВД России, Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия,
afanasev_alexey@bk.ru

Аннотация. В статье последовательно выдвигаются и проверяются гипотезы о деятельности по доказыванию как о сложной функциональной системе и о механизме доказывания как о «черном ящике». В результате проверки автор устанавливает признаки функциональной системы и мер сложности, которым отвечает деятельность по доказыванию. Кроме этого, приходит к выводу о том, что механизм доказывания и «черный ящик» не являются тождественными методологическими категориями и соотносятся как бинарные оппозиции – «пóнятое» и «непóнятое». Предлагается исследовательско-рефлексивная схема работы с механизмом доказывания.

Ключевые слова: механизм доказывания, деятельность по доказыванию, преступная деятельность, «черный ящик», функциональная система, закономерности

Для цитирования: Афанасьев А. Ю. Механизм доказывания преступной деятельности как «черный ящик» // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 3. С. 80–85.

Original article

The mechanism of proving criminal activity as a «black box»

Afanasyev Alexey Yu.
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Lobachevsky State
University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, afanasev_alexey@bk.ru

Abstract. The article consistently puts forward and tests hypotheses about the activity of proving as a complex functional system and about the mechanism of proving as a «black box». As a result of the test, the author establishes the features of a functional system and the measures of complexity that the activity of proving meets. In addition, he comes to the conclusion that the mechanism of proving and the «black box» are not identical methodological categories and are related as binary oppositions – «understood» and not «understood». A research-reflexive scheme for working with the mechanism of proof is proposed.

Keywords: mechanism of proving, activity of proving, criminal activity, «black box», functional system, patterns

For citation: Afanasyev A. Yu. The mechanism of proving criminal activity as a «black box» // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 3. Pp. 80–85.

В 2019 году была опубликована научная статья, посвященная первым серьезным попыткам автора «разобраться» с механизмом доказывания по уголовным делам [1]. Тогда благодаря работам создателя всеобщей организационной науки А. А. Богданова [2, с. 70, 99, 102, 113, 114] мы пришли к выводу о том, что исследуемый механизм есть ничто иное, как результат понимания (объяснения) функционирования деятельности по доказыванию. Осталось только понять саму деятельность. Оказалось, что это крайне непросто затея.

Необходимо установить, когда именно организация этой деятельности считается понятой. Можно сколько угодно говорить о том, что в доказывании преступной деятельности все итак понятно, что любые попытки вскрытия механизма есть искусственное усложнение исследуемой проблематики, но нельзя отрицать того, что понимание ограничено рамками нормативной правовой регламентации. Понимаем ровно настолько, насколько это позволяет сделать текст уголовно-процессуального закона.

При обширной палитре разработок и предложений в области теории доказательств и доказательственного права остается непонятным: как именно от механизма преступной деятельности зависит механизм доказывания; почему именно такие средства доказывания и достаточно ли их для противодействия противоположной силе преступной деятельности; почему именно такой перечень доказательств и достаточно ли их для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию; почему именно такой перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, действительно ли он универсален и достаточно ли их для формирования предмета доказывания; формируется ли в полном объеме предмет доказывания каждый раз, когда расследуется уголовное дело; достаточно ли доказательственных систем для принятия решения и т. д.

Возвыситься над процветающим нормативизмом и увидеть объективную действительность – вот первоочередная задача. В этом деле должен помочь отстаиваемый нами методологический подход со своей строгой программой исследования, где средства должны быть под стать предмету. При этом они должны быть сложными настолько, насколько требует реальная сложность действительности [3, с. 4]. В противном случае «семантическая простота знания непременно обернется его смысловой бедностью» [3, с. 5], а упрощение одного аспекта закономерно приведет к усложнению другого [4, р. 83]. Благодаря этому мы и приблизились к теории систем (сложных, функциональных) и методу (теории) «черного ящика», и выдвинули соответствующие гипотезы: во-первых, деятельность по доказыванию является сложной функциональной системой; во-вторых, механизм доказывания преступной деятельности есть «черный ящик», вскрытие которого приведет к пониманию организации функциональной системы «деятельность по доказыванию».

Разработка феномена «черного ящика» главным образом проводилась в исследованиях представителей теории систем и кибернетики, среди которых особое место занимают труды П. К. Анохина, Н. М. Амосова, А. И. Берга, Л. Ф. Берталанфи, Э. С. Бира, А. А. Богданова, М. Бунге, Н. Винера, А. И. Китова, А. А. Ляпунова, В. Н. Садовского, С. Л. Соболева, У. Г. Уолтера, Г. П. Щедровицкого, У. Р. Эшби, Э. Г. Юдина и многих других.

Разумеется, тенденции эти быстро распространились и на социально-гуманитарные науки. Каждый раз, когда исследователи сталкивались с явлением не совсем понятной природы, они обращались к «черным ящикам». Именно такой посыл содержит и Большой энциклопедический словарь, где «черный ящик» есть объект изучения, внутреннее устройство которого либо неизвестно, либо слишком сложно для того, чтобы можно было по свойствам его составных частей (элементов) и структуре связей между ними делать выводы о поведении объекта [5].

В юридической науке «черный ящик» предстал как то, к чему исследователи обращаются, когда явление или процесс не вполне ясной природы [6, с. 104; 7, с.

102], когда внутренний механизм не открыт полностью для наблюдения [8, с. 90], когда не известны ни структура, ни функция [9, с. 21], когда основные закономерности феномена организованности не исследованы [10, с. 8], когда имеется незнание или неполное знание механизма [Цит. по: 11, с. 254] и т. д.

Несмотря на вроде бы правильную интерпретацию, что только не представлялось «черным ящиком»: судья как источник информации [12, с. 69], психология конкретного человека [13], содержание уголовного наказания [14, с. 93], конфликтная юридическая деятельность [15, с. 127], нейронные сети [16, с. 134], правоохранительная система [17, с. 40], механизм действия суда с участием присяжных заседателей [18, с. 129; 19, с. 96], компьютерные системы [20, с. 94], следственная и оперативно-розыскная деятельность [21, с. 221; 22, с. 117; 23, с. 156], личность преступника [24, с. 64], механизм функционирования организованной преступной деятельности [10, с. 8], организованная преступность [25, с. 174], случайная жертва [26, с. 69], фирма [27, с. 21], правовая система [28, с. 4], оперативно-розыскные подразделения [29, с. 116] и др.

Не оценивая состоятельность представленных примеров, лишь оговоримся, что не всегда в указанных «ящиках» учитывалось ключевое условие, когда именно следует обращаться к данному методу. И это условие заключается в сложности систем, к которым обращается исследователь.

То, что исследуемая деятельность выступает сложной функциональной системой, вопросов вызывает меньше. С одной стороны, уже доказано, что противоположная преступная деятельность является такой функциональной системой [30, с. 10], с другой – для этого есть соответствующие обоснования. Деятельность по доказыванию имеет динамически изменчивые структурные компоненты (это объясняется динамичностью противоположной преступной деятельности), является частью целого «организма» (уголовный процесс есть целостный «организм»), имеет правила функционирования (нормы уголовно-процессуального доказательственного права), запрограммирована на полезный результат (доказательственные системы для принятия решений), может моментально организоваться из составных частей в систему (средства доказывания вступают в действие в каждый раз, когда проявляется преступная деятельность), может приспосабливаться (в зависимости от вида и категории преступления) [31; 32; 33; 34].

Сложность этой системы на первый взгляд определяется как раз ее динамикой и особым структурным построением, что и приводит к недоступности и непонятности всей системы. На самом деле не все так просто, как может показаться при первом приближении.

Существуют различные меры простоты и сложности. В одном случае речь может идти о свойствах предикатов, уменьшающих разнообразие наборов объектов, удовлетворяющих этим предикатам, а в другом – о расширяющих разнообразие [3, с. 95], например,

по количеству, качеству, упорядоченности, последовательности, самополноте, симметричности (ассиметричности), связям и т. д. [3, с. 95, 107]. Есть и другие свойства, которые признаются характерными для сложных систем: отсутствие математического описания, зашумленность, «нетерпимость» к управлению, нестационарность, невоспроизводимость [35, с. 45]; увеличение количества элементов и возникновение между ними более разнообразных и протяженных связей [36, с. 155–156]. Выделяют и уровни сложности систем: со статической структурой, динамические, управляющего механизма, самосохраняющиеся, генетического сообщества, животных, человека, социальных организаций, трансцендентальные [37, с. 106–124].

В этом плане весьма близкой нам представляется позиция А. Н. Колмогорова, в соответствии с которой сложность системы определяется длиной (l) алгоритма (p), то есть последовательностью и количеством операций с информацией, которую имеет объект Y относительно объекта X [38]. Вероятно, для того, чтобы последний стал понятным.

Тем самым, функциональная система «деятельность по доказыванию» станет понятной тогда, когда будет определена ее сложность и когда удастся объяснить ее функциональную сторону [2, с. 99]. В качестве примера могут быть обозначены уже существующее функции человеческого организма (дыхание, сердцебиение), которые долго были самыми таинственными явлениями жизни, пока их не поняли, и они не стали обычными физиологическими механизмами [2, с. 99]. Пока они остаются самими таинственными, должен срабатывать метод «черного ящика».

При правильном обращении с ним можно последовательно одолеть (понять) сложную систему [39, с. 6–9]¹. Методика работы с такими «закрытыми» системами весьма наглядно была продемонстрирована У. Р. Эшби. В нашем случае она будет представлена из следующих шагов: обнаружение сложной функциональной системы «деятельность по доказыванию» [40, с. 19]²; установление недоступности внутреннего механизма этой системы; представление системы в виде «черного ящика»; определение средств воздействия на «ящик» и средств наблюдения за его поведением; установление моделирующей системы с обратной связью: «ящик – экспериментатор»; определение «входов»³ и «выходов»⁴ ящика; воздействие на «входы» и наблюдение за изменениями на «выходах»; формирование модели функциональной системы; за счет изменений на «выходах» получение значений и представление их в виде протокола; перекодирование протокола; поиск повторяющихся связей между «вхо-

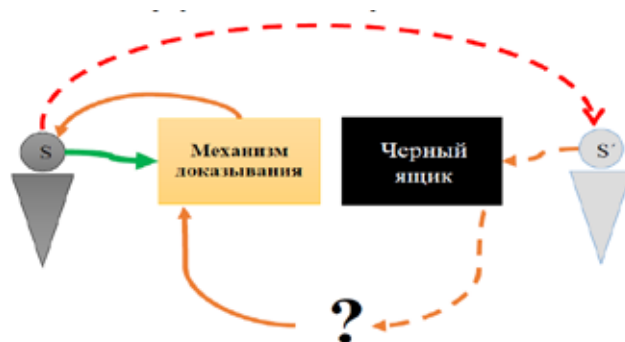
дами» и «выходами» закономерностей; понимание системы и представление механизма [40, с. 127–170].

Отсюда следует, что, во-первых, сама деятельность по доказыванию и есть «черный ящик»; во-вторых, «входы» и «выходы» выступают системообразующими элементами в «черном ящике», следовательно, их верное определение наиболее важно; в-третьих, процесс вскрытия «черного ящика» приводит к установлению закономерностей, которые и будут свидетельствовать о понимании функциональной системы, а равно о механизме доказывания.

Тем самым, механизм доказывания и «черный ящик» соотносятся между собой не как тождества, а как бинарные оппозиции⁵ – «пóнятое и непóнятое». В данном случае бинарность означает утверждение и отрицание понимания одного и того же явления – функциональной системы «деятельности по доказыванию». Бинарность может выступить инструментом дуализма и, допуская противоположность, может сводить две части к друг другу. Непóнятое может стать пóнятым и наоборот.

Процесс превращения непóнятой функциональной системы (деятельности по доказыванию) в виде «черного ящика» в пóнятую функциональную систему (деятельность по доказыванию) – механизм, который является сердцевинной нашего методологического исследования. Оба выступают методологическими категориями, где обращение к механизму доказывания происходит в исследовательской позиции, а к «черному ящику» – в рефлексивной (см. схему).

Исследовательско-рефлексивная схема работы с механизмом доказывания

Наши усилия необходимо направить одновременно на обе оппозиции. При этом, находясь в состоянии рефлексивного выхода, «черный ящик» должен восприниматься не как дополнительное препятствие на пути, а как исключительное средство методологического вскрытия неизвестного механизма доказывания. С точки зрения методологии «черный ящик» есть еще неизученный механизм доказывания. Именно механизм указывает на внутреннюю сторону деятельности по доказыванию со всеми ее элементами,

¹ И не только саму систему, но и ее элементы.

² Системы динамичны и внутренне связаны так, что изменение одного фактора служит причиной изменения других.

³ По У. Р. Эшби «вход» в целях упрощения понимания олицетворяется с набором рычагов на «черном ящике».

⁴ По У. Р. Эшби «выход» в целях упрощения понимания олицетворяется с набором циферблатов на «черном ящике».

⁵ Бинаризм является проявлением не просто дискурсивного мышления, но и достаточно серьезного течения структурализма, в том числе структурной лингвистики. Среди основных представителей указывают Ф. Соссюра, Р. Якобсона, Р. Барта, М. Фуко.

связями и отношениями. В то же время тип, устойчивость и повторяемость связей и отношений между элементами механизма определяет существование самой функциональной системы доказывания, а также возможность ее объяснения. Под знаком вопроса, следуя логике методики вскрытия «черного ящика», должны располагаться мысленные модели, которые будут строиться в процессе отражения реальной действительности в более упрощенном и доступном виде.

Таким образом, в результате проверки гипотез установлено, что деятельность по доказыванию является сложной функциональной системой, где мера сложности определяется не только ее динамичностью и структурным построением, но и количеством, качеством и последовательностью связей между элементами, позволяющими понять саму систему, и что механизм доказывания и «черный ящик» выступают не как тождественные методологические категории, а как бинарные оппозиции – «пóнятое и непóнятое». При этом в качестве «черного ящика» предстает сама функциональная система «деятельность по доказыванию», его вскрытие и приводит к механизму доказывания через установление закономерных связей между «входами» и «выходами». Процесс превращения непóнятой функциональной системы (деятельности по доказыванию) в виде «черного ящика» в пóнятую функциональную систему (деятельность по доказыванию) механизм проходит в исследовательско-рефлексивной позиции.

Библиографический список

1. Афанасьев А. Ю. Восхождение к механизму уголовно-процессуального доказывания // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 4(86). С. 72–81.
2. Богданов А. А. Тектология: (Всеобщая организационная наука). В 2-х кн.: Кн. 1. / редкол. Л. И. Абалкин (отв. ред.) и др. / Отд-ние экономики АН СССР. Ин-т экономики АН СССР. М.: Экономика, 1989. 304 с.
3. Мамчур Е. А., Овчинников Н. Ф., Уемов А. И. Принцип простоты и меры сложности. М.: Наука, 1989. 302 с.
4. Bunge M. Myth of Simplicity. N.Y.: Prentice-Hall, 1963. 239 pp.
5. Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия. 1969–1978. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/150194/Чёрный> (дата обращения: 17.05.2024).
6. Лубин А. Ф. Методология криминалистического исследования механизма преступной деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 1997. 337 с.
7. Круглов И. В. Уголовный иск и механизм его доказывания: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2001. 177 с.
8. Воронин С. Э. Проблемно-поисковые следственные ситуации и установление истины в уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. Барнаул, 2001. 404 с.
9. Воротилина Т. Л. Постнеклассические тенденции в западной и российской традициях правопонимания: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2002. 228 с.
10. Каминский А. М. Теоретические основы криминалистического анализа организованности преступной деятельности и возможности его практического использования: дис. ... д-ра юрид. наук. Ижевск, 2008. 396 с.
11. Шакиров К. Н. Проблемы теории судебной экспертизы: методологические аспекты: дис. ... д-ра юрид. наук. Алматы, 2003. 292 с.
12. Грошевой Ю. М. Теоретические проблемы формирования убеждения судьи в советском уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1975. 540 с.
13. Костицкий М. В. Использование специальных психологических знаний в советском уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. Львов, 1990. 457 с.
14. Никонов В. А. Эффективность общепредупредительного воздействия уголовного наказания: теоретико-методологического исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. Тюмень, 1994. 350 с.
15. Семенова Н. В. Конфликтная юридическая деятельность: проблемы теории и методологии: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2002. 178 с.
16. Крыгин С. В. Расследование преступлений, совершаемых в сфере компьютерной информации: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2002. 200 с.
17. Поляков М. П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2002. 442 с.
18. Корнеева И. В. Функционирование суда с участием присяжных заседателей в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2002. 216 с.
19. Шатских М. В. Уголовно-процессуальные особенности назначения наказания в суде присяжных (историко-правовой анализ, современные проблемы): дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2008. 198 с.
20. Бондаренко Р. В. Применение информационных технологий в исследовании и использовании следов рук при раскрытии и расследовании преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 216 с.
21. Агутин А. В. Мировоззренческие идеи в уголовно-процессуальном доказывании: дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2005. 448 с.
22. Карамышев Д. А. Организационно-правовой механизм обеспечения допустимости доказательств в досудебном производстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 208 с.
23. Селезнев Д. И. Средства уголовно-процессуальной деятельности: понятие и система: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 187 с.
24. Манахова М. П. Профессиональные запреты в отношении лиц с криминальным прошлым: дис. ... канд. юрид. наук. Абакан, 2008. 164 с.
25. Пономарев А. И. Организованная преступность: особенности противодействия на федераль-

ном и региональном уровнях: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. 254 с.

26. Ахмедшина Н. В. Криминологическая виктимология: современное состояние и перспективы развития: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2010. 210 с.

27. Красильщиков А. В. Экономические организации как субъекты гражданского общества в России: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2011. 189 с.

28. Скоробогатов В. Ю. Саморегулирование как свойство правовой системы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 186 с.

29. Мелихов А. И. Концептуальные основы обеспечения национальной безопасности в процессе оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2023. 604 с.

30. Типовые модели и алгоритмы криминалистического исследования / Под ред. В. Я. Колдина. М.: Издательство Московского университета, 1989. 184 с.

31. Анохин П. К. Принципы системной организации функций. М.: Наука, 1973. С. 5–61.

32. Судаков К. В. Общая теория функциональных систем. М.: Медицина, 1984. 224 с.

33. Парсонс Т. Социальная система = The Social System. М.: Академический проект, 2018. 529 с.

34. Мертон Р. Структурно-функциональный анализ в современной социологии // Информационный бюллетень ССА. Серия: переводы и рефераты. М., 1968. № 6. Вып. 1. С. 82–179.

35. Растринин Л. А. Адаптация сложных систем. Рига: Зинатне, 1981. 375 с.

36. Поваров Г. Н. To daidalu ptero (К познанию научно-технического прогресса) // Системные исследования. Ежегодник-1971. М.: Наука, 1972. – С. 153–170.

37. Боулдинг К. Общая теория систем – скелет науки // Исследования по общей теории систем. Сборник переводов с польского и английского. М.: Прогресс, 1969. С. 106–124.

38. Колмогоров А. И. Три подхода к определению понятия «количество информации» // Проблемы передачи информации: сборник трудов. М., 1965. Т. 1. Вып. 1. URL: <https://www.metodolog.ru/00262/00262.html> (дата обращения: 29.07.2024).

39. Амосов Н. М. Искусственный разум. Киев: Наукова думка, 1969. 156 с.

40. Эшби У. Р. Введение в кибернетику. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. 432 с.

References

1. Afanasiev A. Yu. Ascent to the mechanism of criminal procedural proof // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 4 (86). Pp. 72–81.

2. Bogdanov A. A. Tectology: (General organizational science). In 2 books: Book. 1. / ed. L.I. Abalkin (corresponding ed.) and others. / Department of Economics of the USSR Academy of Sciences. Institute of Economics of the USSR Academy of Sciences. M.: Economy, 1989. 304 pp.

3. Mamchur E. A., Ovchinnikov N. F., Uemov A. I. The principle of simplicity and measures of complexity. M.: Nauka, 1989. 302 pp.

4. Bunge M. Myth of Simplicity. N.Y.: Prentice-Hall, 1963. 239 pp.

5. The Great Soviet Encyclopedia. M.: Soviet Encyclopedia. 1969–1978. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/150194/Black> (date of access: 17.05.2024).

6. Lubin A. F. Methodology of forensic investigation of the mechanism of criminal activity: dis. ... Dr. Law. sciences. Nizhny Novgorod, 1997. 337 pp.

7. Kruglov I. V. Criminal lawsuit and the mechanism of its proof : dis. ... cand. legal. sciences. Nizhny Novgorod, 2001. 177 pp.

8. Voronin S. E. Problem-seeking investigative situations and truth establishment in criminal justice: dis. ... Dr. Law. sciences. Barnaul, 2001. 404 pp.

9. Vorotilina T. L. Post-classical trends in Western and Russian traditions of legal thought: a dis. ... cand. legal. sciences. Nizhny Novgorod, 2002. 228 pp.

10. Kaminsky A. M. Theoretical foundations of forensic analysis of criminal organization and possibilities of its practical application: dis. ... Dr. Law. sciences. Izhevsk, 2008. 396 pp.

11. Shakirov K. N. Problems of Forensic Theory: Methodological Aspects: Dis. ... Dr. Law. sciences. Almaty, 2003. 292 pp.

12. Groshevoy Yu. M. Theoretical problems of judge conviction formation in Soviet criminal justice: dis. ... Dr. Law. sciences. Kharkov, 1975. 540 pp.

13. Kostitsky M. V. The use of special psychological knowledge in the Soviet criminal process: dis. ... Dr. Law. sciences. L'vov, 1990. 457 pp.

14. Nikonov V. A. The Effectiveness of General Deterrent Exposure to Criminal Sentencing: A Theoretical and Methodological Study: Dis. ... Dr. Law. sciences. Tyumen, 1994. 350 pp.

15. Semenova N. V. Conflict Legal Activity: Issues of Theory and Methodology: Dis. ... cand. legal. sciences. Yaroslavl, 2002. 178 pp.

16. Krygin S. V. Investigation of crimes committed in the field of computer information: dis. ... cand. legal. sciences. Nizhny Novgorod, 2002. 200 pp.

17. Polyakov M. P. Criminal procedural interpretation of the results of operative-search activity: dis. ... Dr. Law. sciences. Nizhny Novgorod, 2002. 442 pp.

18. Korneeva I. V. Functioning of the court with the participation of jury members in the Russian Federation: dis. ... cand. legal. sciences. Nizhny Novgorod, 2002. 216 pp.

19. Shatskikh M. V. Criminal procedural features of sentencing in jury trials (historical and legal analysis, contemporary issues): dis. ... cand. legal. sciences. Voronezh, 2008. 198 pp.

20. Bondarenko R. V. The application of information technology in the research and use of handprints in the detection and investigation of crimes: dis. ... cand. legal. sciences. M., 2003. 216 pp.

21. Agutin A. V. Worldviews in Criminal Procedure Evidence: Dis. ... Dr. Law. sciences. Nizhny Novgorod, 2005. 448 p.
22. Karamyshev D. A. Organizational and legal mechanism for ensuring the admissibility of evidence in pretrial proceedings: dis. ... cand. legal. sciences. M., 2009. 208 pp.
23. Seleznev D. I. Means of criminal procedural activity: concept and system: dis. ... cand. legal. sciences. M., 2012. 187 pp.
24. Manakhova M. P. Occupational prohibitions in relation to persons with criminal records: dis. ... cand. legal. sciences. Abakan, 2008. 164 pp.
25. Ponomarev A. I. Organized crime: features of countermeasures at the federal and regional levels: dis. ... cand. legal. sciences. Saratov, 2009. 254 pp.
26. Akhmedshina N. V. Criminological victimology: current status and prospects: dis. ... cand. legal. sciences. Tomsk, 2010. 210 pp.
27. Krasilshchikov A. V. Economic organizations as subjects of civil society in Russia: dis. ... cand. legal. sciences. Vladimir, 2011. 189 pp.
28. Skorobogatov V. Yu. Self-regulation as a property of the legal system: dis. ... cand. legal. sciences. M., 2013. 186 pp.
29. Melikhov A. I. Conceptual foundations of ensuring national security in the process of operational-search activities of internal affairs bodies: dis. ... Dr. Law. sciences. Volgograd, 2023. 604 pp.
30. Typical models and algorithms of forensic investigation / Ed. V. Ya. Coldina. M.: Moscow University Publishing House, 1989. 184 pp.
31. Anokhin P. K. Principles of systemic organization of functions. M.: Nauka, 1973. Pp. 5–61.
32. Sudakov K. V. A general theory of functional systems. M.: Medicine, 1984. 224 pp.
33. Parsons T. Social system = The Social System. M.: Akademicheskyy proekt, 2018. 529 pp.
34. Merton R. Structural-functional analysis in modern sociology // Information bulletin of the SSA. Series: translations and abstracts. M., 1968. № 6. Issue. 1. Pp. 82–179.
35. Rastrigin L. A. Adaptation of complex systems. Riga: Zinatne, 1981. 375 pp.
36. Povarov G. N. To daidalu ptero (Towards knowledge of scientific and technological progress) // Systems research. Yearbook-1971. M.: Nauka, 1972. Pp. 153–170.
37. Boulding K. General systems theory – the skeleton of a science // Studies in the general theory of systems. A collection of translations from Polish and English. M.: Progress, 1969. Pp. 106–124.
38. Kolmogorov A. I. Three approaches to defining the concept of “quantity of information” // Problems of information transmission: a collection of works. M., 1965. Vol. 1. Issue 1. URL: <https://www.metodolog.ru/00262/00262.html> (date of access: 29.07.2024).
39. Amosov N. M. Artificial intelligence. Kyiv: Naukova Dumka, 1969. 156 pp.
40. Ashby W. R. Introduction to cybernetics. M.: Publishing house of foreign literature, 1959. 432 pp.

Информация об авторе

Афанасьев Алексей Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

Afanasyev Alexey Yu. – Candidate of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 31.07.2024; одобрена после рецензирования 12.08.2024; принята к публикации 18.09.2024

The article was submitted 31.07.2024; approved after reviewing 12.08.2024; accepted for publication 18.09.2024

О субъектах, которые могут быть предупреждены об ответственности за разглашение данных предварительного расследования

Бравилова Екатерина Александровна

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург,
Россия, eabravilova@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу развития российского уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего порядок применения такого общего условия предварительного расследования, как неразглашение данных предварительного расследования, в частности, рассмотрен круг лиц, которые могут быть предупреждены об ответственности за разглашение данных предварительного расследования. Автором приведены правовые позиции, изложенные в решениях Конституционного Суда РФ, и раскрыто их влияние на правоприменительную практику.

Ключевые слова: неразглашение данных предварительного расследования, общее условие предварительного расследования, обвиняемый, адвокат

Для цитирования: Бравилова Е. А. О субъектах, которые могут быть предупреждены об ответственности за разглашение данных предварительного расследования // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 3. С. 86–91.

Original article

On subjects who may be warned of liability for disclosing preliminary investigation data

Bravilova Ekaterina A.

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia, eabravilova@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the analysis of the development of Russian criminal procedure legislation regulating the procedure for applying such a general condition of preliminary investigation as non-disclosure of preliminary investigation data, in particular, persons who may be warned of responsibility, as well as the analysis of legal positions set out in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and their impact on law enforcement practice.

Keywords: preliminary investigation, secrecy of the investigation, defender, specialist, expert opinion

For citation: Bravilova E. A. On subjects who may be warned of liability for disclosing preliminary investigation data// Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 3. Pp. 86–91.

Норма о недопустимости разглашения данных предварительного расследования, предусмотренная ст. 161 УПК РФ, не является новеллой уголовно-процессуального закона. Подобная норма существовала и в УПК РСФСР и не вызывала проблем в правоприменительной практике. С некоторыми незначительными изменениями она была перенесена в УПК РФ. Но в новом уголовно-процессуальном законе были закреплены иные цели, задачи (назначение), принципы, существенно изменилось само досудебное производство, в котором появилась такая гласная

процедура, как судебный контроль, были расширены права участников досудебного производства и, прежде всего, права подозреваемого, обвиняемого и адвоката-защитника. С развитием информационных технологий появились возможности оперативного и свободного доступа к получению и распространению информации. Поэтому неудивительно, что иное значение и иной смысл приобрела норма о недопустимости разглашения данных предварительного расследования. Как писал И. Я. Фойницкий, «точный

© Бравилова Е.А., 2024

разум закона может быть раскрываем или из его буквального изложения, или из сравнения его с другими частями законодательства, выяснения задач, им преследовавшихся, и изменений, им произведенных в системе целого» [6, с. 172].

В правоприменительной практике возникли противоречия в толковании данной нормы следователями, дознавателями с одной стороны и адвокатами – с другой. Не разрешил данные противоречия и принятый 17 апреля 2017 г. Федеральный закон № 73-ФЗ¹ о внесении изменений и дополнений в данную норму относительно круга сведений, которые не могут составлять государственную тайну, а также перечень документов, в которых сведения могут быть представлены определенным лицам и органам и при установленных законом условиях. Не способствуют единообразному применению данной нормы и многочисленные, но не всегда последовательные решения Конституционного Суда РФ. По-прежнему спорными остаются вопросы, касающиеся лиц, в отношении которых может быть применена ст. 161 УПК РФ в части отбирания подписки с предупреждением об ответственности [2, с. 118–123; 3, с. 274–277], их прав или обязанностей давать такую подписку (особенно адвоката-защитника)², а равно содержания данной подписки³ [4, с. 113–117]. И, наконец, законом абсолютно не регламентирован процессуальный порядок предупреждения об уголовной ответственности лиц и процессуальное оформление такой подписки [5, с. 856–860].

Адвокатскими палатами отдельных регионов приняты региональные документы, в которых осуществлены попытки толкования данной нормы уголовно-процессуального закона. Так, 25 января 2024 г. Совет Адвокатской палаты Республики Дагестан⁴ подготовил разъяснения о применении данной нормы, исходя из анализа изменений, внесенных в УПК РФ, решений Конституционного Суда РФ и следственной практики⁵. Однако толкование некоторых положений

в данных разъяснениях все же вызывает некоторые сомнения относительно их соответствия действующим нормам УПК РФ и актуальным разъяснениям высших судебных инстанций.

В первую очередь это касается круга лиц, которые, согласно разъяснениям, могут быть предупреждены об ответственности за разглашение данных предварительного расследования. Если уголовно-процессуальный закон РСФСР определял конкретный круг лиц, то законодатель при принятии УПК РФ ограничился указанием на такое понятие, как «участники уголовного судопроизводства». В ч. 2 ст. 139 УПК РСФСР были названы: свидетель, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик, защитник, эксперт, специалист, переводчик, понятые, а также другие лица, присутствующие при производстве следственного действия. Исходя из данной формулировки, можно было сделать вывод о том, что, с одной стороны, ни на подозреваемого, ни на обвиняемого не распространялось действие данной нормы и они не могли быть субъектами уголовной ответственности; с другой стороны, помимо названных участников, могли быть предупреждены все лица, которые присутствуют при производстве следственных действий (статисты при опознании, сотрудники оперативных подразделений и иные).

Понятие «участники уголовного судопроизводства», о которых говорится в ст. 161 УПК РФ, и дефиниция этого понятия, приведенная в ст. 5 УПК РФ, по сути, дали возможность отбирать подписки о неразглашении у подозреваемых, обвиняемых. В принятом 21 декабря 2004 г. определении № 467 Конституционный Суд РФ попытался исправить ситуацию, разъяснив, что, исходя из системного толкования норм уголовно-процессуального закона, подозреваемый, обвиняемый не обязаны давать такую подписку и не могут нести уголовную ответственность за разглашение без разрешения следователя, дознавателя данных, которые им стали известны в связи с участием в уголовном деле⁶. Он исходил из того, что в нормах УПК РФ, регламентирующих статус участников уголовного судопроизводства, возможность привлечения к уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ прямо предусмотрена для потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, защитника, свидетеля, переводчика, понятого, эксперта и специалиста (а с учетом изменений, внесенных Федеральным законом от 30 октября 2018 г. № 376-ФЗ, и для лица, в отношении которого дело выделено в отдельное производство), но не предусмотрена для подозрева-

¹ Федеральный закон от 17 апреля 2017 г. № 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (последняя редакция) // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 16.06.2024).

² См.: Павлова З. Когда допустим отказ защитников дать подписку о неразглашении данных предварительного следствия? // Адвокатская газета. 2021. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti> (дата обращения 19.03.2023).

³ См.: Оправдан адвокат Владимир Дворяк // Адвокатская газета. 2016. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti> (дата обращения 19.03.2023).

⁴ См.: Методические рекомендации при отобрании у адвоката подписки о неразглашении данных предварительного расследования в порядке ст. 161 УПК РФ: утверждены Решением Совета АП РД 25 января 2024 г. (протокол заседания Совета № 1 от 25 января 2024 г.) // URL: <https://fparf.ru/documents/papers-of-the-regional-ap/metodicheskie-rekomendatsii-pri-otobranii-u-advokata-podpiski-o-nerazglaashenii-dannykh-predvaritelno> (дата обращения 16.06.2024).

⁵ Следует заметить, что вопрос настолько является актуаль-

ным, что также адвокатскими палатами ряда регионов России были приняты аналогичные разъяснения.

⁶ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2004 г. № 467-О по жалобе гражданина Пятничука Петра Ефимовича на нарушение его конституционных прав положениями ст. 46, 86 и 161 УПК РФ // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision33560.pdf> (дата обращения: 16.06.2024).

емого и обвиняемого. В 2015 г. Конституционный Суд РФ в определении № 2443-О вновь подтвердил свою правовую позицию относительно субъектов, однако сделал ряд дополнений, которые нельзя не учитывать при толковании данной нормы. Смысл состоит в том, что, наделяя гражданина правом защищать свои права всеми средствами, не запрещенными законом, Конституция РФ не предполагает реализацию права на защиту такими средствами, которые не установлены и прямо не запрещены законом, но которые с очевидностью нарушают права других лиц. Поэтому, как отмечает Конституционный суд РФ, законом должна быть предусмотрена такая процедура, которая гарантирует участникам (в том числе подозреваемому и обвиняемому) возможность знакомиться с теми процессуальными документами материалов уголовного дела, которые непосредственно затрагивают их права и свободы, но при этом должна быть обеспечена защита от несанкционированного распространения сведений, способных повлечь нарушение прав и свобод других участников уголовного судопроизводства¹. Соответственно, не может рассматриваться как законное средство защиты прав подозреваемого (обвиняемого) разглашение таких данных, которые в силу закона и с целью обеспечения прав интересов других лиц должны быть сохранены в тайне.

Таким образом, обвиняемый, подозреваемый также не вправе разглашать данные предварительного расследования, однако, как отметил далее в этом определении Конституционный Суд РФ, статус подозреваемого, обвиняемого не предполагает возложения на них обязанности давать подписку и они не могут быть субъектами уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ. Мера принудительного характера, которая, по мнению Конституционного Суда РФ, может быть применена (или изменена) к подозреваемому, обвиняемому, если он допускает разглашение данных, которые должны быть сохранены в тайне, – это мера пресечения. При этом в качестве основания ее избрания может быть применен п. 3 ч. 1 ст. 97 УК РФ, т. е. если имеются достаточные основания полагать, что путем разглашения данных эти лица препятствуют расследованию уголовного дела². В этом же определении Конституционный Суд РФ обозначил те обстоятельства, которые не могут составлять тайну предварительного расследования, а именно изложенные в жалобах, ходатайствах, направленных в защиту обвиняемого, подозреваемого.

¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 6 октября 2015 г. № 2443-О по жалобе Динзе Дмитрия Владимировича и Сенцова Олега Геннадьевича на нарушение их конституционных прав положениями п. 3 ч. 2 ст. 38, ч. 3 ст. 53 и ст. 161 УПК РФ // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision213619.pdf> (дата обращения: 16.06.2024).

² См.: Определение Конституционного Суда РФ от 6 октября 2015 г. № 2443-О по жалобе Динзе Дмитрия Владимировича и Сенцова Олега Геннадьевича на нарушение их конституционных прав положениями п. 3 ч. 2 ст. 38, ч. 3 ст. 53 и ст. 161 УПК РФ.

Благодаря данному решению, Федеральным законом от 17 апреля 2017 г. № 73-ФЗ в ст. 161 УПК РФ были внесены существенные изменения и дополнения. Норма была дополнена положениями о том, на какие сведения не может распространяться запрет и в каких случаях изложение сведений, и в каких документах, и кому предоставляемых не может являться разглашением данных предварительного расследования. Введение таких ограничений в нормы УПК РФ существенно повлияли на правовые позиции Конституционного Суда РФ. Так, в определениях от 29 сентября 2020 г. № 2065-О³ и от 26 октября 2021 г. № 2144-О⁴ уже отсутствует указание на невозможность признания подозреваемого, обвиняемого субъектами дачи подписки о неразглашении. При этом в последней жалобе оспаривался именно факт допустимости законом предупреждения об уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ обвиняемого. Ни в одном из определений Конституционный Суд РФ не стал ссылаться на свои предыдущие решения, принятые в 2004, 2015 гг. и рассмотренные выше. В обоих определениях он отмечает, что поскольку законом предусмотрен перечень сведений, на которые не распространяется ответственность и которые позволяют обвиняемому подавать жалобы, заявления, ходатайства, привлекать специалиста, а также те, которые свидетельствуют о нарушении закона органами государственной власти, были оглашены в открытом судебном разбирательстве, распространены в сети Интернет и иным публичным образом, то «...предупреждение участников процесса о неразглашении данных предварительного расследования, ставших им известными в связи с производством по делу, является средством обеспечения сохранности таких данных от predания гласности вне установленной законом процедуры, не ограничивает *подозреваемого, обвиняемого* на использование таких данных в процессуальных формах защиты от обвинения, на квалифицированную юридическую помощь, на государственную и судебную защиту»⁵. При этом в более позднем определении

³ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2020 г. № 2065-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гарина Олега Анатольевича на нарушение его конституционных прав положениями ст. 38 и 125 УПК РФ» // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision497169.pdf> (дата обращения: 16.06.2024).

⁴ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 26 октября 2021 г. № 2144-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Брянцева Александра Юрьевича на нарушение его конституционных прав ч. 3 ст. 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision567933.pdf> (дата обращения: 16.06.2024).

⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 26 октября 2021 г. № 2144-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Брянцева Александра Юрьевича на нарушение его конституционных прав ч. 3 ст. 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL:

он ссылается на предыдущее. То есть Конституционный Суд РФ, обосновывая свои правовые позиции, в данных определениях приводит изменения, которые были внесены Федеральным законом в ст. 161 УПК РФ в 2017 г., и уже не видит ограничения данной нормой конституционных прав подозреваемого, обвиняемого, давая понять, что нормы отраслевого законодательства приведены в соответствие с Конституцией РФ.

Таким образом, толкование нормы в системном единстве с теми изменениями, которые были внесены в УПК РФ в 2017 г., не исключает возможность предупреждения подозреваемого и обвиняемого об ответственности за разглашение данных предварительного расследования.

И это логично, поскольку, во-первых, в ходе расследования могут быть получены любые сведения, которые составляют охраняемую законом тайну, в том числе тайну частной жизни потерпевшего и других лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство. И, во-вторых, не меньшее значение имеет и тайна предварительного расследования, которая направлена также на защиту основ конституционного строя, обеспечения обороны страны и безопасности государства¹. Другой вопрос состоит в том, может ли подозреваемый, обвиняемый нести уголовную ответственность за разглашение данных предварительного расследования по ст. 310 УК РФ. И этот вопрос аналогичен тому, дискуссия по которому ведется с давних времен, а именно: может ли обвиняемый, подозреваемый быть привлечен к уголовной ответственности за заведомо ложный донос [6, с. 5–6]? С одной стороны, если это касается других лиц, например, прямо запрещенного законом распространения данных о частной жизни несовершеннолетнего, не достигшего 14 лет и никак не связанного с расследуемым преступлением, то этот вопрос, вероятно, должен быть решен положительно. С другой стороны, имеется риск того, что может быть нарушено общее правило «non bis in idem». Данные о потерпевшем лице могут быть тесно связаны с расследуемым уголовным делом, например, свидетельствовать о характеристике потерпевшего и его поведении, существенно повлиявшем на совершение подозреваемым, обвиняемым преступления. Поэтому логично было бы предусмотреть в ст. 161 УПК РФ допустимость предупреждения о неразглашении данных предварительного расследования подозреваемого, обвиняемого и в случае нарушения такой подписки – возможность избрания или изменения меры пресечения на более

строгую ввиду препятствования расследованию уголовного дела. При этом следует заметить, что требует законодательного урегулирования в нормах уголовно-процессуального кодекса как сам порядок, так и содержание подписки о неразглашении данных предварительного расследования.

Что касается иных участников уголовного судопроизводства, то этот вопрос также вызывает сомнения в верности толкования норм УПК РФ со стороны адвокатского сообщества. Безусловно, верным является утверждение авторов разъяснения, что представители потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика могут быть предупреждены об уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ. Однако вряд ли логично обосновывать наличие у них таких же обязанностей через аналогию наделения их аналогичными правами. Если представители имеют те же права, что и представляемые ими лица, это не означает, что они имеют и такие же обязанности. Логичнее было бы обосновать обязанность не разглашать сведения наличием статуса участника уголовного судопроизводства.

Особенность УПК РФ состоит в том, что законодатель предусмотрел в Общей части норму (ст. 5 УПК РФ), в которой сформулировал понятия, применяемые в нормах закона. В соответствии с п. 58 ст. 5 УПК РФ участниками уголовного судопроизводства являются все лица, принимающие участие в уголовном процессе. Более того, в главах 5, 6, 7, 8 УПК РФ законодатель определил круг участников: суд, разрешающий дело по существу, участники стороны обвинения, стороны защиты и иные, – дал дефиниции этим участникам и определил права и обязанности. То, что законодатель не сформулировал отдельно обязанность представителя (в том числе законного) потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика не разглашать данные предварительного расследования при условии, если они об этом будут предупреждены, не означает, что у них не может быть взята подписка об этом. Обязанность недопустимости разглашения данных предварительного расследования не возникает у участников немедленно при наделении их статусом, а появляется лишь тогда, когда следователь, дознаватель получают от этих лиц подписку. Скорее всего, в нормах закона если и надо было формулировать отдельно такую обязанность, то она должна была состоять не в обязанности не разглашать данные предварительного расследования (хотя точнее было бы «данные, которые им стали известны в ходе предварительного расследования»), а в обязанности дать такую подписку, если следователь, дознаватель признают это необходимым, и впоследствии нести уголовную ответственность.

Также следует заметить разные подходы к формулированию положения в нормах закона о возможности привлечения к уголовной ответственности потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и свидетеля, понятого, переводчика. Если для первых указывается на возможность уголовной от-

<http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision567933.pdf>; Определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2020 г. № 2065-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гарина Олега Анатольевича на нарушение его конституционных прав положениями ст. 38 и 125 УПК РФ».

¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 6 октября 2015 г. № 2443-О по жалобе Динзе Дмитрия Владимировича и Сенцова Олега Геннадьевича на нарушение их конституционных прав положениями п. 3 ч. 2 ст. 38, ч. 3 ст. 53 и ст. 161 УПК РФ.

ветственности только при их прямом предупреждении в порядке, установленном ст. 161 УПК РФ, то, как ни странно, для вторых такая оговорка отсутствует.

Вызывает возражение и утверждение авторов разъяснений о невозможности предупреждения об уголовной ответственности иных лиц, таких как поручитель, залогодатель, лица, привлекаемые к опознанию, внешне похожие на опознаваемого, и других, вовлекаемых в уголовное судопроизводство.

То, что законодатель выделил отдельные главы, назвав основных участников, не означает, что в уголовном судопроизводстве не могут участвовать (вовлекаться) другие лица. Закон прямо не называет их и тем более не определяет для каждого из них права и обязанности. Отсутствие в УПК РФ отдельных положений о правах и обязанностях тех или иных субъектов, которые вовлекаются в уголовное производство, не может расцениваться как отсутствие у них каких-либо прав или обязанностей и непризнание их участниками уголовного судопроизводства. Например, такие участники, как заявитель или залогодатель, поручитель и другие, наделяются законом определенными правами (а в некоторых случаях и обязанностями), которые устанавливаются общими нормами, например, ч. 1.2 ст. 144, ст. 119, ст. 124, ст. 125 УПК РФ (право на обжалование действий и решений следователя) и иными. Такой же общей нормой является и норма о предупреждении об уголовной ответственности о неразглашении данных предварительного расследования (а точнее, с учетом изменений, внесенных в УПК РФ Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ, правильным было бы применение понятия «досудебное производство», а не «предварительное расследование»). Поэтому субъектом дачи подписки по ст. 161 УПК РФ может быть любое лицо, участвующее в уголовном деле, в том числе заявитель, поручитель, залогодатель или, например, адвокат свидетеля (его права регламентируются только ссылкой на ч. 2 ст. 53 УПК РФ), которое, по мнению следователя или дознавателя, должно быть предупреждено об этом. Более того, в ст. 161 УПК РФ необходимо предусмотреть обязанность дать такую подписку любым участникам, которых следователь, дознаватель считают необходимым предупредить об ответственности за неразглашение данных досудебного производства.

Одной из насущных проблем следственной практики является применение ст. 161 УПК РФ к адвокату-защитнику¹, поскольку в нормах уголовно-процессуального закона закреплена его прямая обязанность дать подписку о неразглашении сведений, составляющих государственную тайну, и отсутствует прямая обязанность дать подписку о неразглашении данных, ставших ему известными в ходе предварительного расследования. Конституционный Суд РФ неодно-

кратно указывал на то, что адвокат-защитник может быть предупрежден и может быть субъектом уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ, поэтому совершенно верно отмечается в разъяснениях, что давать подписку о неразглашении данных предварительного расследования является его обязанностью, а уклонение от дачи подписки не освобождает адвоката-защитника от уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ в случае отказа от подписи и совершения им действий, направленных на разглашение данных предварительного расследования. Но, как уже отмечалось выше, законодательного закрепления требует вопрос о порядке получения и содержании данной подписки с тем, чтобы она не стала средством для воздействия на адвоката-защитника с целью ограничения его в способах защиты обвиняемого, подозреваемого.

Отдельно следует указать, что в разъяснениях рекомендуется обжаловать действия следователя, дознавателя относительно применения ст. 161 УПК РФ, в том числе и в суд. Вместе с тем такие действия не могут быть обжалованы в суд в порядке ст. 125 УПК РФ, на что указал Конституционный Суд РФ в одном из своих определений. Поскольку данная норма применяется с целью защиты прав участников уголовного судопроизводства, не ограничивает подозреваемого, обвиняемого в праве на любую защиту (квалифицированную юридическую, государственную, судебную) от обвинения, не причиняет ущерба конституционным правам и свободам граждан, не затрудняет их доступ к правосудию, постольку не может быть предметом рассмотрения судом в порядке ст. 125 УПК РФ².

Таким образом, субъектом дачи подписки, в соответствии со ст. 161 УПК РФ, может быть любой участник, вовлекаемый в уголовное судопроизводство (в том числе участвующий в следственном действии), которого следователь, дознаватель считают необходимым предупредить об уголовной ответственности. При этом в ст. 161 УПК РФ следует предусмотреть обязанность данных лиц дать такую подписку. Если лицо отказывается дать подписку, оно не освобождается от ответственности. Другой вопрос, что, вероятно, подозреваемый и обвиняемый должны предупреждаться не об уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ, а о том, что в отношении них может быть избрана более строгая мера пресечения, в том числе заключение под стражу, или, в случае нарушения данной им подписки, мера пресечения изменена на более строгую.

Библиографический список

1. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 1. 552 с.
2. Жариков Ю. С. Недопустимость разглашения данных предварительного расследования: к вопросу

¹ См.: Решение Совета Адвокатской палаты города Москва по дисциплинарному производству, возбужденного по представлению ГУ МЮ РФ по Москве от 23 июля 2021 г. URL: <https://www.advokatymoscow.ru/upload/disciplinary-practice/2021.09.28.pdf> (дата обращения 19.03.2023).

² См.: Определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2020 г. 2065-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гарина Олега Анатольевича на нарушение его конституционных прав положениями ст. 38 и 125 УПК РФ».

о конституционности уголовно-процессуальной нормы // Современное право. 2019. № 9. С. 118–123.

3. Лукьянчикова Е. Ф., Ляхова А. И., Алейникова В. А. Тайна предварительного расследования: проблемы теории и практики // Современный ученый. 2022. № 3. С. 274–277.

4. Есина А. С., Блинова Е. В. Неразглашение данных предварительного следствия: проблемы правоприменения и вопросы толкования // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 113–117.

5. Липинский А. П. Обеспечение конфиденциальности информации, получаемой при производстве следственных действий // Вестник Удмуртского университета. 2021. Т. 31. Вып. 5. С. 856–860.

6. Васин А., Нафиев С. Право на защиту – не беспредельно // Законность. 1999. № 4. С. 5–6.

References

1. Foinitsky I. Ya. Course of criminal proceedings. St. Petersburg, 1996. Vol. 1. 552 p.

2. Zharikov Yu. S. Inadmissibility of disclosure of preliminary investigation data: on the issue of the constitutionality of the criminal procedure norm // Modern Law. 2019. No. 9. Pp. 118–123.

3. Lukyanchikova E. F., Lyakhova A. I., Aleinikova V. A. Confidentiality of preliminary investigation: problems of theory and practice // Modern scientist. 2022. No. 3. Pp. 274–277.

4. Esina A. S., Blinova E. V. Non-disclosure of preliminary investigation data: problems of law enforcement and issues of interpretation // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 3. P. 113–117.

5. Lipinsky A. P. Ensuring the Confidentiality of Information Obtained During Investigative Actions // Bulletin of Udmurt University. 2021. Vol. 31. Issue 5. P. 856–860.

6. Vasin A., Nafiev S. The Right to Defense Is Not Unlimited // Legality. 1999. No. 4. P. 5–6.

Информация об авторе

Бравилова Екатерина Александровна – кандидат юридических наук, доцент

Information about author

Bravilova Ekaterina A. – Candidate of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 15.07.2024; одобрена после рецензирования 31.07.2024; принята к публикации 18.09.2024

The article was submitted 15.07.2024; approved after reviewing 31.07.2024; accepted for publication 18.09.2024

Некоторые проблемы квалификации легализации доходов, полученных в результате совершения мошенничества

Быкова Елена Георгиевна

Екатеринбургский филиал ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А. Я. Сухарева», Екатеринбург, Россия, nega83-03@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3850-9366>

Аннотация. В статье приведены результаты обобщения практики кассационных судов общей юрисдикции за 2023 год по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 174.1 УК РФ, предикатным которому является мошенничество. Основная проблема применения указанной статьи связана с неоднозначным пониманием судами субъективной стороны этого состава преступления. В зависимости от предмета мошенничества проиллюстрированы различные подходы судов к вопросу о наличии или отсутствии состава преступления, предусмотренного ст. 174.1 УК РФ. Сделан вывод о том, что ввиду несовершенства норм уголовного закона об ответственности за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, заведомо приобретенных преступным путем, а также нечетких разъяснений высшей судебной инстанции имеются сложности квалификации преступлений, предусмотренных ст. 174.1 УК РФ. Сформулированы предложения по решению исследованной проблемы на законодательном уровне, а также по изменению редакции Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г. № 32.

Ключевые слова: легализация, мошенничество, цель, статья 174.1 УК РФ, экономическая безопасность

Для цитирования: Быкова Е. Г. Некоторые проблемы квалификации легализации доходов, полученных в результате совершения мошенничества // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 3. С. 92–98.

Original article

Some problems of qualifying the legalization of income received as a result of fraud

Bykova Elena G.

Yekaterinburg Branch of the Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Yekaterinburg, Russia, nega83-03@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3850-9366>

Abstract. The article presents the results of a generalization of the practice of the cassation courts of general jurisdiction for 2023 in criminal cases of a crime under Article 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, predicated on fraud. The main problem with the application of Article 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation is related to the ambiguous understanding by the courts of the subjective side of this corpus delicti. Depending on the subject of fraud, various approaches of courts to the question of the presence or absence of the corpus delicti provided for in Article 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation are illustrated. It is concluded that due to the imperfection of the norms of the criminal law on liability for the legalization (laundering) of funds or other property knowingly acquired by criminal means, as well as unclear explanations of the highest court, there are difficulties in qualifying the crime provided for in Article 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. Proposals have been formulated to solve the studied problem at the legislative level, as well as to amend the wording of the Resolution of the Plenum dated 07.07.2015 № 32.

Keywords: legalization, fraud, purpose, Article 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, economic security

For citation: Bykova E. G. Some problems of qualifying the legalization of income received as a result of fraud// Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 3. Pp. 92–98.

Экономическая безопасность является одним из стратегических национальных приоритетов Российской Федерации. Для ее обеспечения, в частности, поставлена задача по снижению доли теневого и криминального секторов экономики¹. В этой связи правоохранительные органы ориентированы на борьбу с экономическими преступлениями, а также на возмещение причиненного этими деяниями материального ущерба. Успешное достижение поставленной цели затруднено применением субъектами посягательства сложных схем сокрытия преступного происхождения денежных средств или иного имущества. В некоторых случаях это требует самостоятельной правовой оценки по статьям Особенной части УК РФ, предусматривающим ответственность за легализацию (отмывание) доходов, полученных преступным путем. Несмотря на разъяснение Верховным Судом РФ в Постановлении Пленума от 7 июля 2015 г. № 32² особенностей уголовной ответственности за эти противоправные деяния, практику применения ст. 174 и ст. 174.1 УК РФ нельзя назвать однозначной.

При исследовании сложностей квалификации легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, в рамках данной публикации видится актуальным изучить научные точки зрения по заявленной проблематике и судебную практику по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 174.1 УК РФ.

Выбор предмета исследования обусловлен тем, что в немногочисленной правоприменительной практике по уголовным делам о легализации денежных средств и иного имущества преобладает квалификация по ст. 174.1 УК РФ [1, с. 58]. При этом в теории уголовного права высказываются сомнения относительно обоснованности установления в российском уголовном законе ответственности за «самоотмывание» [2, с. 166]. Так, М. А. Филатовой импонирует подход австрийского законодателя, согласно которому «установление ответственности за извлечение экономической выгоды лицом из полученного в результате совершения им преступления имущества путем совершения каких-либо сделок ведет к двойному осуждению». Она отмечает, что корыстные преступления предполагают извлечение имущественной выгоды, поэтому использование полученного в результате их совершения имущества «будет нарушением принципа *ne bis in idem*, ведь использование плодов своего преступления охватывается составом предикатного деяния» [2, с. 152–153]. Аналогичной точки зрения придерживается Г. А. Русанов, который приводит схо-

жие доводы и заключает, что «привлечение к уголовной ответственности за предикатное преступление и за легализацию, если рассматривать преступную цепочку «предикатное преступление – легализация преступных доходов» комплексно, образует фактически двойную ответственность за одно и то же деяние» [3].

В судебной практике достаточно примеров, когда предикатным преступлением, предусмотренному ст. 174.1 УК РФ, выступает мошенничество. Такой подход соответствует позиции высшей судебной инстанции, отраженной в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32. Однако с учетом корыстной направленности мошенничества, а также момента его окончания, выраженного в наличии реальной возможности распорядиться похищенным, проблему квалификации последующих действий субъекта в отношении предмета мошенничества можно признать одной из самых сложных для правоприменителей.

При проведении настоящего исследования проанализировано 37 постановлений кассационных судов общей юрисдикции за 2023 год, а также ставших объектом внимания кассации судебных актов нижестоящих инстанций по таким уголовным делам. Обобщение результатов их изучения показывает, что в применении норм об ответственности за легализацию (отмывание) доходов, полученных преступным путем, не сформировалось единой тенденции.

В литературе высказываются различные мнения по вопросу оценки по ст. 174.1 УК РФ совершенных при схожих фактических обстоятельствах действий по распоряжению одинаковым предметом мошенничества. Одни исследователи отмечают, что распоряжение виновными ранее похищенным ими имуществом по своему усмотрению полностью охватывается соответствующими статьями гл. 21 УК РФ и не требует дополнительной квалификации» [4]. Другие специалисты не исключают квалификации этих действий по ст. 174.1 УК РФ [5].

Суды по-разному решают эту квалификационную проблему. В частности, если с недвижимым имуществом, приобретенным в результате мошенничества, проведено несколько взаимосвязанных сделок с целью его продажи и получения субъектами хищения денежных средств, суды в большинстве случаев не усматривают цели легализации и, следовательно, состава преступления, предусмотренного ст. 174.1 УК РФ. Свое решение они мотивируют системным толкованием п. 10 и 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32, дополнительно указывая, что само по себе совершение сделок с имуществом, добытым преступным путем, еще не свидетельствует о наличии цели легализации.

К примеру, кассационная инстанция согласилась с осуждением по ч. 4 ст. 159 УК РФ ФИО1 и ФИО3, которые совместно с другими участниками организованной группы, использовав поддельные решения суда о признании права собственности участников организованной группы на квартиры в порядке наследования после смерти собственников, продали их иным

¹ Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (подп. 5 п. 26, подп. 30 п. 67) / URL: <https://consultant.ru>.

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем». URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8442> (дата обращения: 24.06.2024).

лицам, заключив соответствующие сделки. Однако, по мнению кассации, продажа указанных квартир являлась лишь способом распоряжения похищенным имуществом и не подлежала дополнительной квалификации по п. «а» ч. 4 ст. 174.1 УК РФ¹. В судебной практике имеются иные подобные примеры оправдания по ст. 174.1 УК РФ².

С учетом разъяснений п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32, согласно которым под целью придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или иным имуществом, приобретенными преступным путем, следует понимать сокрытие преступного происхождения, местонахождения, размещения, движения имущества или прав на него, думается, что суд кассационной инстанции обоснованно не усмотрел в содеянном ФИО1 и ФИО3 необходимости дополнительной квалификации фактов распоряжения полученными в результате мошенничества квартирами.

В литературе в отношении преступной схемы приобретения права на чужое недвижимое имущество с использованием поддельных документов высказывается справедливое мнение, что субъект таким способом придает сделке законный статус, не совершая при этом действий, образующих объективную сторону ст. 174.1 УК РФ [6, с. 88]. В результате этих действий предмет мошенничества поступает в распоряжение виновного или других лиц. Как видится, только после этого можно рассматривать данное имущество как добытое преступным путем. Поэтому следует признать, что при использовании поддельных решений судов ФИО1 и ФИО3 совершают действия по сокрытию преступного происхождения прав на недвижимые помещения в рамках выполнения объективной стороны мошенничества. Последующая продажа ФИО1 и ФИО3 квартир иным лицам – реальным покупателям, не связанным с соучастниками преступления, – это завершающий этап реализации умысла субъектов, совершивших с корыстной целью противоправное деяние.

В другом случае суд кассационной инстанции согласился с квалификацией действий участника организованной группы Б1 по ч. 4 ст. 159 УК РФ. Б1, исполняя должностные обязанности участкового уполномоченного полиции, прибыл в квартиру, где обнаружил труп ФИО19 и похитил паспорт умерше-

го. Б1 передал документ участникам организованной группы, которые оформили фиктивную сделку дарения квартиры на подставное лицо, а после этого совершили перепродажу указанного помещения. Кассационная инстанция пришла к выводу, что состав преступления, предусмотренного п. «а» ч. 4 ст. 174.1 УК РФ, отсутствует, поскольку продажа квартиры являлась способом распоряжения похищенным имуществом³.

Оправдание Б1 по п. «а» ч. 4 ст. 174.1 УК РФ, как и в случае с ФИО1 и ФИО3, видится обоснованным. Специалисты считают необходимым рассматривать любое сокрытие источника преступного происхождения дохода путем совершения многоступенчатых финансовых операций (две и более), мнимых сделок в качестве действий, подтверждающих умысел на легализацию имущества, полученного преступным путем. При этом признают, что с учетом действующей редакции ст. 174.1 УК РФ реализовать это предложение затруднительно [7]. Несмотря на указанную точку зрения и с учетом вышеприведенных разъяснений п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 можно резюмировать, что сделка Б1 и его соучастников, заключенная с добросовестным приобретателем, совершена не с целью легализации, поскольку привела к отчуждению недвижимого имущества. Продажа квартиры, полученной путем мошенничества, явилась завершающим этапом реализации умысла на обогащение участников организованной группы.

При обобщении судебной практики встретилась противоположная позиция, когда при оценке действий по распоряжению полученным в результате мошенничества имуществом у судов не возникало сомнений относительно наличия состава легализации (отмывания) имущества, приобретенного лицом в результате совершения им преступления.

Так, кассационная инстанция посчитала обоснованным осуждение по соответствующим частям ст. 159 УК РФ и ст. 174.1 УК РФ сотрудника ритуального агентства Х., который, являясь участником организованной группы, совместно со своими соучастниками от имени умерших совершал фиктивные сделки купли-продажи квартир с лицами, не осведомленными о их преступных намерениях, а затем от имени последних продавали квартиры добросовестным приобретателям. Полученные после продажи квартир денежные средства участники организованной группы делили между собой⁴.

Представляется дискуссионной позиция суда кассационной инстанции относительно оценки действий Х. по ст. 174.1 УК РФ. В этом случае (как и в проана-

¹ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 20 декабря 2023 г. № 77-5621/2023. URL: <https://sudrf.ru>.

² См.: Определения Первого кассационного суда общей юрисдикции от 25 апреля 2023 г. № 77-2137/2023. URL: <https://sudrf.ru>; Апелляционное определение Верховного Суда Республики Крым от 9 июня 2022 г., оставленное без изменения кассационным определением Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 20 июня 2023 г. № 77-1998/2023. URL: <https://consultant.ru>; Приговор Правобережного районного суда города Магнитогорска Челябинской области от 1 апреля 2022 г., оставленный без изменения кассационным определением Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 24 января 2023 г. № 77-318/2023. URL: <https://sudrf.ru>.

³ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 19 апреля 2023 г. № 77-1618/2023. URL: <https://sudrf.ru>.

⁴ Апелляционное определение Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 14 февраля 2023 г. № 22-2542, оставленное без изменения определением Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 28 ноября 2023 г. № 77-1888/2023. URL: <https://consultant.ru>.

лизированных примерах оправдания ФИО1 и ФИО3, Б1) целью продажи квартир реальным покупателям является получение материальной выгоды, а не придание правомерного вида распоряжению предметом мошенничества.

В другом случае по приговору суда, оставленному без изменения апелляционной инстанцией, Б2 осужден по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующими частями ст. 159 УК РФ (восемь эпизодов) и ст. 174.1 УК РФ (шесть эпизодов). В отношении шести квартир использовалась схема заключения нескольких недействительных сделок. Б2 от имени умершего собственника подписывал договор дарения с подконтрольными лицами, затем от имени этих лиц отчуждал объекты недвижимости в свою пользу или в пользу своей матери С. После этого Б2 от своего имени или от имени С. продавал квартиры добросовестным приобретателям¹. Кассационная инстанция поддержала такую квалификацию².

Осуждение Б2 по ст. 174.1 УК РФ в этом случае видится обоснованным. Реализация такой схемы приобретения квартир позволила Б2 скрыть преступное происхождение прав на объекты недвижимости и получить «чистый» доход от продажи квартир лицам, не являющимся соучастниками мошенничества.

Следует отметить, что два объекта недвижимости Б2 сначала переоформил от имени умершего собственника на подставных лиц, а затем от их имени произвел отчуждение квартир реальным покупателям, получив от них денежные средства. По этим эпизодам содеянное Б2 дополнительно не оценивалось по ст. 174.1 УК РФ. Можно предположить, что продажу этих квартир правоприменители рассматривали как завершающий этап реализации умысла на обогащение Б2.

В другом случае суд кассационной инстанции согласился с квалификацией действий Х.А. по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159, п. «б» ч. 4 ст. 174.1 УК РФ, который легализовал имущество (земельный участок), добытое путем мошенничества. Х.А. незаконно приобрел право собственности на данный участок, предоставив подложное решение суда в органы Росреестра, после чего по фиктивному договору купли-продажи переоформил право собственности на ФИО5, а впоследствии организовал подписание ФИО5, ФИО2 и ФИО3 соглашения о реальном разделе земельного участка на два отдельных с присвоением каждому новых кадастровых номеров³. Думается, что в данном примере цель легализации имущества, заведомо приобретенного лицом в результате совершения им мошенничества, не вы-

зывает сомнений, поскольку цепочка сделок привела к преобразованию одного земельного участка в два новых объекта недвижимости, что позволило скрыть преступное происхождение имущества.

Представляется, что проблема применения ст. 174.1 УК РФ обусловлена неоднозначным пониманием цели придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или иным имуществом, полученным преступным путем. Разъяснения п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 относительно обстоятельств, свидетельствующих о наличии этого обязательного субъективного признака, весьма пространны. С одной стороны, высшая судебная инстанция приводит типичные примеры финансовых операций и сделок, которые могут свидетельствовать о сокрытии преступного происхождения, местонахождения, размещения, движения имущества или прав на него, т. е. раскрывает объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 174.1 УК РФ. С другой стороны, эти разъяснения призваны ориентировать правоприменителей на установление признака субъективной стороны – цели легализации при совершении финансовых операций или сделок с денежными средствами или иным имуществом, полученным преступным путем, «с учетом всех обстоятельств дела».

Вышеизложенное свидетельствует об обоснованной критике в научной литературе формулировки диспозиции ч. 1 ст. 174.1 УК РФ. Наибольшее количество нареканий вызывает включение в число признаков этого состава цели легализации. Так, О. Ю. Якимов подчеркивает, что «при совершении любых действий с денежными средствами или иным имуществом, приобретенным преступным путем, так или иначе происходит придание им правомерного вида, введение их в легальный оборот, независимо от того, преследовал ли виновный такую цель» [8, с. 141–142]. Г. А. Русанов пишет, что «основное «назначение» легализации в преступной цепочке, идущей от предикатного преступления, – позволить лицу, совершившему это деяние, свободно распоряжаться криминальными деньгами» [9, с. 42]. М. А. Филатова приходит к выводу о необходимости исключения из состава преступления, предусмотренного ст. 174.1 УК РФ, указания на цель и справедливо замечает, что «даже *de lege lata* цель "придания правомерного вида" может трактоваться двояко: как желание получить "очищенное" имущество или как желание скрыть первоначальное преступление» [2, с. 11, 99].

Нужно отметить, что предложение М. А. Филатовой с учетом сложностей применения ст. 174.1 УК РФ является актуальным и своевременным. Признание любых финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, приобретенными лицом в результате совершения им преступления, уголовно наказуемыми наиболее соответствует сути легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем. Однако с сожалением приходится констатировать, что при корректировке

¹ Апелляционное определение Свердловского областного суда от 21 октября 2022 г. № 22-7362/2022. URL: <https://consultant.ru>.

² Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 18 мая 2023 г. № 77-2078/2023. URL: <https://consultant.ru>.

³ Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 19 сентября 2023 г. № 3594/2023. URL: <https://consultant.ru>.

гл. 22 УК РФ законодатель уделяет внимание статьи, предусматривающие ответственность за эти противоправные деяния.

Для решения рассмотренной проблемы применительно к недвижимому имуществу с учетом действующей редакции диспозиции ч. 1 ст. 174.1 УК РФ нужно определиться с ответом на вопрос, что следует признавать предметом легализации (отмывания). Если им является оформленный на подставное лицо с целью последующей продажи реальному покупателю объект недвижимости, то в связке «подставное лицо – добросовестный приобретатель» отсутствует цель легализации, содержание которой сформулировано в п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32.

Как видится, в этом случае в качестве предмета легализации (отмывания) могут рассматриваться доходы, полученные после продажи ставшего предметом мошенничества недвижимого имущества. Реализуя умысел на преступное обогащение, субъект мошенничества «преобразует» недвижимость в деньги, дальнейшие финансовые операции с которыми могут быть совершены с целью их введения в легальный экономический оборот и последующего «правомерного» распоряжения ими. Соответствующие примеры имеются в судебной практике.

Так, по приговору суда, оставленному без изменения апелляционной и кассационной инстанциями, О. осужден по ч. 4 ст. 159 УК РФ, п. «б» ч. 4 ст. 174.1 УК РФ. Он, являясь единственным учредителем и генеральным директором ООО1, направил денежные средства от продажи полученной в результате совершения мошенничества квартиры на покупку ООО1 со 100 % долей участия в ООО2¹.

Неоднозначна судебная практика в ситуациях, когда предметом легализации являются денежные средства, похищенные в результате совершения мошенничества.

В большинстве случаев суды приходят к выводу об отсутствии цели легализации, если для получения доступа к похищенным денежным средствам осуществляются переводы по фиктивным основаниям с расчетного счета юридического лица на счет индивидуального предпринимателя (в том числе субъекта мошенничества) или на подконтрольные субъекту хищения банковские счета физических или юридических лиц либо деньги под видом выдачи в подотчет предоставляются лицу, участвовавшему в совершении мошенничества. В дальнейшем эти денежные средства обналичиваются и (или) с использованием электронных средств платежа тратятся на нужды лица, совершившего хищение.

Принимая решение об отсутствии признаков состава преступления, предусмотренного ст. 174.1 УК РФ, суды ссылаются на п. 11 Постановления Пленума

Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32, согласно которому распоряжение приобретенными преступным путем денежными средствами или имуществом в целях личного потребления не свидетельствует о цели легализации. Данная позиция ориентирует правоприменителей на установление способа распоряжения такими ценностями во избежание излишней квалификации содеянного по ст. 174.1 УК РФ.

К примеру, кассационная инстанция поддержала позицию суда, который оправдал по ст. 174.1 УК РФ лиц, совершивших мошенничество группой лиц по предварительному сговору. Суд пришел к выводу, что целью финансовых операций по перечислению сыну одного из исполнителей хищения полученных преступным путем денежных средств являлась реальная возможность распорядиться похищенным имуществом².

В другом случае по приговору суда, оставленному без изменения кассационной инстанцией, ФИО7 осужден по ч. 4 ст. 159 УК РФ, оправдан по п. «б» ч. 4 ст. 174.1 УК РФ. ФИО7 похитил путем обмана денежные средства, затем распорядился ими по своему усмотрению, осуществив финансовые операции по их переводу между своими счетами (ИП ФИО7, ФИО7 и подконтрольный ему расчетный счет ООО). После этого ФИО7 полученными деньгами оплатил услуги, приобрел товары, снял наличные денежные средства. Суд пришел к выводу, что действия ФИО7 свидетельствуют лишь о распоряжении похищенными средствами как собственными³. Аналогичный подход встречается и в других судебных актах⁴. Во всех слу-

² Приговор Дзержинского районного суда Калужской области от 8 августа 2022 г., оставленный без изменения апелляционным определением Калужского областного суда от 19 января 2023 г. № УК-22-1723/2022 и определением Первого кассационного суда общей юрисдикции от 7 ноября 2023 г. № 77-4917/2023. URL: <https://consultant.ru>.

³ Приговор Нижегородского районного суда г. Нижнего Новгорода от 19.08.2022, оставленный без изменения определением Первого кассационного суда общей юрисдикции от 8 августа 2023 г. № 77-3799/2023. URL: <https://consultant.ru>.

⁴ Приговор Ленинского районного суда города Владимира от 18 августа 2022 г. № 1-1/2022, оставленный без изменения кассационным определением Второго кассационного суда общей юрисдикции от 30 мая 2023 г. № 77-1657/2023. URL: <https://consultant.ru>; Апелляционное определение Московского городского суда от 27 июля 2023 г. № 10-10400/2023. URL: <https://consultant.ru>; Приговор Черноземельского районного суда Республики Калмыкия от 30 июня 2022 г., оставленный без изменения кассационным определением Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 20 июля 2023 г. № 77-2681/2023. URL: <https://consultant.ru>; Кассационные определения Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 4 апреля 2023 г. № 77-592/2023, от 6 сентября 2023 г. № 77-1185/2023. URL: <https://consultant.ru>; Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 24 октября 2023 г. № 77-4391/2023. URL: <https://consultant.ru>; Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 14 июня 2022 г. № 22-4333/2022, оставленное без изменения кассационным определением Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 1 марта 2023 г. №

¹ Приговор Октябрьского районного суда города Екатеринбурга от 15.10.2021, оставленный без изменения кассационным определением Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 17 февраля 2023 г. № 77-511/2023. URL: <https://consultant.ru>.

чаях сделан акцент на отсутствии обязательного признака субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 174.1 УК РФ.

Однако в правоприменительной практике существует иная позиция при оценке действий лица, совершившего несколько финансовых операций для получения денежных средств и последующего распоряжения ими в личных целях. Например, суды апелляционной и кассационной инстанций признали обоснованным осуждение П. по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159 УК РФ и п. «б» ч. 4 ст. 174.1 УК РФ. Согласно установленным обстоятельствам дела директором ООО2 П. были перечислены бюджетные денежные средства, полученные преступным путем, на расчетный счет ООО1 по фиктивному договору. Своими действиями П. создал видимость гражданско-правовых взаимоотношений под видом составления договоров субподряда, которые не имели место в действительности, при этом преследовал цель – придание денежным средствам, полученным в результате преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ. В дальнейшем денежные средства, поступившие с расчетных счетов ООО2, направлялись с расчетного счета ООО1 на счета иных организаций и физических лиц, после чего возвращались П. наличными деньгами либо по фиктивному основанию на принадлежащую ему банковскую карту¹.

В данном случае П. совершил мошенничество с целью получения чужих денежных средств. С момента их первоначального поступления на расчетный счет ООО2 у него имелась реальная возможность распорядиться этими деньгами по своему усмотрению. Однако их расходование в личных целях однозначно вызвало бы вопросы со стороны правоохранительных органов. В литературе отмечается, что по этой причине введение преступных доходов в легальный экономический оборот требует маскировки происхождения криминальных средств, для этой цели совершается, в частности, множество фиктивных и запутанных сделок [10, с. 24]. К тому же, «связь отмытых денег с предикатным преступлением теряется, как правило, в результате не одной операции, а цепочки фиктивных сделок и финансовых операций» [11]. Поэтому целью дальнейших действий П. являлось сокрытие преступного происхождения денег, которые он планировал потратить на личные нужды. Это обоснованно оценено по ст. 174.1 УК РФ.

Таким образом, состав преступления, предусмотренного ст. 174.1 УК РФ, наличествует в случаях, когда с похищенными при совершении мошенничества денежными средствами проводятся фиктивные финансовые операции (в том числе с использованием банковских счетов лиц, не осведомленных о преступных намерениях субъекта), а также в ситуациях, когда эти

деньги вводятся в легальный экономический оборот. Это позволяет скрыть преступное происхождение денежных средств. В частности, они могут быть переведены на счета аффилированных или подконтрольных субъекту мошенничества юридических лиц во исполнение обязательств по недействительным договорам, а затем за счет этих денежных средств совершаются расчеты по сделкам, в том числе по приобретению ценных бумаг, иностранной валюты с выводом на счета офшорной компании, принадлежащей субъекту мошенничества². Помимо этого, похищенные денежные средства могут перечисляться по фиктивным основаниям с расчетного счета подконтрольной субъекту мошенничества организации на расчетный счет фирмы-однодневки, откуда перечисляются на счета других фирм-однодневок и впоследствии снова возвращаются на расчетный счет организации³.

По результатам исследования можно сделать вывод, что ввиду несовершенства норм уголовного закона об ответственности за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, заведомо приобретенных преступным путем, а также нечетких разъяснений высшей судебной инстанции по данной категории уголовных дел существуют сложности квалификации преступлений, предусмотренных ст. 174.1 УК РФ. В этой связи видится целесообразным поддержать высказанное специалистами в области уголовного права предложение об исключении из диспозиции ч. 1 ст. 174.1 УК РФ указания на цель совершения этого преступления.

Ввиду того, что правоприменители испытывают затруднения при оценке последующих действий субъекта мошенничества по распоряжению приобретенным в результате этого преступления имуществом, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 может быть дополнено п. 10.1 следующего содержания: «Если виновный в процессе совершения мошенничества оформил недвижимое имущество на подставное лицо (в частности, не осведомленное о его преступных намерениях, либо на своего соучастника) с целью последующей продажи этого объекта добросовестному приобретателю, содеянное является способом распоряжения похищенным и не требует дополнительной квалификации по ст. 174.1 УК РФ. Вместе с тем совершение фиктивных финансовых операций с денежными средствами, полученными после продажи такого объекта недвижимости, либо совершение финансовых операций или сделок с такими денежными средствами для их введения в легальный экономический оборот требует квалификации по ст. 174.1 УК РФ».

Кроме этого, абзац первый п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 может быть дополнен предложением: «Вместе с тем

77-927/2023. URL: <https://consultant.ru>.

¹ Апелляционное определение Верховного Суда Республики Коми от 15 июня 2023 г. № 22-1298/2023, оставленное без изменения кассационным определением Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 7 декабря 2023 г. № 77-2846/2023. URL: <https://consultant.ru>.

² Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 15 февраля 2023 г. № 77-555/2023(77-7070/2022). URL: <https://consultant.ru>.

³ Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25 января 2023 г. № 77-175/2023. URL: <https://consultant.ru>.

совершение лицом финансовых операций (в том числе с использованием банковских счетов лиц, не осведомленных о его преступных намерениях) или сделок для сокрытия преступного происхождения денежных средств или иного имущества с целью их последующего использования на личные нужды, следует квалифицировать по соответствующей части ст. 174.1 УК РФ».

Поскольку правоприменители ориентируются на действующую редакцию уголовного закона и Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32, им можно порекомендовать уделять особо внимание доказыванию наличия цели легализации при совершении субъектом мошенничества действий по распоряжению похищенным.

Библиографический список

1. Тисен О. Н. Легализация преступных доходов: ошибки квалификации // Уголовный процесс. 2022. № 3. С. 58–63.
2. Филатова М. А. Уголовная ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем, по законодательству России и Австрии: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 2014. 208 с.
3. Русанов Г. А. Пути модернизации уголовного законодательства в сфере противодействия легализации (отмыванию) преступных доходов в России // Российский юридический журнал. 2019. № 1. С. 65–68.
4. Журавлев М. П., Журавлева Е. М. Ответственность за легализацию (отмывание) преступных доходов: закон и судебная практика // Журнал российского права. 2004. № 3.
5. Филатова М. А., Яни П. С. Взаимосвязанные проблемы квалификации мошенничества и легализации преступных доходов // Законность. 2018. № 7. С. 33–38.
6. Киселев И. А. Грязные деньги: Уголовная ответственность за отмывание преступных доходов и ее применение в борьбе с преступностью и коррупцией. М.: ИД «Юриспруденция», 2009. 152 с.
7. Бызова М. В. Противодействие легализации преступных доходов: правовые средства прокурора и правоприменительная практика // Законность. 2023. № 7. С. 32–37.
8. Якимов О. Ю. Легализация (отмывание) доходов, приобретенных преступным путем: уголовно-правовые и уголовно-политические проблемы / Под науч. ред. докт. юрид. наук, проф. Н.А. Лопашенко. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. 262 с.
9. Русанов Г. А. Противодействие легализации (отмыванию) преступных доходов: учебное пособие для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2024. 157 с.
10. Жубрин Р. В., Ларьков А. Н. Профилактика легализации преступных доходов: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. 360 с.
11. Галкин Д. В. Расследование легализации (отмывания) преступных доходов: основные подходы к доказыванию умысла // Российский следователь. 2017. № 14. С. 3–5.

References

1. Tisen O. N. Legalization of criminal proceeds: qualification errors // Criminal procedure. 2022. No. 3. P. 58–63.
2. Filatova M. A. Criminal liability for the legalization (laundering) of funds or other property obtained by criminal means, under the legislation of Russia and Austria: dis. ... Cand. of Law. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 2014. 208 p.
3. Rusanov G. A. Ways to modernize criminal legislation in the field of combating the legalization (laundering) of criminal proceeds in Russia // Russian Law Journal. 2019. No. 1. P. 65–68.
4. Zhuravlev M. P., Zhuravleva E. M. Liability for the legalization (laundering) of criminal proceeds: law and judicial practice // Journal of Russian Law. 2004. No. 3.
5. Filatova M. A., Yani P. S. Interrelated problems of qualification of fraud and legalization of criminal proceeds // Legality. 2018. No. 7. Pp. 33–38.
6. Kiselev I. A. Dirty Money: Criminal Liability for Laundering Criminal Proceeds and Its Application in the Fight against Crime and Corruption. Moscow: ID «Jurisprudence», 2009. 152 p.
7. Byzova M. V. Counteracting the legalization of criminal proceeds: legal means of the prosecutor and law enforcement practice // Legality. 2023. No. 7. Pp. 32–37.
8. Yakimov O. Yu. Legalization (laundering) of proceeds from crime: criminal-legal and criminal-political problems / Under the scientific editorship of Doctor of Law, Professor N.A. Lopashenko. St. Petersburg: R. Aslanov Publishing House «Legal Center Press», 2005. 262 p.
9. Rusanov G. A. Counteracting the legalization (laundering) of criminal proceeds: a textbook for universities. Moscow: Yurait Publishing House, 2024. 157 p.
10. Zhubrin R. V., Larkov A. N. Prevention of legalization of criminal proceeds: monograph. Moscow: Yurilitinform, 2012. 360 p.
11. Galkin D. V. Investigation of legalization (laundering) of criminal proceeds: main approaches to proving intent // Russian investigator. 2017. No. 14. pp. 3–5.

Информация об авторе

Быкова Елена Георгиевна – кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

Bykova Elena G. – Candidate of Law, Associate professor

Статья поступила в редакцию 02.07.2024; одобрена после рецензирования 09.09.2024; принята к публикации 18.09.2024

The article was submitted 02.07.2024; approved after reviewing 09.09.2024; accepted for publication 18.09.2024

Применение систем автоматической фиксации административных правонарушений в целях предотвращения дорожно-транспортных преступлений

Ващенко Борис Михайлович¹, Пушкарский Иван Иванович²

¹ Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия, b_vaschenko@mail.ru

² ЦАФАП в ОДД ГИБДД ГУ МВД России по Иркутской области, Иркутск, Россия, ipushkarskii@mvd.ru

Аннотация. В статье рассмотрены основы криминалистического предупреждения преступлений как неотъемлемой части криминалистической методики. Предупредительная деятельность следователя раскрыта на примере уголовных дел о дорожно-транспортных преступлениях. Отдельно выделены наиболее частые причины совершения преступных деяний в области безопасности дорожного движения. Авторами в качестве основной меры по их устранению предложено использование систем автоматической фиксации административных правонарушений. На основе анализа текущего состояния показателей аварийности конкретного региона произведена оценка эффективности влияния комплексов автоматической фиксации правонарушений в области безопасности дорожного движения по предупреждению преступлений, повлекших тяжкий вред здоровью или смерть.

Ключевые слова: криминалистическая профилактика, предупреждение преступлений, ДТП, фотовидеофиксация

Для цитирования: Ващенко Б. М., Пушкарский И. И. Применение систем автоматической фиксации административных правонарушений в целях предотвращения дорожно-транспортных преступлений // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 3. С. 99–104.

Original article

The use of automatic fixation systems administrative offenses in order to prevent traffic crimes

Vashchenko Boris M.¹, Pushkarsky Ivan I.²

¹ East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian, b_vaschenko@mail.ru

² TSAFAP in the Traffic Police Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Irkutsk region, Irkutsk, Russian, ipushkarskii@mvd.ru

Abstract. The article considers the basics of criminalistic crime prevention as an integral part of the criminalistic methodology. The preventive activity of the investigator is revealed by the example of criminal cases of traffic offenses. The most common reasons for committing criminal acts in the field of road safety are highlighted separately. The authors proposed the use of automatic fixation systems for administrative offenses as the main measure to eliminate them. Based on the analysis of the current state of accident rates in a particular region, an assessment of the effectiveness of the influence of automatic fixation complexes of offenses in the field of road safety on the prevention of crimes that caused serious harm to health or death was made.

Keywords: forensic prevention, crime prevention, road accidents, photo-video fixation

For citation: Vashchenko B. M., Pushkarsky I. I. Application of automatic fixation systems of administrative offenses in order to prevent traffic crimes // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 3. Pp. 99–104.

Анализ состояния преступности за 2023 год свидетельствует о сохранении тенденции к снижению числа зарегистрированных на территории Российской Федерации преступлений [1]. При этом в области безопасности дорожного движения отмечается рост на 4,5 % по сравнению с предыдущим годом. Так, в минувшем году в России произошло 132,4 тыс. дорожно-транспортных преступлений (далее – ДТП), в которых погибли 14,5 тыс. (+2,3 %) и пострадали 166,5 тыс. человек (+4,3 %) [2]. Такое положение дел свидетельствует о недостаточной эффективности принимаемых мер по профилактике данного вида преступлений.

По мнению профессора О. П. Гриубнова приоритетным направлением деятельности правоохранительных органов является «предупреждение преступлений, равно как их раскрытие, качественное и своевременное расследование» [3, с. 102]. Эффективное предупреждение преступлений включает в себя не только их быстрое раскрытие и привлечение виновных лиц к ответственности, но и установление в ходе расследования причин и условий им способствовавших, разработку и применение мер, направленных на их устранение.

Вышеприведенные статистические данные указывают на «неудовлетворительную ситуацию, сложившаяся в сфере профилактики преступлений, которая требует серьезной корректировки» [4, с. 47].

Процесс раскрытия и расследования ДТП, относящихся к неумышленным преступлениям, имеет свою характерную специфику, определяемую как субъективными факторами, так и множеством объективных. В частности он требует от сотрудников специальных знаний в области дорожного движения, определенного уровня профессионализма, а также своевременного проведения всех следственных и процессуальных действий и эффективного взаимодействия между подразделениями и государственными органами [5].

Механизм совершения ДТП предполагает нарушение правил дорожного движения лицом, управляющим транспортным средством, приводящее к причинению тяжкого вреда здоровью или смерти других лиц. Соответственно нарушение ПДД – это и есть основное условие совершения преступлений в сфере безопасности дорожного движения.

Эффективность криминалистического предупреждения как обязательного структурного элемента частной криминалистической методики достигается путем формирования предупредительных мер, основанных на познании закономерностей механизма определенной группы преступлений [6, с. 9].

Так, предупреждение любых преступлений всегда состоит из деятельности по недопущению их совершения путем выявления, устранения или нейтрализации причин, условий и обстоятельств, способствующих их совершению, оказанию профилактического воздействия на лиц с противоправным поведением [7, с. 15].

Говоря в целом о криминалистическом предупреждении, данную детальность можно охарактери-

зовать как «составную часть правовой профилактики, осуществляемой органами следствия и дознания, прокурорского надзора и судебной системы специальными методами и средствами, присущими только этим органам» [8, с. 154].

В достаточной степени вопросы криминалистического предупреждения преступлений изучены М. Ш. Махтаевым и Н. П. Яблоковым. Так, «под предупреждением в криминалистике понимается система приемов выявления причин и способствующих преступлению условий, объектов криминалистическо-профилактического воздействия, а также профилактических мер, затрудняющих совершение новых преступлений, пресекающих или прерывающих преступную деятельность конкретных лиц» [9, с. 4].

По мнению профессора Р. С. Белкина, задача профилактической детальности – это «эффективное снижение количественных и качественных показателей преступности, уменьшение ее воздействия на общество и государство, повышение уровня личной безопасности граждан, защиты их прав и законных интересов» [10, с. 964].

Криминалистическое предупреждение преступлений включает в себя ряд мер, реализуемых в разных направлениях. К ним относят меры, целевое назначение которых заключается в выявлении и раскрытии преступлений, а также воспитательные меры и обще-профилактические [10]. Отдельно выделяют «криминалистические средства и методы выявления и устранения причин и условий совершения преступлений, а также предупреждения преступлений» [11, с. 685]. Последние из перечисленных реализуются наиболее часто, как правило в рамках последующего или заключительного этапов расследования.

В процессе расследования уголовного дела на следователя (дознателя) в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства возложена обязанность по установлению причин и условий, способствующих совершению преступления.

Как указывает профессор О. П. Гриубнов и А. Н. Залескина, «уголовно-процессуальное законодательство, являясь правовой основой криминалистической профилактики, в ст. 73 УПК РФ предусматривает необходимость установления обстоятельств, способствовавших совершению преступления, и согласно ст. 158 УПК РФ направления в соответствующую организацию или соответствующему должностному лицу представления о принятии мер по устранению указанных обстоятельств или других нарушений закона» [12, с. 54].

Ведущая роль в предупреждении преступлений отводится органам предварительного расследования. Так как именно они в ходе расследования уголовных дел о ДТП обязаны выявить конкретную причину, приведшую к преступным последствиям, и принять все возможные меры к их недопущению, в частности, направлять представления об их устранении.

Рассматривая данную меру как обязанность следователя (дознателя), отметим, что часто сотрудники формально относятся к выявлению причин и условий, приведших к преступлению. Например, если при совершении карманной кражи или уличного грабежа виновное лицо не установлено, то принять реальные меры по предупреждению таких поступлений не получится. По факту в том случае отсутствует физическое лицо, на которое планируется оказывать профилактическое воздействие, или организация, которой, например, можно рекомендовать улучшить освещение на участке, где совершено преступление.

В случае совершения ДТП работа следователя меняется кардинально: в процессе установления механизма совершенного преступления он рассматривает причину, приведшую к трагическому результату, как составную часть единого целого.

Бесспорно, в большинстве случаев причинами ДТП является сам человек, а именно его поведение и отношение к выполняемым действиям: невнимательность на дороге; использование гаджетов; плохое самочувствие, настроение; употребление алкоголя, наркотических средств или психотропных веществ. При таких обстоятельствах воздействие на виновного может быть разным, начиная от воспитательного, заканчивая принудительным лечением (в случае наркотической зависимости, например).

Второй причиной, на наш взгляд является деятельность должностных лиц органов государственной власти и местного самоуправления по регулированию дорожного движения [13, с. 226], например, неправильная установка дорожных знаков или светофорных объектов, отсутствие соответствующей разметки, недостаточный анализ аварийно-опасных мест.

Так, следователь при установлении обстоятельств, которые стали причиной преступления и образовались в результате недобросовестной работы государственных органов, несущих ответственность за обеспечение безопасного дорожного движения на участке проезжей части, где произошло ДТП, незамедлительно направляет представление в соответствующее учреждение (организацию) с обязательной формулировкой по результатам проведенного анализа конкретных мер, направленных на организацию деятельности определенного учреждения. Кроме того, выносятся рекомендации относительно усовершенствования конкретного места, т. е. участка дороги, где произошло ДТП, такие как оборудование дороги дополнительными знаками (например, предупреждающими, если есть крутые опасные повороты, подъемы, спуски), комплексами фотовидеофиксации (далее – ФВФ), информацией о необходимости снижения скорости или о возможном появлении животных и т. д. [14, с. 67].

Основной целью криминалистического предупреждения в рассматриваемой сфере является безопасность дорожного движения, подразумевающая реализацию целого комплекса действий при тесном

взаимодействии следственных органов с ГИБДД и государственными учреждениями.

В качестве наиболее актуального примера такой деятельности рассмотрим применение комплексов автоматической фиксации правонарушений в области безопасности дорожного движения в Иркутской области за 2023 год. Данные комплексы ФВФ применяются в целях предупреждения смертности, устанавливаются на наиболее аварийно-опасных участках дорог. Их использование является одной из наиболее рекомендуемых мер предупреждения ДТП, предлагаемых сотрудниками органов внутренних дел.

Рассмотрим предметно один из наиболее аварийно-опасных участков дорожного движения в г. Иркутске – плотина ГЭС, которая является не только основной транспортной магистралью города, позволяющей жителям передвигаться с одного берега реки на другой, но и серьезным техническим объектом. Движение по плотине организовано по двум полосам в обе стороны по 2500 м, на протяжении которых имеется по одному остановочному пункту в каждую сторону. Отметим, что ширина полос достаточно узкая, и в случае ДТП организовать дорожное движение в объезд невозможно, соответственно, оно блокируется, и очень быстро создаются «километровые пробки». Учитывая административно-территориальное деление г. Иркутска по разным берегам реки и наличие всего четырех переправ (в том числе и плотина), ограничение движения по одной из них нарушает работу сразу нескольких районов города.

Кроме того, на дорожное движение по плотине влияет ее расположение и образованное с одной стороны Иркутское водохранилище, которое в совокупности с погодными условиями становится причиной сильнейшего бокового ветра. Соответственно транспортное средство, двигающееся на большой скорости, при сильном ветре теряет управление, что часто приводит к ДТП.

Именно поэтому особое внимание в области безопасности дорожного движения в городе обращено на плотину. Число ДТП, повлекших тяжкий вред здоровью человека или смерть, за период с 2018 по 2021 год на рассматриваемом участке дороги выросло (в среднем за год примерно на 15 %).

Так, в августе 2019 года на плотине ГЭС произошло резонансное ДТП, в котором водитель рейсового автобуса не справился с управлением, выехал на полосу, предназначенную для встречного движения, и допустил столкновение с легковым автомобилем. В результате 2 человека погибли и более 10 пассажиров получили разного вида травмы и были доставлены в медицинские учреждения г. Иркутска [15].

Положительный опыт размещения и внедрения в работу комплексов ФВФ на территории Иркутской области стал поводом к решению вопроса об оборудовании плотины ГЭС одним из наиболее современных комплексов «Автоураган», целью применения которого является фиксация и профилактика наруше-

ний скоростного режима, а также запрета на движение грузовых автомобилей по плотине.

В результате анализа работы комплексов в Иркутской области за 2022–2023 гг. смертность и причинение вреда здоровью пассажирам в ДТП снизилась на 10 %.

В целом за 2023 год на территории г. Иркутска и всей Иркутской области для осуществления профилактики правонарушений и преступлений в области дорожного движения и контроля за соблюдением требований правил дорожного движения использовалось 118 стационарных комплексов, расположенных на автодорогах федерального, регионального и местного значения. В период с 2019 г. по настоящее время количество установленных комплексов выросло на 130 %, в использовании результативности которых прослеживается стабильная и положительная динамика¹.

Комплексы ФВФ на территории Иркутской области размещены согласно методике определения мест размещения технических средств автоматической фотовидеофиксации нарушений правил дорожного движения, утвержденной протоколом заседания проектного комитета по национальному проекту «Безопасные качественные дороги» от 19 ноября 2019 г. № 8 и ГОСТом Р 57145-2016, с учетом его максимального приближения к очагам концентрации ДТП. Отметим, что ФВФ устанавливаются и в местах, не являющихся «очагами аварийности», однако имеющим высокий риск совершения ДТП.

Согласно ст. 2 Федерального закона от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» аварийно-опасным участком (местом концентрации ДТП) является участок дороги, улицы, не превышающий 1000 метров вне населенного пункта или 200 метров в населенном пункте, либо пересечение дорог, улиц, где в течение отчетного года произошло три и более дорожно-транспортных происшествия одного вида или пять и более дорожно-транспортных происшествий независимо от их вида, в результате которых погибли или были ранены люди.

Эффективность работы комплексов ФВФ зависит от их функции и вида правонарушения, а также места эксплуатации. Так, комплексы имеют техническую возможность фиксировать следующие виды нарушений: скорость; движение по обочине; выезд на полосу встречного движения; непредоставление преимущества пешеходу; выезд на запрещающий сигнал светофора; нарушение требований дорожного знака 3.4 «Движение грузовых автомобилей запрещено»; проезд железнодорожного переезда на запрещающий сигнал (без остановки); нарушение водителем правил применения ремней безопасности; поворот налево,

разворот в местах, где такой маневр запрещен; нарушение правил пользования телефоном.

На основании анализа аварийности по результатам 2022 г. в г. Иркутске выявлено 32 наиболее аварийно-опасных места концентрации ДТП, 23 из них оборудованы комплексами ФВФ, что позволяет обеспечить мероприятия, направленные на устранение причин и условий совершения ДТП.

Степень эффективности работы каждого из используемых в анализируемом периоде комплексов ФВФ определяется не количеством выявленных нарушений, а стабильными признаками полной ликвидации причин и условий аварийности в месте установки, а также стабильным спадом количества фиксируемых нарушений ПДД на 80 % в течение шести месяцев с момента установки комплекса. Под полной ликвидацией причин и условий аварийности в месте концентрации ДТП (в месте установки комплекса ФВФ) понимается ситуация, когда за год его работы на анализируемом участке дороги не совершались ДТП, повлекшие причинение вреда здоровью граждан либо смерть.

Анализ ДТП в местах установки комплексов ФВФ на территории Иркутской области по состоянию на 31 декабря 2023 г. показал существенное сокращение их числа с пострадавшими либо с погибшими людьми. Так, в 2023 г. в ДТП пострадали 126 (- 1,6 %), погибли 6 человек (- 68 %).

Таким образом, использование комплексов ФВФ в Иркутской области за прошедший 2023 год можно считать эффективным. Несмотря на незначительный рост количества ДТП, в которых пострадали люди, зафиксировано значительное снижение количества погибших.

Как указывает профессор А. В. Варданян, «предупредительные меры рассчитаны на исключение или минимизацию совершения преступных деяний в конкретных пространственно-временных условиях, в связи с которыми уже осуществляется расследование, или сходных с ними» [16, с. 171]. Именно поэтому комплексы ФВФ рекомендуется устанавливать не только в места, где происходили ДТП, но в места повышенной аварийной опасности.

В связи с чем вопрос обеспечения региона комплексами ФВФ актуален и рассматривается министерствами и ведомствами как основная мера обеспечения безопасности дорожного движения.

Библиографический список

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2023 года URL: <https:// официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации>.
2. В России выросла аварийность на дорогах в 2023 году. URL: <https://iz.ru> (дата обращения: 16.04.2014).
3. Грибунов О. П. Совершенствование правового регулирования геномной регистрации в контексте предупреждения преступности // Всероссийский

¹ Анализ эффективности функционирования системы автоматической фиксации административных правонарушений в области дорожного движения и ее влияния на состояние аварийности за 12 месяцев 2023 года по Иркутской области проведен в соответствии с требованиями указаний МВД России от 3 июня 2021 г. № 1/5965.

криминологический журнал. 2022. Т. 16. № 1. С. 101–110.

4. Брусенцева В. А. Роль и место криминалистической профилактики в структуре криминалистической науки // Таврический научный обозреватель. 2015. № 2-3. С. 46–52.

5. Мандарханова Л. М. Предупреждение дорожно-транспортных преступлений, связанных с отказом водителя от управления транспортным средством // Искусство правоведения. 2023. № 1 (5). С. 64–70.

6. Варданян А. В. Современные проблемы учения о криминалистическом предупреждении преступлений: гносеологические и правовые аспекты // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики: сборник трудов участников Международной научно-практической конференции. 2017. С. 3–9.

7. Грибунов О. П. Теоретические основы и практика реализации криминалистического предупреждения преступлений экстремистской направленности // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2017. № 3-2. С. 14–21.

8. Мещерякова Т. А. Сущность и значение криминалистической профилактики дорожно-транспортных преступлений // Достижения вузовской науки. 2013. № 5. С. 153–157.

9. Криминалистика: учебник / под ред. Н. П. Яблокова. М., 1997. 704 с.

10. Криминалистика / под ред. проф. Р. С. Белкина. М.: Издательство НОРМА, 2000. 990 с.

11. Криминалистика: учебник / под ред. докт. юрид. наук, проф. И. М. Комарова. М.: Юрлитинформ, 2023. 712 с.

12. Грибунов О. П., Залескина А. Н. Некоторые аспекты криминалистической профилактики мошенничества, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2021. № 2 (32). С. 52–62.

13. Ващенко Б. М. Профилактическая деятельность следователя при расследовании ДТП // проблемы современного законодательства России и зарубежных стран: материалы VII Международной научно-практической конференции. Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России). 2018. С. 226–228.

14. Мандарханова Л. М. Предупреждение дорожно-транспортных преступлений, связанных с отказом водителя от управления транспортным средством // Искусство правоведения. 2023. № 1 (5). С. 64–70.

15. В Иркутске на плотине ГЭС произошло ДТП с участием автобуса и легкового автомобиля. URL: <https://www.irk.ru/news/20190801/crash>.

16. Варданян А. В. Криминалистическая превенция в системе государственных мер по предупреждению преступности // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 430. С. 169–173.

References

1. Brief description of the state of crime in the Russian Federation in January – December 2023 URL: <https://Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation>.

2. In Russia, road accidents increased in 2023. URL: <https://iz.ru> (date of application: 04/16/2014).

3. Gribunov O. P. Improving the legal regulation of genomic registration in the context of crime prevention // All-Russian Journal of Criminology. 2022. Vol. 16. № 1. Pp. 101–110.

4. Brusentseva V. A. The role and place of forensic prevention in the structure of forensic science // The Tauride scientific observer. 2015. № 2-3. Pp. 46–52.

5. Mandarkhanova L. M. Prevention of traffic crimes related to the driver's refusal to drive a vehicle // Art of Jurisprudence. 2023. № 1 (5). Pp. 64–70.

6. Vardanyan A. V. Modern problems of the doctrine of criminalistic crime prevention: epistemological and legal aspects // criminology: current issues of theory and practice: a collection of works by participants of the International Scientific and practical Conference. 2017. Pp. 3–9.

7. Gribunov O. P. Theoretical foundations and practice of the implementation of criminalistic prevention of crimes of extremist orientation // Izvestiya Tula State University. Economic and legal sciences. 2017. № 3-2. Pp. 14–21.

8. Meshcheryakova T. A. The essence and significance of forensic prevention of traffic crimes // Achievements of university science. 2013. № 5. Pp. 153–157.

9. Criminology: textbook / edited by N. P. Yablokov. M., 1997. 704 p.

10. Criminology / edited by Professor R. S. Belkin. M.: Publishing House NORMA, 2000. 990 p.

11. Criminalistics: textbook / ed. doct. Jurid. Sciences, prof. I. M. Komarova. M.: Yurilitinform, 2023. 712 p.

12. Gribunov O. P., Zaleskina A. N. Some aspects of criminalistic prevention of fraud associated with deliberate non-fulfillment of contractual obligations in the field of entrepreneurial activity // Siberian criminal procedure and criminalistic readings. 2021. № 2 (32). Pp. 52–62.

13. Vashchenko B. M. Preventive activity of the investigator in the investigation of an accident // problems of modern legislation in Russia and foreign countries: materials of the VII International Scientific and Practical Conference. Irkutsk Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia). 2018. Pp. 226–228.

14. Mandarkhanova L. M. Prevention of traffic crimes related to the driver's refusal to drive a vehicle // Art of Jurisprudence. 2023. № 1 (5). Pp. 64–70.

15. In Irkutsk, an accident involving a bus and a car occurred at a hydroelectric dam. URL: <https://www.irk.ru/news/20190801/crash>.

16. Vardanyan A. V. Criminalistic prevention in the system of state measures for crime prevention // Bulletin

of Tomsk State University. 2018. № 430. Pp. 169–173.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентны вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

All authors have made equivalent contributions to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Информация об авторах

Ващенко Борис Михайлович – кандидат юридических наук

Information about the authors

Vashchenko Boris M. – Candidate of Law

Статья поступила в редакцию 11.06.2024; одобрена после рецензирования 03.09.2024; принята к публикации 18.09.2024

The article was submitted 11.06.2024; approved after reviewing 03.09.2024; accepted for publication 18.09.2024

Отдельные элементы криминалистической характеристики преступлений против жизни и здоровья, совершаемых по мотивам политической, идеологической, религиозной, расовой ненависти или вражды

Виноградова Ольга Павловна

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, olga10vin@mail.ru,
<https://orcid.org/0009-0000-1908-6930>

Аннотация. Высокая степень распространения преступлений, совершаемых по мотивам политической, идеологической, религиозной, расовой ненависти или вражды, в настоящее время обусловлена нарастающим напряжением в обществе, социальными конфликтами и противоречиями в мировоззрениях. Общественная опасность преступлений данного вида состоит в том, что они посягают не только на жизнь и здоровье отдельных граждан, но и на конституционно провозглашенный принцип равенства вне зависимости от их национальной принадлежности и убеждений. Анализ криминалистической характеристики таких преступлений позволяет выделить основные ее элементы, позволяющие своевременно и качественно их расследовать. Кроме того, при квалификации рассматриваемых деяний возникают сложности в разграничении таких мотивов как национальная ненависть и вражда и хулиганские мотивы. Все сказанное свидетельствует о необходимости тщательного исследования элементов криминалистической характеристики преступлений, совершаемых по мотивам политической, идеологической, религиозной, расовой ненависти или вражды.

Ключевые слова: мотив, политическая, идеологическая, религиозная, расовая ненависть или вражда, против жизни и здоровья, криминалистическая характеристика преступления

Для цитирования: Виноградова О. П. Отдельные элементы криминалистической характеристики преступлений против жизни и здоровья, совершаемых по мотивам политической, идеологической, религиозной, расовой ненависти или вражды // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 3. С. 105–110.

Original article

Individual elements of the criminalistic characteristics of crimes against life and health committed on the grounds of political, ideological, religious, racial hatred or enmity

Vinogradova Olga P.

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, olga10vin@mail.ru,
<https://orcid.org/0009-0000-1908-6930>

Abstract. The high prevalence of crimes motivated by political, ideological, religious, racial hatred or enmity is currently due to growing tension in society, social conflicts and contradictions in worldviews. The public danger of crimes of this type is that they encroach not only on the life and health of individual citizens, but also on the constitutionally proclaimed principle of equality, regardless of their nationality and beliefs. Analysis of the forensic characteristics of such crimes makes it possible to identify its main elements that allow them to be investigated in a timely manner and with high quality. In addition, when qualifying the acts in question, difficulties arise in distinguishing between motives such as national hatred and enmity and hooligan motives. All this testifies to the need for a thorough study of the elements of the forensic characterization of crimes committed on the basis of political, ideological, religious, racial hatred or enmity.

Keywords: motive, political, ideological, religious, racial hatred or enmity, against life and health, criminalistic characteristics of the crime

For citation: Vinogradova O. P. Individual elements of the criminalistic characteristics of crimes against life and health committed on the grounds of political, ideological, religious, racial hatred or enmity// Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 3. Pp. 105–110.

Российская Федерация является многонациональным поликонфессиональным государством, соответственно, проблема межэтнических и межнациональных конфликтов стоит достаточно остро на протяжении многих лет, начиная еще с дореволюционных времен. Основными угрозами совершения преступлений по мотивам политической, идеологической, религиозной, расовой ненависти или вражды являются нарушение единства и территориальной целостности нашей страны, включая инспирирование «цветных революций», разрушение традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Можно выделить три сходных критерия возникновения ненависти либо вражды по причине длительного совместного сосуществования: расовый, национальный и религиозный. Расовый критерий подразумевает столкновения между представителями отдельных рас – европеоидной, монголоидной, негроидной. Большую распространенность имеет национальный критерий, в основе которого лежат этнические конфликты. Он более сложен, чем расовый, по ряду причин: огромное количество этносов и непосредственное взаимодействие некоторых из них. Наиболее сложный критерий – религиозный, он находит свое проявление в конфликтах между конфессиями. Межрелигиозные конфликты, как правило, масштабны и длительны. В нашей стране наибольшее распространение имеют конфликты, возникающие на национальной почве.

Действующее российское уголовное законодательство предусматривает достаточно большое количество преступлений, где мотив политической, идеологической, религиозной, расовой ненависти или вражды является квалифицирующим признаком, в основном, это деяния, связанные с причинением умышленного вреда здоровью либо смерти. В то же время, указанный мотив выступает и в качестве одного из альтернативных признаков такого уголовно наказуемого деяния, как хулиганство (п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ). Кроме того, тот факт, что рассматриваемый мотив имеет, по мнению законодателя, крайне важное значение, подтверждается его включением в ст. 63 УК РФ в качестве отягчающего обстоятельства [1, с. 59]. Это сделано для повышения ответственности лиц, совершающих по анализируемому мотиву те деяния, в которых не предусмотрен данный квалифицирующий признак.

В ходе анализа преступлений, совершаемых по мотивам политической, идеологической, религиозной, расовой ненависти или вражды, необходимо исследовать сами понятия «ненависть» и «вражда». Поскольку легального законодательного закрепления

они в УК РФ не нашли, возникает проблема с определением и пониманием их содержания [2, с. 3].

Представляется, что ненависть отличается общим неприятием отдельных характеристик противоположных сторон (в частности, расы, национальности и т. д.) на эмоциональном уровне. Что касается вражды, то для нее характерна объективная природа. Как правило, сложные конфликты изначально порождают вражду, а затем она превращается в ненависть.

Расследованию преступлений против жизни и здоровья, совершаемых по мотивам политической, идеологической, религиозной, расовой ненависти или вражды, в научной литературе уделяется определенное внимание, однако не все вопросы могут считаться исследованными в достаточной степени. Кроме того, по большей части в научных трудах внимание уделяется их уголовно-правовой характеристике, в то время как криминалистический аспект остается недостаточно исследованным.

Полагаем, что способ совершения рассматриваемых деяний не имеет особого значения для их характеристики, поскольку для виновных не столь важно, каким способом совершить преступление, они нацелены именно на факт проявления ненависти и вражды. Не оспаривая то, что в данных преступлениях основным является мотив, все же видится неверным отсутствие внимания такому важному элементу криминалистической характеристики преступления, как способ, хотя бы в силу того, что это обстоятельство, подлежащее доказыванию.

Установление способа совершения преступления дает возможность обеспечить полноту, всесторонность и объективность расследования, установить истину по уголовному делу. Кроме того, нередко способ совершения преступления дает возможность установления мотива, так как ненависть и вражда в рассматриваемых случаях находят свое проявление в форме шокирующих и крайне дерзких действий. Способ совершения рассматриваемых деяний представляет собой фактически декларацию и демонстрацию окружающим вражды и ненависти по определенным причинам. В таком случае нередко именно по способу совершения преступления можно установить исполнителя.

Для совершения отдельных видов преступлений характерна определенная специфика способов их совершения. Так, если говорить об общих чертах преступных деяний рассматриваемого вида, необходимо отметить, что все они в обязательном порядке пропагандируют идеи ненависти и вражды между различными расами, национальностями, религиями и т. д., что и находит отражение в способе совершения

преступления. Характерна для них также и демонстративность, отражающая основную суть идеологии нетерпимости. Как правило, преступник при выборе конкретного способа совершения преступления нацелен на то, чтобы привлечь внимание максимально возможного числа лиц. При этом способ зачастую избирается такой, чтобы он надолго запомнился, вызвал определенный резонанс в обществе. В силу этого можно утверждать о таких признаках совершения преступлений по анализируемым мотивам, как жестокость и агрессия.

Если же вести речь о преступлениях против жизни и здоровья, то здесь спецификой выступает наличие при их совершении не менее двух целей, среди которых, кроме обозначенных выше, отмечается посягательство на жизнь и здоровье конкретных лиц, что также находит свое отражение в способе совершения преступления.

Преступления против жизни и здоровья могут совершаться путем нанесения множественных ударов, путем использования оружия и т. п. Анализ судебной практики по данной категории уголовных дел свидетельствует о том, что наиболее часто они совершаются с использованием колюще-режущих предметов, особенно, ножей, являющихся как холодным оружием, так и предметами бытового назначения. Выбор орудия совершения преступлений данного вида преимущественно обусловлен желанием преступников причинить максимальный вред. Представляется, что наиболее частое использование ножей обусловлено лишь их доступностью, но при этом вполне возможно применение и таких орудий, как кастеты, металлические прутья, палки, биты и т. д.

Еще одна характерная черта способа совершения преступлений рассматриваемого вида – нанесение ударов в жизненно важные органы, в связи с чем телесные повреждения имеют определенную характерную локализацию.

Отличительной особенностью преступлений против жизни и здоровья, совершаемых по анализируемому мотиву, является и то, что преступники не нуждаются в каком-либо поводе, им достаточно внешности жертвы, на основе которой они приходят к выводу о ее принадлежности к иной национальности. Так, в качестве примера можно привести уголовное дело в отношении С., Р. и М., членов неформального объединения, имеющего в качестве идеологической основы национал-социалистические идеи, а также идеи расового и национального превосходства. Увидев на улице Т., обладающего по их мнению кавказской внешностью, указанные лица избили его, причинив средней тяжести вред здоровью по мотивам национальной ненависти [3, с. 10].

Также характерной чертой преступлений рассматриваемого вида можно назвать и сопровождение насильственных действий по отношению к потерпевшему выкриками, содержащими идеи межнациональной и межрасовой вражды и ненависти, надписи на стенах, заборах и прочих поверхностях, доступных для обзора большому количеству граждан. Такие лозунги,

как наглядные, так и высказанные, являются элементом способа совершения преступления, демонстрирующего подчеркнутое противостояние со стороны преступника иным расам и национальностям.

В качестве элемента способа совершения рассматриваемых преступлений следует также назвать и тот факт, что они, как правило, совершаются неожиданно для потерпевшего, что облегчает виновным сам процесс деяния, поскольку в таком случае жертва является наиболее уязвимой. Зачастую до нанесения ударов преступники могут оскорблять жертву, унижать ее, стремиться вывести из себя и спровоцировать агрессию, но обычно такой реакции они не добиваются по причине страха жертвы. Однако это не останавливает преступников, в данном случае высказыванием оскорблений они сами в себе провоцируют всплеск агрессии.

Таким образом, в механизме совершения преступлений против жизни и здоровья по мотивам национальной, расовой и религиозной ненависти и вражды прослеживается два этапа: оскорбления и унижения жертвы преступником и активные действия насильственного характера.

Рассматриваемые преступления могут быть совершены спонтанно, но также им может предшествовать тщательная подготовка, которая включает в себя выбор потенциальной жертвы и ее преследование, но это бывает достаточно редко, так как виновных не всегда интересует конкретное лицо, их интересует лишь национальность жертвы и возможность успешного завершения деяния. В силу этого, подготовка к рассматриваемому виду преступления преимущественно включает в себя выбор определенного места и определенного времени, где и когда допускается возможность встречи с лицами интересующей виновного национальности.

Также можно отметить, что преступления рассматриваемого вида обычно совершаются группами, с которыми проводится идеологическая работа, подразумевающая готовность участников в любой момент перейти к агрессивным действиям в отношении людей иной расы или национальности. В таких случаях способ совершения насильственных действий, а также орудия совершения преступления определяются заранее, неизвестна лишь конкретная жертва преступления.

Аналогичного рода подготовка может проводиться не только с группами, преступники-одиночки также знакомятся с идеологией экстремизма, посещают соответствующие интернет-сайты, вступают в переписку в социальных сетях с лицами, придерживающимися аналогичных взглядов. В ходе таких бесед могут не только обсуждаться именно идеологические вопросы, но и достаточно часто рассматриваются наиболее предпочтительные способы совершения преступлений рассматриваемого вида.

Высокую степень опасности различных проявлений экстремизма признают на самом высоком политическом уровне. Президент РФ в своем выступлении на ежегодном расширенном заседании коллегии МВД

России поставил перед правоохранительными органами задачу – акцентировать внимание на нейтрализации попыток экстремистов использовать интернет для разжигания межнациональной, религиозной и социальной вражды. В то же время следует отметить, что на практике прослеживается тенденция увеличения количества зарегистрированных преступлений, направленных на возбуждение ненависти и вражды. Так, согласно официальным данным, в 2021 г. зарегистрировано 62 таких преступления, в 2022 г. – 86, в 2023 г. – 88, что составляет +36,5 % за год [4, с. 29].

Значимость установления способа совершения преступлений велика не только для производства расследования, но также и для выявления преступлений рассматриваемого вида, поскольку для каждого способа характерно наличие определенных следов, свидетельствующих о том, какое деяние совершено и по каким мотивам. Кроме того, на основе способа совершения преступлений возможно и выдвижение различных версий.

При совершении преступлений рассматриваемого вида меры по сокрытию следов не являются традиционными, поскольку, в силу демонстративности рассматриваемых деяний и стремления виновных донести до общества мотивы совершаемых действий, они не утаивают факт преступления либо причину его совершения. Однако вполне возможно совершение деяния таким способом, чтобы складывалось впечатление о совершении его одним лицом, а не группой, что позволяет организаторам данных группировок избежать привлечения к ответственности.

Поскольку способ совершения преступления может указывать на механизм слеодообразования, то в качестве характерных следов данных преступлений можно рассматривать многочисленные телесные повреждения у потерпевшего, локализованные в области жизненно важных органов, и брошенные орудия совершения преступления.

Также в качестве характерных следов преступлений данного вида можно рассматривать и различные листовки, надписи, аббревиатуры, рисунки расового и религиозного содержания, а также любые иные экстремистские материалы.

В качестве неотъемлемого и важного элемента криминалистической характеристики любого преступления следует назвать личность преступника. В преступлениях рассматриваемого вида в первую очередь следует уделить внимание социально-демографическим признакам лица, к которым относятся возраст, пол, образование, род занятий и семейное положение. На основе этих данных в первую очередь можно сделать вывод, какая возрастная группа наиболее криминогенно активна и каковы особенности преступного поведения отдельных представителей различных возрастных групп. Проводимые по данному вопросу исследования свидетельствуют о том, что преступления рассматриваемого вида совершают преимущественно молодые люди в возрасте от 16 до 27 лет [5, с. 4]. Полагаем, это обусловлено тем, что лица старшего возраста не склонны к совершению

таких преступлений в силу сформировавшейся у них жизненной позиции и собственного мнения по различным вопросам, в том числе и по поводу отношения к лицам другой национальности. Также большинству из них не характерны импульсивность, повышенная эмоциональность, яркая критика других людей. Зачастую они более терпимы к вероисповеданию других людей. Свои поступки люди старшего поколения обычно тщательно обдумывают, имеют семью, работу, устоявшиеся интересы.

Если говорить о половом признаке, то более 90 % от всех лиц, совершающих преступления рассматриваемого вида, составляют мужчины. Женщины в качестве исполнителей преступлений данного вида выступают крайне редко, как правило, они играют роль пособников, например, следят за обстановкой, подыскивают пути отхода и т. д. Представляется, что это возможно объяснить необходимостью использования в процессе совершения противоправного деяния силы, демонстрации превосходства преступников над лицами другой расы именно путем их физического унижения, что женщинам не свойственно. Однако в практике все же встречаются преступления рассматриваемого вида, возглавляемые женщинами. Так, еще в январе 2009 года была пресечена деятельность преступной группировки, действующей в Свердловской области, которая состояла из подростков разного пола и была нетерпима к «иноверцам», при этом возглавляла ее девушка. Наиболее часто члены данной группы применяли насилие к гастробайтерам [6, с. 54].

Анализ уровня образования лиц, совершающих преступления по мотивам расовой, национальной, религиозной вражды, свидетельствуют о том, что более 50 % из них являются учащимися и студентами, а остальные же нигде не учились и не работали [7, с. 17]. На основании этих данных можно сделать вывод о том, что совершившие данные преступления имеют преимущественно невысокий уровень образования. Как правило, эти способы не отличаются особой сложностью, они примитивны и нацелены лишь на достижение четкой поставленной цели.

Следует отметить, что зачастую ученые рассматривают интеллектуальные способности личности в качестве важного фактора антисоциального поведения: чем выше интеллект, тем больше он выполняет функцию защитного барьера, уменьшая вероятность криминального развития человека. Лица с высоким уровнем интеллекта, имеющие образование, задумываются о возможных последствиях преступления и уж если совершают деяния рассматриваемого вида, то пытаются максимально скрыть их следы, избирают не такой открытый и дерзкий насильственный способ. Менее образованные лица о возможной ответственности за свои действия практически не задумываются, их интересует, что будет здесь и сейчас, для достижения цели они не останавливаются ни перед чем.

Достаточно большое число лиц, совершающих преступления по рассматриваемым мотивам, – несовершеннолетние, что обусловлено их недостаточным

жизненным опытом, повышенной внушаемостью, впечатлительностью и восприимчивостью. Они активно вовлекаются в деятельность указанных групп.

Также среди лиц, совершающих рассматриваемые деяния, достаточно большое число судимых (при этом за насильственные преступления ранее привлекался к ответственности практически каждый пятый из них).

Исследования свидетельствуют о том, что наиболее часто преступления данного вида совершаются небольшими группами, до четырех человек, в одиночку совершается всего около 18 % таких преступлений [8, с. 15].

Типичными свойствами личности преступников в рассматриваемых нами случаях являются нетерпимость, агрессия, жестокость, желание продемонстрировать свое превосходство над лицами иной национальности, имеющими иные политические, религиозные воззрения. Нередко их не только отличают от других убеждения и жизненные позиции, но и стремление внешне выделиться из серой массы. Так, к примеру, члены многочисленной неформальной группировки «Скинхеды» отличаются собственной субкультурой, в основе которой лежит ненависть, вражда к лицам другой расы и национальности. Члены данной группы соблюдают определенные правила относительно внешности: они бреют наголо голову, показывая таким образом «правильную» форму черепа, демонстрирующую их превосходство над другими, носят камуфлированную одежду, короткие куртки, тяжелые ботинки на толстой подошве. При этом те же ботинки выступают не только атрибутом, но и оружием, поскольку в них вкладываются тяжелые металлические пластины, от чего удары ногами могут быть смертельными для потерпевших. Членам данной группы характерны и определенные личностные свойства: они агрессивны, жестоки, всегда готовы применить насилие к жертве, активно употребляют в своей речи слова, заимствованные из немецкого языка. Лица, состоящие в этой группировке, по всей стране замечены в совершении множества насильственных преступлений и несут серьезную угрозу для людей других национальностей.

Не вызывает сомнений тот факт, что сведения о личности преступника обладают важнейшим криминалистическим значением, поскольку позволяют определять круг лиц, которые могли совершить конкретное расследуемое преступление, их мотивы, а также выявлять связи между преступниками и жертвами.

Данные о личности преступника в рассматриваемом виде преступлений достаточно тесно связаны с личностью потерпевшего: они, безусловно, всегда существенно отличаются друг от друга расой, национальностью, религиозными или иными убеждениями. Полагаем, что общекриминалистическая типология потерпевших применительно к анализируемым нами деяниям представлена двумя группами:

– потерпевшие, поводом совершения преступления в отношении которых выступило их положитель-

ное поведение (здесь, как правило, насилию подвергаются лица, которые пытаются вести активную борьбу с фашистскими и иными экстремистскими организациями);

– потерпевшие с нейтральным поведением, не создающим каких-либо условий, способствующих совершению преступления (это наиболее многочисленные жертвы рассматриваемых преступлений, лица другой национальности или вероисповедания, которые просто оказываются на пути преступников, нетерпимых к лицам иных убеждений, расы и т. п.).

Можно отметить, что специфическими чертами преступлений рассматриваемой группы выступает тот факт, что какой-либо существенной роли психологическим и физиологическим качествам потерпевшего не отводится, здесь значение имеет только либо национальность, либо религиозные убеждения.

Если говорить о возрасте жертв, то исследования свидетельствуют, что анализируемые деяния могут совершаться в отношении лиц любого возраста, как детей и подростков, так и лиц среднего и более старшего возраста (наиболее часто в отношении лиц в возрасте от 21 до 28 лет). Достаточно часто потерпевшими являются студенты других рас и национальностей, а также лица, прибывшие в Россию на заработки.

Если говорить о половой принадлежности, то наиболее часто жертвами преступных деяний данного вида выступают мужчины.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что особое значение для криминалистической характеристики преступлений, совершаемых по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды, имеют способ совершения преступления, данные о личности преступника и жертвы. Способ совершения таких деяний характеризуется насильственными действиями, использованием различного вида орудий, агрессией и жестокостью, что находит свое проявление в механизме следообразования – локализации телесных повреждений на теле потерпевшего в области жизненно важных органов, оставлении на месте происшествия рисунков, надписей и предметов с соответствующей символикой. Установление способа совершения преступления позволяет составить полное представление о деянии, сделать вывод о его отнесении именно к противоправным действиям по мотивам национальной, религиозной и иной вражды или ненависти, определить направление поиска следов преступления, лиц, возможно причастных к его совершению.

Что касается типичных свойств личности преступника, то таковыми выступают нетерпимость, агрессия и жестокость. Как правило, преступления совершаются малочисленными группами лиц молодого возраста, нередко несовершеннолетними, в основном мужского пола. С личностью преступника и его мотивами тесно связана и личность жертвы. В данном случае, потерпевшими от преступлений выступают лица иной национальности, воззрений, убеждений, отлич-

ных от преступника. Как правило, потерпевшими от таких деяний выступают лица мужского пола.

Установление всех перечисленных элементов криминалистической характеристики преступлений против жизни и здоровья, совершаемых по мотивам политической, идеологической, религиозной, расовой ненависти или вражды, крайне важно для их успешного раскрытия и расследования, в связи с чем, следователи и дознаватели обязаны обладать соответствующими знаниями.

Библиографический список

1. Виноградова О. П. Криминалистическое значение установления мотива при расследовании преступлений, совершенных на почве религиозной ненависти или вражды // В сборнике: Криминалистика – наука без границ: традиции и новации: материалы ежегодной Всероссийской науч.-практ. конференции / сост. О. С. Лейнова. 2019.

2. Минекаева А. Ф. Религиозная ненависть или вражда как мотив совершения преступления: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005.

3. Кунашев А. А. Мотивы ненависти или вражды в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.

4. Тростянецкая В. В. Уголовно-правовое значение мотива при квалификации преступлений, предусмотренных ст. 282 Уголовного кодекса Российской Федерации // Общество и право. 2023. № 2.

5. Соловьева С. В. Проблемы определения мотива политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы в статьях Особенной части УК РФ // Научный журнал КубГАУ. 2012. № 82 (08).

6. Виноградова О. П. Информационное значение экспертиз при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 282 Уголовного кодекса Российской Федерации // В сборнике: Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики: сборник научных трудов участников Международной науч.-практ. конференции. 2018.

7. Назаркулова Ч. Н. Использование специальных знаний при расследовании преступлений, совершенных по мотиву национальной, расовой, религиозной или межрегиональной ненависти или вражды: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2017.

8. Шнайдер Л. Г. Преступления по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды либо кровной мести в уголовном праве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

Russian scientific and practical conference /comp. O. S. Leinova. 2019.

2. Minekaeva A. F. Religious hatred or enmity as a motive for committing a crime: criminal law and criminological aspects: abstract. dis. ... cand. jurid. sciences. Kazan, 2005.

3. Kunashev A. A. Motives of hatred or enmity in Russian criminal law: abstract. dis. ... cand. jurid. M., 2012.

4. Trostyanetskaya V. V. The criminal legal significance of motive in the qualification of crimes provided for in Art. 282 of the Criminal Code of the Russian Federation // Society and Law. 2023. № 2.

5. Solovyova S. V. Problems of determining the motive of political, ideological, racial, national or religious hatred or enmity or hatred or enmity against any social group in articles of the Special part of the Criminal Code of the Russian Federation // KubGAU Scientific Journal. 2012. № 82 (08).

6. Vinogradova O. P. The informational significance of expert examinations in the investigation of crimes provided for in Art. 282 of the Criminal Code of the Russian Federation // In the collection: Criminalistics: current issues of theory and practice. Collection of scientific papers of the participants of the International scientific and practical Conference. 2018.

7. Nazarkulova Ch. N. The use of special knowledge in the investigation of crimes committed motivated by national, racial, religious or interregional hatred or enmity: abstract. dis. ... cand. jurid. sciences. SPb., 2017.

8. Schneider L. G. Crimes motivated by national, racial, religious hatred or enmity or blood feud in the criminal law of the Russian Federation: abstract ... cand. jurid. sciences. M., 2006.

Информация об авторе

Виноградова Ольга Павловна – кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

Vinogradova Olga P. – Candidate of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 25.04.2024; одобрена после рецензирования 10.07.2024; принята к публикации 18.09.2024

The article was submitted 25.04.2024; approved after reviewing 10.07.2024; accepted for publication 18.09.2024

References

1. Vinogradova O. P. The criminalistic significance of establishing a motive in the investigation of crimes committed on the basis of religious hatred or enmity // In the collection: Criminology – science without borders: traditions and innovations. materials of the annual All-

Система признаков фальсификации доказательственной информации на электронных носителях

Гирьятович Даниил Викторович

Академия управления МВД России, Москва, Россия, dv.gir@ya.ru

Аннотация. В результате анализа представленных в криминалистике подходов к группировке признаков фальсификации доказательственной информации на электронных носителях автором ставится проблема, выраженная в отсутствии системы таких признаков. С учетом расширения видов цифровой информации, подвергаемой фальсификации, предлагается система взаимосвязанных элементов, включающих общие и частные признаки фальсификации доказательственной информации на электронных носителях.

Ключевые слова: система признаков, фальсификация, доказательственная информация, противодействие расследованию преступлений, цифровая трансформация преступности

Для цитирования: Гирьятович Д. В. Система признаков фальсификации доказательственной информации на электронных носителях // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 3. С. 111–116.

Original article

System of signs of falsification of evidence information on electronic media

Giryatovich Daniil V.

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, dv.gir@ya.ru

Abstract. As a result of the analysis of the approaches presented in criminology to the classification of signs of falsification of evidentiary information on electronic media, the author poses a problem expressed in the absence of their system. Taking into account the expansion of the types of digital information subject to falsification, a system of interrelated elements is proposed, including general and particular signs of falsification of evidentiary information on electronic media.

Keywords: the system of signs, falsification, evidentiary information, countering the investigation of crimes, digital transformation of crime

For citation: Giryatovich D. V. System of signs of falsification of evidence information on electronic media// Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 3. Pp. 111–116.

В условиях цифровой трансформации преступности наблюдаются принципиальные изменения как в механизме совершения преступлений, возникших в доцифровую эпоху, так и в процессе возникновения новых видов преступлений, непосредственно связанных с развитием информационно-телекоммуникационных технологий и использованием технических средств сбора, обработки, хранения компьютерной информации и ее передачи по линиям связи [1, с. 6].

Так, по данным ГИАЦ МВД России в январе – июле 2024 г. зарегистрировано 434,7 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что на 17,1 % больше, чем за аналогичный период прошлого года. В общем числе зарегистрированных преступлений их удель-

ный вес увеличился с 32,6 % в январе – июле 2023 г. до 38,9 %. Из них раскрыто лишь 26,7 % [2]. При этом низкая раскрываемость связана с противодействием расследованию преступлений, включая фальсификацию доказательственной информации на электронных носителях, сокрытие следов за счет применения средств анонимизации и других приемов, описанных в науке [3].

Особую актуальность в этой связи приобретают вопросы дальнейшего развития учения о противодействии расследованию преступлений и мерах по его преодолению, основы которого заложили известные ученые, в числе которых Э. А. Бабаева [4], Р. С. Белкин [5], Ю. В. Гаврилин [2], А. Ю. Головин [6], В. Н.

Карагодин [7], В. П. Лавров [8], С. Ю. Журавлев [9] и др.

В контексте современного состояния вышеназванного учения к дискуссионным вопросам относятся определение понятия «фальсификация доказательственной информации», его соотношение с другими формами противодействия расследованию преступлений, а также система способов.

Сказанное приобретает особую актуальность применительно к доказательственной информации на электронных носителях. Приходится констатировать, что в криминалистической науке признаки фальсификации такой информации не нашли своего глубокого осмысления. Проведенный ниже анализ подтверждает изученность таких признаков только относительно некоторых видов цифровой информации.

Таким образом, научная проблема, на наш взгляд, состоит в недостаточной теоретической проработке вопросов, связанных с признаками фальсификации доказательственной информации на электронных носителях, обусловленной прежде всего отсутствием системы, а также появлением новых способов такой фальсификации [10] (например, искажение содержимого электронного документа (изменение текста или метаданных в электронных документах), искажение таких EXIF-данных, как модель камеры, дата или время съемки, подмена IP-адреса, MAC-адреса и т. д.).

Вместе с тем отметим, что ряд ученых-криминалистов, среди которых В. Ю. Владимиров [11], С. Н. Волочай [12], Е. И. Галяшина [13], С. В. Дворянкин [14], В. Б. Батоев [15], В. В. Достов [16], предпринимали попытки решения вопроса, связанного с группировкой признаков рассматриваемой нами фальсификации по различным основаниям. В совокупности с изученными материалами ЭКЦ МВД России выводы авторов с определенной долей условности можно дифференцировать по нескольким подходам:

1. Группировка признаков фальсификации доказательственной информации на электронных носителях по форме и содержанию. Например, С. Н. Волочай среди признаков фальсификации видеозаписи, относящихся к содержанию, указывает искажение таких элементов видеоизображения, как объекты, участки местности, звуковая дорожка, освещение и др. [12, с. 103], Профессор В. Иванов к ним относит «перескоки» изображений, резкие сдвиги отдельных элементов, различия в характере освещения объектов и др. [17, с. 66].

К признакам фальсификации формы видеозаписи С. Н. Волочай, например, относит искажение масштаба и угловых величин изображения [2, с. 129]; Г. А. Аптикова, А. В. Никифоров и Т. В. Гавриленко – изменение общего размера исходного файла, обусловленное изменением типа палитры и количества байт изображения, отводимых под один цвет [18, с. 71]; Е. И. Галяшина – искажение свойств аудиофайла, включающих его наименование, расширение, формат записи, контрольную сумму (хэш), дату и время создания, размер, длительность звучания, частоту дискретизации, разрядность, тип и степень сжатия (если оно применялось), характеристики звукозаписывающего

устройства, индивидуальные свойства (номер) носителя записи и т. д. [19, с. 23].

2. Группировка признаков относительно нарушения подлинности и аутентичности. Например, С. В. Дворянкин к ним относит искусственное уменьшение и (или) ухудшение качества значимой звуковой информации как следствие стирания, выборочной записи, нарушения непрерывности и др.; преднамеренный рост количества значимой информации путем монтажа (вставка или продолжение фрагментов), микширования с другими звуковыми и речевыми сигналами; снижение речевой разборчивости, понятности и узнаваемости за счет изменений акустических характеристик фиксируемого сигнала, применения внешних помех и др.; искажение звука, речи, голоса путем регулировки уровня записи и (или) использования специальных технических средств; преднамеренную замену и (или) подстановку (полную либо частичную) речевой информации посредством применения компьютерного синтеза, инсценировки, техники монтажа и др. [14, с. 36]. Е. И. Галяшина среди таких признаков видит отсутствие ситуационно и коммуникативно обусловленного логического начала и (или) конца разговора (начало с полуслова, полуфразы, обрыв конечной реплики на полуслове, полуфразе и т. п.); отсутствие логической связности элементов композиции диалогического текста; наличие в речевом потоке фрагментов слов, не являющихся ситуативно обусловленными сбойми фонации, следствием индивидуальной манеры речи или речевой патологии; наличие элементов устного дискурса, не обусловленных коммуникативной ситуацией, текстовой композицией и логической структурой высказывания; наличие интонационно-просодического диссонанса и др. [13, с. 40].

3. Дифференциация признаков в зависимости от разрешаемых на их основе задач на идентификационные и диагностические. В. Б. Батоев, например, к диагностическим признакам фальсификации видеоизображений относит выраженные контрастные различия или неестественные границы смежных областей изображения; несоответствие шумовых шаблонов смежных областей изображения; наличие похожих участков на изображении; наличие характерных для работы нейронных сетей частот в спектре изображения; сжатие видеоизображений с применением алгоритма JPEG в два раза и более; наличие области изображения, сжатого в формате JPEG, мера отклонения матрицы квантования которого отличается от остальной области изображения (покадрово для видеоизображения); наличие аномалий в видеопоследовательности; резкие перепады освещенности или контрастности; различные направления (отсутствие) теней от одного источника освещения; несоответствие метаданных EXIF предполагаемым условиям съемки и др. [20, с. 77].

К идентификационным признакам можно отнести наличие в структуре медиаконтейнера необязательных и (или) не предусмотренных спецификацией элементов; наличие несоответствий, отклонений или

особенностей в структурах медиаконтейнера, видеопотока, заголовков и служебных данных (например, несоответствие суммарного размера элементов структуры фактическому объему файла; несоответствие значений одних и тех же параметров, заявленных в разных заголовках; несоответствие заявленных и фактических параметров видеопотока; информационные метки и др.) [21].

Анализируя поставленную проблему сквозь призму вышеназванных подходов, отметим:

во-первых, большинство мнений авторов объединяет то, что предлагаемая ими совокупность признаков строится в зависимости от того или иного способа фальсификации доказательственной информации на электронных носителях;

во-вторых, представленные признаки относятся преимущественно к медиафайлам, включающим в себя видеозапись, фотоизображение или аудиозапись. Данное обстоятельство, по нашему мнению, не в полной мере охватывает в целом явление фальсификации доказательственной информации на электронных носителях, поскольку постоянное совершенствование техники и компьютеризация различных сфер жизни человека порождают расширение видов цифровой информации, подвергаемой фальсификации.

В результате изучения материалов судебно-следственной практики установлено, что фальсификация была направлена на следующие наиболее типичные виды доказательственной информации, содержащейся на электронных носителях [22, с. 481]:

- 1) IP-адрес (31,7 %);
- 2) видеоизображение (18,3 %);
- 3) фотоизображение (13,3 %);
- 4) текстовый файл (11,7 %);
- 5) база данных (8,3 %);
- 6) электронное сообщение (5 %);
- 7) аудиозапись (3,3 %);
- 8) MAC-адрес (3,3 %);
- 9) доменное имя (1,7 %);

10) метаданные цифровой информации, например, дата и время создания или редактирования файла, авторство, сведения о географических координатах и т. д. (1,7 %).

Опираясь на приведенные выше положения, мы полагаем, что признаки фальсификации доказательственной информации на электронных носителях могут быть дополнены и объединены в систему, которая должна строиться с учетом особенностей того или иного вида цифровой информации и включать указанные ниже взаимосвязанные элементы, позволяющие решать как диагностические, так и идентификационные задачи, возникающие в процессе выявления фальсификации доказательственной информации, содержащейся на электронных носителях, как способа противодействия расследованию преступлений:

1. Общие признаки, характерные для всех видов цифровой информации, включающие в себя:

1.1. Признаки фальсификации, связанные с формой:

а) несоответствие формата файла какому-либо установленному образцу;

б) неправильная структура записи (например, log-файла);

в) несоответствующие или отсутствующие служебные данные файла.

1.2. Признаки, характеризующие фальсификацию, связанную с самим содержанием файла:

а) противоречия между информацией, содержащейся в различных частях одного и того же файла;

б) противоречия между разными файлами;

в) противоречия между файлами и информацией, полученной из иных источников.

1.3. Признаки наличия следов использования того или иного программного или аппаратного средства, предназначенного для модификации цифровой информации (например, использование программы VegasPro с содержащейся в ней историей редактирования видеофайлов).

2. Частные признаки, дифференцированные в зависимости от конкретных видов цифровой информации, имеющей доказательственное значение, отражающие способы ее фальсификации:

2.1. Признаки фальсификации медиафайлов (видеоизображения, фотоизображения и аудиозаписи): отсутствие плавности и естественности движения или изменения положения объектов, зафиксированных на видеоизображениях; необоснованные различия объектов, предметов или отдельных участков видеоизображения по степени яркости, контрастности, цветовой насыщенности, резкости, уровню шума или артефактов видеокомпрессии (степени сжатия); неправильная перспектива; нереалистичные текстуры или детали; несоответствие эффектов, голоса или времени записи объективным обстоятельствам; искажение метаданных (например, авторство файла, дата и время его создания) и др.

2.2. Признаки фальсификации электронных документов (текстовые файлы, электронные таблицы, базы данных и др.): несоответствие содержащейся информации иным источникам; отсутствие цифровой подписи; измененные метаданные; несоответствие формата какому-либо установленному образцу; отсутствие оригинальной истории изменений; несоответствие шаблонов и стилей текста заданному образцу и др.

2.3. Признаки фальсификации электронной подписи: несоответствие формата подписи; несоответствие алгоритма подписи; несоответствие ключа подписи; несоответствие времени создания подписи и др.

2.4. Признаки фальсификации лог-файлов (электронный журнал, в котором последовательно зафиксированы все действия программ и пользователей в системе, на сайте и сервере): несоответствие временных меток действительным событиям; противоречие в данных; наличие пропусков в структуре записи и др.

2.5. Признаки фальсификации служебных данных, к которым относится техническая сопутствующая информация о признаках файла, например, дата и время создания, автор, размер, тип используемого про-

граммного обеспечения и его версия, марка и модель фотокамеры, метки геолокации и др. (метаданные, EXIF и т. д.): измененные даты и временные метки; противоречие в географических данных; измененные данные об устройстве; противоречивая информация о происхождении файла и др.

2.6. Признаки фальсификации сетевых данных:

а) признаки фальсификации электронных сообщений: наличие неверного или измененного адреса электронной почты отправителя; несоответствие содержания (например, противоречие каким-либо фактическим данным); несоответствие IP-адреса отправителя действительному (например, установлено, что электронное письмо было отправлено с подменного IP-адреса, расположенного за пределами Российской Федерации); несоответствие данных о письме логам сервера; противоречивые метаданные письма (например, о времени отправления) и др.;

б) признаки фальсификации содержимого интернет-страницы: несоответствие дизайна и пользовательского интерфейса представленной страницы и истинной; наличие неверного доменного имени; наличие информации, которая не соответствует действительности и др.;

в) признаки фальсификации IP-адреса: несоответствие географического местоположения; несоответствие провайдера; факт изменения IP-адреса во время сессии; использование анонимайзеров и др.;

г) признаки фальсификации MAC-адреса: несоответствие MAC-адреса типу устройства; несоответствие MAC-адреса производителю; несоответствие MAC-адреса модели устройства и др.

Стоит признать, что предложенная система признаков не является исчерпывающей, и ее элементы могут дополняться в зависимости от дальнейшего развития информационно-телекоммуникационных технологий и практики противодействия преступлениям в указанной сфере.

Говоря об обосновании системности предложенных признаков фальсификации доказательственной информации на электронных носителях, необходимо рассмотреть ее признаки. Обобщив проанализированные источники [8; 23; 24; 25], отметим, что в науке выделяются следующие признаки системы:

а) структурность и упорядоченность, определившие в нашем исследовании взаиморасположение общих и частных признаков фальсификации доказательственной информации на электронных носителях и элементов, входящих в их объем;

б) иерархичность, выраженная в том, что предложенные нами общие признаки и элементы находятся на более высоком уровне обобщения и включают в себя более конкретные частные признаки, дифференцированные в зависимости от вида информации;

в) взаимосвязь элементов, проявляющуюся: во-первых, в зависимости общих признаков фальсификации доказательственной информации на электронных носителях от частных, за счет чего происходит само обобщение; во-вторых, взаимосвязи обнаруживаются внутри подсистем (например, в рамках общих

признаков фальсификации такие элементы, как содержание (п. 1.1) и форма (п. 1.2), неразрывно связаны с наличием следов использования программных средств (п. 1.3), поскольку только через них можно исказить, подделать или подменить доказательственную информацию на том или ином электронном носителе. Помимо этого, взаимосвязь и взаимовлияние присутствуют между элементами частных признаков, например, поскольку признаки фальсификации медиафайлов (п. 2.1) и электронных документов (п. 2.2) включают в себя искажение метаданных, то они неизбежно зависят от признаков фальсификации самих метаданных, указанных в п. 2.5, при этом изменение одних влечет изменение других). В-третьих, взаимосвязи присутствуют и между отдельными элементами обеих подсистем (например, те же признаки фальсификации медиафайлов связаны с общим признаком использования определенного программного обеспечения и т. д.);

г) целостность и единство, заключающиеся в том, что в результате единства элементов системы признаков фальсификации доказательственной информации на электронных носителях можно сделать достоверный вывод о совершении такой фальсификации, в то время как, например, одни только общие признаки позволяют сделать лишь вероятностный вывод;

д) множественность описания предполагает расшифровку системы различными областями научных знаний (мы полагаем, что данная система может рассматриваться такими науками, как криминалистика, информатика и др.).

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что предложенная система признаков фальсификации доказательственной информации на электронных носителях основывается на имеющихся научных достижениях и примерах правоприменительной практики, включает в себя взаимосвязанные и взаимозависимые элементы, которые в своем единстве позволяют сделать вывод о факте фальсификации доказательственной информации, содержащейся на электронных носителях.

Подчеркивая значимость системы признаков фальсификации доказательственной информации на электронных носителях, отметим, что их установление является необходимым условием для построения версий о произошедшем событии, для возможного установления лица, совершившего преступление, а также для преодоления самого противодействия расследованию преступлений.

Библиографический список

1. Гаврилин Ю. В. О научных подходах к проблеме использования информационно-телекоммуникационных технологий в преступных целях: науч.-практ. пособие. М.: Академия управления МВД России, 2021. 72 с.
2. <https://мвд.рф/reports/item/54040412/>.
3. Гаврилин Ю. В. Развитие криминалистического учения о противодействии расследованию и мерах по его преодолению в условиях цифровой трансформации / под ред. Ю. В. Гаврилина, Ю. В. Шпагиной //

Развитие учения о противодействии расследованию преступлений и мерах по его преодолению в условиях цифровой трансформации: сборник научных статей по материалам Международ. науч.-практ. конференции. М.: Академия управления МВД Российской Федерации, 2021.

4. Бабаева Э. У. Основы криминалистической теории преодоления противодействия уголовному преследованию: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М.: Московская государственная юридическая академия, 2006. 44 с.

5. Белкин Р.С. Противодействие расследованию и пути его преодоления криминалистическими и оперативно-розыскными средствами и методами / под ред. Т. В. Аверьяновой, Р.С. Белкина // Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции органов предварительного расследования. М.: Академия управления МВД России, 1997.

6. Головин А. Ю., Бибиков А. А. Криминалистические средства и методы преодоления противодействия расследованию дорожно-транспортных преступлений: монография. М.: Российский новый ун-т, 2010. 164 с.

7. Карагодин В. Н. Основы криминалистического учения о преодолении противодействия предварительному расследованию: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1992. 388 с.

8. Лавров В. П. Противодействие расследованию преступлений (сущность; генезис теории; криминалистические методы выявления и нейтрализации) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2006. № 59. С. 156–164.

9. Журавлев С. Ю. Противодействие деятельности по раскрытию и расследованию преступлений и тактика его преодоления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород: Нижегородская высшая школа, 1992. 18 с.

10. Гирьятович Д. В. Классификация способов фальсификации доказательственной информации в условиях цифровой трансформации преступности // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2023. № 4 (28). С. 76–82. DOI 10.55001/2587-9820.2023.37.82.008.

11. Владимиров В. Ю. Ермолова Е. И., Данилов И. А. Внутрикадровый монтаж фото- и видеоизображений с применением искусственного интеллекта как способ фальсификации доказательств / под ред. Ю. В. Гаврилина, Ю. В. Шпагиной // Развитие учения о противодействии расследованию преступлений и мерах по его преодолению в условиях цифровой трансформации: сборник научных статей по материалам Международ. науч.-практ. конференции. М.: Академия управления МВД Российской Федерации, 2021. 129 с.

12. Волочай С. Н. Фальсификация материалов видеозаписи как объект криминалистического исследования: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003. 226 с.

13. Галяшина Е. И. Лингвистические методы выявления признаков монтажа и артефактов на фонограммах звучащей речи // Диалог-2003: Труды международной конференции. Протвино: Академический

научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр Российской академии наук «Издательство "Наука"», 2003.

14. Дворянkin С. В., Коннова И. Г. К вопросу об аутентичности речевого события, связанного с имитацией голоса / под ред. В. В. Арутюнова // Информационная безопасность: вчера, сегодня, завтра: сборник статей по материалам IV Международ. науч.-практ. конференции. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2021.

15. Батоев В. Б. Об использовании технологии «deepfake» в оперативно-розыскной деятельности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 1 (61).

16. Достов В. В. Современные угрозы незаконного применения систем искусственного интеллекта // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2022. № 2 (19). С. 44–49.

17. Иванов В., Звездинский С. Проблемы фальсификации фото- и видеоматериалов на современном этапе развития цифровизации // Технология защиты. 2021. № 1. С. 66–71.

18. Аптюкова Г. А., Никифоров А. В., Гавриленко Т. В. Проблема идентификации фальсификации цифрового изображения // ВК. 2018. № 1 (29). URL: <https://cyberleninka.ru>.

19. Галяшина Е. И. Судебная фоноскопическая экспертиза: проблемы диагностики аутентичности фонограмм // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2014. № 3.

20. Батоев В. Б., Юмжапов Р. С. Использование технологий искусственного интеллекта в выявлении видеодипфейков // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2023. № 3 (61). С. 76–81.

21. Кулаковский Ю. А., Вашко П. И., Самохвалов А. В., Охотников А. А. Криминалистическое исследование цифровых видеозаписей: Типовая экспертная методика. М.: ЭКЦ МВД России, 2017. 101 с.

22. Гирьятович Д. В. Понятие фальсификации доказательственной информации как способа противодействия расследованию преступлений // BaikalResearchJournal. 2024 Т. 15. № 2. С. 477–487. DOI 10.17150/2411-6262.2024.15(2).477-487.

23. Блауберг И. В. Проблема целостности и системный подход. М., 1997. С. 249–258.

24. Волкова В. Н., Денисов А. А. Теория систем и системный анализ. М., 2014. С. 43–46.

25. Месарович М., Такахара Я. Общая теория систем: математические основы / пер. с англ. Э. Л. Наппельбаума; под ред. С. В. Емельяновой. М., 1978. С. 9–11.

References

1. Gavrillin Yu. V. On scientific approaches to the problem of using information and telecommunication technologies for criminal purposes: scientific and practical manual. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. 72 p.

2. <https://мвд.рф/reports/item/54040412/>.

3. Gavrilin Yu. V. Development of the forensic doctrine of counteracting the investigation and measures to overcome it in the context of digital transformation / edited by Yu. V. Gavrilin, Yu. V. Shpagina // Development of the doctrine of counteracting the investigation of crimes and measures to overcome it in the context of digital transformation: a collection of scientific articles based on the materials of the International. scientific and practical conference. M.: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2021.
4. Babaeva E. U. Fundamentals of the forensic theory of overcoming resistance to criminal prosecution: author's abstract. dis. ... Doctor of Law. M.: Moscow State Law Academy, 2006. 44 p.
5. Belkin R. S. Counteraction to investigation and ways to overcome it using forensic and operational-search means and methods / edited by T. V. Averianova, R. S. Belkin // Forensic support for the activities of the criminal police of the preliminary investigation bodies. M.: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1997.
6. Golovin A. Yu., Bibikov A. A. Forensic means and methods for overcoming resistance to the investigation of road traffic crimes: monograph. M.: Russian New University, 2010. 164 p.
7. Karagodin V. N. Fundamentals of the forensic doctrine on overcoming counteraction to preliminary investigation: dis. ... Doctor of Law. Ekaterinburg, 1992. 388 p.
8. Lavrov V. P. Counteraction to the investigation of crimes (essence; genesis of the theory; forensic methods of detection and neutralization) // Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences. 2006. No. 59. P. 156-164.
9. Zhuravlev S. Yu. Counteraction to activities on disclosure and investigation of crimes and tactics of its overcoming: author's abstract. dis. ... Cand. Law. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Higher School, 1992. 18 p.
10. Giryatovich D. V. Classification of Methods of Falsifying Evidentiary Information in the Context of Digital Transformation of Crime // Forensic Science: Yesterday, Today, Tomorrow. 2023. No. 4 (28). Pp. 76–82. DOI 10.55001/2587-9820.2023.37.82.008.
11. Vladimirov V. Yu. Ermolova E. I., Danilov I. A. Intra-frame montage of photo and video images using artificial intelligence as a method of falsifying evidence / edited by Yu. V. Gavrilin, Yu. V. Shpagina // Development of the Doctrine of Counteracting the Investigation of Crimes and Measures to Overcome It in the Context of Digital Transformation: Collection of Scientific Articles Based on the Materials of the International. Scientific and Practical. Conference. M.: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2021. 129 p.
12. Volochay S. N. Falsification of video recording materials as an object of forensic examination: dis. ... Cand. of Law. Volgograd, 2003. 226 p.
13. Galyashina E. I. Linguistic methods for identifying signs of editing and artifacts on phonograms of spoken speech // Dialogue-2003: Proceedings of the international conference. Protvino: Academic scientific publishing, production, printing and book distribution center of the Russian Academy of Sciences «Nauka Publishing House», 2003. P. 34.
14. Dvoryankin S. V., Konnova I. G. On the issue of the authenticity of a speech event associated with voice imitation / ed. V. V. Arutyunova // Information security: yesterday, today, tomorrow: a collection of articles based on the materials of the IV International. scientific and practical conference. Moscow: Russian State Humanitarian University, 2021.
15. Batoev V.B. On the use of «deepfake» technology in operational-search activities // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 1 (61).
16. Dostov V.V. Modern threats of illegal use of artificial intelligence systems // Bulletin of the Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 2 (19). P. 44–49.
17. Ivanov V., Zvezhinsky S., Problems of falsification of photo and video materials at the current stage of digitalization development // Protection technology. 2021. No. 1. P. 66–71.
18. Aptukova G. A., Nikiforov A. V., Gavrilenko T. V. The Problem of Identifying Digital Image Falsification // VK. 2018. No. 1 (29). URL: <https://cyberleninka.ru>.
19. Galyashina E. I. Forensic Phonoscopic Examination: Problems of Diagnosing the Authenticity of Phonograms // Bulletin of the O. E. Kutafin University. 2014. No. 3.
20. Batoev V. B., Yumojapov R. S. Use of Artificial Intelligence Technologies in Detecting Video Deepfakes // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 3 (61). P. 76–81.
21. Kulakovskiy Yu. A., Vashko P. I., Samokhvalov A. V., Okhotnikov A. A. Forensic examination of digital videograms: Standard expert methodology. Moscow: Forensic Science Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017. 101 p.
22. Giryatovich D. V. The concept of falsification of evidentiary information as a way to counteract the investigation of crimes // BaikalResearchJournal. 2024 Vol. 15. No. 2. Pp. 477–487. DOI 10.17150/2411-6262.2024.15(2).477-487.
23. Blauberg I. V. The problem of integrity and a systems approach. Moscow, 1997. Pp. 249–258.
24. Volkova V. N., Denisov A. A. Systems theory and systems analysis. Moscow, 2014. Pp. 43–46.
25. Mesarovich M., Takahara Ya. General systems theory: mathematical foundations / trans. from English. E. L. Nappelbaum; edited by S. V. Emelyanova. Moscow, 1978. Pp. 9–11.

Статья поступила в редакцию 27.08.2024; одобрена после рецензирования 03.09.2024; принята к публикации 18.09.2024

The article was submitted 27.08.2024; approved after reviewing 03.09.2024; accepted for publication 18.09.2024

Юридический анализ признаков объективной стороны недоброкачественного ремонта транспортных средств и выпуска их в эксплуатацию с техническими неисправностями

Ефарова Марина Николаевна

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, solovyova11557@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-8521-5291>

Аннотация. В статье на основе анализа нормативных правовых актов и материалов правоприменительной практики рассмотрены особенности деяния, образующего объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 266 УК РФ. Приведены критерии, позволяющие разграничивать недоброкачественный ремонт транспортных средств и выпуск их в эксплуатацию с техническими неисправностями от деяний, характеризующихся неправильным использованием источника повышенной опасности (ст. 238 и 264 УК РФ).

Ключевые слова: недоброкачественный ремонт, выпуск в эксплуатацию, транспортное средство, правила дорожного движения

Для цитирования: Ефарова М. Н. Юридический анализ признаков объективной стороны недоброкачественного ремонта транспортных средств и выпуска их в эксплуатацию с техническими неисправностями // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 3. С. 117–122.

Original article

Legal analysis of the signs of the objective side of poor-quality repair of vehicles and their release into operation with technical faults

Efarova Marina N.

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia,
solovyova11557@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8521-5291>

Abstract. The article, based on the analysis of regulatory legal acts and materials of law enforcement practice, examines the features of the act that forms the objective side of the crime provided for in article 266 of the Criminal Code of the Russian Federation. The criteria are provided that allow differentiating between poor-quality repair of vehicles and their release into operation with technical faults from acts characterized by improper use of a source of increased danger (articles 238 and 264 of the Criminal Code of the Russian Federation).

Keywords: poor-quality repair, release into operation, vehicle, traffic rules

For citation: Efarova M. N. Legal analysis of the signs of the objective side of poor-quality repair of vehicles and their release into operation with technical faults // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 3. Pp. 117–122.

Вопрос обеспечения безаварийного функционирования транспорта последние десятилетия является одним из приоритетных направлений демографической политики государства. Показатель смертности населения от происшествий с участием транспортных средств не претерпевает значительных изменений. Уже по состоянию на август 2024 года в России зарегистрировано 8967 погибших и 104 031 раненых

в дорожно-транспортных происшествиях (за аналогичный период 2023 года погибло 8867 человек, ранено 106 894)¹.

¹ Сведения о показателях состояния безопасности дорожного движения. URL: <http://stat.gibdd.ru> (дата обращения: 12.09.2024).

Немаловажную роль для безопасности движения и эксплуатации транспорта представляет его техническая исправность, обеспечиваемая соблюдением требований к осуществлению ремонта транспортных средств или транспортного оборудования и к выпуску его в эксплуатацию в технически исправном состоянии. Нарушение соответствующих предписаний создает угрозу жизни и здоровью людей или наступление имущественного ущерба.

Одной из причин, дестабилизирующей отношения безопасного пользования транспортом является недоброкачественный ремонт транспортных средств и выпуск их в эксплуатацию с техническими неисправностями, ответственность за которые предусмотрена ст. 266 УК РФ. Существующая взаимосвязь между особенностями деяний, образующих объективную сторону анализируемого состава преступления, и деяний, характеризующихся неправильным использованием источника повышенной опасности, актуализируют проведение их юридического анализа. Разъяснение высшей судебной инстанцией содержания некоторых признаков состава ст. 266 УК РФ в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2008 г. № 25¹ (далее – ППВС № 25) не вносит полной ясности в характеристику исследуемого уголовно-наказуемого поведения, оставляя без внимания достаточное количество вопросов квалификации.

Важно отметить, что уголовно наказуемым по ст. 266 УК РФ является недоброкачественный ремонт не только транспортного средства, но и путей сообщения, средств сигнализации или связи либо иного транспортного оборудования. В то время как ответственность за выпуск в эксплуатацию предусмотрена исключительно в отношении технически неисправных транспортных средств.

Объективная сторона анализируемого состава преступления выражена в двух самостоятельных деяниях:

- 1) недоброкачественный ремонт;
- 2) выпуск в эксплуатацию.

Согласно п. 17 ППВС РФ № 25 под недоброкачественным ремонтом следует понимать:

- 1) неустранение всех неисправностей;
- 2) установку недоброкачественных или нестандартных запасных частей.

Неустранение всех неисправностей представляет собой бездействие (смешанное), которое заключается в том, что в процессе ремонта (технического обслуживания) определенного объекта (например, транспортного средства) лицо вопреки предписаниям, регламентирующим порядок проведения ремонта (технического обслуживания), допускает их нарушение,

что приводит только к частичному восстановлению работоспособности объекта (транспортного средства). При этом не имеет значения, во время какого ремонта (планового или внепланового, восстановительного или профилактического) не устранены все неисправности.

Так, мастер производственного цеха осуществил некачественный ремонт втулок лопасти несущего винта, а именно при проведении дефектоскопического контроля не обнаружил забоину в зоне контроля и трещину рычага поворота лопасти. Указанное повреждение привело к увеличению амплитуды маховых движений лопастей несущего винта, к ударам их по хвостовой балке и, как следствие, к разрушению в воздухе конструкции вертолета Ми-24П и гибели находившихся на нем людей².

Применительно к транспортным средствам нормы, правила и процедуры их технического обслуживания и ремонта устанавливаются заводами-изготовителями. Лица, выполняющие работы и предоставляющие услуги по техническому обслуживанию и ремонту транспортных средств, обязаны обеспечивать их проведение в соответствии с установленными нормами и правилами³.

В соответствии с п. 30 Правил оказания услуг (выполнения работ) по техническому обслуживанию и ремонту автотранспортных средств, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 11 апреля 2001 г. № 290⁴ ответственное лицо при оказании услуг (выполнении работ), выявившее неисправности, угрожающие безопасности движения транспортного средства, должно приостановить оказание услуги (выполнение работ) и уведомить заказчика (потребителя). Если последний не дает согласие на их устранение, то в приемосдаточном акте делается отметка о таких неисправностях.

Представим, что в автосервис обратился гражданин Н. для замены моторного масла. В ходе осмотра двигателя автомехаником обнаружена трещина ремня газораспределительного механизма, разрыв которого приведет к деформации клапанов двигателя и его остановке. Н. был предупрежден о неисправности ремня, но согласие на его замену давать отказался. Через месяц гражданин Н., передвигаясь на своем автомобиле, допустил наезд на движущееся по встречной полосе транспортное средство, поскольку потерял управление и не смог предотвратить столкновение в результате разрыва ремня газораспределительного механизма и остановки работы двигателя.

² Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 26 марта 2015 г. № 06АП-83/2015 по делу № А73-9015/2014. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 04.09.2024).

³ Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения». URL: <https://consultant.ru>.

⁴ Постановление Правительства РФ от 11 апреля 2001 г. № 290 «Об утверждении Правил оказания услуг (выполнения работ) по техническому обслуживанию и ремонту автотранспортных средств». URL: <https://consultant.ru>.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения». URL: <https://consultant.ru>.

Вследствие дорожно-транспортного происшествия Н. получил ушиб головного мозга.

В указанном примере отсутствуют признаки недоброкачественного ремонта транспортного средства. Уголовно-наказуемым бездействием считается только в том случае, когда на лице лежит возможность и обязанность действовать определенным образом. Согласно п. 30 вышеуказанных правил лицо, ответственное за оказание услуг (выполнение работ) (в частности, замену моторного масла), должно лишь предупредить о наличии иных (не охватываемых условиями договора) неисправностей (в нашем случае – трещина ремня газораспределительного механизма). Обязанность же по их устранению не предусмотрена.

Установка недоброкачественных или нестандартных запасных частей подразумевает применение таких запасных частей, которые не отвечают требованиям, предъявляемым заводом-изготовителем к качеству металла или пластика, износостойкости, истекшему времени эксплуатации, либо предусмотрены для использования иных устройств и механизмов (например, вместо оригинальной тормозной колодки установлена подточенная тормозная колодка автомобиля другой марки).

Так, А. осуществляя ремонт ступицы колеса трактора, обнаружил изношенность шпонки и неисправность крышки ступицы в виде смятия зубчатого сектора. Восстановив изношенную шпонку, А. вновь установил ее на ступицу и накрыл неисправной крышкой, допустив тем самым во время ремонта транспортного средства использование недоброкачественной запасной части¹.

Согласно п. 17 ППВС РФ № 25 под выпуском в эксплуатацию технически неисправных транспортных средств следует понимать невыполнение должностных обязанностей лицом, ответственным за техническое состояние транспортного средства, выпущенного в эксплуатацию с техническими неисправностями. Высшая судебная инстанция разъясняет, что к таким лицам могут быть отнесены работники любых организаций, на которых соответствующими документами либо в силу занимаемого ими служебного или должностного положения возложена ответственность за техническое состояние транспортных средств.

Данное разъяснение сути анализируемого деяния представляется не совсем корректным. Если представить последовательность действий по контролю за техническим состоянием транспортного средства перед выпуском в эксплуатацию, то получается, что ответственное лицо должно:

- 1) провести осмотр транспортного средства на предмет наличия или отсутствия неисправностей;
- 2) дать разрешение или запрет на его выпуск.

Виновный привлекается к уголовной ответственности не за факт невыполнения обязанностей по осмотру (или факт выполнения неполного осмотра)

¹ Приговор Кировского районного суда города Уфы Республики Башкортостан от 25 июля 2016 г. по делу № 1-175/2016. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 04.09.2024).

транспортного средства, а за выдачу разрешения на выпуск в эксплуатацию технически неисправного транспортного средства.

Ученые, рассматривающие преступления, предусмотренные ст. 266 УК РФ, отмечают, что под выпуском в эксплуатацию следует понимать разрешение на эксплуатацию технически неисправного транспортного средства или дачу заключения о технической готовности транспортного средства [1, с. 48; 2, с. 26].

Так, В., обязанный предотвратить выпуск подвижного состава с техническими неисправностями, не проверил исправность тормозов автобуса «ПАЗ 32051R» и выпустил его на линию. Соответственно, водитель в течение рабочего дня осуществлял перевозку пассажиров по маршруту на транспортном средстве с неисправной тормозной системой².

Перечень неисправностей, при которых запрещена эксплуатация транспортного средства, утверждается соответствующим нормативным актом³. Например, согласно Основным положениям по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанностям должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения запрещается эксплуатация автомобиля с нарушением герметичности гидравлического тормозного привода.

Верховный Суд РФ в ППВС РФ № 25 также уточняет, что выпуск в эксплуатацию может осуществляться как путем активных действий, так и бездействием. Однако большинство ученых полагают, что это активный, волевой процесс, который выражается в выдаче заключения, согласия [3, с. 11; 4, с. 121].

Анализ приговоров по данной категории дел показал, что во всех случаях лица были привлечены к уголовной ответственности за выпуск в эксплуатацию технически неисправных транспортных средств, совершенных путем активных действий (подписание путевого листа или устное разрешение на осуществление поездки)⁴. Возможно, высшая судебная

² Приговор Железноводского городского суда Ставропольского края от 26 декабря 2012 г. по делу № 1-203/12. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 05.09.2024).

³ Приказ Росстандарта от 18 июля 2017 г. № 708-ст. ГОСТ 33997-2016. Межгосударственный стандарт. Колесные транспортные средства. Требования к безопасности и эксплуатации и методы проверки. URL: <https://consultant.ru>; Постановление Правительства Российской Федерации от 20 мая 2022 г. № 916 «Об утверждении перечня неисправностей и условий, при которых запрещается эксплуатация самоходных машин и других видов техники». URL: <https://consultant.ru>; Постановление Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090 Основные положения по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения. URL: <https://consultant.ru>.

⁴ Приговор Сафоновского районного суда Смоленской области от 15 июля 2014 г. по делу № 1-23/14. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 10.09.2024); Приговор Куединского районного суда Пермского края от 16 мая 2014 г. по делу № 1-24/2014. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 10.09.2024); Приговор Шумерлинского районного суда Чувашской Республики от 25 декабря 2017 г. по

инстанции относит к бездействию те случаи, когда лицо не выполнило обязанности по контролю за технической исправностью транспортного средства (не проводило предрейсовый осмотр транспортного средства либо проводило осмотр не всех частей и механизмов). Думается, что непосредственно выпуск в эксплуатацию технически неисправного транспортного средства (выдача разрешения на выпуск) осуществляется все же посредством активных действий (например, письменно, устно или конклюдентно).

В случае, когда эксплуатация неисправного транспортного средства была запрещена уполномоченным лицом, ответственность должна возлагаться на водителя, управляющего им.

Имеют место случаи, когда лицо осуществляет недоброкачественный ремонт транспортного средства и выпускает его в эксплуатацию с техническими неисправностями.

Так, Б. являясь механиком по ремонту и выпуску подвижного состава, произвел ремонт элементов тормозной системы автобуса «ПАЗ-3205» и, не выполнив в соответствии с нормативными актами ее проверку, подписал путевой лист. Результаты экспертизы показали, что тормозная система автобуса до выезда на маршрут находилась в неисправном состоянии (разгерметизация, сопровождающаяся подтеканием тормозного цилиндра переднего левого колеса)¹.

В указанном примере механиком совершено два альтернативных общественно опасных деяния, предусмотренных ст. 266 УК РФ, – недоброкачественный ремонт транспортного средства и выпуск в эксплуатацию технически неисправного транспортного средства. Содеянное не является совокупностью преступлений, поскольку совершение лицом нескольких альтернативных деяний, охватываемых единым умыслом, в отношении одного и того же предмета образует одно преступление. Приговором Камышинского городского суда Волгоградской области гражданин Б. справедливо привлечен к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 266 УК РФ.

Обязательными признаками объективной стороны составов преступлений, предусмотренных ст. 266 УК РФ, являются общественно опасные последствия в виде тяжкого вреда здоровью (ч. 1), смерти человека (ч. 2), смерти двух или более лиц (ч. 3) и причинно-следственная связь между деянием и наступившими последствиями. При этом временной промежуток между совершенным деянием и наступившим последствием не имеет значения. Важно, чтобы указанные последствия были результатом именно недоброкачественного ремонта или выпуска в эксплуатацию транспортного средства. Момент окончания престу-

пления приходится на момент наступления указанных в диспозиции нормы последствий.

Немаловажным является вопрос разграничения смежных деяний. Трудности при осуществлении юридической оценки общественно опасного поведения лица могут возникать в связи с необходимостью разграничения, например, недоброкачественного ремонта транспортных средств (ст. 266 УК РФ) и выполнения работ и оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей (ст. 238 УК РФ), к которым также могут относиться ремонтные работы.

В соответствии со ст. 17 УК РФ, если преступление предусмотрено общей и специальной нормами, то совокупность преступлений отсутствует и ответственность наступает по специальной норме. Статья 238 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за выполнение любых работ и оказание неопределенного круга услуг, тогда как согласно ст. 266 УК РФ уголовно наказуемым является лишь определенный вид таких работ (услуг) – ремонт транспортных средств, путей сообщения, средств сигнализации или связи либо иного транспортного оборудования. Поэтому отчасти общей нормой по отношению к исследуемой является ст. 238 УК РФ.

Еще большие трудности вызывает отграничение недоброкачественного ремонта транспортных средств и выпуска их в эксплуатацию с техническими неисправностями (ст. 266 УК РФ) от нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264 УК РФ), когда недоброкачественный ремонт или выпуск в эксплуатацию технически неисправного транспортного средства осуществляет его водитель (или владелец).

По смыслу ст. 266 УК РФ субъектом недоброкачественного ремонта транспортных средств, путей сообщения, средств сигнализации или связи либо иного транспортного оборудования является физическое вменяемое лицо, достигшее 16 лет. К уголовной ответственности за выпуск в эксплуатацию технически неисправного транспортного средства может быть привлечено только лицо, ответственное за техническое состояние транспортных средств. Согласно п. 18 ППВС РФ № 25 субъектами могут являться:

- 1) работники автотранспортных организаций, осуществляющих перевозки пассажиров и грузов автомобильным и городским электрическим транспортом;
- 2) работники организаций, на которых возложена ответственность за техническое состояние или эксплуатацию транспортных средств;
- 3) владельцы-предприниматели либо работники авторемонтных мастерских, имеющие лицензию на осуществление предпринимательской деятельности.

Поскольку субъект недоброкачественного ремонта является общим, им может быть и водитель (владелец автомобиля), и лицо, ответственное за техническое состояние транспортных средств.

делу № 1-85/2017. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 10.09.2024); Приговор Октябрьского районного суда города Белгорода от 24 сентября 2014 г. по делу № 1-210/2014. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 10.09.2024).

¹ Приговор Камышинского городского суда Волгоградской области от 1 июля 2013 г. по делу № 1 174/2013. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 10.09.2024).

Согласно Постановлению Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090 «О Правилах дорожного движения» (далее – ПДД РФ) перед выездом водитель обязан проверить исправное техническое состояние транспортного средства, а в пути следования обеспечивать его (п. 2.3.1). А, например, при неисправности рабочей тормозной системы, рулевого управления, сцепного устройства и другого должен прекратить движение.

В случаях, когда наступление предусмотренных законом последствий является результатом нарушения водителем требований по обеспечению исправного технического состояния автомобиля, содеянное следует квалифицировать по ст. 264 УК РФ. Предположим, что А., зная о трещине шланга тормозной жидкости тормозной системы, не обеспечив его исправность, сел за руль своего автомобиля и начал движение в сторону города Н. По пути возле нерегулируемого пешеходного перехода он начал совершать торможение перед пешеходом С., но при нажатии на педаль тормоза остановить машину не удалось. А. допустил наезд на С., который скончался на месте происшествия. Подобные деяния А. подпадают под действие ч. 3 ст. 264 УК РФ.

Представим другую ситуацию. А. самостоятельно осуществил ремонт тормозной системы принадлежащего ему транспортного средства – установил восстановленный шланг тормозной жидкости, в результате чего работа тормозной системы была возобновлена не в полном объеме. При полном нажатии на педаль тормоза торможение осуществлялось замедленно. Зная об этом, А., не обеспечив исправность работы шланга, последовал в сторону города Н. Начав торможение перед пешеходом С., переходившим нерегулируемый пешеходный переход, А. не удалось остановить машину, он допустил наезд на С., который скончался на месте происшествия.

В смоделированной ситуации А. осуществил недоброкачественный ремонт транспортного средства, что могло быть квалифицировано по ст. 266 УК РФ. Однако ближайшей причиной, повлекшей наступление уголовно наказуемых последствий, является не недоброкачественный ремонт транспортного средства, а движение при неисправности рабочей тормозной системы в нарушение вышеприведенного п. 2.3.1 ПДД РФ. Соответственно, такого рода деяния А. должны быть квалифицированы по ч. 3 ст. 264 УК РФ.

Научный интерес представляет также юридическая оценка действий владельца транспортного средства, передающего его в управление в технически неисправном состоянии иному лицу.

Например, владелец автомобиля А., зная о трещине шланга тормозной жидкости тормозной системы, передал на один день управление автомобилем своему другу Б., имеющему допуск к управлению транспортных средств категории «В». О неисправности А. не сообщил, поскольку предполагал, что за день поездок отказа в работе тормозной системы не произойдет, так как трещина небольшая, а количество

тормозной жидкости в бачке находится на отметке «тах». Б. перед началом движения проверил транспортное средство, технических неисправностей не обнаружил. Перед началом пересечения перекрестка равнозначных дорог в целях недопущения столкновения с транспортным средством «ВАЗ», имеющим преимущественное право движения, Б. начал совершать резкое торможение, в результате чего шланг тормозной жидкости лопнул, и остановить автомобиль не удалось. Автомобиль под управлением Б. столкнулся с «ВАЗ», водитель которого получил повреждения не совместимые с жизнью.

В деянии Б. отсутствует состав преступления, предусмотренный ст. 264 УК РФ, поскольку он не допустил нарушения п. 2.3.1. ПДД РФ. Владельца автомобиля А. привлечь к уголовной ответственности по ст. 264 УК РФ также не представляется возможным, так как субъектом указанной нормы является лицо, управляющее автомобилем, а не собственник транспортного средства.

Несмотря на то, что субъектом выпуска в эксплуатацию технически неисправного транспортного средства является лицо, ответственное за техническое состояние транспортных средств, представляется, что содеянное А. следует квалифицировать по ч. 2 ст. 266 УК РФ [4, с. 154; 5, с. 128–129].

Библиографический список

1. Иванова В. В. Предупреждение уголовно наказуемых нарушений правил безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: (Уголовно-правовые и криминологические аспекты): дис... канд. юрид. наук. М., 1995. 243 с.
2. Маргулян Э. Е. Автомобильные ЧП: Меры юридической ответственности. М., 1989.
3. Ткаченко В. И. Уголовная ответственность за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта и городского электротранспорта в законодательстве УССР: автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 1964.
4. Козун А. В. Уголовная ответственность за недоброкачественный ремонт транспортных средств и выпуск их в эксплуатацию с техническими неисправностями: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002. 205 с.
5. Куринов Б. А. Автотранспортные преступления: квалификация и ответственность. М., 1976. 22 с.

References

1. Ivanova V. V. Prevention of Criminally Punishable Violations of Road Safety Rules and Vehicle Operation: (Criminal-Law and Criminological Aspects): Diss... Cand. Sci. (Law). Moscow, 1995. 243 p.
2. Margulyan E. E. Automobile Emergencies: Legal Liability Measures. Moscow, 1989.
3. Tkachenko V. I. Criminal Liability for Violation of Traffic Safety Rules and Operation of Transport and Urban Electric Transport in the Legislation of the Ukrainian SSR: Abstract of Cand. Sci. (Law). Moscow, 1964.

4. Kozun A. V. Criminal Liability for Poor-Quality Repair of Vehicles and Their Release into Operation with Technical Faults: Diss... Cand. Sci. (Law). Omsk, 2002. 205 p.

5. Kurinov B. A. Motor Vehicle Crimes: Qualification and Liability. M., 1976. 22 p.

Информация об авторе

Ефарова Марина Николаевна – кандидат юридических наук

Information about author

Efarova Marina N. – Candidate of Law

Статья поступила в редакцию 19.08.2024; одобрена после рецензирования 03.09.2024; принята к публикации 18.09.2024

The article was submitted 19.08.2024; approved after reviewing 03.09.2024; accepted for publication 18.09.2024

Некоторые особенности криминалистической характеристики грабежей и разбоев

Залескина Анна Николаевна¹, Карашкевич Владимир Тимофеевич²

¹Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия, zaleskina@yandex.ru

²УМВД России по Курганской области, Курган, Россия, v.t.karashkevich@mail.ru

Аннотация. Эффективность успешного раскрытия и расследования грабежей и разбоев как наиболее смежных составов преступлений обеспечивается применением частной криминалистической методики. Криминалистическая характеристика как общепризнанная научная категория и неотъемлемая часть любой методики расследования представляет информационную модель преступления, включающую в себя его существенные признаки. Анализ судебно-следственной практики конкретного региона, а также практический опыт авторов позволили выделить весьма значимые элементы криминалистической характеристики грабежей и разбоев. Сотрудники правоохранительных органов, привлекающиеся к раскрытию и расследованию указанных преступлений, должны знать информацию, содержащуюся в ней, и уметь ее правильно применять, что особенно актуально и эффективно на первоначальном этапе расследования, так как позволяет определить следственную ситуацию и раскрыть преступление по горячим следам.

Ключевые слова: грабеж, разбой, криминалистическая характеристика, способ совершения преступления

Для цитирования: Залескина А. Н., Карашкевич В. Т. Некоторые особенности криминалистической характеристики грабежей и разбоев // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 3. С. 123–129.

Original article

On the question of the nature of a specialist in criminal proceedings

Zaleskina Anna N.¹, Karashkevich Vladimir T.²

¹East-Siberian Institute of the MIA of Russia, Irkutsk, Russian, zaleskina@yandex.ru

²Ministry of Internal Affairs of Russia for the Kurgan region, Kurgan, Russian, v.t.karashkevich@mail.ru

Abstract. The effectiveness of the successful disclosure and investigation of robberies and robberies as the most related crimes is ensured by the use of private forensic techniques. Criminalistic characterization, as a generally recognized scientific category and an integral part of any investigative technique, is an information model of a crime that includes essential signs of a crime. The analysis of the judicial and investigative practice of a particular region, as well as the practical experience of the authors, allowed us to identify very significant elements of the criminalistic characteristics of robberies and robberies. Law enforcement officers involved in the disclosure and investigation of these crimes must know the information contained in it and be able to apply it correctly, which is especially important and effective at the initial stage of the investigation, as it allows you to determine the investigative situation and solve the crime in hot pursuit.

Keywords: robbery, robbery, criminalistic characteristics, method of committing a crime

For citation: Zaleskina A. N., Karashevich V. T. Some features of the criminalistic characteristics of robberies and robberies// Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 3. Pp. 123–129.

Важным элементом частной методики расследования является криминалистическая характеристика преступления, содержащая его специфические признаки и отличительные свойства. Поэтому систематизированные признаки и свойства, характерные для конкретных противоправных деяний, в том числе

способы, средства, орудия преступлений и предмет преступного посягательства будут составлять содержание такой характеристики в отношении грабежей и разбоев.

По мнению ряда специалистов (Р. С. Белкин, И. А. Возгрин, Е. П. Ищенко, В. А. Образцов и др.), характеристика, построенная на основании вышеуказанных элементов, позволяет сформировать оптимальную методику расследования.

Основной функцией криминалистической характеристики является ее практическая значимость, выражающаяся в «возможности построения и прогнозирования направления следственного поиска с выдвижением обоснованных версий и их проверкой» [1, с. 13].

Так, в 1975 году И. Ф. Пантелеев определил криминалистическую характеристику как «...характеристику типичных ситуаций данного вида <...> наиболее распространенных способов совершения, применяемых преступниками технических средств, характеристик типичных материальных следов <...> способов сокрытия следов <...> профессиональных преступных навыков и преступных связей» [2, с. 3].

В настоящее время криминалистическая характеристика является общепризнанной категорией, обладающей практической направленностью и отвечающей требованиям каждой частной методики расследования. Несмотря на это, единого мнения между учеными относительно ее понятия и структуры не достигнуто, поэтому рассмотрим наиболее традиционные варианты.

По мнению И. А. Возгриной, криминалистическая характеристика определяет конкретный вид преступления и включает в себя «исходную информацию о преступлении, данные о способе его совершения, информацию о личности типичного преступника и потерпевшего и ряд других обстоятельств, подлежащих установлению в ходе расследования» [3, с. 76–78].

Согласно учебнику по криминалистике под редакцией Р. С. Белкина в структуру криминалистической характеристики включаются типичные данные об исходной информации, о способе совершения преступления и его сокрытии, о личности преступника и мотивах деяния, о личности жертвы, о предмете посягательства, об иных обстоятельствах (место, время, обстановка), обстоятельствах, способствовавших его совершению, которые «как элементы сложной системы, составляют единство» [4, с. 688].

В свое время В. А. Жердев сделал системный обзор элементов классификации, предлагаемых исследователями, отметив, что в нее могут входить «необобщенные», т. е. нетиповые элементы: следственные ситуации (И. Ф. Пантелеев, А. Н. Колесниченко), география преступления (А. В. Горбачев), состав события-деяния (В. А. Гуняев), характер вины (В. К. Гавло) либо может происходить отождествление характеристики и обстоятельств (Н. А. Селиванов) [5, с. 13–26].

Проанализировав вышеприведенные мнения видных ученых-криминалистов, отметим, что несмотря на предлагаемые варианты перечень основных элементов криминалистической характеристики остается неизменным. Кроме того, учитывая, что грабежи и разбои имеют существенные сходства структурных

элементов, криминалистика часто объединяет методики их расследования в общую.

Так, к «классическим» элементам криминалистической характеристики, наиболее связанным между собой и влияющим на результативность расследования, относят способ и обстановку совершения преступления, предмет преступного посягательства, механизм слеодообразования, личность преступника и жертвы.

Учитывая объем настоящего исследования, рассмотрим только ряд из них:

- способ совершения преступления, включающий как элементы его подготовки, так и сокрытия;
- предмет преступного посягательства;
- средства совершения преступления. Отметим, что довольно часто данный элемент как отдельный не рассматривается и обобщается с орудием совершения преступления.

Указанные элементы видятся наиболее ключевыми в криминалистической характеристике грабежей и разбоев, так как имеют наибольшую взаимосвязь между собой и влияют на установление иных обстоятельств, обладающих важным криминалистическим значением для расследования уголовного дела.

Способ преступления, является одним из обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 73 УПК РФ), основополагающим элементом криминалистической характеристики преступления. Способы совершения рассматриваемых преступлений, также имеют ряд схожих признаков, позволяющих рассматривать их вместе.

Как отмечает С. В. Шиловский, взгляды отечественных криминалистов относительно понятия способа преступления обобщены Г. Г. Зуйковым в начале 70-х гг. XX в., сформулировавшим его понятие «системы объединенных единым замыслом действий преступника (и связанных с ним лиц) по подготовке, совершению и сокрытию преступления, обусловленных объективными и субъективными факторами, и сопряженных с ними использование орудий и средств преступления» [6, с. 109].

Можно согласиться с Е. С. Крамской, что исследование данного элемента нацелено на типологизацию орудий и средств, применяемых при совершении грабежей и разбоев. Это в свою очередь позволяет применить такие данные при выдвижении версий совершения преступления, а также установить степень подготовленности и осведомленности лица, его совершившего [7, с. 25].

Например, для лиц без определенного места жительства способы совершения грабежей и разбоев имеют выраженную специфику: в их действиях отсутствует подготовка, они носят чрезмерный характер и сопровождаются стремлением к завладению любыми материальными благами, а также одеждой потерпевшего и продуктами питания. Внешний облик таких лиц специфичен, его легко запоминают и потерпевшие, и свидетели [8].

Подготовка как элемент способа совершения грабежей и разбоев чаще всего присутствует при совершении преступлений группами лиц. Под подобным

действием понимается приготовление к совершению преступления, то есть:

- подыскание сообщников;
- достижение предварительной договоренности между участниками (распределение ролей и степени участия в деянии);
- изучение информации о потенциальной жертве (режим дня, возможность оказания сопротивления и др.);
- установление режима деятельности объекта, против которого планируется преступная акция (наличие охраны, видеонаблюдения);
- подготовка маскировки, оружия или предметов, его заменяющих, автотранспорта и т. д.

Рассмотрим пример, когда группой в преступную деятельность в качестве разовых сообщников вовлекались сторонние лица. Так, в целях нападения на граждан была создана организованная устойчивая группа из жителей г. Кургана, которая в разное время существования имела в своем распоряжении четыре автомобиля, взрывные устройства, огнестрельное оружие, в том числе пулемет, карабин, а также пригодные для производства выстрелов пистолет-пулемет, ружье, пистолет, обрез, изготовленный из охотничьего ружья. Обвиняемый гр. Г., знавший о существовании такой группы, ее нацеленности на совершение нападений на граждан, но, не будучи ее членом, за вознаграждение принял участие в нападениях на супругов Б. и Б., Б. и А. Он доставил участников этой преступной группы их на автомобиле к местам нападений и после совершения преступлений отвез их обратно. При этом гр. Г. был заранее осведомлен о предстоящих нападениях. Ему был рассказан ранее разработанный участниками этой группы план преступления, сообщено о намерении применения в отношении находящихся в квартире лиц насилия, угроз причинения смерти с целью преодоления сопротивления, а также сообщена информация о возможном нахождении в квартире двух посторонних человек. Действия гр. Г. в указанной части были квалифицированы по п. «а», «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ¹.

Следовательно, при совершении нападения в группе основными подготовительными действиями являются подбор участников и распределение между ними ролей, инструктаж участников, приискание орудий и средств совершения преступления.

Исходя из личного практического опыта и наблюдений авторов, способы совершения рассматриваемых деяний, как правило, характеризуются внезапностью. В ситуациях, когда требуется проникнуть в помещение и соблюдать определенную маскировку, преступники часто выдают себя за работников городских служб, соседей и т. д. Вне помещения внезапность достигается путем нападения из-за укрытия (кусты, деревья). Иногда жертве может задаваться

отвлекающий вопрос, что позволяет подойти к ней вплотную и напасть беспрепятственно.

В тоже время проникновение в жилое помещение как способ совершения преступного посягательства отдельно охарактеризовано в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 (п.18) как «...тайное или открытое в них вторжение с целью совершения <...> грабежа или разбоя. Проникновение в <...> строения или сооружения может быть осуществлено и тогда, когда <...> извлекает похищаемые предметы без вхождения...»².

Способы проникновения разделяются на две группы:

1. Тайные. Для них характерны преодоления или разрушения (возможно и без него) входной двери (с последующим нападением на потерпевшего) путем взлома запирающих устройств, также возможно выставление (выдавливание) оконного стекла. Проникновение без разрушения происходит с помощью отмычки, заранее похищенного ключа, через вентиляционные шахты, открытые балконы, окна. Такие способы больше характерны для квартирных краж, однако, застав в квартире кого-либо из жильцов, преступники с большей степенью вероятности применяют насилие. Также они могут специально поджидать потерпевшего, с целью получения интересующих их ценностей, которые ими найдены не были.

2. Открытые. К ним относятся проникновения в помещение под вымышленным предлогом либо с согласия потерпевшего с последующим внезапным нападением. В данном случае используются доверительные отношения с потерпевшим, установленные незадолго до этого. Преступники могут выдавать себя за продавцов дешевых, некачественных товаров (косметика, лекарства и т. п.), мастеров-ремонтников, медицинских работников и т. д. Данный способ применяется чаще всего в отношении пожилых людей, в силу того, что пенсионеры часто живут одни, их редко навещают родственники и знакомые, и они часто страдают от одиночества. Таким образом, предварительно нападающие входят в контакт с потерпевшим, заводят беседу, определенным образом располагая к себе.

Данный способ совершения преступления напрямую коррелируется с личностью потерпевшего. Так, пол, возраст, физическое развитие жертвы, его внешние особенности поведения, определяют действия нападавшего в отношении.

Так, например, в позднее вечернее время гр. Ф., распивая алкогольные напитки с малознакомым гражданином, находясь в состоянии опьянения, умышленно, из корыстных побуждений, применяя насилие не опасное для жизни и здоровья жертвы, нанес ему несколько ударов ногами и руками в область головы, причинив тем самым физическую боль. Далее, пони-

¹ Уголовное дело № 2-10/2019 по обвинению Генриха А. Р по ч. 2 ст. 209, п. «а», «б» ч. 4 ст. 162, ч. 3 ст. 30, п. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Архив Курганского областного суда. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 12.02.2024).

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.02.24).

мая, что воля последнего к сопротивлению сломлена, подозреваемый открыто похитил принадлежащий потерпевшему мобильный телефон стоимостью 535 руб. и куртку стоимостью 2500 руб. С похищенным имуществом гр.Ф. с места преступления скрылся, незаконно обратив его в свою собственность, открыто и безвозмездно изъяв его у потерпевшего¹.

Приведенный пример наглядно иллюстрирует, что преступники могут прибегнуть к причинению телесных повреждений (избиение, нанесение ножевых ранений, пытки и т. д.), если видят, что жертва уязвимее физически или находится в расслабленном состоянии (часто в состоянии алкогольного опьянения) и не ожидает нападения. Наряду с физическим может применяться и психическое насилие – угрозы физической расправы над потерпевшим и его близкими, вплоть до убийства (как вариант, уничтожение (повреждение) имущества, имеющего повышенную ценность для жертвы) [9, с. 8].

Анализ изученных уголовных дел показывает, что сокрытие средств преступления как элемент способа его совершения присутствует в большинстве случаев. Оно выражается в форме выноса, вывоза, укрытия с последующим сбытом похищенного, изменения внешности нападавших, обеспечении алиби участникам.

Типичными способами сокрытия совершенного преступного деяния считаются: разработка ложного алиби; немедленный сбыт захваченного (надежное сокрытие); избавление от захваченного имущества и от орудий преступления при реальной угрозе разоблачения; активное воздействие на свидетелей, потерпевших путем запугивания и угроз.

Основной способ сбыта похищенного – реализация через скупщиков краденного либо продажа лицам, которых не интересует происхождение вещи. Такой сбыт всегда носит срочный характер, поэтому захваченное имущество продается в несколько раз ниже его реальной стоимости (не менее, чем в 2 раза). Чем дальше территориально происходит продажа похищенного от места совершения грабежа (разбоя), тем цена товара будет выше, а возможность нахождения сотрудниками полиции данного имущества менее вероятна. Отсюда возникает естественное стремление преступников вывезти захваченное как можно дальше от места преступления (в идеале, в другой город, регион).

Как отмечает О. П. Бердникова, выявление места (мест) сбыта в ходе оперативной работы позволяет эффективно раскрывать преступления, серийно совершаемые организованными группами. Так, по данным автора, «местные» группы, как правило, сбывают похищенное частями одним и тем же лицам в месте проживания, и часто это лица из окружения (66 % случаев), а только в 34 % случаев вывозят его для сбыта за пределы «своего» района. «Гастролеры» сбрасыва-

ют похищенное оптом и, как правило, по нескольким каналам. Они вывозят похищенное (69 %), поэтому место совершения преступлений и места его реализации будут находиться на значительном расстоянии друг от друга [9, с. 13].

Следующим элементом криминалистической характеристики преступлений, имеющим прямую связь со способом, являются средства, при помощи которых совершаются деяния. Средство преступления как понятие в равной степени используется в криминалистике и уголовном праве. Как указывает А. М. Хлус, подходы различных специалистов в начале 80-х гг. XX в. обобщил М. В. Салтевский, определивший средства преступного посягательства в типовой криминалистической структуре преступления в качестве отдельного материального элемента, позволяющего виновному достигать преступного результата, который может быть разделен на такие части, как орудия, оружие, источники повышенной опасности (механизмы, вещества), явления природы [10, с. 24].

Можно согласиться с уточнением, сделанным Н. Н. Баймаковой, обобщившей отечественные исследования начала XXI в.:

– к средствам совершения преступления относятся различные предметы (приспособления), упрощающие совершение деяния (например, автомобиль для вывоза похищенного и сокрытия с места преступления и т. п.), различные отпирывающие устройства (с целью облегчения проникновения на объект в случае совершения хищения из помещения или здания);

– орудиями же признаются предметы, используемые виновным для совершения преступления (чаще всего это оружие (холодное, огнестрельное и др.) или предметы, используемые в качестве оружия (любые колюще-режущие – топор, молоток, лом) или подручные предметы (палка, камень, лопата).

Теорией уголовного права оружие рассматривается как разновидность орудий совершения преступлений (например, об этом пишут Н. В. Висков, Р. Д. Шарапов) [11, с. 114; 12], что не соответствует криминалистическому пониманию этих предметов, когда орудие должно пониматься как «техническое приспособление, при помощи которого производится работа или какое-либо действие» [13, с. 765].

По мнению Н. В. Вискова, материальными предметами, создающими преступный результат, могут быть только средства [11, с. 2–3]. Однако с таким подходом, как пишет Н. Н. Баймакова, трудно согласиться, хотя бы в силу того, что и орудия совершения преступления обеспечивают результат преступной акции [14, с. 16]. В тоже время необходимо учитывать, что понятие «оружие» имеет собственное нормативное закрепление (так, в ст. 1 отраслевого Закона имеется данное определение и даются понятия его разновидностей, частей и др.²).

¹ Приговор Катайского районного суда Курганской области от 12 октября 2023 г. по делу № 1-57/2023. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 12.02.2024).

² Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 51. Ст. 5681.

Средства совершения преступления создают информацию, имеющую криминалистическое содержание, т. к. «в ходе преступного события происходит процесс взаимодействия с материальным миром, в результате чего образуются следы-отображения. Последние содержат сведения об объектах и участвующих в преступном деянии лицах, причинах следообразования, а также об иных криминалистически значимых обстоятельствах» [15, с. 217].

Например, как было установлено, при проникновении в жилище, связанном с преодолением входной двери, на месте преступления остались и были зафиксированы должным образом материальные следы: орудия взлома, рук, крови, обуви на улице. Обнаружение таких следов на месте происшествия позволяет в кратчайший срок ответить на вопросы диагностического и идентификационного характера относительного того, как и кем могло быть совершено преступление (предположения выдвигаются относительно количества лиц, участвующих в преступлении, их пола, возраста и некоторых других особенностей).

Далее отметим, что предмет преступного посягательства как элемент криминалистической характеристики имеет особое влияние на личность преступника и выбор способа совершения преступления, определяемого конкретными приемами, орудиями, средствами и преступной обстановкой (место его совершения, время, условия и др.).

Предметом преступного посягательства выступает овеществленный элемент материального мира, воздействуя на который виновный посягает на объект преступления, что отмечают практически все исследователи [6, с. 25].

Как указывает А. А. Бессонов «объект (предмет) преступного посягательства в криминалистике характеризует двойственную взаимосвязь с преступником и особенностями его личности. Как цель (ожидаемый результат) он побуждает лицо к преступным действиям и направляет внимание лица на конкретный объект (предмет). Выбор объекта (предмета) всегда будет обусловлен особенностями конкретной личности (ее психическими свойствами и состоянием, жизненным опытом и т. п.)» [16, с. 228].

Криминалистический аспект о предмете посягательства выражен в сведениях, характеризующих его физические свойства, индивидуальные особенности, предназначение, стоимость, ценность (для потерпевшего), взаимосвязь с другими предметами [17, с. 230].

Так, чаще всего в качестве предмета преступного посягательства выступают наличные денежные средства, ювелирные изделия, мелкая электронная техника (телефоны, наушники, зарядные устройства) и другие вещи. Если грабителей интересуют вышеуказанные предметы, то классическим способом совершения преступления будет непланируемое заранее, внезапное нападение на потерпевшего, нанесение ударов по верхней части туловища в целях потери им ориентации, при этом могут в качестве оружия использовать любые предметы (ножи, палки). Отметим, что потерпевшими в таких случаях чаще оказываются

женщины, которые в вечернее время суток оказались по разным причинам одни на улице (поздно шли с работы, гуляли, ходили в магазин), а также могут быть и мужчины, но, как правило, в состоянии сильного алкогольного опьянения, из-за чего не способные оказывать сопротивление.

В случаях, когда предметом ограбления являются большие суммы денег, дорогостоящее имущество и техника, способы совершения преступления будут характеризоваться все той же внезапностью, но уже с тщательной и длительной подготовкой, изучением личности потерпевшего, разработкой преступного плана по беспрепятственному вхождению в хранилище в максимально короткое время. Соответственно, личность потерпевших меняется – это состоятельные лица, чаще передвигающиеся на личных автомобилях, имеющие большое количество материальных ценностей (как с собой, так и по месту проживания).

Таким образом, предмет как элемент криминалистической характеристики напрямую коррелирует со способом совершения преступления, а также личностью преступника и жертвы.

Подводя итог, необходимо отметить, что криминалистическая характеристика представляет собой особую совокупность информации об обстоятельствах совершенного преступления, имеющую довольно обобщенный вид. Данная информация наиболее значима на первоначальном этапе расследования, так как позволяет установить новые обстоятельства, определить следственную ситуацию, выдвинуть версии и построить план расследования.

Элементный состав криминалистической характеристики может быть разным и зависит от отличительных особенностей конкретного вида преступления. Среди основных составляющих криминалистической характеристики краж и грабежей выделяются способы их совершения, средства и орудия преступления, предмет преступного посягательства.

Так, именно способ представляет собой источник сведений, отражающий систему действий преступника по подготовке, совершению и сокрытию преступления, сопряженных с использованием орудий и средств. Информация о способе и предмете преступления как непосредственном элементе их криминалистической характеристики позволяет установить связь с лицом, его совершившим. Способ совершения преступления напрямую характеризует преступника, его особенности и свойства личности. Соответственно, результативность использования информации, содержащейся в криминалистической характеристике, максимально полезна на первоначальном этапе расследования грабежей и разбоев, когда прибыв на место происшествия и выяснив первоначальную информацию о способе и предмете преступного посягательства путем установления корреляционных связей, можно воссоздать произошедшее событие.

Таким образом, криминалистическая характеристика, объединяя информацию о ключевых элементах преступления, позволяет достроить его информационную модель, воссоздавая неизвестные (личность,

обстановку), а в дальнейшем легко определить следственную ситуацию и направить ход расследования в нужное русло.

Библиографический список

1. Корнакова С. В. Содержание и значение криминалистической характеристики преступления (на примере насильственных половых преступлений, совершенных несовершеннолетними в отношении несовершеннолетних) // Российский следователь. 2019. № 5. С. 13–17.
2. Бессонов А. А. Технология построения типовой криминалистической характеристики преступлений // Российский следователь. 2018. № 7. С. 3–7.
3. Возгрин И. А. Общие положения методики расследования преступлений. Криминалистика: учебник / Под ред. Т. А. Седовой, А. А. Эксархопуло. СПб: Изд-во СПбГУ, 2011.
4. Аверьянова Т. В., Белкин Р. С. Криминалистика: учебник для вузов. М.: НОРМА, 2006. 1188 с.
5. Жердев В. А. Криминалистическая характеристика краж, грабежей и разбойных нападений: методика расследования и методы раскрытия групповых преступлений: дис. ...канд. юрид. наук Саратов, 2001. 186 с.
6. Шиловский С. В. О месте способа совершения преступления в преступлении и составе преступления // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 7. С. 109–112.
7. Крамская Е. С. Методика расследования грабежей и разбоев, совершаемых группами несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 193 с.
8. Юсупкадиева С. Н. Методика расследования грабежей и разбоев. М.: Изд-во «Спутник +», 2009. 147 с.
9. Бердникова О. П. Тактико-криминалистическое обеспечение расследования грабежей и разбоев, совершенных организованными группами: монография. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2017. 135 с.
10. Хлус А. М. Средства совершения преступлений как элемент их криминалистической структуры // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 1. С. 24–27.
11. Висков Н. В. Предметы преступления, орудия и средства его совершения в аспекте решения судьбы вещественных доказательств // Российский следователь. 2006. № 3. С. 2–4.
12. Шарапов Р. Д. Понятие оружия как орудия преступления // Журнал российского права. 2005. № 10. С. 76–81.
13. Ожегов С. И. Словарь русского языка М.: Энциклопедия, 2010. 1375с.
14. Баймакова Н. Н. К вопросу о понятии приискаания средств или орудий совершения преступления // Российская юстиция. 2008. № 8. С. 16–17.
15. Криминалистическая методика : учебное пособие : в 2 ч. /Под общ. ред. М. П. Шруба / М. П. Шруб – Минск : Академия МВД, 2018. Ч. 1. 295 с.

16. Бессонов А. А. Объект (предмет) преступного посягательства как элемент криминалистической характеристики преступлений // Oriental Studies. Социологические науки. Гуманитарные науки. 2014. № 4. С. 228–231.

References

1. Kornakova S. V. The content and significance of the criminalistic characteristics of a crime (on the example of violent sexual crimes committed by minors against minors) // A Russian investigator. 2019. № 5. Pp. 13–17.
2. Bessonov A. A. Technology for constructing a typical criminalistic characteristic of crimes // Russian investigator. 2018. № 7. Pp. 3–7.
3. Vozgrin I. A. General provisions of the crime investigation methodology. Criminalistics: textbook / Edited by T. A. Sedova, A. A. Exarchopulo St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, 2011.
4. Averyanova T. V., Belkin R. S. Criminalistics: textbook for universities. M.: NORMA, 2006. 1188 p.
5. Zherdev V. A. Criminalistic characteristics of thefts, robberies and assaults: methods of investigation and methods of disclosure of group crimes: dis. ...cand. Jurid. Sciences. Saratov : 2001. 186 p.
6. Shilovsky S. V. On the place of the method of committing a crime in a crime and the composition of a crime // Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences. 2014. № 7. Pp. 109–112.
7. Kramskaya E. S. Methods of investigation of robberies and robberies committed by groups of minors: dis. ... cand. Jurid. Sciences M., 2008. 193 p.
8. Yusupkadiyeva S. N. Methods of investigation of robberies and robberies. M.: Publishing house "Sputnik +", 2009. 147 p.
9. Berdnikova O. P. Tactical and forensic support for the investigation of robberies and robberies committed by organized groups: monograph. Yekaterinburg: Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017. 135 p.
10. Khlus A. M. Means of committing crimes as an element of their criminalistic structure // Russian law: education, practice, science. 2018. № 1. Pp. 24–27.
11. Viskov N. V. Objects of crime, tools and means of its commission in the aspect of solving the fate of material evidence // Russian investigator. 2006. № 3. Pp. 2–4.
12. Sharapov R. D. The concept of weapons as instruments of crime // Journal of Russian Law. 2005. № 10. Pp. 76–81.
13. Ozhegov S. I. Dictionary of the Russian language. M.: Encyclopedia, 2010. 1375 p.
14. Baymakova N. N. On the question of the concept of finding means or instruments of committing a crime // The Russian justice system. 2008. № 8. Pp. 16–17.
15. Criminalistic methodology: textbook: at 2 o'clock / Under the general editorship of M. P. Shrub. Minsk: Academy of the Ministry of Internal Affairs, 2018. Part 1. 295 p.
16. Bessonov A. A. The object (subject) of criminal encroachment as an element of criminalistic

characteristics of crimes // Oriental Studies. Sociological sciences. Humanities. 2014. № 4. Pp. 228–231.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

All authors have made equivalent contributions to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Информация об авторах

Залескина Анна Николаевна – кандидат юридических наук

Information about the authors

Zaleskina Anna N. – Candidate of law

Статья поступила в редакцию 28.08.2024; одобрена после рецензирования 03.09.2024; принята к публикации 18.09.2024

The article was submitted 26.08.2024; approved after reviewing 03.09.2024; accepted for publication 18.09.2024

К вопросу о природе специалиста в уголовном процессе

Зеленина Ольга Александровна

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия, alizela@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется статус специалиста как сведущего лица, в том числе в сравнении с процессуальным статусом эксперта. Рассматриваются некоторые виды процессуального содействия специалиста в ходе производства по уголовному делу. Уделяется внимание отдельным аспектам законодательной техники в контексте исследуемого вопроса.

Ключевые слова: процессуальный статус, участник уголовного процесса, специалист, эксперт

Для цитирования: Зеленина О. А. К вопросу о природе специалиста в уголовном процессе // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 3. С. 130–134.

Original article

On the question of the nature of a specialist in criminal proceedings

Zelenina Olga A.

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia, alizela@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the status of a specialist as a knowledgeable person, including in comparison with the procedural status of an expert. Some types of procedural assistance of a specialist in the course of criminal proceedings are considered. Attention is paid to certain aspects of legislative technique in the context of the issue under study.

Keywords: procedural status, participant in criminal proceedings, specialist, expert

For citation: Zelenina O. A. On the question of the nature of a specialist in criminal proceedings// Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 3. Pp. 130–134.

Специалист является неоднозначной процессуальной фигурой в уголовном судопроизводстве. Уникальность этого субъекта заключается в том, что так же, как и эксперт, специалист фактически является «сведущим лицом», объединяющим эти две процессуальные фигуры. С одной стороны, роль этого субъекта понятна, а участие в процессе является объективно необходимым. С другой стороны, существуют некоторые аспекты процессуального положения специалиста, которые в полной мере законодателем не урегулированы, что не позволяет в некоторых ситуациях реализовать даже тот процессуальный потенциал, который закреплен в УПК РФ.

Обратившись к истории возникновения такой фигуры, следует отметить, что специалист как полноценный участник появился лишь в УПК РФ. В УПК РСФСР 1961 г. не существовало четкой правовой границы между экспертом и специалистом. Более того, в гл. 3 «Участник процесса, их права и обязанности» специалист не указывался, статус его не регламентировался.

Тем не менее, в тексте закона такой субъект упоминался. В частности, в ст. 78 УПК РСФСР отмечалось, что «экспертиза производится экспертами соответствующих учреждений либо иными специалистами, назначенными лицом, производящим дознание, следователем, прокурором и судом», т. е. производство экспертизы могло быть поручено как профессиональному эксперту, так и специалисту.

Специалист мог принимать участие в некоторых следственных действиях. Так, в ст. 179 УПК РСФСР «Порядок производства осмотра» для участия в производстве осмотра следователь может пригласить соответствующего специалиста, не заинтересованного в исходе дела. В данном случае имеет место уточнение качественной характеристики статуса данного участника – отсутствие заинтересованности в исходе уголовного дела. Такое же правило содержалось в ст. 183 УПК РСФСР «Следственный эксперимент», ст. 186 УПК

РСФСР «Получение образцов для сравнительного исследования».

На этом законодательная регламентация процессуального статуса специалиста заканчивается. Из этого следует вывод, что в УПК РСФСР, во-первых, понятия «эксперт» и «специалист» фактически смешивались, правового статусного разграничения между ними как участниками не существовало. Во-вторых, хотя специалист в число участников уголовного процесса не вошел, законодатель все же использовал данный термин в тексте закона, что свидетельствует о признании необходимости выделения сведущего лица-специалиста в числе субъектов уголовного процесса. Что это за лицо, какую помощь он может оказывать, в каком порядке – эти вопросы УПК РСФСР не раскрывал.

Обратим внимание на два аспекта, которые имели место, – использование законодателем на тот момент терминологического обозначения такого лица как «специалист» и уточнение необходимого качества такого участника – незаинтересованность в исходе уголовного дела.

В УПК РФ статус специалиста существенно эволюционировал. Так, в ст. 58 УПК РФ дано следующее:

- терминологическое обозначение субъекта;
- терминологическое определение этого субъекта;
- перечень прав, обязанностей и ответственности специалиста;
- процессуальные результаты деятельности специалиста, которые имеют значение доказательств (показания и заключение специалиста).

Такое уточнение внесло существенное понимание в вопрос: кто же такой специалист в уголовном процессе и в чем его отличие от эксперта, который также относится к сведущим лицам?

Законодатель четко определил, что эксперт – это лицо, обладающее специальными познаниями, производящее судебную экспертизу, а специалист – это лицо также обладающее специальными познаниями, но оказывающее содействие в производстве по уголовному делу. В УПК РФ предусмотрена возможность одного и того же лица обладать статусом специалиста и эксперта в рамках одного уголовного дела, в отличие от советского законодательства, где такая ситуация исключалась.

И у специалиста, и у эксперта есть одно общее свойство, выступающее основой их процессуального статуса, их качественной характеристикой, – наличие специальных познаний. В науке длительное время ведутся дискуссии о целесообразности использования термина «специальные знания» или термина «специальные познания» при анализе статуса специалиста и эксперта.

С. И. Ожегов определяет знание как: 1) постижение действительности сознанием; наука; 2) совокупность сведений, познаний в какой-нибудь области [4, с. 215]. Познание: 1) приобретение знания, постижение закономерностей объективного мира; 2) совокупность знаний в какой-нибудь области [4, с. 503].

А. А. Эйсман отмечает, что специальные знания – это знания не общеизвестные, не общедоступные, не имеющие массового распространения, это знания, которыми располагает ограниченный круг специалистов [7, с. 91].

В. Д. Арсеньев и В. Г. Заболоцкий считают, что специальные знания в уголовном процессе следует рассматривать как систему сведений, полученных в результате научной и практической деятельности в определенных областях (медицина, бухгалтерия, автотехника) и зарегистрированных в научной литературе, методических пособиях, инструкциях и т. д., а специальные познания – как знания, полученные соответствующими лицами в результате теоретического и практического обучения определенному виду деятельности, при котором они приобрели также необходимые навыки для ее осуществления [1, с. 4].

Ф. С. Белкин специальные познания трактует как профессиональные знания и умения в области науки, техники, искусства или ремесла, необходимые для разрешения вопросов, возникающих при расследовании и рассмотрении в суде конкретных дел. В уголовном и гражданском процессе лица, обладающие специальными познаниями, привлекаются в качестве специалистов [2, с. 215].

Е. В. Селина считает, что более верно в указанном контексте использовать термин «специальные познания», поскольку он более точный, охватывающий знания, умения и навыки [5, с. 7].

И. И. Трапезникова под специальными знаниями понимает систему научно обоснованных и практически апробированных знаний теоретического и прикладного характера (исключая специальные знания в области права, связанные с уголовно-правовой оценкой обстоятельств уголовного дела и принятием решений процессуального характера) и специальных умений, используемых сведущими лицами в порядке и целях, установленных уголовно-процессуальным законом [6, с. 6].

Специальные познания, по мнению Е. П. Гришиной, можно представить в виде структурного образования (модели), включающего в себя:

- а) специальные знания – сведения, которыми обладают сведущие лица (информационный блок);
- б) навыки, умения (мастерство), профессиональный опыт применения (функциональный блок);
- в) технологии, методики, процедуры применения (нормативно-технический блок) [3, с. 15].

Таким образом, мнения ученых сводятся к трем точкам зрения: 1) целесообразность использования термина «специальные знания», поскольку речь идет о готовом результате, т. е. о завершенном обладании специальными знаниями, ну а «специальные познания» предполагает процесс получения знаний как некоторую деятельность; 2) необходимость использования термина «специальные познания», поскольку помимо полученных специальных знаний данное понятие включает в себя обладание субъектом соответствующих навыков и практического опыта; 3) представители третьей точки зрения не видят прин-

ципальной разницы в использовании терминов «специальные познания», «специальные знания» применительно к специалисту.

Полагаем, что нет необходимости в дискуссии по данному вопросу. Безусловным является то, что законодатель имеет в виду не процесс познания, а его результат, т. е. наличие у субъекта специальных знаний (необходимая информация), умений (способность осуществить действия с применением знания) и навыков (опыт, автоматизм и др.) в объеме, необходимом для участия в ходе производства по уголовному делу. Специалист должен обладать соответствующими знаниями и уметь их правильно реализовывать в ходе уголовного процесса.

При этом законодатель сам не придерживается единообразия в тексте закона. Так, в ч. 1 ст. 58 УПК РФ идет речь об обладании специальными знаниями, а, например, ч. 4 ст. 80 УПК РФ гласит: «показания специалиста – сведения, сообщенные им на допросе об обстоятельствах, требующих специальных познаний...» и т. д.

Наличие специальных знаний должно быть удостоверено в уголовном деле, при этом не имеют значения способ и характер их приобретения, значение имеет только наличие таких знаний. Специальные знания могут быть приобретены, например, в результате практической деятельности, самообразования и т. д. Так же как, например, наличие документа о соответствующем образовании у лица не свидетельствует о наличии у него специальных умений и навыков. В частности, после получения образования лицо может профессионально заниматься совсем иным видом деятельности, не связанным с полученными знаниями. Поэтому удостоверение о наличии специальных знаний у лица не всегда свидетельствует о наличии процессуальной дееспособности такого участника как специалиста.

Объем имеющихся специальных знаний у лица должен быть достаточным для достижения процессуальной цели. Так, Верховный Суд РФ в своем определении отметил, что «удовлетворяя ходатайство государственного обвинителя о допросе в судебном заседании в качестве специалиста А. председательствующий обоснованно указал в своем постановлении, что А. длительное время работает в должности ведущего специалиста ПАО и в силу своей профессиональной деятельности обладает достаточными знаниями, позволяющими ей дать суду необходимые разъяснения об особенностях работы станций сотовой связи»¹.

Приведем в пример иное решение, где суд оперирует термином «некомпетентность»: «В силу ст. 71, п. 3 ч. 3 ст. 70 специалист не может участвовать в производстве по делу, если обнаружится его некомпетентность. В судебном заседании Ф., приглашенный

стороной защиты для допроса в качестве специалиста, пояснил, что сведения о форме и содержании кассовых чеков не входят в область его специальных знаний. Поскольку сторона защиты заявляла допрос Ф. с целью исследования вопросов формы и содержания кассовых чеков, выдаваемых покупателю при совершении покупки и предоставляемых налоговым органам, то суд правильно удовлетворил заявленный государственным обвинителем отвод указанному специалисту»².

Мы имеем уникальную процессуальную ситуацию, когда «сведущее лицо» в одной ситуации трансформируется в статус эксперта, в другой ситуации – в статус специалиста. При этом возможна динамика такого перемещения из одного статуса в другой и обратно в рамках одного дела. У эксперта процессуальный статус обусловлен задачей, которая стоит перед ним, – производство экспертизы и дача заключения. Со специалистом же не все так просто.

Законодатель четко определил четыре направления процессуального содействия специалиста, которое возможно в уголовно-процессуальной деятельности – содействие в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, для применения технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию (ч. 1 ст. 58 УПК РФ).

Верховный Суд РФ в своем определении указал, что согласно ст. 58 УПК РФ специалист, выполняя процессуальные функции, может быть допрошен по обстоятельствам проведения соответствующего процессуального действия и его показания не являются самостоятельным источником доказательств. Как лицо, обладающее специальными знаниями, специалист может быть привлечен для содействия в исследовании материалов дела, постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения суду и сторонам вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию, при этом он может дать необходимые пояснения по специальным, относящимся к его компетенции вопросам науки, техники, искусства или ремесла, но не вправе проводить какое-либо исследование, составляющее содержание иного процессуального самостоятельного действия – судебной экспертизы, назначаемой в установленном законом порядке, и давать по результатам этого исследования свое заключение»³.

В то же время в уголовном судопроизводстве имеет место использование специальных знаний путем привлечения сведущих лиц, выделенных в качестве

¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22 августа 2017 г. № 66-АПУ17-12сп. URL: <https://legalacts.ru> (дата обращения: 11.09.2024).

² Апелляционное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 21 мая 2014 г. № 66-АПУ14-32. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70569758/> (дата обращения: 11.09.2024).

³ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 5 июля 2016 г. № 5-АПУ16-27. URL: <https://legalacts.ru> (дата обращения: 11.09.2024).

самостоятельных участников процесса, – переводчика, педагога, психолога. Может быть ситуация, когда лицо, знания которого объективно необходимы для производства, содействует должностному лицу, при этом статус такого лица закон не определяет совсем. Например, в случае производства ревизии или документальной проверки в стадии возбуждения уголовного дела.

Получается, что формально под статус специалиста объективно попадают все лица, которые оказывают помощь исходя из имеющихся у них познаний за исключением производства судебной экспертизы. Главное, что это соответствует цели уголовного судопроизводства, а их действия содействуют производству по уголовному делу.

Возникает вопрос: любая ли помощь по своему характеру может определяться как помощь специалиста, или существуют все же ограничения по ее содержанию? Законодатель в настоящее время не конкретизирует такой момент. Но помощь фактически можно разделить на два вида. Первый – это помощь, направленная на непосредственное собирание доказательств по уголовному делу. Определяющим словом будет «непосредственное». Сюда можно отнести, например, участие специалиста в осмотре места происшествия, участие в качестве консультанта, обладающего информацией о работе тех или иных механизмов, объясняющего необходимые специальные термины и т. д. Это субъекты, которые участвуют в формировании доказательств.

Второй вид – это помощь, но, скажем так, опосредованно связанная с собиранием доказательств, например, оказание технической помощи в ходе производства по уголовному делу. В качестве примера приведем оказание технической помощи при допросе с использованием видео-конференц-связи, или работа секретарю судебного заседания по вызову лиц в суд и проверке их явки. Эта помощь также связана с осуществлением производства по уголовному делу, т. е. она также содействует конечному процессуальному результату и, более того, такие действия регламентированы уголовно-процессуальным законом. Но помощь эта больше обеспечительного характера, можно ее свести к таким характеристикам, как организационная, техническая.

Если первый вид помощи понятен, не вызывает споров и признается помощью специалиста, то второй вид помощи неоднозначен. Поскольку закон не дает нам ответа на этот вопрос, обратимся к судебной практике.

При рассмотрении уголовного дела в апелляционной инстанции Верховный Суд РФ отметил, что в соответствии с ч. 6 ст. 164 УПК РФ при производстве следственных действий могут применяться технические средства и способы обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления, при этом закон не содержит запрета на применение указанных средств непосредственно следователем. Привлечение к производству следственного действия специалиста, по смыслу ч. 1 ст. 58 УПК РФ, необходимо лишь в тех слу-

чаях, когда для применения технических средств необходимы специальные знания. Поскольку для применения фотоаппарата при проверке показаний на месте специальных знаний не требуется, следовательно был вправе самостоятельно, без привлечения специалиста, использовать указанное техническое средство для фиксации хода и результатов следственного действия¹.

В другом определении Верховный Суд РФ указывает: «Вопреки доводам защиты, для просмотра вещественных доказательств специалист, как процессуальное лицо, предусмотренное ст. 58 УПК РФ, не привлекался, судом было приглашено лицо для оказания технической помощи в просмотре данных цифрового накопителя, а не для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов»².

Мы в данном случае ведем речь о двух первых видах процессуального содействия, указанных в ч. 1 ст. 58 УПК РФ. Фактически суд так же разделяет техническую помощь, оказываемую в ходе производства по уголовному делу, и содействие в обнаружении, закреплении и изъятии предметов документов. При этом техническая помощь, для которой не требуются специальные познания, помощью специалиста не признается.

Обратимся в такому виду содействия, как применение технических средств в исследовании материалов уголовного дела. По нашему мнению, не совсем корректна формулировка «в исследовании материалов дела». Считаем такое пояснение несколько размытым. Более удачной видится содействие в «применении технических средств в ходе производства по уголовному делу». Вместе с тем возникает следующий вопрос: не охватывается ли такое содействие первым видом помощи? Ведь применение технических средств, как правило, направлено на обнаружение, закрепление и изъятие предметов и документов. Содействие может быть оказано в применении технических средств для фиксации такого доказательства, как, например, показания лица. Ну или применение технических средств может быть вообще не связано с получением доказательств, а связано, например, с обеспечением производства по уголовному делу. Здесь можно привести пример с обеспечением использования при допросе систем видео-конференц-связи. Учитывая судебное мнение, изложенное выше, предлагаем законодательно уточнить природу такой помощи – «применение технических средств в ходе производства по уголовному делу, требующее специальных познаний». Предлагаемая нами формулировка кажется оптимальной, поскольку с одной стороны, применение технических средств не должно привя-

¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 5 сентября 2017 г. № 56-АПУ17-18. URL: <https://legalacts.ru> (дата обращения: 11.09.2024).

² Кассационное определение Верховного Суда РФ от 5 октября 2011 г. № 52-О11-11. URL: https://dogovor-urist.ru/судебная_практика/дело/52-о11-11 (дата обращения: 11.09.2024).

зываются к определенным видам работ, с другой – она должна быть обособлена необходимостью специальных познаний.

Выводы:

1. Нет принципиальных отличий в использовании терминов «специальные познания», «специальные знания» при характеристике процессуального статуса сведущих лиц. Критерием должны выступать такие качества, как наличие у субъекта специальных знаний (познаний), их достаточность для решения процессуальных задач, компетентность лица, наличие навыков и практического опыта.

2. Часть 1 статьи 58 УПК РФ предлагаем изложить следующим образом: «Специалист – лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном настоящим Кодексом, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в ходе производства по уголовному делу, требующее специальных познаний, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию».

3. Содействие, оказываемое специалистом, должно предполагать у лица наличие соответствующих специальных знаний, и реализация такой помощи должна содействовать непосредственному сбору, формированию доказательств.

В заключение отметим, что, невзирая на то, что процессуальное положение специалиста как участника уголовного судопроизводства в УПК РФ впервые нашло свое самостоятельное отражение, тем не менее современная процессуальная регламентация процессуального статуса специалиста вызывает большое количество вопросов. Специалист активно вовлекается в современное уголовное судопроизводство, его специальные познания востребованы, а процессуальное содействие необходимо, поэтому, конечно же, законодатель должен стремиться к совершенствованию процессуального статуса, которое, в итоге, послужит конечной цели уголовного процесса.

Библиографический список

1. Арсеньев В. Д., Заболоцкий В. Г. Использование специальных знаний при установлении фактических обстоятельств дела. Красноярск, 1986.
2. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. М., 2000.
3. Гришина Е. П. Сведущие лица в российском уголовном судопроизводстве: теоретические проблемы доказывания и правоприменительной практики. М.: Юрлитинформ, 2012.
4. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1973.
5. Селина Е. В. Применение специальных познаний в уголовном процессе. М., 2002.
6. Трапезникова И. И. Специальные знания в уголовном процессе России (понятие, признаки, структура): автореф. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004.

7. Эйсман А. А. Заключение эксперта (структура и научное обоснование). М., 1967.

References

1. Arsenyev V. D., Zabolotsky V. G. Use of Special Knowledge in Establishing the Factual Circumstances of a Case. Krasnoyarsk, 1986.
2. Belkin R. S. Forensic Encyclopedia. Moscow, 2000.
3. Grishina E. P. Knowledgeable Persons in Russian Criminal Proceedings: Theoretical Problems of Proof and Law Enforcement Practice. Moscow: Yurлитинформ, 2012.
4. Ozhegov S. I. Dictionary of the Russian Language. Moscow, 1973.
5. Selina E. V. Application of Special Knowledge in Criminal Procedure. Moscow, 2002.
6. Trapeznikova I. I. Special Knowledge in Criminal Procedure in Russia (Concept, Features, Structure): Abstract of a Cand. of Law. Chelyabinsk, 2004. Page 6.
7. Eisman A. A. Expert opinion (structure and scientific substantiation). Moscow, 1967.

Информация об авторе

Зеленина Ольга Александровна – кандидат юридических наук, доцент

Information about author

Zelenina Olga A. – Candidate of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 22.08.2024; одобрена после рецензирования 05.09.2024; принята к публикации 18.09.2024

The article was submitted 22.08.2024; approved after reviewing 05.09.2024; accepted for publication 18.09.2024

О незаконной миграции (понятие, сущность и содержание)

Иванов Пётр Иванович

Академия управления МВД России, Москва, Россия, IvanovPI1952@yandex.ru

Аннотация. Среди множества вызовов и угроз национальной безопасности незаконная миграция, экспортируемая на территорию Российской Федерации преимущественно транснациональными организованными преступными группами, в значительной степени осложняет криминогенную ситуацию в стране, усиливает социальную напряженность, способствует возникновению межнациональных конфликтов и формированию этнических организованных преступных групп, экстремистских и террористических организаций, а также распространению незаконного оборота наркотических средств и оружия.

В обобщенном виде суть затронутой в настоящей статье проблемы заключается в разрешении существующего противоречия между теоретическим осмыслением процесса незаконной миграции с научной точки зрения, нацеленного на поиск путей и способов единообразного понимания понятий, категорий, сущности и содержания указанного социально-правового явления с учетом современных достижений науки и техники, и правоприменительной практикой.

Ключевые слова: органы внутренних дел, оперативные подразделения полиции, оперативно-розыскная политика, национальная безопасность, ее система, структурные элементы, незаконная миграция, ее организация, новая угроза, противодействие, система комплекса мер

Для цитирования: Иванов П. И. О незаконной миграции (понятие, сущность и содержание) // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 3. С. 135–141.

Original article

On illegal migration (concept, essence and content)

Ivanov Peter I.

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia,
IvanovPI1952@yandex.ru

Abstract. Among the many challenges and threats to national security, illegal migration, exported to the territory of the Russian Federation mainly by transnational organized criminal groups, significantly complicates the criminal situation in the country, increases social tension, contributes to the emergence of interethnic conflicts and the formation of ethnic organized criminal groups, extremist and terrorist organizations, as well as the spread of illicit trafficking in narcotic drugs and weapons.

In a generalized form, the essence of the problem raised in this article is to resolve the existing contradiction between the scientific and theoretical understanding of the process of illegal migration, aimed at finding ways and means of a uniform understanding of concepts, categories, essence and content of the specified socio-legal phenomenon, taking into account modern achievements of science and technology, and law enforcement practice.

Keywords: internal affairs bodies, operational police units, operational search policy, national security, its system, structural elements, illegal migration, its organization, a new threat, counteraction, a system of complex measures

For citation: Ivanov P. I. On illegal migration (concept, essence and content)// Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 3. Pp. 135–141.

Как нам представляется, отправной точкой углубленного изучения понятия «незаконная миграция»¹

должно выступать понимание самого термина «миграция»², рассматриваемого сегодня [1], к сожалению

¹ Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2023 г. № 342 «О внесении изменений в Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622». URL: <http://consultant.ru>.

² Миграция как территориальное перемещение – не одно-

нию, по-разному. Одни авторы (К. Д. Галиахметова [2] и др.) считают, что это урегулированное государством территориальное перемещение мигрантов¹. Другие же ученые (А. В. Бубич, Г. Г. Зинкевич, А. И. Лемешева [3, с. 24]) под миграцией понимают совокупность различных по своей природе территориальных перемещений населения, сопровождающихся изменением места жительства. Не вдаваясь в тонкости возникающих дискуссионных вопросов, отметим, что поиск оптимального варианта определения сущности понятия «миграция» до сих пор продолжается.

Говоря о миграции вообще, считаем необходимо подчеркнуть одно немаловажное обстоятельство: международное уголовно-правовое регулирование различает законную и незаконную (неправомерную) миграцию. Мы полагаем, что наиболее оптимальным вариантом исследования с теоретико-методологических точек зрения и образующих подсистем является подход, когда указанный феномен будет представлен в виде системы «законная миграция – незаконная (неправомерная) миграция – организация незаконной миграции». В настоящее время подсистема «организация незаконной миграции» существует как уголовно-правовая норма (ст. 322.1 УК РФ) бланкетного характера, отсылающая к федеральным законам и подзаконным нормативным актам, регламентирующим процессы миграции населения. При этом нельзя не отметить, что сегодня уголовное законодательство не дает понятия «организация незаконной миграции». Между тем мы являемся сторонниками концепции, суть которой заключается в тесной взаимосвязи организации как таковой с незаконной миграцией. При анализе уголовно-криминальных признаков легко обнаруживается наличие корреляционной связи. Следует констатировать, что однозначное толкование понятия «организация» (именно как разновидности деятельности²) в уголовном праве отсутствует. Вследствие этого существуют различные подходы к его интерпретации. К сожалению, отдельные из них расходятся с теорией организации и управления.

Между тем в юридической литературе существует твердая позиция ряда исследователей, согласно

родный феномен, она характеризуется множеством видов. В частности, различают внешнюю и внутреннюю миграцию. К внешней относится эмиграция и иммиграция (перемещение за пределы страны). Среди внешних миграций необходимо выделять межконтинентальные и внутриконтинентальные; в последнее время второй из этих видов стал преобладающим. Внутренняя миграция – пространственное перемещение населения внутри страны. Она может быть межрегиональной и региональной.

¹ Такое перемещение мигрантов, по их мнению, связано с пересечением ими государственной или административно-территориальной границы, обусловлено изменением места жительства на постоянный или временный срок и, как правило, сопровождается изменением правового статуса мигрантов.

² Термин «организация» нами рассматривается как вид согласованной и целенаправленной деятельности, ее упорядоченность, исходя из целей и задач, стоящих перед осуществляющими ее субъектами.

которой базовыми компонентами понятия «противодействие организации незаконной миграции» [4] выступают: преступное событие в сфере миграции, личность преступника, криминальные схемы, детерминанты и комплекс гласных и негласных мер. Как нам представляется, оно охватывает все ключевые элементы, составляющие содержание данного вида противодействия.

Изучение научной литературы, нормативных правовых актов, включая международные, убедительно показывает, что на сегодня термин «незаконная миграция»³ употребляется и в узком, и в широком смысле. Чтобы понять разницу между ними приведем несколько определений. Так, например, И. А. Алешковский [5, с. 40] незаконную миграцию связывает с перемещением людей⁴. Для сравнения предложим понятие, сформулированное А. Е. Садовской [6, с. 30], которая называет несколько вариантов пересечения государственной границы⁵, относящихся к миграции. Как видим, в данном определении детализирован сам механизм перемещения.

Для глубокого уяснения читателем сущности узкого смысла термина «незаконная миграция» укажем еще одно определение, данное А. В. Топилиным [7, с. 851]. Автор полагает, что «нелегальная миграция – это въезд граждан одной страны в другую с целью их нелегального трудоустройства. Как нам представляется, такое усеченное представление анализируемого термина вряд ли поможет уловить его существо. Со своей стороны полагаем, что данное понимание ограничивается двумя форматами:

а) въезд на территорию государства, пребывание на его территории и выезд за пределы его территории с нарушением действующего в этом государстве законодательства;

б) перемещение на территорию государства – участника СНГ, прибытие, перемещение с его территории граждан указанных стран, граждан третьих

³ В научной литературе справедливо отмечается, что наряду с термином «незаконная миграция» (illegal migration) нередко в международно-правовых актах и международно-правовой доктрине встречаются такие понятия, как «нелегальная», «недокументированная» (un documented migration), «тайная». В настоящей работе автор их рассматривает как тождественные.

⁴ Незаконная миграция в понимании автора есть территориальные (пространственные) перемещения людей через административные границы, сопровождаемые нарушением правил выезда из страны выезда, правил въезда и/или пребывания (проживания) в стране прибытия, правил транзита через третью страну или правил осуществления трудовой деятельности в стране прибытия.

⁵ Автор утверждает, что имеет место пересечение границы вне контрольно-пропускных пунктов, через контрольно-пропускные пункты, но с использованием поддельных миграционных документов, получение миграционных документов с предоставлением недостоверных сведений, прибытие на территорию другого государства без надлежаще оформленных миграционных документов, осуществление на территории государства незаконной трудовой деятельности.

стран или лиц без гражданства с нарушением законодательства данного государства.

В обобщенном виде, на наш взгляд, термин «незаконная миграция» охватывает неправомерные действия на следующих четырех этапах: при въезде, транзите, пребывании в государстве, а также при незаконном способе занятости.

Что же касается понятия «незаконная миграция» в широком смысле слова, то мы в настоящей работе ограничиваемся дефиницией, данной О. И. Жуковой [8, с. 94], которая, на наш взгляд, смогла с учетом научной концепции международно-правовой доктрины аккумулировать базовые признаки, не нашедшие отражения в узком понимании рассматриваемого процесса. Итак, под незаконной миграцией, по ее мнению, следует понимать вид территориального перемещения¹.

Еще раз хотим подчеркнуть, что такое понимание раскрывает не только сущность, но и специфические особенности указанного вида противоправной деятельности. Думается, что предложенная формулировка понятия «незаконная миграция» соответствует основным критериям, предъявляемым к определениям такого вида.

Изучая сущность незаконной миграции, мы невольно возвращаемся к высказываниям профессора Г. А. Аванесова о том, что названное явление следует представлять как развивающийся целостный организм. Оно должно анализироваться главным образом с двух позиций – с социальной и с правовой. При этом важно принимать во внимание, что сущность всегда есть внутренняя и единая характеристика явления. Отсюда вытекает одно концептуально важное положение, а именно, за явлением всегда надо уметь разглядеть сущность. Г. А. Аванесов в свое время писал, что сущность преступности одна – социально-правовая. Приведенные высказывания профессора, на наш взгляд, вполне можно перенести на анализируемое нами явление – незаконную миграцию. Мы, исходя из его наставлений, должны помнить: «сущность глубже, а явление – богаче, многообразнее, но они взаимосвязаны: сущность всегда проявляется и определяет явление, а любое явление существенно не само по себе, а в связи с выражением сущности». Отсюда следует, что сущность, будучи устойчивой по отношению к явлению, постоянно изменяется. Нет сущности явления без его существования, которое и есть, по мнению специалистов, основное проявление сущности.

¹ Перемещение, осуществляемое с пересечением государственных границ двух и более государств, характеризующееся единичным отдельным правонарушением или их совокупностью, выражающихся в нарушении правил выезда из государства происхождения, въезда в государство назначения, в нарушении иммиграционного и трудового законодательства государства назначения и/или транзитного государства, в несоответствии заявленной цели пребывания и фактической цели или в неполучении статуса беженца или лица, нуждающегося в дополнительной защите (равно как и при утрате (аннулировании, отмене) данного статуса), в случае, если лицо нарушило миграционное законодательство государства назначения.

Хотим подчеркнуть еще одну деталь: сущность любого сложного объекта раскрывается на уровне его системного исследования. В рамках настоящей статьи мы не планировали рассмотрение элементов незаконной миграции, а это задача последующих работ.

Чтобы понять сущность незаконной миграции, которая, как известно, проявляется через системообразующие признаки, необходимо указать лишь наиболее значимые. К их числу мы относим:

- незаконный въезд на территорию РФ;
- нелегальное (незаконное) пересечение государственной границы РФ;
- злостное нарушение иммиграционного законодательства, выражающееся в отсутствии регистрации, пропуске установленного визой срока пребывания или неполучении патента;
- незаконное пересечение при въезде на территорию РФ границ транзитных государств, являющееся нарушением миграционного законодательства этих государств;
- несоответствие заявленной при въезде в РФ и фактической цели;
- неполучение статуса беженца в стране пребывания.

Хотим заметить, что приведенный перечень, безусловно, не является исчерпывающим. К числу значимых признаков мы также относим незаконный ввоз (контрабанда) мигрантов.

Одновременно следует подчеркнуть, что на сегодня страны Европы располагают большим опытом борьбы с незаконной миграцией. Однако из-за временного сворачивания международного сотрудничества с ними правоохранительным органам не представляется возможным изучить его в части выявления и пресечения фактов торговли людьми, организации наёмных преступников, проституции и в последующем внедрении в свою деятельность.

Международные правовые акты содержат немало дефиниций, в том числе «незаконный мигрант», «противоправный ввоз граждан» (рассматривается как средство обеспечения²). Многие приводимые понятия напрямую связаны с получением финансовой или иной материальной выгоды.

Мы к числу упомянутых признаков относим и организацию незаконного транзитного проезда³.

² Протокол незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. // СЗ РФ. 2004. №40. Ст. 3883.

³ Под организацией незаконного транзитного проезда нами понимаются любые действия лица, которые направлены на обеспечение пересечения Государственной границы РФ другим лицом, проезда им по ее территории и повторное пересечение границы РФ тем же лицом без паспорта (документа, удостоверяющего личность), визы, миграционной карты с регистрацией в установленном законом порядке или вида на жительство, или временного разрешения на проживание на территории РФ (оказание помощи транзитным мигрантам транспортом, обеспечение поддельными документами, сокрытие от таможенных органов).

Вышеуказанные признаки некоторые исследователи причисляют к числу форм незаконной миграции. Думается, что такое утверждение имеет право на существование, но требует дополнительной аргументации.

Незаконная миграция как вид противоправной деятельности имеет сугубо индивидуальное содержание, слагаемое из множества относительно самостоятельных действий, противоречащих действующему миграционному законодательству. Совокупность вышеприведенных нами признаков одновременно характеризует противоправность совершаемых действий.

Исследование проблем, связанных с определением понятия «незаконная миграция», его сущности и содержания, – не самоцель. Такая научно-исследовательская работа должна проводиться в интересах разработки современной методики противодействия данному явлению [9] как одной из угроз национальной безопасности страны¹. Мы в рамках настоящей статьи не преследовали такую цель, а потому и не предложили научной общественности авторский вариант указанной методики, поскольку мы со своей стороны полагаем, что это тема отдельного рассмотрения.

Глубокое научно-теоретическое осмысление понятия, сущности и содержания незаконной миграции мы не представляем без установления присущих ей закономерностей², поскольку благодаря уже познанному удастся проникнуть внутрь механизма ее осуществления. В данной статье мы не даем окончательное решение названной задачи, ибо в ее рамках вряд ли удастся это сделать. Между тем хотим представить читателям свое видение через призму рассмотрения следующей группы закономерностей, проявляющейся в виде:

причинно-следственной связи между такими понятиями, как «миграция», «незаконная миграция», «организация незаконной миграции» (говоря об этом, отметим характерные черты: тесная взаимообусловленность, наличие стержня (основы) для системного подхода к их исследованию, упорядоченность незаконной миграции как целостного образования;

взаимосвязей и взаимообусловленностей между такими ключевыми элементами рассматриваемой нами системы, как объектно-предметная и субъектно-объектная ее составляющие (думается, что дан-

ное положение должно лечь в основу разработки комплекса мер по противодействию незаконной миграции);

межотраслевых связей и отношений между достижениями различных теорий, объединенных в так называемые уголовно-правовые науки. Наличие тесных корреляционных связей позволяет оперативно обмениваться инновационными (прорывными) идеями и наработками в интересах разработки современных форм и методов противодействия миграционной преступности и, прежде всего, организации незаконной миграции. При этом считаем целесообразным вычленив следующие моменты: важность на сегодня оперативно-розыскной практико-ориентированной модели, которая может выступать в качестве «реперной точки»; при ее разработке следует исходить из принципа, обуславливающего «риск-ориентированный подход»³ [10]. Учет рассматриваемой закономерности обеспечивает соблюдение сопряженности и соразмерности научных достижений при принятии управленческих решений в части совершенствования деятельности по противодействию незаконной миграции и в первую очередь путем поиска эффективных контрмер.

Руководители территориальных органов внутренних дел и их оперативных подразделений, зная вышеперечисленные закономерности и ведя их непосредственный учет в своей деятельности, могут обнаружить имеющиеся у них резервы в интересах успешного решения приоритетных оперативно-служебных задач, максимально исключить непроизводительные издержки, допускаемые ими при реализации комплекса мер по противодействию незаконной миграции в рамках рассмотренных нами оперативно-тактических ситуаций.

Принимая меры в условиях сложившейся тревожной оперативной обстановки в сфере незаконной миграции, субъектам ее противодействия необходимо помнить не только о совокупности закономерностей, но и о тенденции дальнейшей криминализации сферы миграции. В связи со сказанным мы на основе выборочного исследования предприняли попытку определить и сформулировать основные тенденции применительно к преступлениям, совершаемым в данной сфере. К их числу мы относим:

– заметное осложнение криминальной ситуации в сфере миграции на фоне интенсивности ее внешней и внутренней форм, характеризующейся наряду с другими важными обстоятельствами, увеличением вероятности проникновения в страну организован-

¹ Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 9 июля 2020 г. № 18 «О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией» [Электронный ресурс] URL: <http://consultant.ru>.

² Под закономерностью здесь и далее мы понимаем объективно существующие, необходимые, устойчивые, существенные, постоянно повторяющиеся взаимосвязи между реализацией в системе МВД РФ Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы и системой комплекса мер, направленных на стабилизацию криминогенной ситуации в сфере миграции.

³ По нашему мнению, сущность внедрения рассматриваемого метода, в частности, в оперативно-розыскное противодействие заключается в необходимости принятия в соответствии с действующим законодательством действенных оперативно-розыскных и иных мер, позволяющих исключить вероятность нанесения вреда (ущерба) национальной безопасности страны, прежде всего, в результате реализации угрозы, исходящей от иностранных граждан и лиц без гражданства, находящихся на территории Российской Федерации.

ных преступных формирований террористического и экстремистского толка (это в свою очередь может привести к формированию этнических (полиэтнических) анклавов);

- доминирование в криминальных схемах, в том числе коррупционных, современных технических средств и информационных технологий [11] (последние чаще всего криминальными структурами используются при въезде иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ);

- заметное расширение (увеличение) различных видов коррупционной деятельности в сфере миграции. Это можно проследить на примере таких противоправных деяний, как злоупотребление должностными полномочиями, дача-получение взятки, вымогательство, «крышевание», «откат»¹ [12]. Например, должностные лица, курирующие сферу миграции, используя подставные или аффилированные организации, зачастую придают правомерный вид проводимой ими противоправной процедуре, тем самым им иногда удается уйти от уголовного преследования;

- высокая доля скрытой преступности среди совершаемых преступлений миграционной направленности, превышающая 90 %;

- так называемый симбиоз проявлений различных видов преступности. Такая форма находит свое проявление в виде сращивания экономической, коррупционной, общеуголовной, миграционной и иной преступности. Тем самым мы имеем дело с уголовно-правовыми явлениями повышенной общественной опасности, что накладывает свой отпечаток на своевременное их выявление и пресечение.

Не исключается с учетом нынешней криминогенной ситуации и геополитической обстановки и такая тенденция, как превалирование в структуре выявленных преступлений в сфере миграции деяний, совершенных с использованием различных видов электронных денег, и конвертация реальных денежных платежных единиц в виртуальные активы (цифровую валюту) [13]. Как известно, иностранные граждане и лица без гражданства нередко предпочитают избежать ответственности (уголовного преследования).

Знание совокупности упомянутых закономерностей и тенденций во многом способствует принятию эффективных мер по противодействию преступлениям в сфере миграции. Такого рода меры крайне важны в условиях возникновения острой потребности в скорейшем преодолении противодействия со стороны криминальных структур и их пособников, располагающих для этого современными техническими средствами.

Оперативно-тактические ситуации, возникающие в процессе незаконной миграции, в рамках которых подразделения полиции используют комплекс мер по «раскручиванию» не только самого события преступления, но и механизма его совершения, нацелены на

сбор, анализ и систематизацию фактических данных, охватываемых понятием «документирование».

Нам в процессе выборочного изучения затронутой в настоящей работе проблемы удалось сформулировать типичные ситуации, с которыми сотрудники оперативных подразделений нередко сталкиваются. В частности:

- «от изучения и анализа основополагающих документов, затрагивающих вопросы реализации миграционной политики, – к доктрине (научной концепции) в сфере миграции в условиях цифровизации» (со своей стороны полагаем, что разрешение указанной ситуации имеет весомое теоретико-прикладное значение, а научная общественность с учетом этого должна сфокусировать свое внимание в части разработки для этого необходимой методической основы);

- «от постоянного мониторинга социально-экономических факторов – к прогнозированию складывающейся криминогенной ситуации в сфере миграции» (такая повседневная работа, как показывает практика, приносит желаемый результат в плане своевременной локализации и нейтрализации возможных последствий миграционных преступлений);

- «от интенсивности внешней и внутренней миграции – к системе комплекса мер, направленных на упреждение миграционных правонарушений»;

- «от фактов проникновения в РФ под видом мигрантов активных членов организованных преступных формирований – к адекватным мерам по своевременному пресечению их деятельности» (как показывает правоприменительная практика, террористические и экстремистские организованные преступные структуры, поддерживаемые на международном уровне, всячески стремятся попасть на территорию нашей страны, чтобы совершать террористические акты и иные преступления против общественной безопасности);

- «от иностранного гражданина, с которым установлен оперативный (психологический) контакт – к противоправным деяниям мигрантов»;

- «от непрерывного осуществления государственного контроля (надзора) за соблюдением норм действующего законодательства в сфере миграции – к мерам противодействия коррупции» (объектом такого контроля должны стать предоставляемые со стороны государства иностранным гражданам услуги в названной сфере);

- «от потерпевшего [14] – к иностранному гражданину либо лицу без гражданства, совершившему преступление»;

- «от иностранных граждан и лиц без гражданства, незаконно находящихся в РФ – к разыскиваемым лицам».

В заключение, обобщая вышеизложенное, отметим следующее:

Во-первых, понятие «незаконная миграция», по нашему мнению, должно состоять из трех взаимосвязанных компонентов, а именно: объектно-предметной, субъектно-объектной составляющей, а также из целеполагания. В таком формате оно подчеркивает

¹ Одним из источников получения теневого (незаконного) капитала чиновниками выступают так называемые «откаты».

относительную самостоятельность данного вида деятельности по сравнению с иными.

Во-вторых, сущность незаконной миграции находит свое проявление посредством изучения и критического анализа совокупности системообразующих признаков, характеризующих указанные компоненты.

В-третьих, содержание незаконной миграции образует множество различных действий, охватывающих научно-теоретические, правовые и организационно-тактические аспекты, которые, на наш взгляд, в силу особой значимости заслуживают отдельного рассмотрения.

Библиографический список

1. Шкилев А. Н. Миграция: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2006.
2. Галияхметова К. Д. Конституционно-правовое регулирование положения мигрантов в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Москва. 2006. 233 с.
3. Лемешев А. И. Глоссарий по миграции. Минск: Информационный центр при МИД Республики Беларусь, 2000.
4. Ишин И. А. "Противодействие преступности" или "борьба с преступностью": анализ понятий // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2022. № 3(92). С. 213–220.
5. Алешковский И. А. Нелегальная миграция как феномен глобального мира // Век глобализации. 2014. № 2 (14). С. 40.
6. Садовская А. Е. Незаконная миграция и проблемы ее предупреждения // Мысль. 2002. № 2. С. 30.
7. Топилин А. В. Нелегальная миграция: масштаб и социально-экономические последствия // Использование иностранной рабочей силы в России: материалы круглого стола. Москва, 2005. С. 851.
8. Жукова О. И. К вопросу о понятии незаконной миграции в современном международном праве и международно-правовой доктрине // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 94.
9. Богданов А. В. Противодействие незаконной миграции правоохранными органами в России: монография (под ред. А. В. Богданова, Е. Е. Хазова). Новосибирск: Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации. 2023. 100 с.
10. Иванов П. И. Внедрение метода риск-ориентированного подхода в деятельность по оперативно-розыскному противодействию экономическим и коррупционным преступлениям (в порядке постановки проблемы) // Юрист-Правовед. 2023. № 1 (104). С. 80–89.
11. Иванов П. И. Оперативно-розыскное противодействие киберпреступлениям: точка зрения // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 4 (64). С. 83–92.

12. Криминологическая характеристика «откатов» в современной России: монография / под общ. ред. докт. юрид. наук Р. В. Жубрина. Москва: Юрлитинформ, 2016. 248 с.

13. Ишин И. А. Выявление электронно-цифровых следов при раскрытии преступлений в сфере незаконного оборота полудрагоценных камней // Актуальные проблемы современного российского государства и права: материалы ежегодной Всероссийской научно-практической конференции. Калининград, 20 мая 2022 года. Калининград: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2022. С. 55–58.

14. Иванов П. И. Оперативно-розыскная виктимологическая профилактика преступлений – неотъемлемая часть оперативно-розыскной профилактики (в порядке постановки проблемы) // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2022. № 4 (61). С. 112–118.

References

1. Shkilev A. N. Migration: criminal law and criminological aspects. Abstract of the dissertation. ... cand. Jurid. sciences. Nizhny Novgorod, 2006.
2. Galiakhmetova K. D. Constitutional and legal regulation of the situation of migrant sin the Russian Federation: dis. ... cand. Jurid. M., 2006. 233 p.
3. Lemeshev A. I. Glossary on migration. Mn.: Information Center at the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Belarus, 2000. p. 24.
4. Ishin, I. A. "Countering crime" or "fighting crime": an analysis of concepts // Scientific bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2022. № 3 (92). Pp. 213–220.
5. Aleshkovsky I. A. Illegal migration as a phenomenon of the global world // Century of globalization. 2014. № 2 (14). Pp. 40.
6. Sadovskaya A. E. Illegal migration and problems of its prevention // Thought. 2002. № 2. Pp. 30.
7. Topilin A. V. Illegal migration: scale and socio-economic consequences // The use of foreign labor in Russia: round table math. Moscow, 2005. Pp. 851.
8. Zhukova O. I. On the issue of the concept of illegal migration in modern international law and international legal doctrine // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 3. Pp. 94.
9. Countering illegal migration by law enforcement agencies in Russia: monograph (edited by A. V. Bogdanov, E. E. Khazov). Novosibirsk: Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after General of the Army I. K. Yakovlev of the National Guard of the Russian Federation, 2023. 100 p.
10. Ivanov P. I. Introduction of the risk-based approach method into the activities of operational investigative counteraction to economic and corruption crimes (in the order of problem formulation) // Jurist-Pravoved. 2023. № 1 (104). Pp. 80–89.
11. Ivanov P. I. Operational investigative counteraction to cybercrimes: a point of view // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 4 (64). Pp. 83–92.

12. Criminological characteristics of "kickbacks" in modern Russia: monograph / under the general ed. of the doctor. Jurid. Sciences R. V. Zhubrina. Moscow: Yurlitinform, 2016. 248 p.

13. Ishin I. A. Identification of electronic and digital traces in the detection of crimes in the field of illicit trafficking in semiprecious stones // Actual problems of the modern Russian state and law: Materials of the annual All-Russian scientific and practical conference, Kaliningrad, May 20, 2022. Kaliningrad: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2022. Pp. 55–58.

14. Ivanov P. I. Operational investigative victimological crime prevention is an integral part of operational investigative prevention (in the order of problem statement) // Bulletin of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 4 (61). Pp. 112–118.

Информация об авторе

Иванов Петр Иванович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный профессор Академии управления МВД России

Information about the author

Ivanov Peter I. – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Professor of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Статья поступила в редакцию 17.07.2024; одобрена после рецензирования 25.07.2024; принята к публикации 18.09.2024

The article was submitted 17.07.2024; approved after reviewing 25.07.2024; accepted for publication 18.09.2024

Научная статья
УДК 343.3/7

Правила конструирования специальных составов преступлений

Кукасов Максим Викторович
Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия,
maxim.kukasov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается актуальная для российского уголовного права проблема построения специальных составов преступлений. Автор доказывает отсутствие в современном уголовном законодательстве единых правил создания данных конструкций, негативно сказывающееся на толковании уголовно-правовых норм. В статье предлагается понимание особой правовой природы специальных составов, которые производны от общего состава, но обладают определенной спецификой. Особое внимание уделяется классификации правил формирования специальных составов, предполагающей их деление на общие и специальные. Также в работе предлагаются конкретные рекомендации относительно конструирования данных составов, обращая внимание на необходимость унификации и последовательности их соблюдения в уголовном законодательстве.

Ключевые слова: специальные составы преступлений, правила конструирования, юридическая техника, состав преступления

Для цитирования: Кукасов М. В. Правила конструирования специальных составов преступлений // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 3. С.142–147.

Original article

Rules for the construction of special crimes

Kukasov Maxim V.
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia,
maxim.kukasov@yandex.ru

Abstract. The article deals with the problem of constructing special structures of crimes, which is relevant for Russian criminal law. The author proves the absence of uniform rules for the creation of these structures in modern criminal legislation, which negatively affects the interpretation of criminal law norms. The article offers an understanding of the special legal nature of special formulations, which are derived from the general composition, but have certain specifics. Special attention is paid to the classification of the rules for the formation of special compositions, suggesting their division into general and special. The paper also offers specific recommendations on the design of these compounds, paying attention to the need for unification and consistency of their observance in criminal legislation.

Keywords: special offences, rules of construction, legal technique, corpus delicti

For citation: Kukasov M. V. Rules for the construction of special crimes // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 3. Pp. 142–147.

В действующем уголовном законодательстве и в теории квалификации преступлений основополагающим выступает правило преимущества специального состава преступления по отношению к общему. Иначе говоря, в тех случаях, когда совершенное деяние содержит признаки нескольких составов преступлений,

один из которых общий, а другой – специальный, то квалификация осуществляется по последнему из них. Однако, квалифицируя общественно опасное деяние, правоприменительные органы зачастую не могут от-

нести тот или иной состав к числу общих или специальных.

Указанный вопрос следует признать сложным и дискуссионным по следующим причинам: во-первых, в теории уголовного права отсутствуют комплексные исследования о специальных составах (в литературе встречаются лишь единичные упоминания о данной разновидности конструкций, которые в своей основе применимы лишь к отдельным разновидностям преступных деяний [1, с. 141]; во-вторых, законодатель в настоящее время достаточно произвольно формулирует составы преступлений в Особенной части УК РФ, зачастую не руководствуясь при этом какими-либо правилами. В данном утверждении можно убедиться на примере составов мошенничеств, выделяемых в зависимости от сферы преступной деятельности (ст. 159.1–159.6 УК РФ). В частности, существенным образом регламентация данных составов отличается по предмету (к примеру, в ст. 159.6 УК РФ законодателем обозначены такие разновидности предмета, как имущество и право на имущество, хотя в иных составах последняя разновидность не предусмотрена). Таким образом, для квалификации преступления необходимо иметь четкое представление о разновидности конкретного состава преступления и об отнесении его к числу общих либо специальных. В связи с чем в теории уголовного права следует разработать единое понимание специальных составов преступлений, а также правила их создания.

В уголовно-правовой теории были разработаны разнообразные правила конструирования составов преступлений, которые определяют требования к внутренней и внешней законодательной технике [2, с. 10–37]: праксеологические, лексико-грамматические и логические [3, с. 38–39].

В этой части следует отметить, что в научных трудах чаще всего такие правила объединены в перечни, причем объем и подходы к их изложению у разных авторов могут существенно различаться. Например, А. И. Коробеев выделяет следующие: внутренняя согласованность уголовного законодательства, стройность архитектоники уголовно-правовой нормы, строгость стиля, ясность, простота и доступность языка и др. [4, с. 105–123]. Т. Р. Сабитов считает, что основными требованиями уголовного правотворчества выступают полнота состава, беспробельность закона, отсутствие избыточности [5, с. 162–171].

Очевидно, что приведенные требования имеют в большей степени отношение к созданию общего состава преступления (безотносительно к какой-либо разновидности).

Полагаем, что правила конструирования специальных составов должны иметь определенную специфику, что объясняется их особой правовой природой. В частности, выделение данных составов в отдельный вид исходит из того, что по сравнению с общим составом в такую разновидность включены признаки, отражающие повышенную или пониженную общественную опасность преступного деяния.

Однако целесообразно указать позицию, согласно которой состав преступления не отражает общественную опасность преступления. Так, А. М. Герасимов считает, что степень общественной опасности определяется только судом в процессе разбирательства, состав же, по мнению ученого, отражать содержание общественной опасности не может [6, с. 190]. В свою очередь мы считаем уместным указать, что введение специального состава вызывается необходимостью изменения уголовной ответственности (в большую либо меньшую стороны) по сравнению с общими границами ее реализации. Например, убийство, совершенное в состоянии аффекта в силу особого психоэмоционального состояния виновного в процессе совершения преступления, обуславливает изменение общественной опасности такого деяния, и, как следствие, целесообразность снижения уголовного наказания.

На основании изложенного можно сделать вывод, что в специальном составе преступления в обязательном порядке следует отражать признак (либо признаки), который олицетворяет повышение или понижение общественной опасности преступления и объясняет обоснованность выделения такой специальной разновидности конструкций.

Соответственно, **первое правило** конструирования специальных составов преступлений заключается в том, что четкую детализацию должен получить тот признак (один или совокупность), который будет отражать особое предназначение данного состава.

Например, в специальном составе может уточняться характеристика предмета. При этом возможна его детализация по количественным либо качественным показателям. Количественные характеристики предмета должны выделять численный промежуток, «отсекающий» от диапазона, обозначенного в общем составе, определенный отрезок. К примеру, в составе получения взятки в значительном размере ч. 2 ст. 290 УК РФ специальный состав содержит количественный показатель предмета взятки от 25 000 до 150 000 рублей.

Критерии разграничения размера предмета преступления должны быть указаны в уголовном законе (например, в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ). При этом законодателю следует соблюдать единство количественных показателей применительно к специальным составам преступлений, выделяемых по отношению к одному и тому же общему составу. Так, различные критерии исчисления размера предмета хищения в статьях, устанавливающих уголовную ответственность за мошенничество, приводят к вопросам обоснованности дифференциации уголовной ответственности, а также влекут проблемы квалификации преступных деяний. Корреляцию количественных показателей предмета мошенничества и наказуемости различных специальных видов можно продемонстрировать следующим образом (см. Таблицу).

<i>Количественный показатель предмета</i>	<i>Наказание за общий родовой состав мошенничества</i>	<i>Наказание за предпринимательское мошенничество</i>	<i>Наказание за кредитное и страховое мошенничество</i>
2500–5000 рублей	до 2 лет лишения свободы	Не несет уголовной ответственности	Арест до 3 месяцев
5000–10 000 рублей	ч. 1 – до 2 лет лишения свободы; ч. 2 – до 5 лет, если это значительный ущерб	Не несет уголовной ответственности	Арест до 3 месяцев
10 000–250 000 рублей	ч. 2 – до 5 лет лишения свободы, если это значительный ущерб для потерпевшего; ч. 1 – до 2 лет лишения свободы, если незначительный ущерб для потерпевшего	Лишение свободы на срок до 5 лет	Арест до 3 месяцев
250 000–1 000 000 рублей	Лишение свободы на срок до 6 лет	Лишение свободы на срок до 5 лет	Арест до 3 месяцев
1 000 000–1 500 000 рублей	Лишение свободы на срок до 10 лет	Лишение свободы на срок до 5 лет	Арест до 3 месяцев
1 500 000–3 000 000 рублей	Лишение свободы на срок до 10 лет	Лишение свободы на срок до 5 лет	Лишение свободы на срок до 6 лет
3 000 000–6 000 000 рублей	Лишение свободы на срок до 10 лет	Лишение свободы на срок до 6 лет	Лишение свободы на срок до 6 лет
6 000 000–12 000 000 рублей	Лишение свободы на срок до 10 лет	Лишение свободы на срок до 6 лет	Лишение свободы на срок до 10 лет
от 12 000 000 рублей	Лишение свободы на срок до 10 лет	Лишение свободы на срок до 10 лет	Лишение свободы на срок до 10 лет

Таким образом, конструирование специального состава преступления с уточненным количественным предметом должно осуществляться с выделением промежутка размерных показателей, а также с соблюдением единообразия терминов и критериев их исчисления.

Введение специального состава преступления с уточненным качественным предметом характеризуется повышенным уровнем уголовно-правовой охраны определенного предмета ввиду его ценности для общества (ст. 164 УК РФ) либо ввиду ограниченного оборота каких-либо вещей (ст. 226 УК РФ).

Специальные составы с уточненным потерпевшим устанавливают повышенную уголовно-правовую охрану различных категорий лиц, которые ввиду своих социальных или демографических особенностей более подвержены преступным посягательствам.

При этом в современном законодательстве уголовно-правовая охрана специальных потерпевших из числа должностных лиц правоохранительных, государственных и иных органов, обеспечивающих процесс охраны прав граждан, характеризуется противоречивой и бессистемной конструкцией соответствующих специальных составов преступлений. К примеру, в составе преступления, предусмотренного ст. 317 УК РФ, потерпевшими признаются сотрудник правоохранительных органов, военнослужащий, а также их близкие. В свою очередь в составе преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ, потерпев-

шие – представители власти и их близкие. Несмотря на то, что обозначенные составы являются специальными к различным общим составам, наличие единого родового и видового объекта, а также схожесть их выделения именно по служебному положению потерпевшего свидетельствуют о необходимости учета корреляции юридического выражения признаков потерпевшего между собой.

Специальные составы с уточненными общественно опасными последствиями следует конструировать с соблюдением единообразия терминологии. Так, в различных статьях Особенной части УК РФ встречаются такие термины, как «значительный ущерб», «крупный размер», «крупный ущерб», «особо крупный размер», «особо крупный ущерб». В доктрине высказывались мнения о проблемах разграничения понятий ущерба и размера в УК РФ [7]. К примеру, специальные составы кражи, содержащиеся в п. «в» ч. 2 ст. 158, п. «в» ч. 3 ст. 158 и п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ отличаются от общего состава по количественному показателю. При этом в одном случае законодатель употребляет формулировку «значительный ущерб гражданину», а в других – «крупный и особо крупный размер», что создает определенные вопросы при разграничении указанных специальных составов преступлений.

Конструирование специальных составов с уточненным признаком в виде орудий или средств совершения преступления отличается особой проблемно-

стью, что связано с отсутствием в научных источниках однозначного подхода относительно соотношения данных понятий между собой. Учитывая многообразие мнений ученых по этому вопросу, считаем необходимым произвести их деление на несколько групп. Одни ученые четко разграничивают, указывая, что орудие – это объект материального мира, с помощью которого осуществляется воздействие на предмет или потерпевшего; а средство – это химические, физические вещества, предметы, с помощью которых создаются благоприятные условия совершения преступления или облегчается его осуществление [8, с. 14]. Помимо указанной точки зрения под средствами понимаются «предметы и процессы, используемые преступником для причинения вреда объекту посяательства» [9, с. 470]. Иную точку зрения выражает А. Н. Попов, указывая, что орудия и оборудования являются частной категорией по отношению к более широкому понятию – средства совершения преступления. К ним ученый относит «приемы, способы, методы действия, используемые при совершении преступления» [10, с. 58]. На наш взгляд, это понимание средства совершения преступления вносит противоречие в восприятие такого признака, как способ совершения преступления.

При этом судебная практика зачастую не разграничивает их, в результате в качестве орудий и средств преступления зачастую понимаются одни и те же материальные предметы¹. Синонимичное употребление указанных понятий наблюдается и в уголовно-процессуальном праве. Так, в п. 1 ст. 81 УПК РФ употребляется следующая формулировка: «вещественными доказательствами признаются любые предметы, которые служили орудиями, оборудованием или иными средствами совершения преступления».

Полагаем, смешение понятий «средство» и «орудие» противоречит не только их лексическому значению, но и нормам действующего уголовного закона. Ведь при включении в состав преступления такого признака, как орудие, законодатель чаще всего (в 26 специальных составах преступлений) использует формулировку «с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия». Если же обязательным признаком вводятся средства, то именно этот термин и употребляется при создании состава преступления. Например, в ч. 1 ст. 159.3 УК РФ указывается именно на «использование электронных средств платежа». Из указанного следует сделать вывод о том, что законодатель разграничивает данные понятия, несмотря на их схожесть.

При этом в едином специальном составе возможно сочетание признаков, не свидетельствующее об их идентичности. К примеру, в ч. 2 ст. 203 УК РФ содер-

жится такой состав превышения полномочий охранниками, аудиторами, как «с использованием оружия или специальных средств».

Учитывая, что способ совершения преступления – это «приемы, методы, тактические средства, применяемые для совершения преступления» [11, с. 17], при конструировании специального состава преступления с уточненным способом целесообразно излагать их перечень в исчерпывающем виде, не противоречащем общему составу.

Например, при конструировании специального состава мошенничества (ст. 159.1 УК РФ) законодатель стремился установить иные рамки уголовной ответственности для преступлений в сфере кредитования, однако указание в диспозиции нормы единственного способа в виде представления заведомо ложных и (или) недостоверных сведений представляется дискуссионным решением. К примеру, за рамками состава остаются такие способы, как сообщение банку ложной цели получения кредита (лицо берет льготный кредит для малого бизнеса, однако тратит деньги на иные цели), использование подставного лица для оформления кредита и т. д. Обратным примером является ст. 159.6 УК РФ, которая содержит открытый перечень способов: «хищение чужого имущества путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства», который позволяет подвести под действие уголовно-правовой нормы неограниченное число общественно опасных деяний. Однако границы возможного расширения всегда вызывают сложности в правоприменительной деятельности. Следовательно, нельзя признать обоснованным создание специальных составов преступлений с введением в число обязательных признаков способа совершения преступления, юридическое выражение которого четко не определено в законе и не ограничено определенными видами.

При этом если в составе содержатся признаки, отражающие понижение общественной опасности деяния, то такую конструкцию следует именовать привилегированным специальным составом. Так, М. С. Сирик указывает, что привилегированный состав содержит помимо признаков основного состава и специальные признаки, уменьшающие в сравнении с ним наказуемость [12, с. 69]. И наоборот, включение признаков, демонстрирующих повышение общественной опасности преступления, приводит к образованию квалифицированного специального состава.

Учитывая предложенное законодателем структурирование действующего уголовного закона, необходимо отметить, что квалифицированные специальные составы должны размещаться во второй или третьей частях статьи вместе с общим составом, а привилегированные составы – в отдельных статьях УК РФ.

Кроме того, если рассматриваемая конструкция производна от общего состава, соответственно, необходимо соблюдать правила преемственности,

¹ Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 30 октября 2014 г. № 51-АПУ14-36; Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от сентября 2011 г. № 15-О11-32; Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 2013 г. № 53-О12-76. URL: <http://vsrf.ru>.

закрывающие в том, что обязательные признаки, включенные в общий состав, должны быть присущи специальной его разновидности. Исходя из изложенного, **второе правило** юридического конструирования специальных составов заключается в необходимости соблюдения требования гомогенности (одинаковости) обязательных признаков, вытекающих из общего состава преступления.

Третье правило исходит из общих положений законодательной техники и текстологии и заключается в использовании унифицированной терминологии. Изменение в специальном составе, по сравнению с общим, терминологического выражения обязательных признаков негативным образом скажется на толковании и правоприменительной деятельности.

Достаточно сложной проблемой выступает юридическое выражение признаков специального состава преступления при помощи оценочных понятий.

К примеру, специальный состав, содержащийся в п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ включает в себя дополнительный признак общественно опасных последствий в виде «значительного ущерба гражданину». Однако конструирование данного состава преступления обуславливает возможное нарушение принципа субъективного вменения, так как на практике зачастую виновным лицам вменяют значительный ущерб, основываясь лишь на показания потерпевшего, когда он излагает мнение о том, что причиненный ему ущерб является для него значительным [13, с. 58].

Таким образом, **четвертое правило** отражения в уголовном законе специальных составов преступлений выглядит следующим образом: необходимо минимизировать использование оценочных понятий.

И, наконец, **пятым правилом** выступает учет положений Общей части УК РФ при конструировании специальных составов преступлений.

Особенное значение данное правило приобретает при выделении специальных составов, предусматривающих ответственность соучастников преступления. Так, в Особенной части УК РФ существуют специальные составы организации экстремистского, террористического, диверсионного сообщества (ст. 205.4, 281.3, 282.1 УК РФ), при этом признаки, предложенные в данных конструкциях, не соответствуют общему понятию сообщества, закрепленному в ч. 4 ст. 35 УК РФ. Учитывая, что положения Общей части УК РФ являются основополагающими для понимания Особенной части, следовательно, такие противоречия в предписаниях уголовного закона не допустимы.

Представленные правила юридического оформления специальных составов преступлений имеют двойственную природу. С одной стороны, они исходят из общих правил, разработанных в теории государства и права, в юридической технике; с другой – имеют собственную, уникальную правовую природу, обусловленную особенностями таких законодательных конструкций. В связи с чем обозначенные требования необходимо обособить в отдельную группу, терминологическое оформление которой, несмотря

на тавтологию с наименованием конструкций, можно обозначить как специальные правила.

Таким образом, соблюдение указанных требований приведет к единообразию конструкций специальных составов преступлений, что позитивным образом скажется на правоприменительной деятельности и реализации правила преимущества специального состава перед общим. Отсутствие унификации при конструировании специальных составов преступлений влечет «*чередующуюся неточностей и несоответствий при конструировании как положений Общей части УК РФ, так и отдельных составов преступлений, формирующих его Особенную часть*» [14, с. 75].

Библиографический список

1. Шабалин Л. И. Обоснованность существования специальных составов мошенничества в российском уголовном законодательстве: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 382 с.
2. Иванчин А. В. Концептуальные основы конструирования состава преступления: дис. ... д-ра юрид. наук. Ярославль, 2014. 462 с.
3. Панько К. К. Основы законодательной техники в уголовном праве России (теория и законодательная практика): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2006. 52 с.
4. Коробеев А. И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. Владивосток: Дальневосточный государственный университет, 1987. 263 с.
5. Сабитов Т. Р. Система уголовно-правовых принципов. М.: Проспект, 2012. 240 с.
6. Герасимов А. М. Соотношение структурных элементов преступления и состава преступления // Вестник СГУОА. 2020. № 3 (134). С. 186–192.
7. Шишкин Н. А. Соотношение терминов «ущерб» и «размер» в составах преступлений, предусмотренных ст. 167 и 168 УК РФ // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 10. С. 175–176.
8. Денисова А. С. Уголовно-правовое значение орудий и средств совершения преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 26 с.
9. Энциклопедия уголовного права. СПб., 2005. Т. 4 : Состав преступления. 796 с.
10. Попов А. Н., Зимирева Л. А., Федышина П. В. Объективная сторона состава преступления: учебное пособие [под общ. ред. А.Н. Попова]. СПб: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2015. 64 с.
11. Галахова А. В. Вопросы квалификации преступлений в уголовном праве и судебной практике (по признакам объективной стороны) // Российский следователь. 2010. № 14. С. 16–22.
12. Сирик М. С. Состав преступления как правовая категория // Закон и жизнь. 2018. № 3. С. 64–72.
13. Залов А. Ф. Кража с причинением значительного ущерба гражданину // Законность. 2011. № 10. С. 58–59.

14. + Авдеев М. А., Штранц А. С. Общая характеристика квалифицирующих признаков и их значение при конструировании составов преступлений // Актуальные проблемы государства и права. 2019. № 9. С. 66–75.

The article was submitted 02.05.2024; approved after reviewing 09.09.2024; accepted for publication 18.09.2024

References

1. Shabalin L. I. The validity of the existence of special fraud compounds in Russian criminal legislation: dis. ... cand. Jurid. sciences'. Yekaterinburg, 2022. 382 p.
2. Ivanchin A. V. Conceptual foundations of the construction of the corpus delicti: dis. ... dr. jurid. sciences'. Yaroslavl, 2014. 462 p.
3. Panko K. K. Fundamentals of legislative technique in Russian criminal law (theory and legislative practice): Abstract of the dissertation by Dr. Yurid. sciences'. Saratov, 2006. 52 p.
4. Korobeev A. I. Soviet criminal law policy: problems of criminalization and penalization. Vladivostok: Far Eastern State University, 1987. 263 p.
5. Sabitov T. R. The system of criminal law principles. M.: Prospect, 2012. 240 p.
6. Gerasimov A. M. The ratio of the structural elements of the crime and the corpus delicti // Bulletin of the Federal State Penitentiary Service. 2020. № 3 (134). Pp. 186–192.
7. Shishkin N. A. The ratio of the terms "damage" and "size" in the offences provided for in Articles 167 and 168 of the Criminal Code of the Russian Federation // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. № 10. Pp. 175–176.
8. Denisova A. S. The criminal legal significance of instruments and means of committing a crime: abstract. ... cand. Jurid. M., 2005. 26 p.
9. Encyclopedia of Criminal Law. St. Petersburg, 2005. Vol. 4: Corpus delicti. 796 p.
10. Popov A. N., Zimireva L. A., Fedyshina P. V. The objective side of the corpus delicti: a textbook [edited by A.N. Popov]. St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute (branch) Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2015. 64 p.
11. Galakhova A. V. Questions of the qualification of crimes in criminal law and judicial practice (according to the signs of the objective side) // Russian investigator. 2010. № 14. Pp. 16–22.
12. Sirik M. S. Corpus delicti as a legal category // Law and life. 2018. № 3. Pp. 64–72.
13. Zalov A. F. Theft with significant damage to a citizen // Legality. 2011. № 10. Pp. 58–59.
14. Avdeev M. A., Strants A. S. General characteristics of qualifying signs and their significance in the construction of crimes // Actual problems of the state and law. 2019. № 9. Pp. 66–75.

Статья поступила в редакцию 02.05.2024; одобрена после рецензирования 09.09.2024; принята к публикации 18.09.2024

Научная статья
УДК 343.97

Криминологическая оценка деятельности некоммерческих организаций и иных общественных объединений, посягающих на права граждан (по результатам эмпирического исследования¹)

Олейник Ольга Сергеевна

Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия, olga.litvinova.2000@mail.ru

Аннотация. На основе проведенного эмпирического исследования дана криминологическая оценка деятельности некоммерческих организаций и иных общественных объединений, посягающих на права граждан. Представлена характеристика некоммерческих организаций и иных общественных объединений, посягающих на права граждан. Дана оценка состояния преступности, связанной с их деятельностью. Определены противоправные деяния, которые составляют противоправную деятельность некоммерческих организаций и иных общественных объединений, посягающих на права граждан. Дается криминологическая характеристика личности преступника и жертвы деятельности таких организаций и объединений.

Ключевые слова: некоммерческие организации, общественные объединения, посягательство, права граждан, криминология, латентность, преступления

Для цитирования: Олейник О. С. Криминологическая оценка деятельности некоммерческих организаций и иных общественных объединений, посягающих на права граждан (по результатам эмпирического исследования) // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 3. С. 148–153.

Original article

Criminological assessment of the activities of non-profit organizations and other public associations that infringe on the rights of citizens (based on the results of an empirical study)

Oleinik Olga S.

**Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia,
olga.litvinova.2000@mail.ru**

Abstract. Based on the conducted empirical research, a criminological assessment of the activities of non-profit organizations and other public associations that infringe on the rights of citizens is given. The characteristics of non-profit organizations and other public associations that infringe on the rights of citizens are presented. An assessment of the state of crimes related to their activities is given. The illegal acts that constitute the illegal activities of non-profit organizations and other public associations that infringe on the rights of citizens have been identified. The criminological characteristics of the personality of the criminal and the victim of the activities of such organizations and associations are given.

¹ Эмпирическую основу составили: информационно-аналитические материалы и официальные статистические данные за 2014-2023 гг. ГИАЦ МВД России, ФНС России, Минюста России; материалы 54 уголовных дел по преступлениям, предусмотренным ст. 239 УК РФ; результаты проведенного интервьюирования и анкетирования 186 сотрудников органов внутренних дел, проходящих службу в подразделениях по противодействию экстремизму, а также следователей Следственного комитета Российской Федерации.

Keywords: non-profit organizations, public associations, encroachment, citizens' rights, criminology, latency, crimes

For citation: Oleinik O. S. Criminological assessment of the activities of non-profit organizations and other public associations that infringe on the rights of citizens (based on the results of an empirical study) // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 3. Pp. 148–153.

Введение. На сегодняшний день некоммерческие организации и иные общественные объединения выступают одним из инструментов влияния на общественно-политические процессы в государстве. Такие возможности могут использоваться для осуществления не только социально полезной деятельности, но и противоправной. Согласно отчету № 1-ЮР ФНС России, динамика ежегодно принимаемых решений о прекращении незаконной деятельности некоммер-

ческих организаций находится на высоком и одновременно относительно стабильном уровне с незначительными колебаниями показателей как в сторону увеличения, так и в сторону уменьшения.

Так, за 2014–2023 гг. принято 42 126 соответствующих решений (рис. 1), из них основная часть принята в отношении некоммерческих организаций, подконтрольных Минюсту России – 41 009¹.

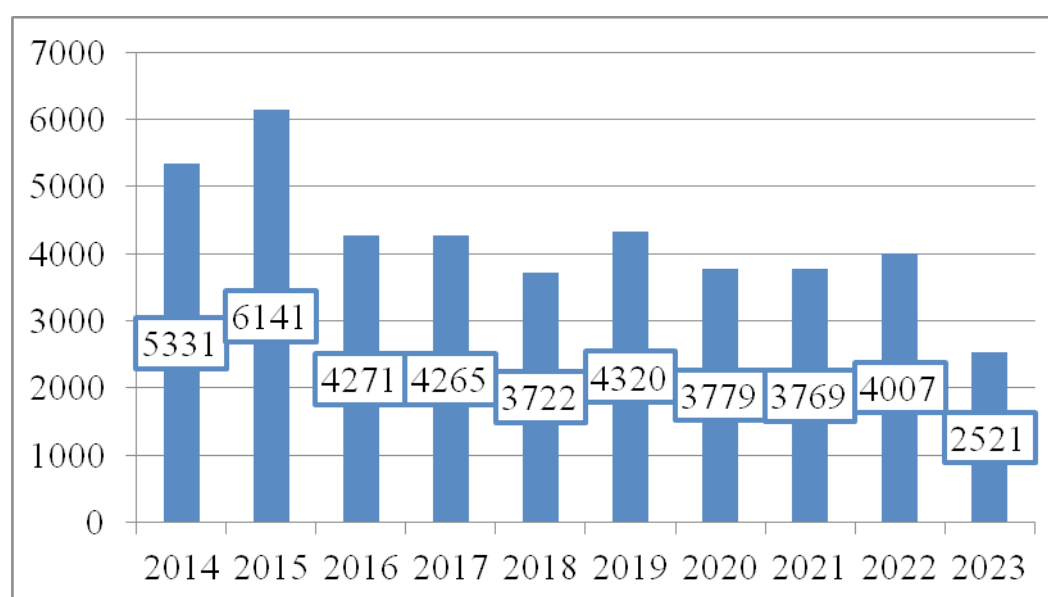

Рис. 1. Количество принятых решений о прекращении незаконной деятельности некоммерческих организаций за 2014–2023 гг.

Наибольшее количество принятых решений о прекращении незаконной деятельности некоммерческих организаций зафиксировано в 2015 г. (6141), наименьшее – в 2023 г. (2521), что отнюдь не свидетельствует об уменьшении противоправной деятельности некоммерческих организаций. Данная тенденция обусловлена проведенной в 2022 г. работой в сфере контроля (надзора) за деятельностью некоммерческих организаций и иных общественных объединений, которая представляет угрозу для национальной безопасности. Причиной этому послужила активизация западных неправительственных организаций и под-

контрольного им российского некоммерческого сектора, которые с февраля 2022 г. активно включились в антироссийскую деятельность в контексте проведения специальной военной операции на территории Украины. Результаты контрольно-надзорной деятельности нашли отражение в соответствующих реестрах (таб. 1), которые свидетельствуют о приросте с 2022 г. количества решений о ликвидации, запрете и ограничении деятельности некоммерческих организаций и иных общественных объединений, представляющих угрозу для национальной безопасности (см. Таблицу)

¹ Отчет по форме № 1-ЮР (2014–2023 гг.) // Официальный сайт Федеральной налоговой службы URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/11892431 (дата обращения 01.02.2024).

Количество некоммерческих организаций и иных общественных объединений, деятельность которых представляет угрозу национальной безопасности

Наименование/показатель	Всего	Количество некоммерческих организаций и иных общественных объединений, в отношении которых приняты решения			
		2023 г.	2022 г.	2021 г.	2020 г.
Экстремистские организации ¹	108	3	13	11	5
Иностранные агенты (некоммерческие организации и иные общественные объединения) ²	820	29	19	16	10
Иностранные и международные неправительственные организации, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации ³	170	57	22	18	12

Согласно данным экспертных исследований, на территории Российской Федерации функционируют порядка 500 общественных объединений деструктивной направленности [1, с. 162; 2, с. 80]. Совокупная численность участников таких криминальных объединений оценивается около 500 000 граждан Российской Федерации [3, с. 6; 4, с. 130]. Данный показатель свидетельствует о значительном масштабе вовлечения населения в деятельность деструктивных объединений, что создает угрозу национальной безопасности.

Ответственность за создание, руководство и участие в некоммерческих организациях и иных общественных объединениях, посягающих на права граждан, предусмотрена ст. 239 УК РФ.

Принимая во внимание общую ситуацию, связанную с незаконной деятельностью некоммерческих организаций и иных общественных объединений на территории Российской Федерации, необходимо дать оценку криминогенного потенциала их деятельности.

¹ Перечень общественных объединений и религиозных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/> (дата обращения 03.06.2024 г.).

² Реестр иностранных агентов // Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/activity/directions/998/> (дата обращения 03.06.2024 г.).

³ Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации // Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7756/> (дата обращения 03.06.2024 г.).

Характеристика некоммерческих организаций и иных общественных объединений, посягающих на права граждан, и состояние преступности, связанной с их деятельностью

Проведенное эмпирическое исследование позволило установить виды некоммерческих организаций и иных общественных объединений, наиболее уязвимых для реализации деятельности, посягающей на права граждан. Среди них религиозные объединения (51 %), реабилитационные центры (21 %), благотворительные организации (15 %), образовательные организации (10 %) и иные общественные объединения (3 %).

Представленные виды некоммерческих организаций и иных общественных объединений, в рамках которых преимущественно организуется деятельность, посягающая на права граждан, обладают рядом специфических социальных и криминологических характеристик, позволяющих создавать относительно успешную систему защиты от социально-правового контроля.

Исходя из информации, содержащейся в официальных статистических источниках, за 2014–2023 гг. зарегистрировано 78 преступлений, предусмотренных ст. 239 УК РФ (рис. 2). Такие данные в большей степени отражают не реальное состояние исследуемого явления, а возможности контроля над ним. (см. рис. 2)

Тенденции в динамике анализируемых показателей не в полной мере позволяют оценить криминогенную ситуацию, связанную с деятельностью некоммерческих организаций и иных общественных объединений, посягающих на права граждан. Это обусловлено латентностью исследуемых преступлений. Согласно исследованиям М. М. Василенко [5, с. 6], О. Б. Ермаковой [6, с. 19], А. Н. Мондохорова [7, с. 29],

¹ Сводный отчет по России (данные ГИАЦ МВД России). Статистический отчет по форме № 494 (4-ЕГС) «О состоянии преступности и результатах расследования преступлений» (2014–2023 гг.).

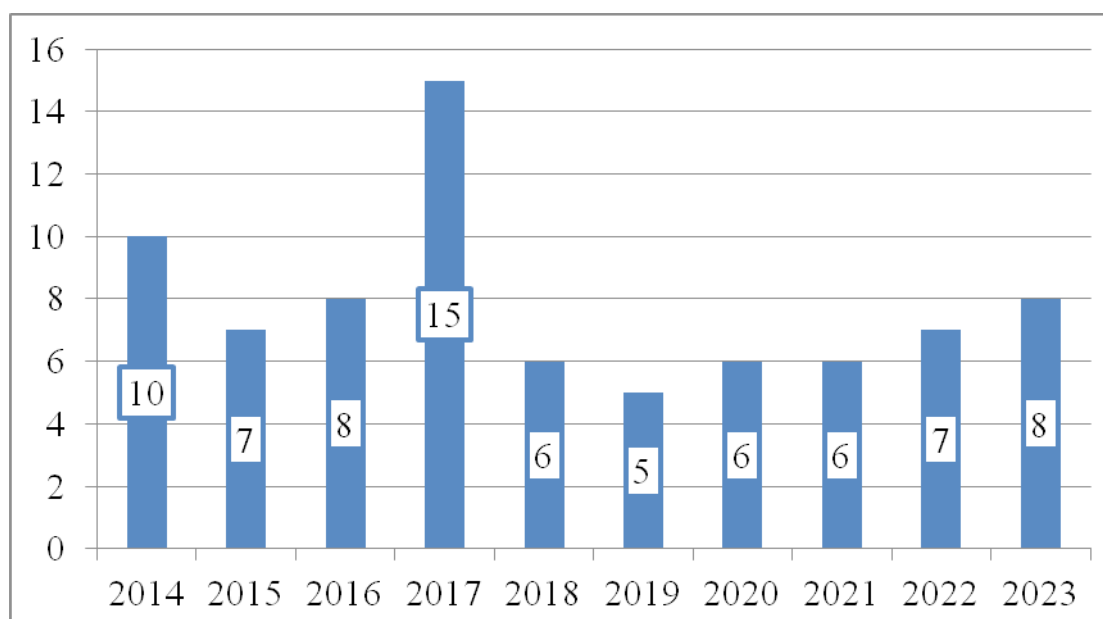

Рис. 2. Данные о количестве зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 239 УК РФ за 2014–2023 гг.

А. Е. Шалагина [8, с. 60], латентность преступлений, предусмотренных ст. 239 УК РФ, характеризуется высоким уровнем. Такой вывод подтверждается и результатами проведенного нами эмпирического исследования, в ходе которого установлено, что на одно зарегистрированное преступление, связанное с деятельностью некоммерческих организаций и иных общественных объединений, посягающих на права граждан, приходится не менее 9 незарегистрированных преступлений данной категории.

Полученные данные указывают на возможность отнесения преступлений, предусмотренных ст. 239 УК РФ, к категории высоколатентных.

Согласно результатам экспертного ранжирования¹, факторами, обуславливающими высокий уровень латентности преступлений, предусмотренных ст. 239 УК РФ являются:

1) недостаточная профессиональная компетенция сотрудников оперативных и следственных подразделений по вопросам выявления, раскрытия и расследования преступлений, предусмотренных ст. 239 УК РФ;

2) маскировка криминальной деятельности некоммерческих организаций и иных общественных объединений, посягающих на права граждан, под видом социально полезной;

3) отсутствие заявлений от потерпевших;

4) неуккомплектованность кадрового аппарата, низкий уровень материально-технического оснащения сотрудников правоохранительных органов и

финансового обеспечения соответствующих подразделений;

5) проблемы внутриведомственного и межведомственного взаимодействия.

Характеристика противоправной деятельности некоммерческих организаций и иных общественных объединений, посягающих на права граждан

Сведения о преступлениях и правонарушениях, которые образуют противоправную деятельность исследуемых криминальных объединений, не всегда находят должное отражение в уголовно-правовой статистике. Проведенное эмпирическое исследование позволило выделить три основные группы противоправных деяний, совершаемых руководителями и участниками некоммерческих организаций и иных общественных объединений, посягающих на права граждан.

Первую группу образуют *корыстно-насильственные деяния*, которые совершают руководители и участники некоммерческих организаций и иных общественных объединений, посягающих на права граждан, в отношении вовлеченных в такую деятельность лиц. К их числу относятся преступления, ответственность за которые предусмотрена ст. 105, 111, 112, 115, 116.1, 117, 119, 126, 127, 131, 132, 133, 159, 163 УК РФ, а также ряд административных правонарушений, ответственность за которые предусмотрена ст. 5.61, 5.61.1, 6.1.1, 7.27, 7.27.1 КоАП РФ.

Вторую группу составляют *деяния, направленные на побуждение граждан к совершению противоправных действий*. Среди них преступления, ответственность за которые предусмотрена ст. 110, 148, 150, 151, 205.2, 230, 280, 282, 328 УК РФ, и административные правонарушения, ответственность за которые пред-

¹ Для изучения факторов, обуславливающих латентность преступлений, предусмотренных ст. 239 УК РФ, применен метод экспертных оценок с использованием ранжирования. Экспертам было предложено упорядочить причины по степени их влияния, присвоив каждому из них соответствующий ранг (1, 2, 3 и т. д.).

усмотрена ст. 6.10, 6.23, 20.3, 20.3.1, 21.4, 21.5 КоАП РФ.

Третья группа включает деяния, обеспечивающие функционирование некоммерческих организаций и иных общественных объединений, посягающих на права граждан. К таковым относятся преступления, ответственность за которые предусмотрена ст. 171, 174, 174.1, 290, 291, 291.2, 327 УК РФ, в том числе административные правонарушения, ответственность за которые предусмотрена ст. 5.26, 14.1, 14.25, 19.23, 19.28 КоАП РФ.

Материалы изученных уголовных дел свидетельствуют о том, что деяния, связанные с причинением различной степени тяжести вреда здоровью, составляют 36,4 % в общей структуре противоправных действий, образующих состав преступления, предусмотренный ст. 239 УК РФ. При этом деяния, связанные с хищением чужого имущества составляют 31,5 %; деяния, связанные с незаконным ограничением свободы передвижения – 14,7 %, насильственные деяния сексуального характера – 8,9 %, иные противоправные действия – 8,5 %.

Полученные данные указывают на корыстно-насильственную направленность деятельности некоммерческих организаций и иных общественных объединений, посягающих на права граждан. Как отмечает А. В. Петрянин, характерной чертой существования таких организаций и объединений, несомненно, является исключительно потребительский характер [9, с. 29].

Личность преступника и жертвы

Неотъемлемым элементом криминологической характеристики какого-либо криминального явления является личность преступника и жертвы. К преступникам, совершающим преступления, связанные с деятельностью некоммерческих организаций и иных общественных объединений, посягающих на права граждан, относятся руководители (ч. 1-2 ст. 239 УК РФ) и участники (ч. 3 ст. 239 УК РФ).

Согласно статистическим данным ГИАЦ МВД России¹, наиболее криминально активной категорией при создании и руководстве некоммерческими организациями и иными общественными объединениями, посягающими на права граждан, являются женщины (63,4 %) в возрасте от 30 до 49 лет (56 %) с высшим образованием (53,7 %), постоянным источником дохода (68,3 %) и гражданством Российской Федерации (100 %). По оценкам опрошенных нами экспертов такие лица обладают специальными знаниями в области психологии, педагогики, социологии, права, а также в сфере функционирования некоммерческого сектора в целом и отдельных организационно-правовых форм. Вместе с тем они обладают навыками управленческой и организационной деятельности, коммуникативными способностями, в том числе владеют методами социальной инженерии [10, с. 12]. Характерно наличие ярко выраженных лидерских качеств,

отсутствие чувства сострадания, присутствует превалирование собственных интересов, что указывает на крайнюю степень эгоизма.

Участники некоммерческих организаций и иных общественных объединений, посягающих на права граждан, совершают противоправные действия в составе таких криминальных объединений, как сопряженные с непосредственным осуществлением посягательств на права граждан, ответственность за которые предусмотрена ст. 239 УК РФ, так и выражающиеся в обеспечении их функционирования (вовлечение новых участников, пропаганда идеологии, снабжение необходимой информацией, ведение документации, бухгалтерская деятельность и другие).

По оценкам опрошенных специалистов, среди участников преобладают лица женского пола (61,5 %) в возрасте от 35 до 55 лет (75 %), без высшего образования (83,5 %) и постоянного источника дохода (64 %). Преимущественно риску вовлечения в деятельность таких криминальных объединений подвержены социально уязвимые категории граждан, а также лица, находящиеся в поиске духовного или эмоционального развития, желающие развить определенные навыки и качества, способствующие улучшению материального состояния и совершенствованию «личностного роста», имеющие проблемы в семейной и личной жизни (развод, потеря близких, болезнь) или профессиональной деятельности (увольнение, трудности с поиском работы), страдающие от зависимостей (в частности, наркотической или алкогольной), ощущающие одиночество и незащищенность, обладающие низкой самооценкой.

Проведенное эмпирическое исследование свидетельствует, что участники, которые относятся к категории преступников, составляют лишь 9 % от общего количества участников таких криминальных объединений. В то время 91 % составляют участники, которые относятся к категории жертв.

К участникам-жертвам относятся лица, которым в результате деятельности некоммерческих организаций и иных общественных объединений, посягающих на права граждан, причиняется физический, имущественный или моральный вред либо нарушаются (ограничиваются) их конституционные права и свободы. Такая категория участников отличается повышенной внушаемостью, тревожностью, склонностью к подчинению, физической слабостью, эмоциональной неустойчивостью, а также низкими интеллектуальными способностями, что делает их более уязвимыми к криминальному воздействию.

Таким образом, проведенное эмпирическое исследование позволило выявить ряд характеристик некоммерческих организаций и иных общественных объединений, посягающих на права граждан, которые необходимо учитывать при разработке мер, направленных на предупреждение преступлений, предусмотренных ст. 239 УК РФ, а также на снижение у населения и отдельных граждан риска стать жертвами такой криминальной деятельности.

¹ Сводный отчет по России (данные ГИАЦ МВД России). Статистический отчет по форме № 492 (2-ЕГС) «Сведения о лицах, совершивших преступления» (2016–2023 гг.).

Библиографический список

1. Ани́ськина Э. Г., Муллахметова Н. Е. Объединения деструктивного характера: уголовно-правовые и виктимологические аспекты // Вестник СГЮА. 2019. № 3 (128). С. 160–170.
2. Черныш М. А. Религиозный терроризм как угроза мировой и национальной безопасности // Философия права. 2020. № 3 (94). С. 75–82.
3. Васильев А. М., Васильева Н. А. Организации с псевдорелигиозной мотивацией и их криминальная активность: монография. Армавир: РИО АГПА, 2015. 116 с.
4. Фисенко В. А., Винокурова А. В. Основные формы религиозных организаций в современном российском обществе: проблемы и тенденции развития // Скиф. 2017. № 9. С. 126–131.
5. Василенко М. М. Предупреждение преступлений, совершаемых членами религиозных тоталитарных сект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. 28 с.
6. Ермакова О. Б. Организация объединения, посягающего на личность и права граждан: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2011. 24 с.
7. Мондохонов А. Н. Уголовная ответственность за организацию объединения, посягающего на личность и права граждан // Уголовное право. 2009. № 6. С. 29–34.
8. Шалагин А. Е. Ответственность за создание некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан, по Уголовному кодексу Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. № 2 (12). С. 60–65.
9. Петрянин А. В. Криминологическая характеристика преступлений экстремистской направленности: монография / под ред. А. П. Кузнецова. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2015. 158 с.
10. Старостенко Н. И. Первоначальный этап расследования хищений, совершенных с применением методов социальной инженерии и информационно-телекоммуникационных технологий: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2023. 230 с.
5. Vasilenko M. M. Prevention of crimes committed by members of religious totalitarian sects: author's abstract. dis. ... candidate of legal sciences. Saratov, 2006. 28 p.
6. Ermakova O. B. Organization of an association that infringes on the personality and rights of citizens: criminal-legal and criminological aspects: author's abstract. dis. ... candidate of legal sciences. Rostov-on-Don, 2011. 24 p.
7. Mondokhonov A. N. Criminal liability for organizing an association that infringes on the personality and rights of citizens // Criminal law. 2009. No. 6. P. 29-34.
8. Shalagin A. E. Responsibility for the creation of a non-profit organization that infringes on the personality and rights of citizens, under the Criminal Code of the Russian Federation // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. No. 2 (12). P. 60-65.
9. Petryanin A. V. Criminological characteristics of extremist crimes: monograph / edited by A. P. Kuznetsov. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015. 158 p.
10. Starostenko N. I. Initial stage of investigation of thefts committed using social engineering methods and information and telecommunication technologies: dis. ... Cand. of Law. Krasnodar, 2023. 230 p.

Статья поступила в редакцию 28.06.2024; одобрена после рецензирования 12.09.2024; принята к публикации 18.09.2024

The article was submitted 28.06.2024; approved after reviewing 12.09.2024; accepted for publication 18.09.2024

References

1. Aniskina E. G., Mullakhmetova N. E. Associations of a destructive nature: criminal-legal and victimological aspects // Bulletin of the SSLA. 2019. No. 3 (128). P. 160–170.
2. Chernysh M. A. Religious terrorism as a threat to global and national security // Philosophy of Law. 2020. No. 3 (94). P. 75–82.
3. Vasiliev A. M., Vasilyeva N. A. Organizations with pseudo-religious motivation and their criminal activity: monograph. Armavir: RIO AGPA, 2015. 116 p.
4. Fisenko V. A., Vinokurova A. V. The main forms of religious organizations in modern Russian society: problems and development trends // Skif. 2017. No. 9. P. 126-131.

К вопросу о дифференциации уголовной ответственности за кражу с банковского счета

Поздеев Александр Владимирович

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, aleksan90dr@bk.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы квалификации кражи с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств. По мере появления новых инструментов бесконтактной оплаты появляются и новые способы получения несанкционированного доступа к банковским счетам. Используемые преступниками средства обуславливают повышенную общественную опасность данных преступлений. При этом имеется необходимость дифференцированного подхода привлечения к уголовной ответственности за данный вид преступного посягательства в зависимости от размера причиненного ущерба и способа его совершения.

Ключевые слова: кража с банковского счета, электронное средство платежа, несанкционированный доступ к банковскому счету, квалификация преступлений, фишинговая ссылка.

Для цитирования: Поздеев А. В. К вопросу о дифференциации уголовной ответственности за кражу с банковского счета // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 3. С. 154–158.

Original article

On the issue of differentiation of criminal liability for theft from a bank account

Pozdeev Alexander V.

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, aleksan90dr@bk.ru

Abstract. Abstract. The article discusses the problems of qualifying theft from a bank account, as well as in relation to electronic money. As new contactless payment tools emerge, so do new ways to gain unauthorized access to bank accounts. The means used by criminals cause an increased public danger of these crimes. However, there is a need for a differentiated approach to criminal prosecution for this type of criminal offense, depending on the amount of damage caused and the method of its commission.

Key words: theft from a bank account, electronic means of payment, unauthorized access to a bank account, qualification of crimes, phishing link.

For citation: Pozdeev A. V. On the issue of differentiation of criminal liability for theft from a bank account // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2023. № 3. Pp.154–158.

Кража с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (далее – кража с банковского счета) квалифицируется по п. «г» ч. 3 ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). В настоящее время количество данных преступлений не снижается. Граждане все больше стараются уходить от оплаты и расчетов наличными деньгами.оборот безналичного расчета увеличивается с каждым годом. При этом, несмотря на экономические санкции западных стран, постоянно внедряются новые способы безналичной оплаты, например, с использованием системы быстрых платежей (далее – СБП), с применением QR-кодов, оплата в

одно касание с привязкой банковских карт к интернет-магазинам и маркетплейсам и т. п.

Согласно сведениям Центрального Банка Российской Федерации (далее – ЦБ РФ) количество и сумма переводов, совершенных гражданами через систему быстрых платежей, по итогам 4 квартала 2023 года увеличились по сравнению с предыдущим кварталом на 20 % и 23 % соответственно. За период с 4 квартала 2022 года по 4 квартал 2023 года данные показатели увеличились в 2 раза. Средняя сумма перевода составила 5,3 тыс. рублей. В 4 квартале 2023 года через СБП было совершено 1,7 млрд переводов на сум-

му 9,1 трлн рублей. Кроме того, за отчетный период было совершено 0,6 млрд покупок товаров и услуг с использованием СБП на сумму 1,15 трлн рублей. Увеличение относительно предыдущего квартала составило 34 % по количеству и 40 % по сумме. За период с 4 квартала 2022 года по 4 квартал 2023 года данные показатели увеличились в 4 раза [1].

Платить стало удобнее и быстрее, однако преступный мир давно увидел в этом возможность получения доступа к управлению банковскими счетами с последующим хищением денежных средств. При появлении новых способов безналичной оплаты и дистанционного управления банковским счетом преступники находят в них особенности, позволяющие облегчить доступ к банковскому счету, и, к сожалению, во многих случаях делают это успешно.

Так, например, не перестает снижаться уровень карманных краж в крупных городах, где предметом хищения являются сотовые телефоны и пластиковые банковские карты. Лица, совершающие карманные кражи, уже давно догадались, что через похищенный сотовый телефон можно получить доступ к банковскому приложению. Для этого из похищенного сотового телефона (если в нем установлен пароль) извлекается SIM-карта и вставляется в другой телефон, с которого делается исходящий звонок на подконтрольный номер. Таким способом получают информацию об абонентском номере, который вводится в качестве логина в банковское приложение, открытое на другом устройстве, куда и приходит одноразовый код посредством СМС уведомления, используемый в дальнейшем в качестве пароля.

Помимо данного способа хищения денежных средств имеется не один десяток похожих и иных способов кражи денег с банковского счета. Так, например, не перестает набирать обороты способ, в простонародье называемый «виртуальный скамминг» или «фишинг». В этом случае преступники используют веб-инструменты и социальную инженерию, то есть манипулирование людьми, в том числе психологическое, с целью заставить их совершить определенные действия или сообщить конфиденциальную информацию. Веб-инструменты используются, когда преступники создают интернет-сайты, внешне схожие до степени смешения с настоящими интернет-сайтами кредитных организаций. Зайдя на такой поддельный сайт, невнимательный человек не отличит его от истинного и введет известные только ему логин и пароль в предложенном окне, тем самым предоставив их преступнику, который воспользуется этой возможностью хищения денежных средств с банковского счета.

Еще одним распространенным способом хищения денежных средств с банковского счета с использованием методов социальной инженерии является предложение по оформлению доставки через онлайн-сервисы, например «Авито.Доставка». Для этого преступник в ходе переписки через официальное приложение, просит перейти жертву в другой мес-

сенджер (например, WhatsApp, Telegram), где отправляет «фишинговую ссылку» якобы для осуществления оплаты за доставляемый товар, при переходе на которую жертва вводит реквизиты, позволяющие получить доступ к банковскому счету.

Таким образом, использование технологий удаленного доступа и методов социальной инженерии позволяют управлять банковскими счетами дистанционно, что может привести к хищению хранящихся на них денежных средств. Опасность также заключается и в том, что помимо списания всех денег со счетов преступники через приложение могут оформить кредитный продукт. Этому так же способствует коммерческая политика кредитных организаций, направленная продвижение своих предложений.

В ходе проведения интервьюирования сотрудниками отделения по борьбе с мошенничествами и преступлениями в сфере информационно-телекоммуникационных технологий отдела уголовного розыска УМВД России по г. Екатеринбург сообщили, что в 2022–2023 гг. оперативную обстановку осложняли кражи с банковских счетов, совершаемые в отношении клиентов одного из банков, система безопасности которого не обеспечивала достаточный уровень предотвращения подозрительных операций. Преступники рассылали потерпевшим рекламу с сообщением о том, что они стали обладателями материальной помощи от банка в размере 5000 рублей, и для ее получения необходимо пройти по ссылке, которая вела на внешне идентичный с настоящим сайтом банка интернет-сайт. Схема преступления является стандартным «фишингом», когда жертва вводит конфиденциальные данные в предложенные преступником строки. В данном случае преступники пользовались имеющимися уязвимостями в системе банка, получали доступ к личному онлайн-кабинету клиента и оформляли на него кредиты на различные суммы. Данная серия преступлений осталась не раскрытой, так как было установлено, что администрирование поддельных интернет-сайтов велось на серверах, расположенных в недружественном государстве.

23 апреля 2018 года принят Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» № 111-ФЗ¹ (далее – Федеральный закон № 111-ФЗ). С этого момента обсуждается проблема большого количества направляемых в суд уголовных дел по кражам с банковского счета, ущерб по которым является незначительным. В этом случае общественная опасность содеянного не соразмерна с наказанием и установленной тяжестью категории. В связи с этим в Государственную Думу Российской Федерации на рассмотрение выносился законопроект № 158929-8 о смягчении уголовной ответственности за кражу с банковского счета (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 159.3 УК

¹ Федеральный закон от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения 03.04.2024).

РФ¹. В дальнейшем он был отклонен. В данном законопроекте предлагалось квалифицирующий признак «Кража с банковского счета, а равно с электронных средств платежа» перенести из ч. 3 ст. 158 УК РФ в ч. 2 ст. 158 УК РФ, согласно которой максимальное наказание составляет до 5 лет лишения свободы, и преступление относится к категории средней тяжести. Также указывалось на то, что по преступлениям категории средней тяжести имеется возможность прекращения уголовного дела за примирением сторон при возмещении ущерба.

На практике данная проблема имеет место. Так, самым совершаемым и раскрываемым способом хищения с банковского счета является оплата бесконтактной банковской картой в торговой точке, средний ущерб по которым составляет примерно 10 000 рублей.

Согласно сведениям ГИАЦ МВД России в нашей стране за 2023 год всего совершено 103 076 краж с банковского счета с использованием расчетных (платежных карт), с использованием компьютерной техники – 1196, с использованием программных средств – 1981, с использованием средств мобильной связи – 38 488, с использованием сети Интернет – 66 186, с использованием методов социальной инженерии – 12 703 [2].

Согласно сведениям ИЦ ГУ МВД России по Свердловской области за 2023 год в г. Екатеринбурге зарегистрировано 505 преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, из них раскрыто 342, что составило 71,1 %. Из опроса сотрудников отдела уголовного розыска УМВД России по г. Екатеринбургу следует, что основными способами совершения преступлений, числящихся раскрытыми, являются использование найденной или украденной банковской карты в торговой точке, снятие с этих карт денег в банкомате либо использование сотового телефона, предоставленного преступнику самим потерпевшим под различным предлогом.

Рассматривая сложившуюся ситуацию, можно выделить следующее: максимальное наказание по преступлению, предусмотренному п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ составляет 6 лет лишения свободы. Очевидно, что совершение покупок в торговой точке по найденной банковской карте на сумму, например, 4000 рублей не должно наказываться столь строгим образом. Усугубляет ситуацию тот факт, что совершение хищения денежных средств с банковского счета на сумму менее 2500 рублей так же формально подпадает под состав преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Ранее хищение денежных средств с банковской карты путем осуществления по ней покупок в торговых точках квалифицировалось по различным частям ст. 159.3 УК РФ в зависимости от суммы причиненного ущерба. 29 июня 2021 года Постановлением Пленума

Верховного Суда Российской Федерации № 22 (далее – ППВС РФ № 22)² внесено изменение в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (далее ППВС РФ № 29), а именно был введен п. 25.1, согласно которому тайное изъятие денежных средств с банковского счета или электронных денежных средств, например, если безналичные расчеты или снятие наличных денежных средств через банкомат были совершены с использованием чужой или поддельной платежной карты, надлежит квалифицировать как кражу по признаку «с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств»³.

ППВС РФ № 22 так же введен п. 25.4: судам следует обратить внимание на то, что при правовой оценке действий лица, совершившего хищение, необходимо учитывать положения ч. 2 ст. 14 УК РФ, согласно которой не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного уголовным законом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности. При решении вопроса о том, является ли малозначительным деяние (например, кража), формально содержащее квалифицирующие признаки состава данного преступления, судам необходимо учитывать совокупность таких обстоятельств, как степень реализации преступных намерений, размер похищенного, роль подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, характер обстоятельств, способствовавших совершению деяния и др.

Представляется, что смысл положения п. 25.4 ППВС РФ № 22 состоит в том, что не следует привлекать к уголовной ответственности за тяжкое преступление человека, который, например, нашел на улице банковскую карту и решил купить по ней продукты на сумму менее 2500 рублей. Уголовно-правовой инструмент, предусмотренный ч. 2 ст. 14 УК РФ позволяет в данном случае не усматривать в проступке состава преступления.

Опрос сотрудников территориальных органов ГУ МВД России по Свердловской области показал, что во многих районах прокуратура не согласовывает возбуждение уголовного дела по кражам денежных средств с банковского счета, где сумма ущерба составляет менее 2500 рублей, указывая на малозначительность такого деяния.

При этом в суд направляется много уголовных дел по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, по которым ущерб состав-

¹ Законопроект № 158929-8 «О внесении изменений в статью 158 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 03.04.2024).

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2021 г. № 22 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.04.2024).

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.04.2024).

ляют более 2500 рублей, но менее 250 000 рублей. При этом способом совершения данных преступлений в основном являются оплата найденной или украденной банковской картой в торговой точке либо снятие денежных средств с нее при помощи банкомата (ввод известного пин-кода). Такие способы не связаны с квалифицированным воздействием на компьютерные сервера и информационно-телекоммуникационные сети.

На практике, претворяя в жизнь принцип справедливости, суды применяют ч. 6 ст. 15 УК РФ, согласно которой при определенных обстоятельствах можно изменить категорию преступления на менее тяжкую. Так Кировским районным судом г. Екатеринбурга был вынесен обвинительный приговор по делу № 1-179/2023¹. Из обстоятельств дела следует, что М., учащийся одного из учебных заведений г. Екатеринбурга, передал своему знакомому Н., учащемуся того же заведения, банковскую карту для снятия в банкомате 300 рублей, для чего сообщил пин-код. После получения банковской карты у Н. возник преступный умысел, направленный на хищение денежных средств, принадлежащих М. и находящихся на его счете. Н., достоверно зная, что на балансе указанной банковской карты имеются денежные средства, в период с 8 октября 2022 г. по 10 октября 2022 г. внес банковскую карту в банкомат, ввел известный ему пин-код и снял банковского счета М. денежные средства в сумме 12 000 рублей, а затем потратил их по своему усмотрению. Суд признал Н. виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, и назначил ему наказание в виде штрафа в размере 10 000 рублей. На основании ч. 6 ст. 15 УК РФ категория указанного преступления изменена с тяжкого на преступление средней тяжести. Н. освобожден от наказания в соответствии со ст. 76 УК РФ в связи с примирением с потерпевшим.

Однако сам факт применения данного положения закона говорит о том, что уголовные дела по похожим обстоятельствам доводятся до суда, и осужденным назначается наказание. Кроме того, тратятся время, силы и средства правоохранительных органов и ограничиваются конституционные права осужденных, если во время предварительного расследования в отношении них применялись меры пресечения.

Исходя из изложенного, видно, что законодатель не собирается смягчать ответственность за хищение денежных средств с банковского счета, однако подчеркивает возможность освобождения от уголовного наказания в связи с малозначительностью деяния. Также законодатель продолжает настаивать на повышенной общественной опасности хищения денежных средств с банковских счетов. В пояснительной записке к редакции Федерального закона № 111-ФЗ, вносящего изменения в УК РФ в части ужесточения наказания за хищения денежных средств с банковских счетов», говорится, что вводимые изменения

справедливы и соразмерны, так как направлены на повышение уголовно-правовой защиты граждан и организаций путем усиления уголовной ответственности за хищение чужого имущества, совершенного с банковского счета, а равно электронных денежных средств, в том числе потому, что общественную опасность указанных деяний усиливает специфика способа совершения преступления – использование удаленного доступа к банковскому счету при помощи технических средств, позволяющего лицу оставаться анонимным и совершать преступление из любой точки мира, имея лишь доступ к сети Интернет. Данный способ рассчитан на многократное применение и может использоваться для доступа не только к банковским счетам, но и иным охраняемым и особо охраняемым данным².

Законодатель видит общественную опасность хищения денежных средств с банковских счетов в том, что для этого злоумышленниками используются особые инструменты, позволяющие причинить большой экономический и иной ущерб, при этом они остаются анонимными, находясь в любой точке планеты. Использование этих инструментов, как правило, исключают спонтанное совершение данных преступлений, то есть для реализации хищения денег с банковских счетов требуется длительная подготовка, четкое планирование и подбор соучастников преступления, в обязанности которых будет входить, например, создание программных оболочек и средств вывода похищенных денежных средств.

Проблема необходимости дифференциации ответственности за кражу с банковского счета с учетом размера причиненного ущерба и способа его совершения рассматривается и в научных исследованиях. Так, например, С. Н. Безуглый и И. В. Миронюк указывают, что изменения 2018 года в части усиления уголовной ответственности за хищение денежных средств с банковского счета или электронных денежных средств привели к правоприменению, невольно нарушающему принцип справедливости. Правовые последствия определяются не общественной опасностью совершенного, не обстоятельствами совершения преступления, не личностью виновного, а формальным соблюдением текста закона. Если бы в правоприменительной практике п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ вменялась именно согласно идее авторов законопроекта, то отнесение его к категории тяжких можно было бы обосновать общественной опасностью лица, обладающего специальными знаниями и использующего технические средства. Но этого невозможно сделать ввиду текстуального описания п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ [3].

Таким образом, сохраняющаяся тенденция совершения краж с банковских счетов с использованием

¹ Уголовное дело № 1-179/2023 // Архив Кировского районного суда г. Екатеринбурга.

² Паспорт проекта федерального закона № 186266-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в части усиления уголовной ответственности за хищение денежных средств с банковского счета или электронных денежных средств. URL: <https://sozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 03.04.2024).

специальных навыков, технических средств, уязвимостей систем дистанционного банковского обслуживания, подтверждает, что нельзя смягчать ответственность за данное преступление.

К тому же логику законодателя можно трактовать так, что дополнительным объектом преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, являются общественные отношения, складывающиеся в процессе функционирования банковской системы. Ведь посредством проведения денежных расчетов в безналичной форме повышается скорость и эффективность экономических процессов, что, соответственно, требует дополнительной уголовно-правовой охраны. При этом очевидно, что требуется дифференциация в зависимости от того, какие именно инструменты и орудия применялись для получения доступа к деньгам, хранящимся на банковском счете.

Библиографический список

1. СБП основные показатели. URL: <https://cbr.ru/analytics> (дата обращения: 20.04.2024).
2. Сайт ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России» (дата обращения: 19.04.2024).
3. Безуглый С. Н., Миронюк И. В. К вопросу о необходимости признания кражи с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств тяжким преступлением // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 1 (140).

References

1. Fast payment system, main indicators // Official website of the Central Bank of the Russian Federation. URL: <https://cbr.ru/analytics> (access date: 04/20/2024).
2. Website of the Center for Contemporary Art of the Federal State Institution "GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia" (access date: 04/19/2024).
3. Bezugly S. N., Mironyuk I. V. On the issue of the need to recognize theft from a bank account, as well as in relation to electronic funds, as a serious crime // Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. 2022. № 1 (140).

Статья поступила в редакцию 03.06.2024; одобрена после рецензирования 20.06.2024; принята к публикации 18.09.2024

The article was submitted 03.06.2024; approved after reviewing 20.06.2024; accepted for publication 18.09.2024

Сущность и содержание системы преступной (криминальной) среды

Сысолина Наталия Сергеевна
Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, sns.va-mvd@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0453-9375>

Аннотация. Автором проведен анализ преступной (криминальной) среды с позиции системного подхода, в соответствие с которым рассматриваемая категория является подсистемой социальной среды, а последняя, в свою очередь, – компонентом системы более высокого порядка – среды человека. Исследованы различные подходы к определению понятий «социальная среда» и «преступная среда», а также к их соотношению и содержательным компонентам. В результате исследования сформулирована авторская дефиниция криминальной среды как системы, перечислены ее составляющие и указано место преступности в данной системе. Сделан вывод о необходимости установления характера взаимосвязей компонентов системы преступной среды для эффективного противодействия преступности.

Ключевые слова: преступность, преступная среда, криминальная среда, социальная среда

Для цитирования: Сысолина Н. С. Сущность и содержание системы преступной (криминальной) среды // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 3. С. 159–163.

Original article

The essence and content of the criminal environment system

Sysolina Nataliya S.
Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, sns.va-mvd@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0453-9375>

Abstract. The author analyzes the criminal (criminal) environment from the perspective of a systematic approach, according to which the category in question is a subsystem of the social environment, and the latter, in turn, is a component of a higher – order system – the human environment. Various approaches to the definition of the concepts of «social environment» and «criminal environment», as well as their relationship and content components, are investigated. As a result of the research, the author's definition of the criminal environment as a system is formulated, its components are listed and the place of crime in this system is indicated. It is concluded that it is necessary to establish the nature of the interrelationships of the components of the criminal environment system in order to effectively counter crime.

Keywords: crime, criminal environment, criminal environment, social environment

For citation: Sysolina N. S. The essence and content of the criminal environment system // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 3. Pp. 159–163.

Такое социальное явление, как преступность, тесно связано с различными сторонами жизни человека и, соответственно, многообразием общественных отношений, обусловленным постоянным развитием порождающей их среды. В широком смысле под средой понимается совокупность природных и социальных условий, в которых протекает жизнедеятельность людей [1, с. 431]. Следовательно, в структуру среды помимо природной составляющей входит социальный компонент, определяющий реализацию человека как члена общества и влияющий на его поведение.

Такой точки зрения придерживаются Н. Ф. Реймерс, А. Л. Большеротов, Н. В. Жукова и др., полагающие, что социальная среда (социально-психологическая (психоэмоциональная) и социально-экономическая) является одним из компонентов среды человека [2, с. 250, 253; 3, с. 251; 4, с. 139]. При этом исследователи полагают, что «человек не пассивно воспринимает воздействие среды, а активно и избирательно, в зависимости от социальной роли и своего места в

системе общественных отношений» [5]. Кроме того, согласимся с мнением Ш. К. Ханнанова, что не только среда оказывает влияние на человека, но и он своим поведением воздействует на среду, в которой находится [6, с. 75].

В психологической и юридической науках наиболее опасным для общества поведением, крайним видом негативной девиации признается преступление [7, с. 77; 8, с. 15]. Совокупность всех преступлений, совершаемых на конкретной территории в определенный период времени, образует такое социальное негативное явление, как преступность, с ее закономерностями и тенденциями развития, обусловленными спецификой детерминантов. Исходя из этого, преступность следует рассматривать как один из результатов взаимодействия людей в социальной среде. В связи с этим полагаем обоснованным условно выделить из социальной среды ту ее часть, которая включает благоприятную совокупность условий самодетерминации преступности и которую принято называть преступной или криминальной средой. Однако для определения сущности и содержания последней необходимо изучить аналогичные аспекты более общего понятия – социальной среды.

Поскольку социальная среда представляется сложным целостным образованием, комплексом взаимообусловленных факторов, где человек реализуется как член общества, то такую ее часть, как преступная среда, по нашему мнению, целесообразно исследовать с точки зрения системного подхода. Данный подход подразумевает, что любая социальная система обладает характеристиками, не сводящимися к простой сумме свойств составляющих ее элементов, то есть отражает один из законов диалектики, в соответствии с которым количественные изменения трансформируются в качественные.

О. А. Свиридов емко определяет любую систему как «четкую иерархическую взаимосвязь элементов», понимая под элементом неделимую далее составную часть системы [9, с. 7, 8]. Система может включать в себя подсистемы и сама являться частью системы более высокого порядка. При этом данный подход предполагает изучение не только и не столько структурных элементов системы, но, главным образом, их взаимосвязей, которые в конечном итоге и определяют ее особые свойства.

С этой точки зрения окружающая человека среда, будучи целостной системой, включает помимо природной среды подсистему социальной среды, а последняя, в свою очередь, – подсистему криминальной среды. Группы элементов, составляющих криминальную среду, как представляется, также являются ее подсистемами, связанными как между собой, так и с иными внешними системами, в том числе более высокого порядка. Полагаем, что для определения компонентов системы преступной среды необходимо очертить составляющие системы более высокого порядка – социальной среды.

Так, Н. Ф. Реймерс определяет социальную среду как компонент (подсистему окружающей среды)

представляющий собой «культурно-психологический (информационный, в том числе и политический) климат, намеренно и/или непреднамеренно, сознательно и/или бессознательно создаваемый для личности, социальных групп и человечества в целом самими людьми и слагающийся из влияния людей как социально-биологических существ друг на друга в коллективах непосредственно с помощью изобретенных ими средств материального, энергетического и информационного воздействия» [10, с. 188]. Исходя из такого определения содержание социальной среды представлено:

- а) людьми;
- б) влиянием их друг на друга;
- в) создаваемым ими культурно-психологическим климатом как следствием такого влияния.

Согласимся, что результат некоего взаимодействия людей может рассматриваться как самостоятельный компонент социальной среды наравне с самими людьми. При этом, чем разнообразнее и сложнее связи между ними и иными компонентами, тем стабильнее вся социальная система и, соответственно, результат взаимодействия.

В свою очередь, Д. Ж. Маркович, В. И. Жуков, В. Р. Бганба-Церера определяют содержание социальной среды процессами и образованиями, через которые и с помощью которых человек окружает себя как общественное, деятельное существо [11]. Согласно другой точке зрения, социальная среда понимается также как совокупность окружающих человека общественных (материальных и духовных) условий жизнедеятельности, влияющих на его здоровье, социальное самочувствие, развитие и формирование его как субъекта [12, с. 15]. Указанные дефиниции, по нашему мнению, рассматривают социальную среду в узком смысле, однако отражают этимологическую суть исследуемых терминов, называя обязательным компонентом преступной среды процессы, факторы, условия, в которых протекает жизнедеятельность людей.

Г. П. Предвечный и Ю. А. Шерковин справедливо отмечают, что понятие социальной среды характеризуется не сущностью общественных отношений, а обозначает конкретное их проявление и своеобразие на определенном этапе развития [13, с. 33]. Полагаем, что особенности такого проявления определяются характером связей субъектов общественных отношений между собой и внешними факторами различного характера (социально-экономическими, политическими, идеологическими и др.). С учетом этого представляется обоснованным выделение данных связей в качестве самостоятельного компонента системы социальной среды.

Таким образом, содержание социальной среды с позиции системного подхода представлено, по нашему мнению, следующими компонентами:

- подсистема факторов, процессов, условий, влияющих на жизнедеятельность членов общества;
- подсистема субъектов социальной среды – членов общества, осуществляющих жизнедеятельность

под влиянием указанных факторов, условий, процессов;

– внутренние взаимосвязи элементов подсистемы субъектов социальной среды и элементов подсистемы факторов, условий, процессов, которые окружают указанных субъектов на макро- и микроуровнях, а также внешние связи указанных подсистем и их элементов между собой и с другими социальными системами;

– результаты взаимосвязей первых двух подсистем между собой и с другими социальными системами, если такие результаты приобретают характер устойчивого социального явления.

Переходя к анализу такой подсистемы социальной среды, как преступная, отметим, что взгляды на понимание ее сущности в науке разнятся.

Так, Б. П. Михайлов, А. В. Воронцов и И. А. Завьялов понимают под криминальной средой «исторически сложившуюся, относительно устойчивую часть социальной среды, источником существования и воспроизводства которой являются доходы от преступной деятельности и антиобщественного поведения, активно противостоящую мерам противодействия преступности» [14, с. 187]. Практически так же определяет преступную среду А. Е. Шалагин [15, с. 136]. К достоинствам такого подхода относится расширение форм поведения субъектов, связанных с преступной средой: оно не ограничивается лишь нарушением уголовного закона и может быть в целом асоциальным, усиливающим действие криминогенных факторов преступности.

Однако полагаем, что доходы от криминального и асоциального поведения, хотя и способствуют воспроизводству преступной деятельности, не могут являться единственным источником существования криминальной среды. В противном случае она должна связываться исключительно с преступлениями, совершение которых продиктовано корыстной мотивацией участвующих в них лиц, поскольку под доходом понимаются деньги, заработок или материальные ценности, полученные от какой-либо деятельности [16, с. 178; 17, с. 281; 18, с. 127]. С этой точки зрения совершение иных видов преступлений (против личности, общественного порядка и общественной безопасности, военной службы, правосудия и др.) не обуславливают существование и воспроизводство криминальной среды. Позволим не согласиться с такой формулировкой, поскольку преступная среда определяется не только извлекаемыми из преступной деятельности и антиобщественного поведения доходами, но и совокупностью иных криминогенных детерминантов.

На один из таких факторов обращает внимание В. И. Горкин. По его мнению, преступная среда и сама преступность, рассматриваются как социальное уголовно-правовое явление, образующиеся «из определенной совокупности лиц, занимающихся криминальной деятельностью, большинство из которых ранее судимые и являющиеся носителями криминальной субкультуры, имеющие целью совершение умышлен-

ных преступлений и уклонение от ответственности» [19, с. 7]. Исходя из определенных нами составляющих социальной среды, мы не можем поддержать в полной мере указанную дефиницию, поскольку криминальная среда как часть социальной не включает в себя только лиц, осуществляющих преступную деятельность. Представляется, что данный подход нарушает этимологию исходного термина «среда», а значит, в конечном итоге существенно сужает понимание преступной среды.

Спорным представляется также утверждение о цели деятельности указанных лиц – уклонение от ответственности. В таком случае из состава лиц, связанных с преступной средой, следовало бы исключить написавших явку с повинной и сотрудничающих с органами предварительного расследования, что представляется неверным. Вместе с тем, согласимся, что одним из важнейших компонентов рассматриваемой категории является особый субъектный состав.

На субъектную составляющую преступной среды также обращают внимание А. С. Овчинский, А. В. Шмонин, Б. А. Торопов и Ф. П. Васильев, рассматривая ее как «некую часть общества (в определенной мере организованную, структурированную и даже сплоченную), которая включает преступников, их группы и формирования, кроме того личностей и даже целые слои населения, склонные к той или иной противоправной деятельности и асоциальному поведению» [20]. Среди признаков преступной среды авторы называют наличие ресурсов для ее существования, самовоспроизводства, развития и адаптации к изменяющимся внешним условиям, а также криминальную субкультуру. Вместе с тем иные составляющие криминальной среды, помимо криминально настроенной части общества, в ее определении не называются.

Таким образом, в науке преступную (криминальную) среду рассматривают как часть социальной среды, как уголовно-правовое явление либо как криминально настроенную часть общества, а ее признаваемыми большинством авторов характеристиками выступают социальный характер и осуществление ее членами преступной деятельности либо наличие антиобщественного поведения.

Обратимся теперь к существующим подходам, описывающим структурные элементы преступной среды.

Так, Б. П. Михайлов, А. В. Воронцов и И. А. Завьялов полагают, что криминальная среда по аналогии с социальной включает в себя три основных компонента:

- асоциальную жизненную среду, состоящую из причин и условий ее существования и развития (нематериальный компонент), а также физических объектов, пораженных преступностью – места лишения свободы, притоны, (материальный компонент);
- асоциальный организм (криминальную общину);
- криминальную субкультуру [14, с. 187].

А. Е. Шалагин относит к элементам криминальной среды совокупность лиц с асоциальным (преступным) прошлым и настоящим, материальные и нематериальные ресурсы, обеспечивающие ее устойчи-

вость и развитие, а также криминальную субкультуру [15, с. 136].

Согласимся с включением указанными авторами в состав элементов преступной среды комплекса факторов и условий ее существования, а также особого субъектного состава, поскольку данные элементы соответствуют логике содержания системы более высокого порядка – социальной среды. Вместе с тем поставить в один ряд с указанными составляющими физические объекты, пораженные преступностью, а также криминальную субкультуру не представляется логически обоснованным. Вряд ли места лишения свободы или притоны сами по себе можно назвать криминализированными материальными объектами, поскольку пораженными преступностью как продуктом человеческого взаимодействия могут быть только люди и характер их взаимодействия. Криминальная субкультура, по нашему мнению, является лишь одним из результатов такого взаимодействия, возникающего у некоторых субъектов преступной среды между собой и с другими ее компонентами. И поскольку приверженцами такой субкультуры являются не все лица, связанные с преступной деятельностью, то обозначать в дефиниции системы преступной среды данный результат как единственный или обязательный представляется преждевременным. Полагаем, что главным результатом взаимодействия людей в преступной среде является социальное негативное явление преступности.

По нашему мнению, количество минимально необходимых компонентов, составляющих содержание системы преступной среды, соответствует аналогичному построению среды социальной, а потому включает:

- подсистему факторов, условий, процессов, которые влияют на осуществление некой частью общества деятельности, связанной с совершением преступлений;
- подсистему субъектов преступной среды, обеспечивающих существование и развитие преступности, то есть совокупности членов общества, связанных общественными отношениями в сфере нарушения уголовного закона, развивающимися под влиянием указанных факторов, условий, процессов (члены преступной среды);
- внутренние взаимосвязи элементов подсистемы субъектов преступной среды, вовлеченных в общественные отношения в сфере нарушения уголовного закона, и элементов подсистемы факторов, условий, процессов, которые окружают указанных субъектов на макро- и микроуровнях, а также внешние связи указанных подсистем (их элементов) между собой и с другими социальными системами;
- устойчивые результаты взаимосвязей первых двух подсистем между собой и с другими социальными системами, приобретающие характер социальных явлений, главным из которых является преступность.

Отсюда следует, что под преступной средой как системой следует понимать одну из составляющих социальной среды, детерминирующую преступное

поведение некоторых членов общества, результатами взаимодействия которых являются преступность и связанные с ней иные социальные явления.

Уяснение сущности преступной среды, компонентов, образующих ее содержание, необходимо для понимания направлений, по которым должна строиться система мер противодействия преступности, являющихся главным результатом ее существования. Учитывая, что ключевым в любой системе является характер взаимосвязей ее компонентов, правоприменителям стоит устанавливать такие взаимосвязи в преступной среде и оказывать на них упреждающее воздействие.

Библиографический список

1. Человек и общество: словарь-справочник (Философия) / И. Д. Коротец и др. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. 544 с.
2. Реймерс Н. Ф. Охрана природы и окружающей человека среды: словарь-справочник. М., 1992. 320 с.
3. Большеротов А. Л. Характеристика и учет взаимодействия элементов среды обитания человека // Вестник МГСУ. 2010. № 4. С. 250–254.
4. Жукова Н. В. Понятие окружающей среды как объекта конституционно-правовой охраны // Общество и право. 2021. № 3 (77). С. 137–140.
5. Петрова С. И. Социальная среда: проблемы интерпретации // Бюллетень науки и практики. 2016. № 4 (5). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-sreda-problemy-interpretatsii> (дата обращения: 10.03.2024).
6. Ханнанов Ш. К. Средовой подход в социологии // Среднерусский вестник общественных наук. 2011. № 1. С. 72–76.
7. Менделевич В. Д. Психология девиантного поведения: учебное пособие. СПб.: Речь, 2005. 445 с.
8. Родимушкина О. В. Предупреждение корыстно-насильственных преступлений, совершаемых лицами с девиантным поведением: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.08. М., 2011. 27 с.
9. Свиридов О. А. К уточнению понятия «Сложная система» // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2013. № 1. С. 5–10.
10. Реймерс Н. Ф. Экология (теории, законы, правила принципов и гипотезы). М.: Журнал «Россия Молодая», 1994. 367 с.
11. Маркович Д. Ж., Жуков В. И., Бганба-Церепа В. Р. Социальная экология: учебное пособие. М.: Изд-во МГСУ «Союз», 1998. URL: <http://nedvigovka.ru/biblioteka/35/3.htm> (дата обращения: 15.03.2024).
12. Гольцова Е. В. Экология социальной среды в современной России: автореферат дис. ... канд. философ. наук: 09.00.11. Иркутск: Иркут. гос. ун-т., 2005. 20 с.
13. Социальная психология. Краткий очерк / под общ. ред. Г. П. Предвечного и Ю. А. Шерковина. М.: Политиздат, 1975. 319 с.
14. Михайлов Б. П., Воронцов А. В., Завьялов И. А. Особенности криминальной среды России // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 6. С. 186–190.

15. Шалагин А. Е. Криминальная среда и ее общественная опасность // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2016. № 2 (2). С. 136–141.

16. Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. 938 с.

17. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 2000. 1536 с.

18. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2014. 800 с.

19. Горкин В. И. Рецидивная преступность и криминальная среда: автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Саратов, 2007. 26 с.

20. Овчинский А. С., Шмонин А. В., Торопов Б. А., Васильев Ф. П. Криминальная среда цифрового мира как угроза кибербезопасности // Вопросы безопасности. 2019. № 5. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=27115 (дата обращения: 05.04.2024).

References

1. Man and society: a dictionary (Philosophy) / I. D. Korotets et al. Rostov-on-Don: Phoenix, 1996. 544 p.

2. Reimers N. F. Protection of nature and the human environment: a dictionary. M., 1992. 320 p.

3. Bolsherotov A. L. Characteristics and consideration of the interaction of elements of the human environment // Bulletin of the MGSU. 2010. No. 4. Pp. 250–254.

4. Zhukova N. V. The concept of the environment as an object of constitutional and legal protection // Society and law. 2021. No. 3 (77). Pp. 137–140.

5. Petrova S. I. Social environment: problems of interpretation // Bulletin of Science and Practice. 2016. No. 4 (5). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-sreda-problemy-interpretatsii> (date of reference: 03/10/2024).

6. Hannanov Sh. K. The environmental approach in sociology // Central Russian Bulletin of Social Sciences. 2011. No. 1. Pp. 72–76.

7. Mendelevich V. D. Psychology of deviant behavior. A study guide. SPb.: Speech, 2005. 445 p.

8. Rodimushkina O. V. Prevention of mercenary and violent crimes committed by persons with deviant behavior: abstract of the dissertation of the candidate of Legal sciences: 12.00.08. M., 2011. 27 p.

9. Sviridov O. A. To clarify the concept of «Complex system» // Intellect. Innovation. Investment. 2013. No. 1. Pp. 5–10.

10. Reimers N. F. Ecology (theories, laws, rules, principles and hypotheses). M.: Journal «Young Russia», 1994. 367 p.

11. Markovich D. J., Zhukov V. I., Bganba-Ceres V. R. Social ecology: A textbook. M.: Publishing house of MGSU «Soyuz», 1998. URL: <http://nedvigovka.ru/biblioteka/35/3.htm> (date of reference: 03/15/2024).

12. Goltsova E. V. Ecology of the social environment in modern Russia: abstract of the dissertation of the

candidate of philosophical Sciences Sciences: 09.00.11. Irkutsk: Irkut. State University. 2005. 20 p.

13. Social psychology. A short essay. Under the general editorship of G. P. Predechny and Yu. A. Sherkovin. M., Politizdat, 1975. 319 p.

14. Mikhailov B. P., Vorontsov A. V., Zavyalov I. A. Features of the criminal environment of Russia // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. No. 6. Pp. 186–190.

15. Shalagin A. E. Criminal environment and its public danger // Scientific notes of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 2 (2). Pp. 136–141.

16. Ozhegov S. I. and Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions / Russian Academy of Sciences. V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language. 4th ed., supplemented. M.: LLC «А ТЕМП», 2006. 938 p.

17. The Great explanatory dictionary of the Russian language / Comp. and chief editor S. A. Kuznetsov. SPb.: «Norint», 2000. 1536 p.

18. Ushakov D. N. Explanatory dictionary of the modern Russian language. M.: Adelant, 2014. 800 p.

19. Gorkin V. I. Recidivism and the criminal environment: abstract of the dissertation of the candidate of Law: 12.00.08. Saratov, 2007. 26 p.

20. Ovchinsky A. S., Shmonin A. V., Toropov B. A., Vasiliev F. P. The criminal environment of the digital world as a threat to cybersecurity // Security issues. 2019. No. 5. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=27115 (date of reference: 04/05/2024).

Статья поступила в редакцию 06.06.2024; одобрена после рецензирования 27.07.2024; принята к публикации 18.09.2024

The article was submitted 06.06.2024; approved after reviewing 27.07.2024; accepted for publication 18.09.2024

Идентификационная деятельность оперативно-розыскных подразделений

Титов Павел Михайлович

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, titov1995@ya.ru

Аннотация. Идентификационная деятельность оперативно-розыскных подразделений, являющаяся неотъемлемой частью оперативно-розыскной деятельности, предусмотрена и закреплена нормативными правовыми актами ведомственного уровня. Для понимания схожести и различия автор статьи разделяет идентификационную деятельность и розыскную деятельность, отмечая их неразрывную связь с оперативно-розыскной деятельностью. Основные подходы к исследованию выделенных в работе проблемных сопряжений данных видов деятельности рассматриваются с применением общенаучных и частнонаучных методов, которые в совокупности позволяют комплексно подойти к изучению особенностей идентификационной деятельности оперативно-розыскных подразделений. В статье с учетом всестороннего рассмотрения, изучения и сравнения точек зрения ученых и правоприменителей дано определение идентификационной деятельности оперативно-розыскных подразделений.

Ключевые слова: оперативно-розыскная наука, оперативно-розыскная деятельность, розыскная деятельность, идентификационная деятельность, правоохранительные органы, органы внутренних дел, оперативные подразделения, розыск, отождествление личности

Для цитирования: Титов П. М. Идентификационная деятельность оперативно-розыскных подразделений // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 3. С. 164–168.

Original article

Identification activities of operational search units

Titov Pavel M.,

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, titov1995@ya.ru

Abstract. Identification activities of operational search units, which are an integral part of operational search activities, are provided for and fixed by regulatory legal acts of the departmental level. To understand the similarities and differences, the author of the article separates identification activities and investigative activities, noting their inseparable connection with operational investigative activities. The main approaches to the study of the problematic conjugations of these types of activities highlighted in the work are considered using general scientific and private scientific methods, which together allow a comprehensive approach to the study of the characteristics of the identification activities of operational search units. In the article, taking into account the comprehensive consideration, study and comparison of the points of view of scientists and law enforcement officers, the definition of the identification activity of operational search units is given.

Keywords: operational investigative science, operational investigative activity, investigative activity, identification activity, law enforcement agencies, internal affairs agencies, operational units, search, identification of the person.

For citation: Titov P. M. Identification activities of operational search units // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 3. Pp. 164–168.

Конституция Российской Федерации одним из приоритетных направлений отечественной государственной политики провозглашает обеспечение безопасности граждан, охрану их прав и законных интересов от преступных посягательств. В соответствии с этим правоохранительные органы призваны осуществлять комплекс мер, надежно защищающих

конституционные права и свободы человека и гражданина.

В настоящее время в связи со специальной военной операцией на Украине, решение о проведении которой было принято 24 февраля 2022 года Пре-

зидентом Российской Федерации Владимиром Владимировичем Путиным, а также связанной с этим частичной мобилизацией граждан, регламентированной Указом Президента РФ от 21 сентября 2022 г. № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации»¹, идентификационная деятельность оперативно-розыскных подразделений приобрела особую актуальность.

В ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД»)² идентификационная деятельность оперативно-розыскных подразделений не выделяется, она имплементирована в розыскную деятельность и определяется в качестве одной из задач оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД). Успешное ее осуществление зависит не только от совершенствования нормативно-правового регулирования, но и от научно-теоретического осмысления всех структурных элементов.

Говоря о внедрении идентификационной деятельности оперативно-розыскных подразделений в розыскную работу, необходимо отметить, что она как самостоятельный вид деятельности правоохранительных органов вообще не отражена в ФЗ «Об ОРД». Безусловно, ст. 2 формулирует задачу, направленную на осуществление розыска, но в ней нет прямого упоминания о какой-либо идентификационной деятельности.

Вопросы, связанные с розыскной работой и выполнением указанных в ст. 2 ФЗ «Об ОРД» задач по розыску, раскрываются в работах ряда авторов. А. В. Кудрявцев и Б. В. Васильчиков акцентировали внимание на организации розыскной работы и ее теоретическом аспекте [1]. И. И. Горбатков выделяет проблемы при осуществлении розыска, оказывающие значительное влияние на эффективность розыскной работы [2, с. 2084]. Д. Ю. Мамонтов рассматривает в своей работе не отдельно розыск как элемент оперативно-розыскной деятельности, а оперативно-розыскную работу, которая шире, чем розыск, и охватывает значительные элементы оперативно-розыскной деятельности; этот же автор предлагает порядок действий по оптимизации именно оперативно-розыскной работы [3, с. 262]. В. В. Скосарев и О. А. Королькова рассматривают актуальные проблемы законодательного регулирования розыскной работы сквозь призму разногласий между уголовно-процессуальным и оперативно-розыскным законодательством [4]. В. Ю. Стельмах обращает внимание на некоторые аспекты осуществления прокурорского надзора, в том числе за розыскной работой [5]. А. В. Шахматов и Р. В. Глубоковских рассматривают розыскную работу как «базирующуюся на комплексном использовании оперативно-розыскных и уголовно-процессуальных мер,

как самостоятельное междисциплинарное понятие, частично подчиненное двум разным направлениям – уголовному судопроизводству и оперативно-розыскной деятельности» [6].

Ряд ученых освещали в своих работах проблемы розыска, прямо не ставя вопрос об идентификационной деятельности: А. И. Бастрыкин, Р. С. Белкин, П. Е. Букейханов, А. А. Закатов, Е. Ф. Коновалов, А. С. Косенко, И. Ф. Крылов, А. Ю. Лаговский, Г. К. Москвин, С. С. Овчинский, В. И. Попов и др.

Вопросы идентификационной деятельности рассматривались в работах А. В. Парфенова, который озвучил следующий тезис: «не имеется почвы выделять самостоятельность идентификационной деятельности от оперативно-розыскной деятельности» [7, с. 56], и Е. В. Бурякова, рассматривавшего розыскную и идентификационную деятельность как неразрывно связанные друг с другом [8].

Нормативную правовую основу идентификационной деятельности оперативно-розыскных подразделений составляют:

- 1) Конституция Российской Федерации;
- 2) ФЗ «Об ОРД»;
- 3) Федеральный закон от 25 июля 1998 г. № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» (далее – ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации»)³;
- 4) Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (заключена в г. Минске 22 января 1993 г., для Российской Федерации вступила в силу 19 мая 1994 г.)⁴;
- 5) Регламент компетентных органов по осуществлению межгосударственного розыска лиц (решение Совета глав правительств СНГ, принятое в г. Душанбе 30 октября 2015 г.)⁵;
- 6) Приказ МВД России от 6 октября 2006 г. № 786⁶;
- 7) Приказ МВД России от 31 марта 2023 г. № 199⁷;
- 8) закрытые приказы МВД России.

В качестве примера идентификационной деятельности оперативных подразделений приведем и рас-

³ Федеральный закон от 25 июля 1998 г. № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации». URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.06.2024).

⁴ Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (заключена в г. Минске 22 января 1993 г., для Российской Федерации вступила в силу 19 мая 1994 г. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.06.2024).

⁵ Решение Совета глав правительств СНГ (принято в г. Душанбе 30 октября 2015 г.) «О Регламенте компетентных органов по осуществлению межгосударственного розыска лиц». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.06.2024).

⁶ Приказ МВД России от 6 октября 2006 г. № 786. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.06.2024).

⁷ Приказ МВД России от 31 марта 2023 года № 199. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.06.2024).

¹ Указ Президента РФ от 21 сентября 2022 г. № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации». URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.06.2024).

² Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.06.2024).

кроем деятельность по идентификации неопознанных трупов.

Одним из ключевых звеньев в организации идентификационной деятельности без вести пропавших лиц и установление личности неопознанных трупов является формирование и использование дактилоскопических учетов. На сегодня дактилоскопирование может быть как добровольным, так и обязательным. Что касается добровольной государственной дактилоскопической регистрации граждан Российской Федерации, то она в соответствии с ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» проводится органами внутренних дел по письменному заявлению гражданина по месту его жительства.

Относительно обязательной государственной дактилоскопической регистрации ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» предельно конкретен и определяет следующие категории граждан, подлежащих учету: проходящие или призываемые на военную службу; проходящие службу в правоохранительных органах, в федеральных органах исполнительной власти, аварийно-спасательных службах; члены экипажей воздушных судов государственной, гражданской и экспериментальной авиации Российской Федерации; иностранные граждане и лица без гражданства, определенные в законодательном порядке; все неопознанные трупы.

Интересы практики диктуют необходимость значительно расширить круг лиц, подлежащих обязательной дактилоскопической регистрации за счет профессий «повышенного риска». К таким можно отнести журналистов (военных корреспондентов, так как они работают в горячих точках), членов экипажей всех морских и речных транспортных средств, а также водителей международных и междугородних транспортных средств.

Как ни парадоксально, но практика свидетельствует о том, что выбор метода идентификации и ее достоверность в большинстве случаев полностью зависят от имеющихся прижизненно зафиксированных объективных материалов на предполагаемого погибшего. Это положение свидетельствует о крайней необходимости улучшения поиска и фиксации таких данных на пропавшего без вести человека, причем сразу же после поступления заявления об его исчезновении.

Самым распространенным способом фиксации признаков внешности являются фотографии, поэтому до 90 % всех экспертиз и исследований выполняются на их основе. При наличии рентгенограмм каких-либо отделов костного скелета и черепа идентификационные исследования упрощаются, так как на снимках отражаются индивидуальные особенности структуры костной ткани, формы и размеры отдельных анатомических образований и т. д. Ценную идентификационную информацию содержат описания стоматологического статуса, сведения об антигенных характеристиках и др.

Естественно, что вывод по отождествлению скелетированного трупа в ходе идентификационной деятельности формируется на базе сравнительного исследования всех имеющихся объективных материалов по трупу и по пропавшему без вести и следующим образом: не исключается, что погибшим мог быть гражданин Ф.

Теперь можно реализовать возможность твердого доказательства этого вывода путем специальных исследований имеющихся объективных данных о пропавшем без вести человек, причем чем их больше, тем легче это сделать.

В настоящее время идентификационная деятельность оперативных подразделений приобрела новые возможности. С появлением геномных лабораторий у оперативных сотрудников органов внутренних дел появились основания по-новому взглянуть на данный вид деятельности. Применение ДНК-исследования полностью исключает такой фактор, как невозможность установления личности. Согласно статистическим сведениям МВД России существует положительная динамика использования геномной информации в рамках идентификационной деятельности оперативных подразделений, а именно в ходе установления личности неопознанных трупов без вести пропавших и в ходе совершения преступлений с помощью ДНК-анализа.

Однако на сегодняшний день в идентификационной деятельности оперативных подразделений дактилоскопирование занимает приоритетное место, что образует своего рода дисбаланс, который вполне объясним и свидетельствует, скорее всего, не о недостатках данного направления деятельности, а о несовершенстве ее нормативно-правовой регламентации. База данных ДНК начала собираться совсем недавно и пополняется ограниченным количеством объектов для сравнительного отождествления. На учете в федеральной базе данных геномной информации находится чуть более миллиона лиц из числа осужденных [9, с. 3].

Помимо ДНК-исследований появилась ранее недопустимая техническая возможность проводить идентификационную работу оперативными подразделениями, что позволяет своевременно получить оперативно-значимую информацию, например, полные или частичные данные о лице, месте его жительства (пребывания), фотографии, сведения о связях, социальной активности, банковских счетах и операциях и многое другое. Для этого оперативным подразделениям нет необходимости работать непосредственно с устройством сотовой связи, а можно использовать различного рода интернет-ресурсы [10]. Такая информация в ходе идентификационной деятельности может быть получена оперативными подразделениями в результате проведения оперативно-розыскного мониторинга общедоступных поисковых систем. С. П. Евтеев в своей работе приводит перечень таких поисковых систем [11, с. 48].

В настоящее время выработаны разнообразные способы осуществления идентификационной дея-

тельности в социальных сетях, на различных сервисах. Найти данные о любом человеке можно по определенному количеству информации о нем либо по фотографии. Все эти возможности в настоящее время уже активно используются оперативными подразделениями правоохранительных органов для осуществления идентификационной деятельности.

Значительное место среди мероприятий, осуществляемых в ходе дальнейшей идентификационной деятельности, занимает гласный оперативный осмотр местности, который принято называть «проческой» местности. Он проводится в обязательном порядке тогда, когда путем первичных оперативно-розыскных мероприятий результат решения оперативных задач не был достигнут. Местность осматривается с учетом обстоятельств исследуемого события. Практика убедительно доказывает необходимость тщательного проведения осмотра местности. «Прочесывание» обширной территории проводится обычно с участием большого количества сотрудников полиции, общественности (поисковых организаций), охотников, военнослужащих воинских частей.

Важную роль в процессе дальнейшей идентификации играют мероприятия, направленные на получение информации, имеющей оперативно значимый характер.

Таким образом, идентификационная деятельность оперативно-розыскных подразделений базируется на комплексном использовании оперативно-розыскных и уголовно-процессуальных мер, ее целесообразнее рассматривать «как самостоятельное междисциплинарное понятие, частично подчиненное двум разным понятиям – оперативно-розыскной деятельности и уголовного судопроизводства» [12, с. 445–446]. Понятие «идентификационная деятельность» не охватывает ни расследование, ни раскрытие преступлений. Согласно ст. 2 ФЗ «Об ОРД» одной из задач оперативно-розыскной деятельности является осуществление розыска без вести пропавших, а в основаниях для проведения оперативно-розыскных мероприятий упоминается об обнаружении неопознанных трупов, что характерно для полноценного осуществления идентификационной деятельности путем их проведения.

В целях недопущения различных интерпретаций и конкретизации научных и нормативных понятий в теории оперативно-розыскной деятельности предлагается следующая дефиниция термина «идентификационная деятельность»: это самостоятельное направление оперативно-розыскной деятельности, базирующееся на законах и подзаконных нормативных актах, осуществляемое уполномоченными на то субъектами, основанное на применении преимущественно негласных средств и методов в сочетании с гласными средствами и методами, направленными на непосредственное выявление и использование фактических данных, необходимых для решения определенной части общих и частных задач оперативно-розыскной деятельности, обеспечивающих идентификацию без вести пропавших лиц и иных ка-

тегорий разыскиваемых, выявление и устранение условий, способствующих длительному укрывательству и безвестному исчезновению.

Следует отметить, что правоохранительные органы располагают всеми необходимыми средствами, методами и тактическими приемами, чтобы обеспечить безусловные и быстрые оперативные мероприятия в рамках идентификационной деятельности оперативно-розыскных подразделений. Важно лишь, чтобы сотрудники органов внутренних дел своевременно реагировали на заявления (сообщения) о пропаже людей, правильно организовывали проведение оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, шире использовали современные технические возможности.

Библиографический список

1. Кудрявцев А. В., Васильчиков Б. В. Теоретический аспект организации розыскной работы в уголовно-исполнительной системе // Вестник Владимирского юридического института. 2008. № 2 (7). С. 66–68.
2. Горбатов И. И. Основы организации розыскной работы в подразделениях Федеральной службы судебных приставов // Научный аспект. 2024. Т. 16. № 4. С. 2078–2084.
3. Мамонтов Д. Ю. Отдельные вопросы совершенствования оперативно-розыскной работы на современном этапе // Государственная служба и кадры. 2021. № 5. С. 262–264.
4. Скосарев В. В., Королькова О. А. Актуальные проблемы законодательного регулирования розыскной работы // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2004. № 4. С. 35–36.
5. Стельмах В. Ю. Полномочия прокурора при осуществлении надзора за оперативно-розыскной деятельностью // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 4 (51). С. 138–148.
6. Шахматов А. В., Глубоковских Р. В. Понятие и содержание розыскной работы оперативных подразделений органов внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 2 (90). С. 118–125.
7. Парфенов А. В. Генезис оперативно-розыскной деятельности в свете учения о розыскной и идентификационной деятельности // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 3 (55). С. 51–56.
8. Буряков Е. В. Использование достижений науки в розыскной и идентификационной деятельности // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 3 (101). С. 53–59.
9. О состоянии оперативно-служебной деятельности подразделений уголовного розыска органов внутренних дел Российской Федерации по итогам 2022 года: обзор ГУУР МВД России от 26 января 2023 г. № 90.
10. Рукавишников Г. А., Титов П. М. Общая характеристика технологий OSINT на платформе TELEGRAM для использования в получении значимой информа-

ции // Вопросы российской юстиции. 2023. № 27. С. 537–546.

11. Евтеев С. П. Получение компьютерной информации: нерешенные вопросы и возможности использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2017. № 1 (41). С. 42–50.

12. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского. 5-е изд., испр. и доп. М.: ИНФРА-М, 2024. 795 с.

References

1. Kudryavtsev A. V., Vasilchikov B. V. Theoretical aspect of organizing investigative work in the penal system // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2008. № 2 (7). Pp. 66–68.

2. Gorbakov I. I. Fundamentals of organizing investigative work in the units of the Federal Bailiff Service // Scientific aspect. 2024. Vol. 16. № 4. Pp. 2078–2084.

3. Mamontov D. Yu. Certain issues of improving operational-investigative work at the present stage // Civil service and personnel. 2021. № 5. Pp. 262–264.

4. Skosarev V. V., Korolkova O. A. Actual problems of legislative regulation of investigative work // Actual problems of combating crimes and other offenses. 2004. № 4. Pp. 35–36.

5. Stelmakh V. Yu. Powers of the prosecutor in the exercise of supervision over operational-investigative activities // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law. 2022. № 4 (51). Pp. 138–148.

6. Shakhmatov A. V., Glubokovskikh R. V. Concept and content of investigative work of operational units of internal affairs bodies // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 2 (90). Pp. 118–125.

7. Parfenov A. V. Genesis of operational-search activities in light of the doctrine of search and identification activities // Works of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 3 (55). Pp. 51–56.

8. Buryakov E. V. Use of scientific achievements in search and identification activities // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 3 (101). Pp. 53–59.

9. On the state of operational and service activities of criminal investigation units of the internal affairs bodies of the Russian Federation based on the results of 2022: review of the Main Directorate of Criminal Investigation of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated January 26, 2023 № 90.

10. Rukavishnikova G. A., Titov P. M. General characteristics of OSINT technologies on the TELEGRAM platform for use in obtaining significant information // Issues of Russian Justice. 2023. № 27. Pp. 537–546.

11. Evteev S. P. Obtaining computer information: unresolved issues and possibilities of using the results of

operational-search activities in criminal proceedings // Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2017. № 1 (41). Pp. 42–50.

12. Theory of operational-search activities: textbook / edited by K. K. Goryainov, V. S. Ovchinsky. 5th ed., corrected. and add. M.: INFRA-M, 2024. 795 p.

Информация об авторе

Титов Павел Михайлович – кандидат юридических наук

Information about the author

Titov Pavel M. – Candidate of Law

Статья поступила в редакцию 28.06.2024; одобрена после рецензирования 19.07.2024; принята к публикации 18.09.2024

The article was submitted 28.06.2024; approved after reviewing 19.07.2024; accepted for publication 18.09.2024

Некоторые проблемы уголовно-правового противодействия организации незаконной миграции

Щетинина Наталья Валерьевна

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, shchetinina.74@mail.ru

Аннотация. В правоприменительной деятельности возникают сложности, связанные с установлением объективных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 322.1 УК РФ «Организация незаконной миграции», и его отграничения от смежных нарушений административного законодательства. В статье на основе анализа отраслевого законодательства формулируются критерии незаконной миграции, на примере судебных решений конкретизируются формы организации незаконной миграции, проводится соотношение с иными правонарушениями в сфере миграции.

Ключевые слова: организация, незаконная миграция, пребывание, въезд, транзитный проезд, иностранный гражданин, квалификация

Для цитирования: Щетинина Н. В. Некоторые проблемы уголовно-правового противодействия организации незаконной миграции // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 3. С. 169–173.

Original article

Certain Issues of Criminal Law in Combating the Organization of Illegal Migration

Schetinina Natalya V.

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, shchetinina.74@mail.ru

Abstract. In law enforcement activities, difficulties arise related to the establishment of the objective elements of the crime defined in Article 322.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, «Organization of Illegal Migration», and its differentiation from related violations of administrative legislation. This article formulates criteria for illegal migration based on an analysis of sectoral legislation, specifies forms of organizing illegal migration through case law examples, and establishes correlations with other offenses in the field of migration.

Keywords: organization, illegal migration, stay, entry, transit passage, foreign citizen, qualification

For citation: Schetinina N. V. Certain Issues of Criminal Law in Combating the Organization of Illegal Migration // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 3. Pp. 169–173.

Практика применения ст. 322.1 УК РФ свидетельствуют о наличии определенных проблем, в частности связанных с тем, что следует понимать под термином «организация незаконной миграции», какие именно действия можно считать наказуемыми по данной статье, каково соотношение рассматриваемого преступления со смежными административно наказуемыми деяниями.

Так, лицо, достоверно зная о том, что иностранные граждане (3 человека) незаконно находятся на территории РФ и должны были покинуть ее, предоставило им жилые помещения, оборудованные для проживания: в каждом помещении находились кровати с постельными принадлежностями, кухонные принадлежности, к постройке было проведено центральное

электричество и отопление, так же помещения были оснащены душевыми кабинами и туалетами (как указал суд, «были созданы все необходимые условия для полноценного и постоянного проживания иностранных граждан»), и получало при этом за их «незаконное пребывание» ежемесячную денежную плату. За указанные действия лицо осуждено по ч. 1 ст. 322.1 УК РФ, поскольку, по мнению суда, «совершило организацию незаконной миграции, то есть организацию незаконного пребывания иностранных граждан в Российской Федерации»¹.

¹ Приговор Мытищинского городского суда от 14 сентября 2023 г. по делу № 1-470/2022 URL: <https://sudact.ru>.

Согласно материалам другого дела лицо организовало незаконное пребывание на территории России трех граждан Республики Узбекистан, будучи уведомленным о том, что они не имеют соответствующих документов, подтверждающих право нахождения на территории Российской Федерации. Более того, со стороны обвиняемого им были созданы все необходимые условия для проживания: предоставлено жилье в бытовках, оборудованных спальными местами, они обеспечивались спальными принадлежностями, кухонными бытовыми приборами, продуктами питания, средствами гигиены. Помимо этого то же лицо предоставило им работу, связанную с обустройством личного домовладения с гарантией денежного содержания за выполненную работу¹.

В представленных ситуациях организация незаконной миграции выразилась в предоставлении жилого помещения, его обустройстве, предоставлении в последнем случае продуктов питания и работы, которую иностранные граждане осуществляли неофициально.

В то же время К. был оправдан по ч. 1 ст. 322.1 УК РФ за отсутствием состава преступления. Достоверно зная, что граждане КНР (4 человека) не имеют на территории России места жительства и работы, не зарегистрированы по месту пребывания в Российской Федерации в установленном порядке, К. предоставил им комнату в общежитии для временного проживания и работу на стройке. Действия К. были квалифицированы по ч. 1 ст. 322.1 УК. Однако суд счел, что в совершенном деянии нет признаков состава организации незаконной миграции².

На обозначенной проблеме акцентируется внимание и в научных публикациях. Так, К. В. Дядюн отмечает, что незаконное пребывание в России и незаконный транзитный проезд через ее территорию как формы деяния, предусмотренного ст. 322.1 УК РФ, практически неотличимы от действий, указанных в ч. 3 ст. 18.9 КоАП. Предоставление жилого помещения или транспортного средства с нарушением установленного порядка или правил транзитного проезда – просто несколько более подробное описание деяния, предусмотренного уголовным законодательством. Наказуемая по ст. 322.1 УК РФ организация незаконного пребывания в Российской Федерации и незаконного транзитного проезда через территорию Российской Федерации может выражаться именно в предоставлении помещения, транспортного средства либо в оказании иных услуг. По сути одни и те же действия образуют и объективную сторону преступления, и состав административного правонарушения. При этом законодательство не содержит критериев, позволяющих однозначно решить вопрос о юридической оценке содеянного [1, с. 57]. Размытость границ между преступным и административно наказуемым

деяниями приводит к тому, что при схожих фактических обстоятельствах действия виновных дается разная правовая оценка [2, с. 33].

С учетом изложенного представляется целесообразным еще раз уделить внимание определению того, что следует понимать под организацией незаконной миграции применительно к ст. 322.1 УК РФ, и соотношению указанной нормы с соответствующими административно наказуемыми деяниями.

В соответствии с п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2020 г. № 18 «О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией» под организацией незаконной миграции понимается умышленное совершение действий, создающих условия для осуществления одним или несколькими иностранными гражданами или лицами без гражданства незаконного въезда в РФ, незаконного пребывания в РФ или незаконного транзитного проезда через территорию РФ.

Согласно Постановлению № 52-3 Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ организация незаконной миграции – обеспечение в целях получения, прямо или косвенно, какой-либо финансовой или иной материальной выгоды, незаконного въезда на территорию государства любого лица, которое не является его гражданином или не проживает постоянно на его территории.

Обобщая практику по уголовным делам, связанным с незаконной миграцией, Верховный Суд Республики Крым указал, что «организация незаконной миграции может быть осуществлена только путем действий. Они могут заключаться в создании группы, занимающейся обеспечением незаконной миграции, разработке способов и маршрутов незаконного въезда в Российскую Федерацию, подыскании лиц, желающих незаконно мигрировать, обеспечении их соответствующими документами, установлении незаконных контактов с лицами, контролирующими порядок въезда на территорию страны и пребывания в ней, выдачей виз, и в совершении иных действий, направленных на обеспечение незаконного въезда в Российскую Федерацию иностранных граждан или лиц без гражданства, их незаконного пребывания в Российской Федерации или незаконного транзитного проезда через ее территорию» [3].

Выше приведенные определения, безусловно, формируют представление относительно того, что следует относить к организации незаконной миграции, однако не решают обозначенную проблему полностью. В них акцентируется внимание главным образом на определении того, что следует понимать под таким юридически значимым действием, как «организация», при этом используются словосочетания типа «создание условий», например, для незаконного пребывания в РФ иностранных граждан или лиц без гражданства, «обеспечение» их незаконного пребывания в РФ. Вместе с тем, разрешению обозначенной

¹ Приговор Орехово-Зуевского городского суда от 19 сентября 2023 г. по делу № 1-758/2023 URL: <https://sudact.ru>.

² Официальный сайт Тамбовского областного суда. URL: <https://oblsud, tmb@sudrf.ru>.

проблемы будет способствовать уяснение того, какая именно миграция является незаконной.

Решая вопрос о наличии в содеянном признаков незаконной миграции, следует учитывать, что диспозиция рассматриваемой нормы является бланкетной, то есть для установления признаков состава преступления, предусмотренного ст. 322.1 УК РФ, необходимо определять предусмотренные нормативными правовыми актами основания законного пребывания иностранного гражданина или лица без гражданства в РФ. Так, в соответствии с п. 9 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» законность нахождения в РФ иностранного гражданина устанавливается на основании документов, подтверждающих право на его пребывание (проживание) в РФ (наличие действительных вида на жительство либо разрешения на временное проживание, либо разрешения на временное проживание в целях получения образования, либо визы и (или) миграционной карты, либо иных предусмотренных федеральным законом или международным договором Российской Федерации документов). Таким образом, нахождение иностранца в России следует считать незаконным только в том случае, если:

а) оно осуществляется при отсутствии документов, подтверждающих право на его пребывание в РФ (в том числе, когда по истечении установленного в соответствующих документах (визе, миграционной карте) срока лицо уклонилось от выезда из РФ);

б) эти документы были получены незаконным способом.

С учетом изложенного представляется, что под организацией незаконного пребывания в Российской Федерации по смыслу ст. 322.1 УК РФ следует понимать:

а) любое умышленное создание условий для нахождения иностранного гражданина или лица без гражданства, у которого нет документа, подтверждающего право на его пребывание (проживание) в РФ (или имеется документ с истекшим сроком действия);

б) совершение действий, направленных на создание обстоятельств, имеющих юридическое значение и предоставляющих видимое право иностранным гражданам на пребывание (проживание) в РФ (то есть действия, в результате которых лицо может получить (или фактически получило) вид на жительство, разрешение на временное проживание, визу или миграционную карту и пр.).

Например, в соответствии со ст. 6 вышеуказанного федерального закона без учета утвержденной Правительством РФ квоты разрешение на временное проживание может быть выдано иностранному гражданину, состоящему в браке с гражданином РФ. Соответственно, уголовно наказуемой по ст. 322.1 УК РФ может признаваться организация незаконного пребывания путем оформления фиктивного брака (то есть брака без намерения создать семью) между иностранным гражданином и гражданином РФ с целью дальнейшего получения на их основании разре-

шения на временное проживание¹. Причем, уголовной ответственности подлежат не собственно лица, давшие согласие за вознаграждение вступить в брак, а лица, в действиях которых содержатся признаки «организации» (то есть лица, осуществившие поиск иностранных граждан, которым требовалась помощь в получении разрешения на временное проживание, поиск граждан РФ, готовых за денежное вознаграждение зарегистрировать фиктивный брак с иностранными гражданами, проводившие инструктаж граждан РФ после вступления в брак с иностранными гражданами о порядке действий при возможных проверках со стороны правоохранительных органов, по просьбе иностранных граждан осуществившие помощь в сборе документов, необходимых для подачи и пр.). Таким образом, уголовной ответственности подлежат лица, непосредственно организовавшие видимость законного пребывания иностранных граждан при отсутствии на то действительных оснований.

Организация незаконного пребывания может выражаться в организации заключения фиктивного гражданско-правового договора на выполнение работы, который позволит иностранному гражданину незаконно пребывать в РФ весь срок его действия, то есть свыше 90 суток с даты въезда².

Организация незаконного пребывания может выражаться и в организации приема (без фактической сдачи) у иностранного гражданина комплексного экзамена, направленного на проверку уровня владения русским языком, знания истории России и основ законодательства РФ, что в свою очередь является основанием принятия решения о выдаче соответствующего сертификата, на основании которого совместно с другими документами принимается решение о выдаче разрешения на работу, позволяющее иностранному гражданину пребывать и осуществлять трудовую деятельность на территории РФ³.

Соответственно, создание условий для пребывания лица, находящегося на территории России на законных основаниях, например, при наличии действительных вида на жительство либо разрешения на временное проживание, не является наказуемым по ст. 322.1 УК РФ и при наличии к тому оснований может повлечь ответственность по ст. 322.2 или 322.3 УК РФ либо административную ответственность за нарушение правил пребывания в РФ иностранных граждан и лиц без гражданства (ст. 18.9 КоАП РФ).

Так, квалифицируя действия осужденного по ч. 1 ст. 322.1 УК РФ суд первой инстанции исходил из того, что Н. под видом законной деятельности занимался организацией незаконной миграции (организация незаконного пребывания в РФ семи иностранных граждан). Однако согласно материалам дела все иностран-

¹ Приговор районного суда г. Ярославля от 27 сентября 2023 г. по делу № 1-321/2023. URL: <https://sudact.ru>.

² Приговор Советского районного суда г. Рязани от 21 сентября 2023 г. по делу № 1-226/2023. URL: <https://sudact.ru>.

³ Приговор Куйбышевского районного суда г. Омска от 10 июня 2021 г. по делу № 1-41/2021. URL: <https://sudact.ru>.

ные граждане, фиктивная постановка на учет которых вменялась Н. при его осуждении по ч. 1 ст. 322.1 УК РФ, имели необходимые для въезда и пребывания на территории РФ документы – паспорта, миграционные карты с неистекшим сроком действия. В апелляционном постановлении суд указал, что факт фиктивной постановки на учет по месту осуществления трудовой деятельности без намерения ее осуществления иностранных граждан является нарушением соответствующего порядка, но состава преступления, предусмотренного ст. 322.1 УК РФ, не образует¹.

Законность транзитного проезда определяется Федеральным законом от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию». В соответствии со ст. 29 данного нормативного акта транзитный проезд через территорию РФ иностранных граждан и лиц без гражданства разрешается по предъявлении российской транзитной визы, визы на въезд в сопредельное с РФ по маршруту следования государство либо визы государства назначения и действительных для выезда из РФ проездных билетов или подтвержденной гарантии их приобретения в пункте пересадки на территории РФ. Следовательно, под организацией незаконного транзитного проезда следует понимать создание условий для въезда и проезда иностранного гражданина через территорию РФ при отсутствии у него соответствующей визы (что может выражаться в установлении незаконных контактов с лицами, осуществляющими контроль за порядком въезда на территорию страны и проезда по ней, в предоставлении транспортного средства, жилья и в других обеспечивающих действиях), а также совершение незаконных действий, направленных на получение разрешительного для транзита документа при отсутствии на то законных оснований (установление незаконных контактов с лицами, ведающими выдачей виз и пр.). Предоставление жилого помещения или транспортного средства либо оказание иных услуг иностранному гражданину или лицу без гражданства, имеющим законно полученную транзитную визу, но находящимся в РФ с нарушением установленного порядка или правил транзитного проезда через ее территорию, влечет административную ответственность по ч. 3 ст. 18 КоАП РФ.

Еще одним наказуемым по ст. 322.1 УК РФ действием является организация незаконного въезда в РФ иностранных граждан или лиц без гражданства.

В соответствии с Постановлением № 52-3 Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ незаконный въезд предполагает пересечение границ без соблюдения необходимых требований для законного въезда в государство.

Применительно к ст. 322.1 УК РФ также следует вести речь именно о «незаконном въезде», а не о «въезде с нарушением установленного порядка» (то есть

когда лицо имеет право на въезд, но совершает его, например, с нарушением таможенных правил или санитарных норм). Согласно ст. 24 Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» иностранные граждане могут въезжать в РФ при наличии визы по действительным документам, удостоверяющим их личность и признаваемым РФ в этом качестве.

Таким образом, организация незаконного въезда может состоять:

а) в организации (обеспечении) пересечения Государственной границы РФ с прохождением пограничного контроля в пунктах пропуска, совершенного с использованием заведомо поддельных (подложных) документов (например, документов с внесенными ложными сведениями о личности владельца, а равно документов, подделанных иным способом) либо с использованием подлинных документов, принадлежащих другому лицу, а равно совершенного при отсутствии у лица каких-либо документов на право въезда в РФ;

б) организации (обеспечении) пересечения Государственной границы РФ вне пунктов пропуска иностранным гражданином или лицом без гражданства, в отношении которых имеется решение, запрещающее данным лицам въезд в РФ на законных основаниях, в том числе решение о нежелательности пребывания (проживания) в РФ, постановление о назначении административного наказания в виде административного выдворения за пределы РФ, решение о депортации²;

в) организации въезда посредством обеспечения приглашений на въезд от имени юридических лиц, получивших в миграционных органах статус организаций, ходатайствующих об оформлении приглашений, являющихся основанием выдачи иностранным гражданам визы без цели их фактического трудоустройства³;

г) организации въезда посредством заявления ходатайства о выдаче приглашения на въезд в РФ от имени лица, подтверждающего фиктивное намерение выступить в качестве принимающей стороны, являющегося основанием для выдачи визы⁴ и др.

Таким образом, устанавливая признаки объективной стороны состава преступления, предусмотренно-

2 См.: п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2020 г. № 18 «О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией». URL: <http://www.consultant.ru>.

3 В соответствии со ст. 25 Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», основаниями для выдачи иностранному гражданину визы, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации, являются приглашение на въезд.

4 Приговор Ленинского районного суда г. Воронежа (Воронежская область) от 4 июня 2021 г. по делу № 1-163/2021. URL: <https://sudact.ru>.

¹ Апелляционное постановление Самарского областного суда от 11 июля 2023 г. по делу № 22-4085/2023. URL: <https://sudact.ru>.

го ст. 322.1 УК РФ, во-первых, необходимо определить, является ли пребывание иностранного гражданина или лица без гражданства в РФ, их въезд в РФ или транзитный проезд через территорию РФ незаконными (при этом следует разграничивать незаконную миграцию от миграции, совершенной с нарушением установленного порядка или правил); во-вторых, необходимо установить организационный (или, как часто отмечают суды, обеспечивающий) характер действий виновных лиц, то есть лиц, в отношении которых принимается решение об уголовной ответственности по ст. 322.1 УК РФ, в силу чего незаконный въезд иностранного гражданина или лица без гражданства в РФ, их пребывание в РФ или транзитный проезд через территорию РФ становится возможным.

Библиографический список

1. Дядюн К. В. Отграничение преступления, предусмотренного ст. 322.1 УК, от смежных административных проступков // Законность. 2012. № 9.
2. Скрипченко Н. Ю. Организация незаконной миграции (ст. 322.1 УК РФ): вопросы законодательной техники и правоприменения // Миграционное право. 2021. № 1. С. 33–35.
3. Справка по результатам изучения Верховным Судом Республики Крым судебной практики по уголовным делам, связанным с незаконной миграцией (ст. 322.1, 322.2 и 322.3 УК РФ), рассмотренным в 2015–2016 годах. URL: <http://vs.krm.sudrf.ru>.
4. Панькин А. А. Проблемы отграничения организации незаконной миграции от административных правонарушений // Миграционное право. 2020. № 2.

References

1. Dyadyun K. V. Delineation of the crime provided for in Article 322.1 of the Criminal Code from related administrative offenses // Legality. 2012. № 9.
2. Skripchenko N. Y. Organization of illegal migration (Article 322.1 of the Criminal Code of the Russian Federation): issues of legislative technique and law enforcement // Migration law. 2021. № 1.
3. Information on the results of the study by the Supreme Court of the Republic of Crimea of judicial practice in criminal cases related to illegal migration (Articles 322.1, 322.2 and 322.3 of the Criminal Code of the Russian Federation), considered in 2015-2016. URL: <http://vs.krm.sudrf.ru>.
4. Pankin A. A. Problems of distinguishing the organization of illegal migration from administrative offenses // Migration law. 2020. № 2.

Информация об авторе

Щетинина Н.В. – кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

Shchetinina Natalia V. – Candidate of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 15.04.2024; одобрена после рецензирования 27.04.2024; принята к публикации 18.09.2024

The article was submitted 15.07.2024; approved after reviewing 27.04.2024; accepted for publication 18.09.2024

Организационно-тактические особенности установления ущерба по делам о злоупотреблении властью или служебными полномочиями (по законодательству Республики Беларусь)

Яскевич Александр Васильевич¹

Данькова Татьяна Николаевна²

^{1,2} Академия МВД Республики Беларусь, Минск, Республика Беларусь

Автор, ответственный за переписку: Данькова Татьяна Николаевна, dankova.tatiana.n@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена организационно-тактическим особенностям установления ущерба по делам о злоупотреблении властью или служебными полномочиями. Приводятся механизмы установления имущественного ущерба по данной категории дел: инициирование проверок финансово-хозяйственной и иной деятельности, назначение экономической и иных экспертиз, самостоятельное определение органом уголовного преследования размера ущерба и др. Рассматриваются их особенности и условия применения.

Ключевые слова: криминалистика, методика расследования отдельных видов и групп преступлений, определение ущерба, злоупотребление властью или служебными полномочиями

Для цитирования: Яскевич А. В., Данькова Т. Н. Организационно-тактические особенности установления ущерба по делам о злоупотреблении властью или служебными полномочиями (по законодательству Республики Беларусь) // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 3. С. 174–178.

Original article

Organizational and tactical features of damage determination of abuse of power or official authority (according to the legislation of the Republic of Belarus)

Yaskevich Alexander V.¹

Dankova Tatiana N.²

^{1,2} Academy of the MIA of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

Corresponding author: Dankova Tatiana N., dankova.tatiana.n@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the organizational and tactical features of determining damages in cases of abuse of power or official authority. The mechanisms for determining property damage in this category of cases are given: initiation of inspections of financial, economic and other activities, appointment of economic and other examinations, independent determination by the criminal prosecution body of the amount of damage, etc. Their features and conditions of use are considered.

Keywords: criminalistics, forensic science, methods of investigating certain types and groups of crimes, determination of damage, abuse of power or authority

For citation: Yaskevich A. V., Dankova T. N. Organizational and tactical features of damage determination of abuse of power or official authority (according to the legislation of the Republic of Belarus) // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 3. Pp. 174–178.

Необходимость определения характера и размера вреда является одной из важнейших задач расследования любого противоправного деяния. Кроме того, наступление общественно опасных последствий считается обязательным признаком преступлений с ма-

териальным составом, к которым относится и злоупотребление властью или служебными полномочиями.

В соответствии со ст. 424 Уголовного кодекса Республики Беларусь злоупотребление властью или

служебными полномочиями – это умышленное вопреки интересам службы совершение должностным лицом из корыстной и иной личной заинтересованности действий с использованием своих служебных полномочий, повлекшие причинение ущерба в крупном размере или существенного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам¹. Соответственно, к общественно опасным последствиям злоупотребления властью или служебными полномочиями можно отнести: ущерб в крупном размере; существенный вред правам и законным интересам граждан; существенный вред государственным интересам; существенный вред общественным интересам.

При возбуждении уголовного дела о злоупотреблении властью или служебными полномочиями зачастую в соответствующем постановлении относительно ущерба, причиненного противоправными действиями должностного лица, фигурируют формулировки «не менее», «не более». Однако в ходе расследования уголовного дела размер имущественного (реального) ущерба должен быть установлен максимально точно².

Результаты анализа судебно-следственной практики по делам о злоупотреблении властью или служебными полномочиями показали, что причинение имущественного ущерба, как правило, обусловлено незаконным отчуждением либо расходом имущества (при отсутствии признаков хищения), уничтожением, повреждением или приведением его иным способом в непригодное для эксплуатации состояние. В частности, незаконное расходование имущества организации может заключаться в незаконном приобретении товарно-материальных ценностей, получении услуг, принятии работ по завышенной стоимости и др.

При определении размера имущественного ущерба орган уголовного преследования может использовать любые разрешенные уголовно-процессуальным и иным законодательством средства и силы. Ряд авторов, в частности Лосев В. В. [1], высказывают мнение о том, что при определении размера имущественного ущерба в результате преступлений против интересов службы (к которым относится и злоупотребление властью или служебными полномочиями) можно придерживаться разъяснения, которое было дано Верховным Судом Республики Беларусь применительно к хищениям имущества: «При определении стоимости похищенного имущества следует исходить, в зависимости от обстоятельств приобретения его собственником, из государственных розничных, рыночных, комиссионных или иных цен на день совершения преступления. При отсутствии цены, а при необходи-

мости и в иных случаях, стоимость имущества определяется на основании заключения эксперта»³. Такой подход нам представляется целесообразным, однако он не охватывает всего перечня возможных механизмов установления ущерба.

На наш взгляд, одним из эффективных способов определения размера имущественного ущерба по делам о злоупотреблении властью или служебными полномочиями является реализация права органа уголовного преследования по находящимся в их производстве материалам и уголовным делам требовать проведения проверок от соответствующих органов и должностных лиц – ч. 2 ст. 103 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК РБ)⁴. Вместе с тем данная норма не конкретизирует виды проверок. В УПК РБ упоминается лишь о такой их разновидности как проверка финансово-хозяйственной деятельности. Соответственно, органу уголовного преследования предоставляется право требовать производство проверок всех видов деятельности проверяемого субъекта (если не предусмотрен специальный порядок).

Считаем целесообразным более подробно остановиться на термине «проверка». Обращаясь к толковому словарю, читаем, что «это удостоверение в правильности, подлинности чего-либо (контроль)» [2, с. 468]. Указанный термин является широко используемым во многих сферах деятельности. Применительно к деятельности контролирующих (надзорных) органов проверка – это форма контроля (надзора), в ходе которого контролирующий (надзорный) орган проверяет соответствие деятельности, осуществляемой проверяемыми субъектами, требованиям законодательства, а при выявлении нарушений законодательства применяет полномочия, предоставленные законодательными актами в целях пресечения нарушений и устранения их вредных последствий⁵.

Анализ судебно-следственной практики по делам о злоупотреблении властью или служебными полномочиями показал, что с целью определения общественно опасных последствий (вреда), а также с целью установления иных обстоятельств противоправного деяния проверки могут быть разноплановыми: проверка финансово-хозяйственной деятельности, проверка санитарно-эпидемиологических вопросов, инвентаризация, служебная проверка и др. Соответственно органы и должностные лица, которым орган уголовного преследования может поручать (назначать, требовать назначения) производство проверок также разнообразны: контролирующие (надзорные)

³ Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2001 г. № 15 «О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества» (п. 25). URL: <https://court.gov.by>.

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь Закон Республики Беларусь 16 июля 1999 г. № 295-З. URL: <https://pravo.by>.

⁵ Указ Президента Республики Беларусь от 16 октября 2009 г. № 510 «О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь». URL: <https://pravo.by>.

¹ Уголовный кодекс Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь 9 июля 1999 г. № 275-З. URL: <https://pravo.by>.

² Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 г. № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (статьи 424–428 Уголовного кодекса Республики Беларусь)». URL: <https://court.gov.by>.

органы; органы ведомственного контроля; должностные лица внутрихозяйственного контроля и др. При взаимодействии с каждым из них имеются свои правовые и организационные особенности, которые должны учитываться при инициировании проверки.

При необходимости проверяющие перед проведением проверки знакомятся с материалами, имеющимися в распоряжении органа уголовного преследования и значимыми для проведения проверки, согласовывают перечень вопросов, подлежащих изучению, а также проверяемый период. При проведении проверки должностное лицо органа уголовного преследования, ее инициировавшее, должно взаимодействовать с проверяющими и оперативно обмениваться значимыми сведениями. Также необходимо проинструктировать проверяющих о незамедлительном сообщении органу уголовного преследования о попытках со стороны проверяемого или иного субъекта скрыть либо уничтожить документы, необходимые для проведения проверки, о негативном воздействии на деятельность по проведению проверки, а также об иных формах воздействия на ее ход и результаты.

В ходе проведения проверки недопустима отстраненность должностного лица органа уголовного преследования, то есть просто ожидание ее результатов. Кроме того, не стоит игнорировать и возможность получения ее промежуточных результатов, в том числе в виде промежуточных актов проверки. С учетом того, что промежуточный акт проверки (равно как и окончательный) представляется на ознакомление органу уголовного преследования до ознакомления и подписания представителем проверяемого субъекта, на основе результатов целесообразно планировать неотложные следственные и иные действия и при необходимости корректировать план расследования. Также промежуточные акты проверок с тактической точки зрения целесообразно использовать при допросах подозреваемого (обвиняемого) и в качестве способа воздействия на лиц, которые могут располагать информацией о противоправной деятельности должностного лица, однако в силу разных причин отказывающихся от сотрудничества с органом уголовного преследования.

Среди проверок, проводимых по инициативе органа уголовного преследования с целью установления общественно опасных последствий должностных лиц по делам о злоупотреблении властью или служебными полномочиями, значимое место занимает проверка финансово-хозяйственной деятельности. Она представляет собой единичное контрольное действие или исследование конкретного вопроса на одном или нескольких участках финансово-хозяйственной деятельности и имеет выборочный характер [3, с. 37].

В ходе проверки финансово-хозяйственной деятельности может быть установлен не только размер ущерба, но и выявлены новые эпизоды, а также установлены иные обстоятельства противоправных деяний. Результаты изучения уголовных дел, связан-

ных со злоупотреблением властью или служебными полномочиями, показали, что типичными вопросами для проверки финансово-хозяйственной деятельности по ним являются: законность и обоснованность заключения (продления, расторжения) договора (контракта); законность и обоснованность перечисления денежных средств (отгрузки товарно-материальных ценностей и т. п.) по договору (контракту); соответствие размеров фактически выполненных работ (оказание услуг) актам выполненных работ (оказания услуг) и др.

Несмотря на то, что проверка финансово-хозяйственной и иной деятельности является действенным механизмом определения имущественного ущерба, орган уголовного преследования все чаще прибегает не к назначению проверок, а к назначению экономических и иных экспертиз. Однако данное решение нам представляется не всегда целесообразным и тактически грамотным. Среди прочего это обусловлено тем, что экспертиза не может заменить проверку, так как эксперт, в отличие от проверяющего, не осуществляет поиск необходимых документов, а делает свои выводы на основании предоставленных ему материалов. Соответственно, это не взаимозаменяемые, а взаимодополняющие средства познания, разнородность которых в первую очередь обусловлена используемыми методами. Видится, что в ряде случаев целесообразно сначала назначить и провести проверку финансово-хозяйственной и иной деятельности, а в дальнейшем, при необходимости, назначить экономическую либо иную экспертизу.

По вопросу проведения экономической экспертизы по делам о злоупотреблении властью или служебными полномочиями отметим, что ее предметом являются фактические данные (то есть обстоятельства противоправной деятельности), относящиеся к осуществлению субъектом хозяйствования экономической деятельности, по которым возникли вопросы, требующие проведения исследования на основе специальных знаний в области экономической науки и практики. Соответственно, вопросы при назначении экономической экспертизы определяются исходя из обстоятельств противоправного деяния, среди них: имеются ли нарушения требований нормативных актов и договорных обязательств, регулирующих совершение расчетных, хозяйственных, финансовых, кредитных и банковских операций; является ли договор (контракт), заключенный субъектом хозяйствования, заведомо убыточным (в том числе устанавливаются обстоятельства «интересов службы», вопреки которым совершается злоупотребление властью или служебными полномочиями); повлияло ли на финансовое состояние организации заключение и исполнение договора (контракта), если да, то каким образом; правильно ли в соответствии с выполненными объемами работ и отработанным временем начислена заработная плата, а также премии рабочим и служащим; правильно ли начислены доплаты за сверхурочные и ночные работы, оплата за время отпуска, простоев, а также в случае выпуска брака; был ли причинен

ущерб субъекту хозяйствования (физическому лицу) в результате определенной деятельности (принятия определенных решений), если да, то на какую сумму; правильны ли выводы проведенной проверки расчетных и финансово-кредитных операций (если таковая проводилась) и др.

Далее отметим, что экспертиза либо проверка финансово-хозяйственной и иной деятельности назначаются, когда иными способами не представляется возможным установить размер имущественного ущерба и иные обстоятельства общественно опасных последствий. Так как в ряде случаев для определения вида и размера общественно опасных последствий по делам о злоупотреблении властью или служебными полномочиями может быть достаточно получения соответствующих сведений от организации (например, данных бухгалтерского учета), проведения инвентаризации и др.

В частности, проведение инвентаризации с целью собирания доказательств противоправной деятельности должностных лиц по делам о злоупотреблении властью или служебными полномочиями является востребованным механизмом проверки активов и обязательств. В данном случае идет сопоставление с данными бухгалтерского учета, где активы – имущество, возникшее в организации в результате совершенных хозяйственных операций, от которого организация предполагает получение экономической выгоды, иные объекты, признаваемые активами в соответствии с законодательными актами, а обязательства – задолженность организации, возникшая в результате совершенных хозяйственных операций, погашение которой приведет к уменьшению активов или увеличению собственного капитала организации¹. При назначении и проведении инвентаризации по данной категории дел необходимо учитывать сущность злоупотребления властью или служебными полномочиями, в ходе которого извлекается имущественная выгода, но не происходит безвозмездное обращение имущества в собственность. Соответственно, инвентаризацию целесообразно назначать при совершении таких преступных деяний путем внесения недостоверных сведений в документы о фактическом состоянии дел. Типичными объектами, подлежащими инвентаризации по делам о злоупотреблении властью или служебными полномочиями, являются лесные насаждения, мясная и молочная продукция, животные (как правило, это крупный рогатый скот), различного рода строительные материалы и др.

При проведении инвентаризации по инициативе органа уголовного преследования определяется ее вид (частичная или выборочная), сроки и другие условия проведения. Информирование либо неинформирование должностных лиц организации о проведении инвентаризации является тактическим аспектом ее проведения. Присутствие сотрудников правоо-

ранительных органов при проведении инвентаризации дисциплинирует членов инвентаризационной комиссии, однако не является обязательным. При изучении акта инвентаризации необходимо учитывать то, что ее результаты могут быть фальсифицированы путем невнесения в инвентаризационную опись материальных ценностей, завышения либо занижения товарных остатков по бухгалтерскому учету, выписки бестоварных документов, несвоевременного оприходования товаров, отражения в документации непригодных товаров, временного заимствования товаров на период проведения инвентаризации у других субъектов хозяйствования, завышения либо занижения количества товаров посредством нарушения исчисления естественной убыли, исправления данных в инвентаризационной описи, фальсификации первичных учетных документов, завышения либо занижения количества товаров посредством нарушения зачета пересортицы, внесения в инвентаризационную опись денежных средств вместо материальных ценностей и несуществующих материальных ценностей и др.

Кроме того, при самостоятельном определении органом уголовного преследования размера вреда необходимо руководствоваться Положением о порядке определения размера вреда (в том числе реального ущерба), причиненного государству, юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям противоправными действиями, утвержденным Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 7 декабря 2016 г. № 1001². В данном нормативном правовом акте закреплен механизм определения вреда при недостатке, списании имущества сверх установленных норм, излишней выплате (переплате) денежных средств, недоплате (недополучении) денежных средств; ухудшении характеристик имущества, отчуждении имущества ниже стоимости, определенной в соответствии с актами законодательства, завышении (занижении) фактически оплаченной по сравнению с актами законодательства (при их наличии) стоимости (цен, тарифов) товаров (работ, услуг). Например, при характерном для злоупотребления властью или служебными полномочиями отчуждении имущества ниже стоимости, определенной в соответствии с законодательными актами, размер вреда определяется как разница между стоимостью, определенной в соответствии с нормами закона, и стоимостью, по которой имущество было реализовано, а при завышении (занижении) фактически оплаченной по сравнению с актами законодательства (при их наличии) стоимости (цен, тарифов) товаров (работ, услуг) – в размере выявленного завышения (занижения).

На основании изложенного, представляется возможным сделать следующие выводы.

Ущерб по делам о злоупотреблении властью или служебными полномочиями относится к категории имущественного (реального), в ходе его установле-

¹ Закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 57-З «О бухгалтерском учете и отчетности». URL: <https://pravo.by>.

² Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 7 декабря 2016 г. № 1001 «О некоторых вопросах определения размера вреда (в том числе реального ущерба)». URL: <https://pravo.by>.

ния орган уголовного преследования может использовать различные подходы. Наиболее востребованными механизмами определения имущественного ущерба по делам данной категории являются инициирование проверок финансово-хозяйственной и иной деятельности, назначение экономических и иных экспертиз, самостоятельное определение органом уголовного преследования ущерба на основании бухгалтерских сведений и иных данных организации, результатов инвентаризаций и др.

Выбор механизма определения имущественного ущерба по делам о злоупотреблении властью или служебными полномочиями осуществляется с учетом обстоятельств противоправного деяния, в частности, объекта, в отношении которого действовало подозреваемое (обвиняемое) должностное лицо, и в зависимости от имеющихся в распоряжении органа уголовного преследования данных о размере имущественного ущерба, послуживших основанием для возбуждения уголовного дела, а также иных обстоятельств противоправного деяния и условий расследования.

Библиографический список

1. Лосев В. В. Правила определения размера имущественного ущерба как последствия умышленных преступлений против интересов службы. Минск: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2024.
2. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз; под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус. язык, 1981–1984. Т. 3: П–Р, 1983. 752 с.
3. Данилевский Ю. А., Овсянников Л. Н. Ревизия в государственном финансовом контроле // Бухгалтерский учет. 2001. № 16. С. 35–39.

References

1. Losev V. V. Rules for determining the amount of property damage as the consequences of intentional crimes against the interests of the service. Minsk: National Center for Legal Information of the Republic of Belarus, 2024.
2. Dictionary of the Russian language: in 4 volumes / USSR Academy of Sciences, In-t rus. yaz; edited by A. P. Evgenieva. 2nd ed., ispr. and add. M.: Rus. language, 1981–1984. Vol. 3: P–R, 1983. 752 p.
3. Danilevsky Yu. A., Ovsyannikov L. N. Auditing in state financial control // Accounting. 2001. № 16. Pp. 35–39.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Информация об авторах

Яскевич Александр Васильевич – кандидат юридических наук, доцент

Information about authors

Yaskevich Alexander V. – Candidate of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 18.06.2024; одобрена после рецензирования 01.07.2024; принята к публикации 18.09.2024

The article was submitted 18.06.2024; approved after reviewing 01.07.2024; accepted for publication 18.09.2024